

1976056

канни Родари

Новогодний подарок

Какие бывают ошибки
Планета Новогодних Елок
Сказки, у которых три конца
Новогодний подарок
Римские фантазии
Жил-был дважды
барон Ламберто, или Чудеса
острова Сан-Джулио

Лениздат

Джонни Родари

Новогодний подарок

*Фантазии и сказки
обо всем на свете
мудрыми взрослыми
и умными
детьми*

Лениздат
1985

Перевод
с итальянского
Ирины Константиновой

Рисунки
Виктора Бюковича

Р 4803020000 305 252 85
М 171 (03) 85

С. Перевод на русский язык повести-сказки «Планета Новогодних Елок», Карелия, 1984.
С. Перевод на русский язык остальных произведений, иллюстрации, оформление, Ленинград, 1985.

У Какие бывают ошибки

Между нами, взрослыми, говоря

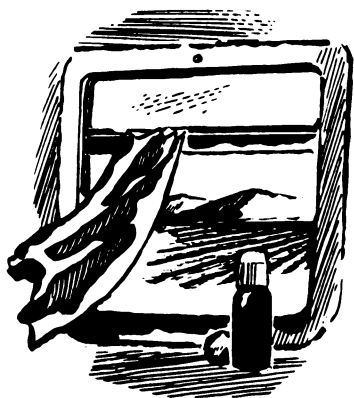
Много лет приходилось мне исправлять орфографические ошибки. Сначала свои собственные — когда учился в школе, затем чужие — когда стал учителем. И только потом я принялся придумывать свои фантазии и сказки. Некоторые из них даже включены — и это большая честь! — в учебники. Это значит, между прочим, что сама по себе мысль — поиграть с ошибками — не так уж и плоха. В самом деле, не лучше ли, чтобы ребята учились не плача, а смеясь? Ведь если собрать все слезы, что пролиты на всех пяти континентах из-за ошибок, получится такой водопад, что впору строить гидростанцию. Только я считаю, энергия эта была бы слишком дорога.

Ошибки необходимы и полезны, как хлеб. А иногда даже красивы, как, например, Пизанская башня.

В этой книге много ошибок. Некоторые видны невооруженным глазом, другие скрыты, как в загадках. Не все они, однако, допущены детьми, и это вполне понятно. Между нами, взрослыми, говоря, мир был бы непередаваемо прекрасен, если бы ошибались в нем только дети! Вот почему эту книгу для ребят я посвящаю папам и мамам и, разумеется, школьным учителям — словом, всем, на ком лежит огромная ответственность исправлять — не ошибаясь! — самые маленькие и невинные ошибки, какие только случаются на нашей планете.

Джанни Родари

Быть и иметь

Учитель Грамматикус ехал как-то в поезде и слушал разговор своих соседей по купе. Это были рабочие с юга Италии, которые ездили за границу. Они долго работали там, а теперь возвращались на время домой навестить своих близких.

— Я имел поездку в Италию пять лет назад, — сказал один из них.

— А я имел поездку в Бельгию, работал там на угольной шахте, и это было очень трудно.

Учитель Грамматикус слушал их некоторое время и молчал. Но если б вы присмотрелись к нему, то заметили бы, как он сердится и как похож на чайник с водой, которая вот-вот закипит. Наконец вода закипела, крышка подскочила, и учитель Грамматикус воскликнул, строго глядя на своих попутчиков:

— «Имел поездку! Имел поездку!..» Вот опять привычка южан употреблять глагол «иметь» вместо глагола «быть»! Разве вас не учили в школе, что надо говорить «я был в Италии», а не «я имел поездку в Италию»?

Рабочие притихли, исполненные уважения к этому почтенному седовласому синьору в черной шляпе.

— Глагол «иметь» нельзя употреблять в таком сочетании,— продолжал учитель Грамматикус,— это грубая ошибка! Это неправильное выражение!

Рабочие вздохнули. Потом один из них прокашлялся, как бы набираясь храбрости, и сказал:

— Очень возможно, синьор, что вы и правы. Вы, должно быть, много учились. А я окончил только начальную школу, но и тогда мне больше приходилось пасти овец, чем сидеть над учебником. Очень возможно, что это неправильное выражение.

— Конечно неправильное!

— Вот-вот! И это, наверное, очень важно, не спорю. Но мне кажется, что это еще и очень грустное выражение, очень! Ведь нам приходится искать работу в чужой стране... Приходится оставлять надолго свои семьи, детей.

Учитель Грамматикус растерялся:

— Конечно... В общем... Словом... Однако, как бы там ни было, все-таки надо говорить «я был», а не «имел поездку». Так говорят только немцы. А мы должны употреблять другой глагол: я был, мы были, он был...

— Эх,— сказал рабочий, вежливо улыбаясь,— я был! Мы были!.. Знаете, где бы мы больше всего хотели быть? У себя на родине! Хоть мы и имели поездку во Францию и ФРГ, больше всего мы хотели бы быть здесь, в Италии, никуда не уезжать отсюда, иметь тут работу, хороший дом и спокойно жить в нем.

И он посмотрел на учителя Грамматикуса ясными и добрыми глазами. Учителю Грамматикусу очень захотелось ударить себя кулаками по голове. И он пробормотал про себя: «Глупец! Глупец ты, больше ничего! Ищешь ошибки... Неправильное выражение!.. Ошибки-то, и куда более серьезные, совсем в другом!»

Падающая башня

Однажды учитель Грамматикус приехал в Пизу, поднялся на знаменитую падающую башню, подождал, пока перестала кружиться голова, и закричал:

— Граждане! Пизанцы! Друзья мои!

Пизанцы посмотрели наверх и засмеялись:

— Ого, наша башня заговорила, выступает с речью!

Потом они увидели учителя, который между тем продолжал:

— Знаете ли вы, почему ваша башня падает? Я скажу вам, в чем дело. Не слушайте тех, кто говорит, будто оседает фундамент или еще что-нибудь в том же духе. Все дело в том, что в фундамент действительно заложена ошибка, только совсем иного рода. Архитекторы, что строили башню, не сильны были в орфографии. Поэтому они и построили башню, которая имела не равновесие, а РАВНАВЕСИЕ. Вы меня поняли? Даже палочка не может удержаться в РАВНАВЕСИИ, не то что башня. Вот, следовательно, и решение проблемы. Надо влить в фундамент хорошую порцию буквы «о», и башня сразу же приобретет равновесие, выпрямится.

— Не бывать этому никогда! — дружно возразили пизанцы. — Прямых башен на свете сколько угодно, куда ни глянь. А падающая есть только у нас, в Пизе. Так зачем же мы станем выпрямлять ее? Возьмите этого сумасшедшего! Отведите его на вокзал и посадите в первый же поезд, который отправляется подальше.

Два стражника подхватили учителя Грамматикуса под руки, отвели на вокзал и посадили в первый же поезд, который направлялся в Гроссето, останавливался на всех полустанках и затратил полдня, чтобы одолеть сто километров. Так что у учителя было время поразмыслить о человеческой неблагодарности. Он чувствовал себя обиженным, как Дон Кихот после битвы с ветряными мельницами. Но не пал духом. В Гроссето он изучил расписание поездов и тайком вернулся в Пизу, решив назло пизанцам все-таки сделать башне инъекцию «о». Случайно в тот вечер светила луна. (Вообще-то не случайно, конечно, а по своему лунному расписанию.) При свете луны башня была так красива, так легко склонялась к земле, что учитель пришел в восторг и залюбовался ею. А затем подумал: «Ах, как же прекрасны бывают иногда ошибки!»

Италия с маленькой буквы

Однажды вечером учитель Грамматикус проверял тетради своих учеников. Служанка сидела рядом и усердно точила ему один за другим красные карандаши, потому что учитель расходовал их невероятное множество.

Вдруг учитель Грамматикус в ужасе вскочил из-за стола и схватился за голову.

— Ах, Боллатти! Боллатти! — вскричал он.

— Что еще натворил этот ученик Боллатти? — спросила служанка. Она уже давно знала всех учеников по именам, знала, кто какие любит делать ошибки, и помнила, что у Боллатти они всегда просто ужасные.

— Он написал «Италия» с маленькой буквы! Ах! На этот раз я отдам его под суд! Я все могу простить, но только не такое неуважение к своей стране!

— Ну уж! — вздохнула служанка.

— Что ты хотела сказать этим своим «Ну уж!»?

— Синьор учитель, что может сказать скромная служанка вроде меня? Карандаш вам точить умею — и то слава богу.

— Но ты вздохнула!

— Ну а как же тут не вздохнуть? Ведь если разобратся по существу...

— Ну вот! — вскричал учитель. — Теперь я должен

сидеть и любоваться этой строчной буквой, как будто от этого она превратится в прописную! Дай мне вон тот карандаш, и я немедленно поставлю тут единицу, историческую единицу!

— Я только хотела сказать, — спокойно продолжала служанка, — что, может быть, Боллатти хотел лишь намекнуть...

— Послушаем, послушаем! Теперь мы уже на что-то намекаем! Скоро докатимся до анонимных писем...

Тут служанка, у которой была своя гордость, встала, стряхнула мусор с передника и сказала:

— Вам нет нужды знать мое мнение. До свидания.

— Нет, подожди! И говори. Я весь внимание. Говори же, выскажи прямо свою мысль!

— В общем, вы не обижайтесь. А разве и в самом деле нет Италии с маленькой буквы — всеми забытой? Разве мало таких сел, где нет врача, нет телефона... Разве нет таких дорог, по которым могут пройти только мулы... И разве нет в нашей стране таких бедных семей, где дети, куры и поросята спят все вместе прямо на земле?..

— Да о чем ты говоришь?

— Дайте мне закончить. Я говорю, что действительно есть Италия с маленькой буквы — страна стариков, о которых никто не заботится, детей, которые хотели бы учиться, но не могут, сёл, где остались только женщины, потому что мужчины все уехали в другие города и страны на заработки...

На этот раз учитель слушал ее не перебивая.

— Так что, может быть, ученик Боллатти думал обо всем этом и потому не смог написать название родины с большой буквы...

— Но в этом-то и состоит его ошибка! — рассердился учитель. — Действительно есть, есть еще Италия с маленькой буквы, но я считаю, что ее давно пора писать с большой.

Служанка улыбнулась:

— Ну так и сделайте — исправьте на большую букву! Но не ставьте единицу. Ведь у ученика Боллатти были самые добрые намерения, и за это его обязательно надо похвалить.

— Неизвестно еще, были ли у него эти самые добрые намерения...

Служанка снова села рядом и улыбнулась. Она была уверена, что спасла хорошего мальчика от плохой отмет-

ки и — кто знает? — возможно, еще и от крепкого отцовского подзатыльника.

И она опять принялась спокойно точить красные карандаши.

Самый большой молодец на свете

Я знаю историю про одного человека, который был самым большим молодцом на свете, но не уверен, понравится ли она вам. Так рассказать или нет? Расскажу!

Звали его Примо. По-итальянски это значит — первый. Наверное, поэтому он еще в детстве решил:

— Буду первым не только по имени, но и на деле. Всегда и во всем буду первым!

А вышло наоборот — он всегда и везде был последним.

Последним, кто пугался, последним, кто убегал, последним, кто лгал, последним, кто шалил...

Его сверстники всегда были в чем-нибудь первыми. Один был первым вором в городе, другой — первым хулиганом в квартале, третий — первым дураком во всей округе... А он же, наоборот, был последним, кто говорил глупости, и когда наступал его черед говорить их, то просто молчал.

Это был самый большой молодец на свете, но он был последним, кто узнал об этом. Настолько последним, что так никогда и не узнал этого.

Поменялись головами

Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, несколько не уважали грамматику и терпеть не могли делать упражнения. Несчастные, они и не подозревали, к каким страшным последствиям это могло привести...

Вчера, например, у них было задание поставить рядом с именами существительными подходящие глаголы.

И вот что они написали:

Кошка воет!

Овцы лают!

Волк пищит!

Мышка мяукает!

Лев блеет...

И тут вдруг в окне возник лев и прыгнул прямо в комнату. Он был очень обижен. Если хотите, можно даже сказать — рассержен.

— Ах вот как! Я, значит, BLEЮ? Бе-е-е, бе-е? Ну так я вам сейчас покажу!..

Левой лапой он схватил голову Марко, правой — голову Мирко и стал бить их друг о друга. При этом головы ужасных близнецов остались, конечно, целы, но... поменялись местами! Голова Марко оказалась на шее Мирко. Голова Мирко — на шее Марко.

И маме, когда та вернулась домой, пришлось немало потрудиться и истратить уйму клея, чтобы вернуть головы на место. А клей сейчас такой дорогой...

Печальный Энрико

Энрико, печальный Энрико,— самый несчастный человек на свете. Спросите у него самого:

— Энрико, печальный Энрико, правда ли, что ты самый несчастный человек на свете?

И он ответит:

— Да, синьор, это верно.

Ну вот, слышали?

А теперь я расскажу его историю.

Печальный Энрико был несчастен с самого рождения. Сравните его с Гарибальди, Наполеоном, Джузеппе Верди и вы поймете почему. В книгах всюду написано, что «Гарибальди родился...», «Наполеон родился...» и «Джузеппе Верди родился...» А он же...

— Энрико, печальный Энрико, когда и где ты родился?

— Синьор, я РАДИЛСЯ...

Стоп! Вот причина всех его бед. Он РАДИЛСЯ, понимаете? РАДИЛСЯ. Само появление его на свет уже было связано с ошибкой. А потом и вся его жизнь стала ошибкой. Так печальный Энрико стал ошибочным человеком.

— Энрико, печальный Энрико, не расскажешь ли ты нам о каком-нибудь из твоих приключений?

— Отчего же, расскажу. Помнится, я пошел в школу, когда на дворе был уже АКТЯБРЬ...

— Ты, наверное, хочешь сказать — октябрь?

— Нет, синьор. Я хочу сказать так, как сказал. Тем более что после экзамена меня сразу отправили домой. «Тебе,— говорят,— надо бы прийти не в октябре, а в АКТЯБРЕ». И я пошел домой, но месяц АКТЯБРЬ с тех пор так и не наступил, его не было ни в том году, ни в следующие годы. Я все еще жду его.

В детстве печальный Энрико был не очень красивым ребенком. Даже некрасивее, чем сейчас. Шея у него была тонкая, уши без мочек и походка какая-то неуклюжая. Хороший врач, назначив правильное лечение, мог бы помочь ему исправить эти недостатки. Однако его привели к ошибочному ДОКТАРУ, который и мышку не мог вылечить от страха перед кошкой. Так Энрико и остался не очень красивым. Не такая уж это беда — не всем же быть красавцами! Гораздо важнее иметь доброе сердце. У печального Энрико СЕРЦЕ было больше нормального, и от этого он становился еще печальнее.

Пришел как-то печальный Энрико к портному, чтобы заказать костюм. Но ему всегда и во всем не везло, поэтому он попал к портному, который совсем не умел пришивать ПУГАВИЦЫ — они просто не держались на одежде. Пиджак всегда был расстегнут. Брюки сползали. Прямо беда!

— Энрико, печальный Энрико, научился ли ты какому-нибудь ремеслу?

— О, я столько их перепробовал, синьор! Желания у меня было много. А вот удачи — никакой. Сначала я был учеником и стал неплохим МИХАНИКОМ, но стать настоящим механиком — через «е» — мне так и не удалось. Моим вторым учителем был СТАЛЯР, но и у него была, видно, какая-то ошибка. Как же, по-вашему, он мог меня как следует обучить? Некоторое время я был ТАЧИЛЬЩИКОМ, но зарабатывал очень мало, а кроме того, мне никак не удавалось как следует ТАЧИТЬ ножи.

В прошлом году я был САПОШНИКОМ. Мне казалось, я так хорошо работал. Но клиенты говорили, что мои ботинки и гроша ломаного не стоят. Теперь я живу милостыней, синьор. Но люди подают мне только ошибочные деньги. Я хочу сказать — фальшивые.

Ничего не удавалось в жизни Энрико, печальному Энрико. Однажды ему сказали:

— Научись хотя бы водить автомобиль. Это же все умеют делать, даже самый последний дурак.

Самый последний дурак — да, а печальный Энрико — нет.

Он научился водить АФТАМАБИЛЬ, АВТАМАБИЛЬ и даже АВТАМОБИЛЬ, но только не настоящий автомобиль. Он путал педаль газа с педалью тормоза, заезжал на тротуар, пугая прохожих. И его чуть не объявили опасным преступником.

— Энрико, печальный Энрико, сколько тебе лет?

— Двести девяносто пять, синьор.

— Сколько!?

— Ну да. Однажды пришла за мною смерть, и у нее уже была заготовлена могильная плита с надписью: «СКАНЧАЛСЯ во цвете лет». Я же случайно заметил ошибку и указал на нее. «Надо,— говорю,— писать скончался, а не СКАНЧАЛСЯ!» Смерти стало так стыдно, что она убежала и с тех пор больше не появлялась.

— Но в таком случае не так уж ты несчастлив, как говорят?

— Наверное...

Спелое небо

Ребята, мой вам совет — любите качественные прилагательные! Не ведите себя, как Марко и Мирко, эти ужасные близнецы, насмехающиеся над ними.

Вчера, например, они должны были подобрать к нескольким существительным качественные прилагательные.

Хихикая и разбрызгивая чернила, эти разбойники написали:

Зерно — голубое!

Снег — зеленый!

Трава — белая!

Волк — сладкий!

Сахар — злой!

Небо — спелое...

И тут раздался ужасный грохот:

«Бух! Бах! Трах-гара-рах!»

Что случилось? Ничего особенного. Просто небо, услышав, что оно уже спелое, решило: пора упасть на землю, как это делают разные там груши или сливы.

И упало. И дом рухнул. И поднялось облако пыли...

Ох и много же пришлось потрудиться пожарным, чтобы вытащить из-под развалин этих ужасных близнецов, а затем еще и сшить их, потому что их разорвало на кусочки, и поставить небо на место, повыше, чтобы в нем могли летать ласточки и самолеты.

Черт

Марко и Мирко без всякого уважения относятся к глаголам, даже к самым старым, кто уже совсем сед и ходит с палочкой.

Эти ужасные разбойники должны были вчера пропрягать, как было задано на дом, некоторые глаголы и придумать с ними несколько предложений или стихи — какие-нибудь милые детские стихи.

Вот отрывок из их упражняния:

Я мороженое ем,
Ты уписываешь крем.
А кому платить по счету?
Кто глупее всех, конечно,
Тот и платит бесконечно —
Это ясно даже черту!

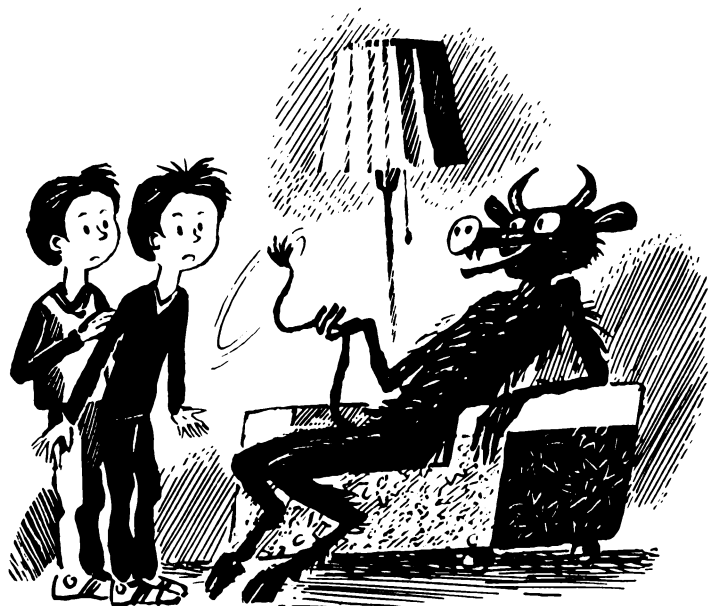
Расшалившись, они продолжали:

Я еду в Милан,
Ты едешь в Милан,
Он едет в Милан,
Мы едем в Милан...
Ну а этот грубиян
Едет пусть ко всем чертям!¹

При этих словах в ушах у одного из чертей зазвенело, и он не заставил себя долго ждать. В комнате у близнецов прогремел гром, сильно запахло серой, и вот уже черт преспокойно восседает в кресле.

— Так кто же должен ехать ко всем чертям? — строго спрашивает он, поигрывая хвостом.

¹ Здесь и далее стихи в переводе Л. Тарасова.

Марко от страха чуть в обморок не упал. А Мирко, всегда готовый соврать, подбежал к окну и, указывая в сторону площади, закричал:

— Он там, ваша милость, он туда убежал!

К счастью, черт тут же выскочил в окно, помчался на площадь и решил во что бы то ни стало унести ко всем чертям аптекаря Панелли, который стоял в дверях своей аптеки, наслаждаясь вечерней прохладой. Синьора Панелли, однако, спасла мужа. Она показала черту рекомендацию, подписанную каким-то очень важным лицом.

Реформа грамматики

Учитель Грамматикус решил однажды провести реформу грамматики.

— Надо кончать, — сказал он, — со всеми этими трудностями. Зачем, например, нужно различать прилагательные по всяким там категориям? Пусть категорий будет всего две — *прилагательные симпатичные* и *прилагательные несимпатичные*. *Прилагательные симпатичные*: хороший, веселый, великодушный, искренний, мужест-

венный. *Прилагательные несимпатичные:* жадный, лживый, бесчестный и так далее. Разве не лучше?

Служанка, слушавшая его, ответила:

— Намного лучше!

— Перейдем к глаголам,— продолжал учитель Граматикус.— Я лично считаю, что их надо делить не на три спряжения, а всего на два. Первое — это *глаголы, которые надо спрягать*, а второе — *глаголы, которые спрягать не надо*, как например: лгать, убивать, воровать. Прав я или нет?

— Золотые слова! — вздохнула служанка.

И если бы все думали так, как эта добрая женщина, реформу можно было бы провести в десять минут.

Великий изобретатель

Жил как-то один молодой человек, который мечтал стать великим изобретателем. Он учился день и ночь, учился много лет и наконец сказал себе:

— Я многому научился, стал **УЧОННЫМ** и теперь покажу всем, на что я способен.

Он сразу же принялся за эксперименты, и ему удалось изобрести дырки в сыре. Но потом он узнал, что они уже были изобретены.

И тогда он начал учиться заново. Учился с утра до вечера и с вечера до утра, учился многие месяцы и наконец сказал себе:

— Пора кончать. Теперь я уже **УЧОНЫЙ**... Надо посмотреть, на что же я способен.

И все увидели — он изобрел дырки в зонтике. И все очень смеялись.

Но он не пал духом, а снова взялся за книги, продолжил свои эксперименты и наконец сказал себе:

— Ну вот, теперь я уверен, что не ошибаюсь. Теперь я уже просто **УЧЕННЫЙ**.

Но все-таки он опять ошибался. Он придумал окрашивать корабли акварельными красками. Это было очень дорого и меняло цвет моря.

— И все-таки я не отступлюсь! — решил отважный изобретатель, у которого голова уже покрылась сединой.

Он снова сел за книги и занимался так много, что действительно стал **УЧЕНЫМ**. И тогда он смог изобретать все, что ему хотелось. Он придумал, например, машину для поездок на Луну, поезд, которому достаточно было

одного единственного зернышка риса, чтобы промчаться тысячу километров, туфли, которые никогда не снашивались, и множество других таких же интересных вещей.

Одного только он не смог придумать — как научиться никогда не делать ошибок. И наверное, никто никогда не придумает этого.

Кто командует?

Я спросил одну девочку:

— Кто командует у тебя в доме?

Она смотрит на меня и молчит.

— Ну так кто же командует — папа или мама?

Она опять смотрит на меня и молчит.

— Что же ты молчишь? Ну кто-то ведь, наверное, командует?

Она опять смотрит на меня растерянно и молчит.

— Не знаешь, что значит командовать?

Да нет, она знает.

— Так в чем же дело?

Она смотрит на меня и молчит. Сердиться на нее? Может, она, бедняжка, немая? А она вдруг как побежит от меня... Потом остановилась, показала мне язык и прокричала со смехом:

— Никто не командует, потому что мы все любим друг друга!

Как лису хоронили

Однажды куры увидели на тропинке лису: лежит себе, совсем как неживая, глаза прикрыты, и хвост не шелокнется.

— Она умерла, умерла! — закудахтали куры. — Надо похоронить ее!

И они тут же зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму в поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята принесли цветы. Когда же подошли к яме, лиса вдруг выскочила из гроба и съела всех кур.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам. О ней передавали даже по радио. Но лису это несколько не огорчило. Она затаилась на некоторое время, а потом пере-

бралась в другое село и снова разлеглась на тропинке, прикрыв глаза.

Пришли куры из другого села и тоже сразу закудахтали:

— Она умерла, умерла! Надо похоронить ее!

Зазвонили в колокола, облачились в траур, и петух пошел рыть яму на кукурузном поле.

Это были очень красивые похороны, и цыплята пели так, что слышно было даже во Франции.

Когда же подошли к яме, лиса выскочила из гроба и съела весь похоронный кортеж.

Новость быстро разнеслась по всем курятникам и заставила пролить немало слез. О ней говорили даже по телевидению, но лиса ни капельки не испугалась. Она знала, что у кур короткая память, и жила себе припеваючи, притворяясь, когда надо, мертвой. А тот, кто будет поступать, как эти куры, значит, совсем не понял эту историю.

Неверное эхо

Не вздумайте нахваливать мне чудеса эха, не поверю! Вчера меня повели знакомиться с одним из них. Я начал с простейших арифметических вопросов:

— Сколько будет дважды два?

— Два! — ответило эхо, даже не подумав.

Неплохое начало, ничего не скажешь!

— Сколько будет трижды три?

— Три! — радостно воскликнуло глупенькое эхо.

В арифметике оно было явно не сильно. Я решил дать ему возможность показать себя в лучшем виде и сказал:

— Выслушай мой вопрос и подумай как следует, прежде чем ответить. Что больше Рим или озеро Комо?

— Комо, — ответило эхо.

— Ну, ладно, оставим в покое географию. Перейдем к истории. Кто основал Рим — Ромул или Цезарь?

— Цезарь, — крикнуло эхо.

Тут я совсем рассердился и решил задать последний вопрос:

— Кто из нас меньше знает, я или ты?

— Ты! — невозмутимо ответило эхо.

Нет, не вздумайте нахваливать мне чудеса эха...

Два верблюда

Как-то раз одногорбый верблюд сказал верблюду двугорбому:

— Я, приятель, тебе очень сочувствую. Позволь выразить тебе мое соболезнование.

— А в чем дело? — удивился тот. — Кажется, я не ношу траура.

— Вижу, вижу, — продолжал одногорбый верблюд, — что ты даже не понимаешь, как несчастлив. Ведь ты такой же верблюд, как я, только с недостатком — у тебя два горба вместо одного. И это, конечно, очень, очень грустно.

— Прости меня, — ответил двугорбый верблюд, — я не хотел тебе это говорить, не хотел обижать, но раз уж ты сам заговорил об этом, так знай же, что из нас двоих ты несчастнее. Потому что это ты с дефектом. Это у тебя вместо двух горбов, как должно быть у приличного верблюда, всего один!

Так они спорили довольно долго и даже чуть не подрались, как вдруг увидели проходящего мимо бедуина.

— Давай спросим у него, кто из нас прав, — предложил одногорбый верблюд.

Бедуин терпеливо выслушал их, покачал головой и ответил:

— Друзья мои, вы оба с недостатками. Но не в горбах дело. Их вам подарила природа. Двугорбый красив тем, что у него два горба, а одногорбый красив, потому что у него только один горб. А недостаток у вас у обоих в голове, раз вы до сих пор не поняли этого!

Две республики

Были когда-то две республики: одна называлась Республика Семпрония, другая — Республика Тиция. Существовали они уже очень долго, многие века, и всегда были соседями.

Семпронские ребята учили в школе, что Семпрония граничит на западе с Тицией, и беда, если они этого не запомнят.

Тицийские ребята учили в школе, что Тиция граничит на востоке с Семпронией, и знали, что, если они не усвоят это, их не переведут в следующий класс.

За много веков Семпрония и Тиция, разумеется, частенько ссорились и по меньшей мере раз десять воевали друг с другом, пуская в ход сначала пики, потом ружья, затем пушки, самолеты, танки и т. д. И нельзя сказать, чтобы семпронийцы и тицийцы ненавидели друг друга. Напротив, в мирное время семпронийцы нередко приезжали в Тицию и находили, что это очень красивая страна, а тицийцы проводили в Семпронии каникулы и чувствовали себя там прекрасно.

Однако ребята, изучая в школе историю, слышали столько плохого про своих соседей.

Школьники Семпронии читали в своих учебниках, что война всегда начиналась по вине тицийцев. Школьники Тиции читали в своих учебниках, что семпронийцы много раз нападали на их страну.

Школьники Тиции учили: «Знаменитая битва при Туци-Наци окончилась для семпронийцев позорным бегством».

Школьники Семпронии заучивали: «В знаменитом сражении при Наци-Туци тицийцы потерпели ужасное поражение».

В семпронийских учебниках истории были подробно перечислены все злодеяния тицийцев.

В тицийских учебниках истории были так же подробно перечислены преступления семпронийцев.

Неплохо все перепуталось, не так ли? Но я тут ни при чем. Именно так все и было — так и жили эти две республики. И, наверное, еще какие-то другие республики, названия которых мне сейчас не припомнить.

Жалоба глаза

Довелось мне однажды подслушать, как жаловался глаз.

— Увы! — говорил он. — Несчастный я! Вот уже несколько столетий, как стало мне совсем тяжело жить. Я всегда видел, что Солнце вращается вокруг Земли. Но появился вдруг этот Коперник, появился этот Галилей и доказали, что я ошибался, потому что Земля вертится вокруг Солнца. Смотрел я в воду и видел, что она чистая и прозрачная. Но появился этот голландец Левенгук, изобрел микроскоп и заявил, что в капле воды больше живых существ, чем в зоопарке. Смотрю я ночью на небо, вон туда, наверх. Оно черное, какие тут могут быть сомнения. У меня ведь прекрасное зрение. Но похоже, я заблуждался и на этот счет. Подводят меня к телескопу, направленному туда же, высоко в небо, и я вдруг вижу там миллионы звезд. Так что теперь уже бесспорно доказано, что я все вижу неверно. Должно быть, мне лучше уйти на пенсию.

Молодец! Только кто же будет смотреть в микроскопы и телескопы?

Рыбы

— Будь осторожна! — сказала как-то большая рыба рыбе маленькой. — Вот это — крючок! Не трогай его! Не хватай!

— Почему? — спросила маленькая рыбка.

— По двум причинам,— ответила большая рыба.— Начнем с того, что, если ты схватишь его, тебя поймают, обваляют в муке и поджарят на сковородке. А затем съедят с гарниром из салата!

— Ой, ой! Спасибо тебе большое, что предупредила! Ты спасла мне жизнь! А вторая причина?

— А вторая причина в том,— объяснила большая рыба,— что я сама хочу тебя съесть!

Мальчик и стол

Один мальчик, прыгая, больно ударился коленом о стол и рассердился:

— Противный стол!

Отец обещал этому мальчику принести интересный журнал с картинками, но забыл. И мальчик заплакал. Отец рассердился и закричал на него:

— Противный мальчишка!

Стол остался ужасно доволен.

Маленький диалог

— Что люди ждут от нас?

— Что ты от них ничего не ждешь!

Число 33

Я знаю одного скромного торговца. В его магазине продаются не сахар и не кофе, не мыло и не чернослив. Он продает только число 33.

Это в высшей степени честный человек. Он продает только натуральный продукт — не подделку — и никогда не обвешивает. Он не из тех, которые говорят: «Вот ваше 33, синьор!» — а на самом деле человек получает только 31 или даже 29.

Торговля у него небольшая. На 33 не такой уж большой спрос. В его магазин заглядывают разве только те, кому надо идти к зубному врачу. А некоторые к тому же покупают себе 33, бывшее в употреблении, в другом магазине — у Porta Портезе. Но он не жалуется. Вы можете

послать к нему ребенка или даже котенка в полной уверенности, что он не обманет их.

Это честный торговец. И на таких зиждется общество.

Открытка

Была однажды открытка без адреса. На ней было написано только: «Приветы и поцелуй!» И подпись: «Нинучча». Никто не знал, кто такая эта Нинучча — синьорина или синьора, старая ворчунья или девочка в джинсах. Или, может быть, какая-нибудь птичка.

Многие бы хотели получить хотя бы один из этих «приветов» и «поцелуев», хотя бы самый маленький. Но можно ли довериться этой неизвестной Нинучче?

Музыкальная история

Наш городок чествовал вчера синьора Тромбетти Джованкарло, который за тридцать лет работы один, без всяких помощников, записал на магнитофонную ленту оперу «Аида» композитора Джузеппе Верди.

Он начал эту работу еще подростком. Он исполнил перед микрофоном сначала партию Аиды, затем партии Амнерис и Радамеса. Одну за другой он спел и записал и все остальные партии. И хор тоже. Поскольку хор жрецов состоит из тридцати певцов, ему пришлось исполнить его тридцать раз. Затем он научился играть на всех инструментах — от скрипки до барабана, от фагота до кларнета, от тромбона до английского рожка и так далее. Он записал все партии этих инструментов одну за другой, затем переписал их на одну дорожку, чтобы получилось впечатление, будто звучит оркестр.

Всю эту работу он проделал далеко от своего дома, в подвале, который снимал специально. Родным он говорил, что идет работать сверхурочно, а сам шел записывать «Аиду». Он записал и разные шумы — проход слонов, лошадей, аплодисменты после самых известных арий. Бурные аплодисменты в конце первого акта он тоже записал сам. Для этого он в течение минуты три тысячи раз хлопнул в ладоши. Он решил, что на спектакле присутствовало три тысячи человек, из которых четыреста восемнадцать должны были кричать «Браво!», сто двадцать один — «Брависсимо!», тридцать шесть — «Бис!» и только двенадцать — «Безобразие! Вон со сцены!»

И вчера, как я уже сказал, четыре тысячи человек, собравшиеся в оперном театре, присутствовали при первом прослушивании выдающейся оперы. И в конце все единодушно согласились: «Потрясающе! Звучит, как настоящая пластинка!»

Уменьшаюсь!

Это ужасно — уменьшаться под насмешливыми взглядами всей семьи. Для них это просто шутка, им весело. Когда стол оказывается выше меня, все они становятся ласковыми, нежными, заботливыми. Внучата бегут за корзиной, как для котенка. Очевидно, хотят устроить в ней постель для меня. Затем, взяв за загривок, меня осторожно поднимают с полу, кладут на старую выцветшую подушку и зовут друзей и родственников полюбоваться на это зрелище — дедушка в корзине! И я становлюсь все меньше. Теперь я уже могу поместиться в ящике буфета, где лежат салфетки, чистые или грязные. А еще через несколько месяцев я уже перестаю быть отцом семьи, дедом, уважаемым специалистом, а превращаюсь в безделушку, которую пускают погулять по столу, когда не включен телевизор. Берут лупу, чтобы рассмотреть мои крохотные ноготки. Вскоре мне уже будет достаточно спичечной коробки. А потом кто-нибудь обнаружит, что она пуста, и выбросит ее...

Птицы

Я знаю одного синьора, который очень любит птиц. Всяких — и лесных, и болотных, и полевых: ворон, трясогузок, колибри; уток, водяных курочек, зеленушек, фазанов; европейских птиц и птиц африканских. У него дома целая библиотека о птицах — три тысячи томов, и многие даже в кожаном переплете.

Он с большим увлечением изучает жизнь птиц. Он открыл, например, что аисты, когда летят с севера на юг, пролетают над Испанией и Марокко или над Турцией, Сирией и Египтом, делая таким образом большой круг, лишь бы не лететь над Средиземным морем — они очень боятся его. Не всегда ведь самая короткая дорога — самая надежная.

Вот уже многие годы, даже десятилетия, этот мой любознательный знакомый изучает жизнь птиц. Неудиви-

тельно, что он точно знает, когда они прилетают. Тогда он берет свое автоматическое ружье и — бах, бах! — стреляет без промаха.

Цепь

Цепь стыдилась самой себя. «Увы,— думала она,— все презирают меня. И это понятно. Люди любят свободу и ненавидят оковы».

Проходил мимо человек. Он взял цепь, забрался на дерево, привязал оба ее конца к самому крепкому суку и сделал качели.

Теперь цепь служит для того, чтобы высоко взлетали на качелях дети этого человека. И она очень довольна.

Журналы

Как-то я ехал в поезде с одним синьором, который сел в Теронтоле. У него было с собой шесть журналов. И он принялся читать их. Сначала он прочел первую страницу первого журнала, затем первую страницу второго журнала, потом первую страницу третьего журнала и так далее — до шестого.

Затем он начал читать вторую страницу первого журнала, вторую страницу второго журнала, вторую страницу третьего журнала и так далее.

Потом принялся за третью страницу первого журнала, перешел к третьей странице второго... Он читал внимательно, углубленно и даже делал какие-то выписки.

Вдруг мне пришла в голову ужасная мысль: «Если во всех этих журналах одинаковое количество страниц, еще куда ни шло. Но что случится, если в одном журнале окажется шестнадцать страниц, в другом — двадцать четыре, а в третьем — только восемь? Что будет делать этот несчастный синьор в таком случае?»

К счастью, в Орте он вышел, и я не присутствовал при трагедии.

Кем я стану

Однажды учитель Грамматикус нашел где-то в старом шкафу пачку школьных сочинений. Они были написаны тридцать лет назад, когда он преподавал в другом городе.

«Тема: кем я стану, когда вырасту». Так был озаглавлен каждый листок, а рядом стояли имя и фамилия ученика. Всего двадцать четыре странички — Альберти Марио, Бонетти Сильвестро, Карузо Паскуале... Учитель Грамматикус поискал в своем альбоме фотографии этого класса и попытался припомнить ребят.

— Вот это, должно быть, Дзанетти Артуро. А может, наоборот, Риги Ринальдо? Нет, к сожалению, я уже совсем не помню этих ребят!

Он отложил фотографии и принялся читать пожелтевшие страницы сочинений, улыбаясь орфографическим ошибкам. Какое теперь может иметь значение пропущенный тридцать лет назад мягкий знак!

«Когда я вырасту,— писал Альберти Марио,— я буду летчиком. А пока я собираю фотографии самолетов, вырезаю их из газет. Рассматривая их, я МИЧТАЮ о своем будущем...»

Славный Марио написал мечтаю через «и» — МИЧТАЮ.

— Надеюсь,— вздохнул учитель,— эта ошибка не помешала ему осуществить свою мечту.

«Мой отец торгует сантехническим оборудованием и хочет, чтобы я, когда вырасту, продолжал его дело. А я хочу стать музыкантом. У меня есть двоюродный брат, который играет на скрипке и...»

Учитель Грамматикус поднялся из-за стола, чтобы включить свет, потому что, пока он читал сочинения, стемнело. И тут ему пришло в голову, что...

— Да нет, какая глупость! — воскликнул он.

Но тут он понял, что решение уже принято и завтра утром...

Наутро учитель Грамматикус сел в поезд и поехал в тот город, где когда-то учил ребят. Приехав туда, он пошел в адресный стол, достал из кармана список своих бывших учеников и стал искать их адреса. Он хотел узнать, сбылись ли их мечты, стали ли они теми, кем хотели стать, когда были маленькими.

Я должен вам сказать правду, даже если она и нерасторжима. Я должен вам сказать, что учитель очень расстроился и огорчился, когда закончил свои поиски.

Он узнал, например, что трое его бывших учеников погибли на войне, вдали от родины. Не сбылись их мечты. Оборвалась молодость.

Он узнал, что Альберти Марио стал не летчиком, а официантом. Профессия как профессия, хотя никто ни-

когда не пишет в сочинениях: «Когда вырасту, стану официантом...» И все же официантов очень много.

Сын торговца сантехническим оборудованием тоже не стал, как хотел, музыкантом, а стал торговать газовыми баллонами.

Одни мечты со временем меняют кожу, словно иные животные в разное время года. Другие перечеркивают жизнь — так сильный ветер порой преждевременно срывает с деревьев листья. И наконец учитель узнал, что Корсини Ренцо, мечтавший стать электриком, тоже стал школьным учителем, и он решил разыскать его.

— Как поживаешь, дорогой Ренцо? Помнишь, ты когда-то хотел стать электриком?

— Я? Не может быть!

— Да, да! Посмотри — вот твоё сочинение.

— Странно! Действительно мое. Но я совершенно не помню об этом!

— Выходит, ты написал тогда неправду?

— Кто знает? Может, и так.

Учитель Грамматикус долго размышлял над этим. Больше того, он до сих пор еще размышляет.

Старые Пословицы

В одном городе, о нравах и обычаях которого я еще как-нибудь расскажу вам, есть неказистое, пожалуй просто старомодное, здание. Это Приют для Старых Пословиц. Тут отдыхают на старости лет Старые Пословицы, которые когда-то были молодыми и полными сил и которые теперь уже мало кого интересуют. Я, кажется, сказал — отдыхают? Нет, правильнее было бы сказать — болтают и без конца спорят!

— Ослом родился, ослом и умрешь! — заявляет, например, одна Старая Пословица.

— Вовсе нет! — возражают ей собеседницы. — А если учиться? Прилежно и старательно, изо всех сил! И вообще, если очень захотеть, можно всего добиться!

— Счастлив тот, кто умеет довольствоваться малым! — заявляет другая Старая Пословица.

— Неправда! — тут же вмешивается еще одна Старая Пословица. — Если бы люди довольствовались тем, что имеют, они бы до сих пор жили на деревьях, как обезьяны!

— Тот, кто все делает сам, работает за троих! — слышится еще чей-то возглас.

И тут же кто-то возражает:

— Нет, кто работает сам, работает только за одного. Зато в единстве — сила!

Старые Пословицы на минутку умолкают. Потом самая Старая Пословица продолжает разговор:

— Кто хочет мира, готовит войну!

Тогда Старая Пословица помолже дает ей валерьяновых капель и терпеливо объясняет, что тот, кто хочет мира, должен готовить мир, а не бомбы.

Еще одна Старая Пословица заявляет:

— В своем доме каждый сам себе король!

— Но в таком случае,— возражают ей сразу все Старые Пословицы,— почему же всем приходится платить налоги? И за свет? И за газ? Ничего себе король!

Как видите, Старые Пословицы, споря друг с другом, говорят иногда и умные вещи, особенно когда критикуют друг друга. И главная задача — возразить, непременно сказать совершенно противоположное тому, что только что было сказано.

— Самое сладкое — в конце! — говорит, например, одна из Пословиц.

Но другая тут же возражает:

— Нет, самое трудное — в конце!

И мне становится жаль их. Они не замечают, что мир меняется, что со старыми пословицами теперь далеко не уедешь, что жизнь могут изменить только молодые, смелые люди с хорошими, умелыми руками и умной, светлой головой. Такие, как вы!

Когда осел полетит

На берегу реки в жалком домишке жила одна бедная семья, такая бедная, что еды никогда не хватало на всех и кому-то одному непременно приходилось голодать.

Дети спрашивали дедушку:

— Почему мы не богатые? Когда мы разбогатеем?

Дедушка отвечал:

— Когда осел полетит!

Дети смеялись. Но все-таки немножко верили в это. И время от времени забегали в хлев, где осел жевал свою солому, гладили его и говорили:

— Мы все ждем, когда же ты наконец полетишь.

Утром, едва проснувшись, они тоже бежали в хлев:

— Ну как? Сегодня? Смотри, какая хорошая погода,

какое чистое небо! Самое подходящее время, чтобы полететь!

Но осел не обращал на них внимания и продолжал жевать свою солому.

Осенью начались сильные дожди, и река вышла из берегов. Плотина не выдержала напора, вода хлынула на равнину, затопила всю округу.

Несчастливым людям пришлось забраться на крышу. Они втащили туда и осла, потому что это было их главное богатство. Дети расплакались, и дедушка стал рассказывать им разные истории, а потом, чтобы рассмешить их, сказал, обращаясь к ослу:

— Глупый, видишь, какую беду ты навлек на нас! А умел бы ты летать, все было бы иначе!

Вскоре им помогли пожарные, которые подплыли к затопленному домику на моторной лодке. Они сняли людей с крыши и перевезли их в безопасное место. А осел ни за что не захотел спускаться в лодку. Дети опять расплакались и стали упрашивать его:

— Ну поехали с нами, поехали!

— Вот что,— решил пожарный,— пусть остается! Потом вернемся за ним. А сейчас нас еще много народу ждет. Такого ужасного наводнения никто и не припомнит.

Моторная лодка ушла, и осел остался на крыше.

И знаете, как его спасли? С помощью вертолета! Красивая металлическая стрекоза с мотором, жужжа повисла над крышей домика. Из вертолета спустился по канату человек. Он, видимо, хорошо знал, как надо обращаться с ослами, потому что ловко подвязал его веревками под живот, вернулся в кабину, и вертолет поднялся.

И дети, стоявшие на холме, увидели, что их осел летит по воздуху. Они вскочили, запрыгали, закричали, засмеялись:

— Осел полетел! Осел полетел! Теперь мы разбогатеет!

На крики ребят сбежался народ. Люди смотрели на осла и спрашивали:

— Что случилось? Что происходит?

— Наш осел полетел! — радовались ребята. — Теперь мы разбогатеет!

Лица людей осветились улыбкой, словно над мрачной, затопленной равниной взошло солнце. И кто-то сказал:

— У вас впереди еще такая большая жизнь, что бедными вас никак не назовешь.

Бухгалтер и бора

В Триесте в конторах разных пароходных компаний нередко встречаются невысокие, худощавые люди, которые всю свою жизнь заняты только тем, что выписывают бесчисленные колонки цифр и ведут учет корреспонденции с Нью-Йорком, Сиднеем, Ливерпулем, Одессой, Сингапуром. Люди эти свободно разговаривают на пяти или шести языках — на итальянском, немецком, английском, словацком, хорватском, венгерском — и переходят с одного языка на другой с легкостью птички, порхающей с ветки на ветку одного и того же дерева. Жены у этих людей, как правило, высокие, светловолосые, красивые, потому что в Триесте все женщины красивые. Дети у них тоже высокие и крепкие, занимаются спортом, греблей, изучают ядерную физику и т. д. Но сами они, эти люди, бог знает почему, невысокого роста, худощавы. Неизвестно, впрочем, все ли они такие. Может быть, это только так кажется, потому что я вспоминаю сейчас бухгалтера Франческо Джузеппе Франца — того самого знаменитого бухгалтера Франца, которого унесла бора. Бора — это сильный северный ветер, который часто дует в Триесте. Он сильнее и быстрее курьерского поезда, идущего на полной скорости. Так вот, Франческо Джузеппе, когда был мальчиком и ходил в школу, весил не больше кошки. И в те дни, когда дул ветер, его мать, прежде чем выпустить сынишку из дома, давала ему тысячу наставлений и клала в портфель кирпич, чтобы ветер не унес его бог знает куда.

Однажды — это было летом 1915 года — этот самый легкий ученик Триеста спокойно шел в школу, неся портфель с учебниками и кирпичом, как вдруг австрийский жандарм, грозно указав на него пальцем, обвинил его в демонстрации протеста. Дело в том, что на Франческо Джузеппе было зеленое пальто, красный шарф и белый шерстяной берет¹, так что он двигался по улице, словно маленький итальянский флаг, сбежавший из ящика комода, для того чтобы нарушить общественный порядок в Австрийской империи².

Франческо Джузеппе уже тогда носил очки, потому что был немного близорук, но грозный палец жандарма он мог различить и среди тысячи других пальцев.

¹ Зеленый, красный, белый — три цвета итальянского флага. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

² В 1915 году Триест входил в состав Австрийской империи.

От испуга Франческо Джузеппе выронил портфель. Если б воздушный шар сбросил сразу весь свой груз и даже кабину, он не смог бы взлететь вверх быстрее, чем это сделал Франческо Джузеппе. Оставшись без спасительного противовеса, припасенного мамой, он оторвался от земли, а бора подхватила его и понесла по воздуху, словно пушинку.

Минуту спустя маленькое итальянское знамя, зацепившись за фонарь, развевалось высоко над тротуаром.

Спускайся! кричала Австро-Венгерская империя.

— Не могу! — отвечал Франческо Джузеппе.

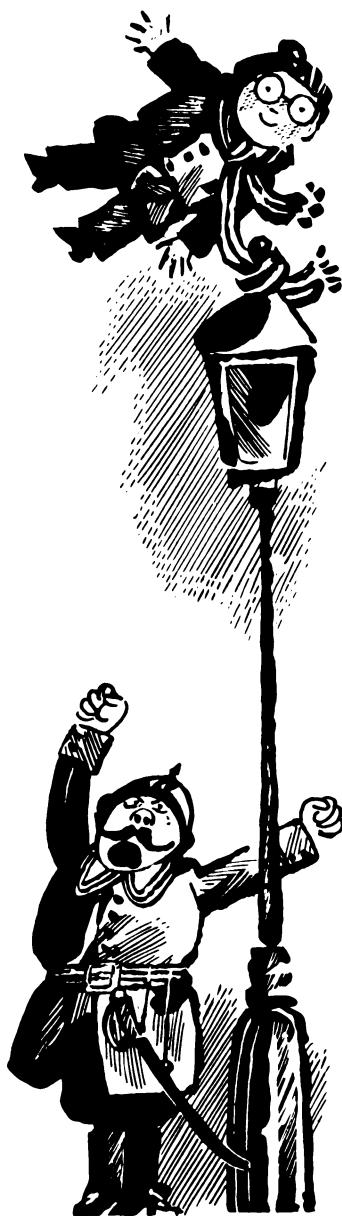
Он действительно не мог. Очень трудно карабкаться вверх, но еще труднее спускаться вниз, особенно когда мешает ветер.

У фонаря вскоре собралась небольшая толпа, и многие добрые триестинцы притворились, будто сердятся на возмутителя спокойствия.

— Эй, мальчишка, слушайся синьора жандарма!

— Да где там! Нынешняя молодежь никакого уважения не питает к властям.

Жандарм ушел за подмогой. Тогда из лавки вышел колбасник с лестницей, а рассыльный из порта забрался по ней и спустил Франческо Джузеппе вниз. Маль-

чик схватил свой портфель и пустился бежать со всех ног, а вслед ему неслись аплодисменты и смех.

Прошли годы, десятилетия. Франческо Джузеппе стал образцовым служащим. Он выписывал длинные колонки цифр, отправлял письма в Мехико, сопровождал свою красавицу жену на концерты, а детей — на спортплощадку. Но в те дни, когда дула бора, он всегда, в память о маме, клал в портфель все тот же старый кирпич.

Однажды утром — это было в 1957 году — дула сильная бора, и он с трудом шел против ветра. Вдруг его задела какая-то собака, и он уронил свой портфель. Тот упал ему прямо на ногу, а ведь в нем был кирпич. Но бухгалтер Франческо Джузеппе даже не успел почувствовать боли, потому что ветер тотчас же подхватил его и унес высоко в небо — он оказался над крышами магазинов, над дымами портовых буксиров, над торговыми кораблями, стоявшими на якоре в порту, и все летел и летел, пока не зацепился наконец за дымовую трубу какого-то корабля, отходившего в Австралию.

Спуститься он не решался, а снизу, с палубы, его никто не видел. Его заметили, только когда корабль уже покидал Адриатическое море и входил в Ионическое.

— Капитан, у нас на борту безбилетный пассажир, «заяц»!

— Черт возьми! Придется везти его до Александрии, в Египет... Не станем же мы возвращаться из-за него с полпути.

Бухгалтер Франческо Джузеппе возмутился, что его называют зайцем. Он рассказал про ветер, про кирпич и собаку, но когда заметил, что капитан готов взять свои слова назад только для того, чтоб назвать его чокнутым, замолчал.

Из Александрии он телеграфировал жене и на службу и попросил, чтобы ему помогли вернуться домой.

Разумеется, в Триесте ему тоже не поверили.

— Унесен борой? Да бросьте вы сказки рассказывать! Уж я скорее поверю, что осел полетел по воздуху.

— Можно проверить на опыте,— предложил бухгалтер.— Могу показать, как это случилось.

А когда жена предложила ему вместо опыта сходить к хорошему врачу, он перестал верить, что говорит правду.

«Ладно,— решил он про себя,— тем хуже для них. Пусть это будет мой секрет».

И он хранит его до сих пор. Каждый раз, когда начинается дуть бора, Франческо Джузеппе делает так: день или два живет спокойно, как ни в чем не бывало, чтобы никто ничего не заподозрил, а потом уходит за город и летает.

Он заполняет карманы камнями, привязывает веревку к поясу и к какому-нибудь дереву. Затем постепенно выбрасывает камни из карманов и поднимается в воздух до тех пор, пока не натягивается веревка. В таком положении он остается наверху столько времени, сколько ему хочется, если бора не прекращается. Что же он там, наверху, делает?

Он смотрит по сторонам, с интересом наблюдает, как удивляются ему птицы. Иногда читает книгу. Больше всего он любит стихи Умберто Сабы, великого триестинского поэта, скончавшегося несколько лет назад. Может быть, это вас очень удивит, но не должно бы. Почему, собственно, бухгалтер не может любить стихи? Почему обыкновенный человек, такой, как все, как многие другие, не может иметь свой собственный, сокровенный секрет?

Никогда не судите о людях по их внешнему виду, по их профессии, по их одежде. Каждый человек способен на самые необыкновенные дела, и многие их не совершают только потому, что не знают, что могут.

Или потому, что не умеют вовремя освободиться от своего кирпича.

Встреча с волшебниками

Меня зовут Оскар Бестетти, родом я из Болоньи и работаю в одной торговой фирме. Чтобы подыскивать покупателей и рекламировать товары, мне приходится беспрестанно ездить на своей машине по всей Италии, так что давайте спрашивайте о чем угодно. Хотите знать, сколько шлагбаумов на виа Аурелиа между Гроссетто и Фоллоникой? Сколько поворотов на виа Кассия между Витербо и Сиеной? Я знаю все обо всех дорогах нашего полуострова!

Бывает, что сажаю в машину тех, кто голосует на дороге — просит подвезти. Частенько кто-нибудь стоит у обочины и машет рукой — остановись, мол. Теперь так делают даже старушки, которые несут на рынок свежие яйца. С помощью такого автостопа они экономят деньги на поезд или автобус. Когда в машине есть место и можно не спешить, я охотно подсаживаю людей: и поболтать при-

ятно, и время летит быстро, да и узнаешь немало интересного. В прошлом году — это было в июле — подъезжал я к Виареджо, как вдруг останавливают меня двое парней.

— Не в Турин ли едете?

— В Турин. Садитесь.

И они садятся со своими рюкзаками — двое славных парней, двое туринских рабочих, которые провели отпуск у моря и теперь возвращались домой. Веселые, компанейские ребята. Одного звали Берто, другого Джулио. Ну, это все ничего. Мы разговорились, конечно, о том о сем, и я не заметил, как кончился бензин. Вернее, заметил, да поздно, когда уже совсем ничего не осталось в баке. Мотор поворчал, почихал, покашлял, плюнул разок и замолчал. Машина остановилась.

Ай, ай! говорю. — Слыхали новость? До ближайшей бензоколонки всего каких-нибудь десять километров, и в каждом ровно по тысяче метров.

— Подумаешь! — говорит Берто. Или, может быть, Джулио? Ладно, оба смеются. — Туринцы мы или не туринцы? — говорят. — К тому же опытные механики. У машин от нас нет секретов.

— Тут дело не в технике и не в секретах, — возражаю я. — У меня ни капли бензина, даже в зажигалке.

— Резиновая трубка у вас найдется?

— Конечно. Только бензин она не заменит.

— Сейчас посмотрим. Да, да, вот такая нам и нужна!

Берто берет трубку, выходит из машины и что-то делает возле бензобака. Джулио, оставшийся в машине, улыбается.

— А что он там делает? — спрашиваю.

— Сейчас кончит. Бензин это его специальность. Берто идет к обочине дороги, срывает штук десять

крупных маков, затем выбирает один из них, засовывает его в трубку, тотчас же раздается славное бульканье и чувствуется резкий запах бензина. Бензобак наполняется за несколько секунд. И мы едем дальше. У меня от удивления глаза на лоб лезут, но я не решаюсь и слова сказать.

— Видали? — говорит Джулио. — Пустяки! Мы в автомобилях кое-что смыслим.

Я помалкиваю. И едва не врезаюсь в шлагбаум. Спыхватываюсь, жму на тормоза...

— Да вы что, — смеясь, кричит Джулио, — с ума сошли, что ли!

И тут же изо всех сил жмет ногой на акселератор.

— Спасайся, кто может! — ору я и зажмуриваюсь, чтобы не видеть, как произойдет катастрофа. Только ничего не случилось. Открываю глаза — машина, слегка задрав капот, не замедляя движения, плавно перелетает шлагбаум и... проносится *над товарным составом*, несущимся на большой скорости, опускается на другой стороне и, коснувшись шинами асфальта, снова мчится вперед как ни в чем не бывало.

Парни на все это ноль внимания и продолжают болтать о каком-то туринском кафе, где можно попробовать лучшие во всей Солнечной системе грибы.

— Но как же так... — бормочу я. — Что это было?.. То есть я хочу сказать... Надо же!

Парни с недоумением и даже с тревогой смотрят на меня:

— Вам плохо? Что-нибудь случилось? Хотите конфетку? Жевательную резинку?

— Какая там резинка? Объясните лучше, что за чудеса вы творите!

Парни смотрят на меня с еще большей тревогой.

— Поосторожней в выражениях! — говорит Берто. А может быть, Джулио, или оба сразу. — Поосторожней! Мы честные рабочие люди, а вы что думаете? Мы можем собрать машину с завязанными руками и глазами, это верно. Так мы уже говорили об этом.

Я умолкаю. Уже проехали Геную, миновали Апеннины, приближаемся к Турину. День клонится к закату.

Некоторое время едем молча. Затем Джулио — видимо для того, чтобы восстановить мир, — предлагает:

— Послушаем музыку?

— Очень жаль, — говорю, — но у меня в машине нет радио.

— Ну, если дело только за этим...

Он каким-то особым образом нажимает рычажок включения «дворников». Как? Понятия не имею. Факт тот, что «дворники» неподвижны, а в машине звучит веселая музыка. Джулио и Берто крепко хлопают друг друга по плечу и клянутся, что, как только приедут в Турин, отправятся потанцевать в одно хорошее местечко на набережной По.

— Э, да сколько можно, уважаемый! Все-то вам не по нраву.

— Я не...

— Поймите как следует только одно — для хорошего туринского механика нет ничего невозможного. Ясно? «Бах! Бух! Бах!» Лопается шина.

Тяжело вздыхая, лезу в багажник за домкратом, чтобы сменить колесо. Но не успеваю и оглянуться, как шина уже в порядке. Она тверда, как камень. А Джулио кладет в карман своего пиджака карандаш. Готов поспорить, что он накачал шину этим карандашом!

Словом, я совсем перестал понимать, кого же все-таки я посадил к себе в машину — двух рабочих или двух волшебников. И подумать только, что таких людей, как они, в Турине десятки тысяч...

Гвидоберто и этруски

Много, очень много лет назад профессор Гвидоберто Доминициани отрастил себе щеголеватую черную бородку и отправился в Перуджу. Я не хочу сказать, что без бороды он не смог бы совершить визит в город, который, как уверяют путеводители, «был некогда крупным центром этрусской цивилизации». Я хочу сказать, что и та, и другая идея — отрастить бородку и побывать в Перудже — родились одновременно, в одном и том же году. И с тех пор, точнее, с того дня, когда Гвидоберто прошел под этрусской аркой, которую еще называют Аркой Августа, его борода и город Перуджа уже никогда не разлучались.

Надо вам сказать, что Гвидоберто до безумия любил... этрусков. Среди всех событий, всех народов и всех загадок истории только этруски обладали способностью привести его мозг в крайнее напряжение. Кто они такие? Откуда пришли в Италию? И самое главное: на каком таком чертовском языке они говорили?

Надо вам сказать также, что язык этрусков, словно неприступная крепость, тысячелетиями выдерживал атаки ученых всего мира. Но до сих пор никто так и не расшифровал его, никто не понимает ни единого слова.

Тем самым этруски словно отомстили за себя, как бы говоря: «Вы уничтожили нас? Ладно. Древние римляне захватили и покорили наши города? Прекрасно. Зато мы сделаем так, что никто никогда не сможет заниматься этрусками без головной боли и нервного истощения».

И вот Гвидоберто оказался в Этрусско-романском музее. Он медленно, неторопливо, тщательно осматривал один зал за другим, растягивая удовольствие, словно сладкоежка, откусывающий шоколад крохотными кусочками, чтобы продлить приятное ощущение. Удар молнии разразился, когда он увидел знаменитейший «чиппо» — могильный столбик без капители из местного камня травертина, на котором высечена знаменитейшая «этруская надпись» — несколько строк, над которыми ломали свои светлые головы сотни виднейших ученых, головоломка, от которой бросало в дрожь лучших дешифровщиков и любителей ребусов и кроссвордов.

Увидеть этот знаменитый могильный столбик и влюбиться в него было для Гвидоберто минутным делом. Почтительно прикоснуться к нему и решить, вернее, поклясться, что он прочтет высеченную на нем надпись, тоже было вполне естественно.

Так уж устроены этрускологи, то есть те, кто изучает культуру этрусков. Профессор Гвидоберто Доминициани, приехав в Перуджу всего на один день, остался там на всю жизнь. Все рабочие дни с 9 до 12 и с 15 до 17 часов (в соответствии с расписанием работы музея) он проводил перед своим любимым столбиком, созерцая его.

Однажды утром, когда он размышлял над словом «расенна», пытаясь понять, означает ли оно «народ», «люди» или, может быть, «увитые цветами балконы», кто-то обратился к нему на незнакомом языке. Молодой голландец, жаждавший узнать что-нибудь про знаменитый столбик, надеялся получить у него хоть какие-нибудь сведения. Гвидоберто напрасно пытался объяснить с ним по-немецки, по-английски или по-французски. Ясно было, что они изучали эти языки у весьма различных преподавателей, потому что понимали друг друга не лучше, чем крокодил и утюг.

Молодой человек, похоже, очень хотел узнать как можно больше об этрусках. А Гвидоберто со своей стороны очень хотел поделиться с ним своими знаниями. Как быть? Гвидоберто не оставалось ничего другого, как изучить голландский язык, что он и сделал в те короткие промежутки времени, которые могильный столбик иногда оставлял ему. Через несколько недель грамматика и словарь Нидерландов уже не составляли для Гвидоберто никакого секрета, и молодой голландец — студент знаменитого перуджинского университета для иностранцев — уже клялся, что посвятит свою жизнь этрускам, по крайней мере, одну половину, а другую сохранит для Голландии.

На следующий год профессор Гвидоберто вынужден был — все так же урывками — освоить шведский, финский, сербскохорватский, португальский и японский языки. К этим национальностям принадлежали иностранные студенты, увлеченные этрусской проблемой. И Гвидоберто волей-неволей пришлось изучать их языки, раз уж он хотел быть уверенным, что они правильно ухватили суть вопроса, а именно, что этрусский язык — поразительнейшая загадка и что тот, кто надеется понять в нем хоть

одно слово, имеет полное право на льготный пропуск в сумасшедший дом.

В течение следующих быстро промелькнувших пяти лет профессор Гвидоберто, не отрывая ни одной минуты от созерцания могильного столбика, изучил турецкий, русский, чешский и арабский языки, а также диалекты и наречия стран Среднего Востока и черной Африки. Потому что теперь в Перуджу приезжали студенты и оттуда, и в городе можно было услышать языки всех стран мира. Неудивительно, что однажды какой-то иранец сказал другому (это были туристы — не студенты):

— Как на строительстве Вавилонской башни!

— Ошибаетесь! — тут же отозвался профессор Гвидоберто, который проходил мимо и услышал эту реплику. Он сказал это, разумеется, на чистейшем персидском языке. — Перуджа, дорогие господа, полная противоположность Вавилонии. Ведь там произошло смешение языков, и люди перестали понимать друг друга — родного брата, соседа по дому, сборщика налогов. Здесь наоборот. Сюда приезжают со всех концов света и прекрасно понимают друг друга. Наш университет для иностранцев — это, если позволите, прообраз будущего мира, в котором все народы будут жить в дружбе.

Иранские туристы, услышав от итальянца такой длиннейший и к тому же без единой ошибки монолог на их родном языке, от волнения чуть в обморок не попадали. Они тут же завладели Гвидоберто и ни за что не захотели отпускать его. Они пошли за ним в Этруско-романский музей, позволили объяснить себе, что такое «чиппо» — могильный столбик, и очень быстро и охотно согласились, что этрусский язык — самая замечательная загадка во всей Вселенной.

Подобных эпизодов я мог бы привести вам сотни. А сегодня профессор Гвидоберто безупречно пишет и говорит на двухстах четырнадцати языках и диалектах планеты, которые он изучил, как вы понимаете, только в свободное время. Его борода поседела, а под шляпой прячется совсем жалкая прядь волос. Каждое утро он спешит в музей и отдается своему любимому занятию. Для него «чиппо» — сердце Перуджи, больше того — всей Умбрии и даже Вселенной.

Когда кто-нибудь изумляется его лингвистическим знаниям и начинает восхищаться его способностями, Гвидоберто резким жестом прерывает собеседника.

— Не говорите глупостей! — возражает он. — Я такой же невежда, как и вы. Ведь за тридцать лет я так и не смог освоить этрусский язык.

То, чего мы еще не знаем, всегда важнее того, что знаем.

Пигмалион

Давным-давно, во времена древних мифов, жил на Кипре молодой скульптор по имени Пигмалион. Он любил свое искусство больше всего на свете. Когда каменщики приносили ему новый блок мрамора, он внимательно осматривал его, обходил вокруг и спрашивал себя:

— Интересно, кто скрыт в этой мраморной глыбе? Человек или бог? Женщина или хищный зверь?

Однажды он представил себе, что в камне скрыта красивейшая девушка, какой еще никто никогда не видел на Кипре, да что там на Кипре — на всем средиземноморском побережье!

Он с таким волнением принялся за работу, что даже вслух заговорил сам с собой: «Я знаю, знаю, ты спишь там многие тысячелетия! Но скоро я освобожу тебя из мраморного плена! Потерпи еще немного, и я выведу тебя оттуда!»

День за днем работал он, не зная отдыха. И каждый удар его резца высвобождал из мрамора прекраснейшую девушку. И когда он касался резцом ее носа, губ, маленьких, скрытых под локонами ушей, он дрожал от страха, боясь причинить ей боль.

Он старательно разгладил складки ее туники. А пальцы ее рук все казались ему недостаточно утонченными. Он сделал ей изящные сандалии.

А когда последний раз коснулся резцом ее глаз и закончил работу, то заговорил с девушкой так, будто она могла понять его.

— Ты навсегда останешься со мной! — воскликнул он. — Мы никогда не разлучимся! Ты прекрасна! Такой я и представлял тебя. Никогда не будет на свете женщины красивее тебя!

Желая доставить ей удовольствие, Пигмалион подкрасил губы статуи, нарисовал ей длинные ресницы, покрыл лаком ногти на руках и ногах, уложил волосы.

Когда же наступила ночь, он с тысячью предосторожностей опустил ее с подставки, уложил в свою постель и укрыл одеялом, натянув его до самого подбородка.

— Спи! — сказал он, укладываясь рядом с кроватью на полу.— А я послежу, чтобы никто не потревожил твой сон.

Каждый день он менял ей наряды: то брал для нее у матери красивый плащ, то вышитую тунику, то пояс, украшенный драгоценными камнями, то шелковое покрывало. Он без конца одевал и переставлял статую, как маленькие девочки своих кукол.

Он приносил ей игрушки, угощал самыми свежими фруктами, самыми изысканными сладостями. Он клал все это к ногам статуи, не замечая, что она ни к чему не притрагивается, ни на что не смотрит.

Долгими часами он ласково говорил с ней, рассказывал сказки, сообщал разные домашние и городские новости, если они доходили до него, потому что сам он почти никуда не выходил, никого не хотел видеть и грубо прогонял немногих друзей, которые навещали его, думая, что он заболел.

Он даже совсем перестал работать.

Его родители, не решаясь побеспокоить сына, с тревогой упраскивали из-за двери:

— Сынок, приди в себя! Нельзя же любить кусок камня! Нельзя посвящать жизнь какой-то игрушке!

— Оставьте меня в покое! — отвечал он.— У меня есть все, что мне надо, я не хочу ничего другого!

И он продолжал разговаривать со статуей, воображая, что она отвечала бы ему, если б могла говорить, и радовался:

— Ах, как ты мила, как остроумна!

Совсем как девочки, когда играют со своими куклами. Но девочки вырастают и забывают кукол. А Пигмалион — юноша высокий, сильный, и к тому же красивый — вел себя как ребенок, который не хочет расти.

Со временем, однако, он стал нервным и раздражительным. Даже когда он убеждал себя, что статуя отвечает ему и говорит приятные вещи, здоровая часть его мозга отлично понимала, что статуя остается немой и холодной и говорит ему:

— Глупец! Не видишь разве, что эта девушка мертва!

Пигмалион злился и подавлял в себе этот голос разума, но тот, приводя в отчаяние, звучал все громче. Радость его угасала быстро, как соломенный факел, и сердце было несчастно.

Если верить легенде, то однажды Пигмалион пришел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой,

а когда вернулся домой, то увидел, что статуя превратилась в настоящую живую девушку, влюбленную в него так же сильно, как он в нее. Он назвал ее Галатеей и женился на ней.

На самом же деле все было не так.

Это верно, что он пошел в храм Венеры и обратился к богине любви с мольбой. А вот потом, возвращаясь домой, он встретил девушку, с которой прежде, когда был ребенком, вместе играл. Он не видел ее много лет, помнил маленькой девочкой, а теперь она выросла и стала просто красавицей.

Увидев его, девушка сказала только два слова:

— Привет, Пигмалион!

Но, говоря это, она взглянула на него своими черными, смеющимися глазами. И, заглянув в эти живые, веселые глаза, Пигмалион позабыл мраморные глаза своей статуи. Он влюбился в эту настоящую, живую девушку и женился на ней, и создал много прекраснейших статуй, которые изображали не мечту его, а жену, его детей, друзей и саму жизнь, которая захватила его в свой стремительный круговорот.

Трактат о Бефане — доброй волшебнице, которая приносит итальянским детям новогодние подарки

У Бефаны есть, как известно, три волшебные вещи — метла, мешок и дырявые башмаки. Некоторые, может быть, думают по-другому и, разумеется, могут поступать, как им угодно, но мне кажется, что прав все-таки я. А теперь я опишу вам одну за другой все ее вещи и постараюсь ни в чем не ошибиться.

Вещь первая. Метла

После Нового года Бефана, которая живет на площади Навона, использует метлу уже только для посещения других миров. Она летает на Луну, на Марс, на Антарес. Облетает туманности и галактики. Наконец возвращается в страну Бефан и сразу же обрушивается на свою сестру за то, что та не вымыла полы, не вытерла пыль с мебели и не сходила в парикмахерскую. Сестра Бефаны —

тоже Бефана, но она не любит путешествовать. Она все время сидит дома, жует шоколад и сосет анисовые карамельки. Она ленивее двадцати четырех коров, вместе взятых.

Сестры держат магазин, в котором продают метлы. Тут покупают метлы все Бефаны Италии: из Оменьи, из Реджо-Эмилии, из Ривисондоли — отовсюду. Бефан тысячи, и они расходуют горы метел, так что дела у сестер идут хорошо. Когда же спрос на метлы падает, Бефана говорит сестре:

— Спрос падает. Надо что-то предпринимать. И ты, наверное, что-нибудь придумаешь, — ведь столько шоколада съедаешь!

— Можно устроить распродажу по сниженным ценам. В прошлом году мы таким образом продали старые реставрированные метлы за новые.

— Придумай что-нибудь получше. Иначе я ограничу расходы на карамель!

Сестра Бефаны сосредоточенно думает.

— Можно, — говорит она, — предложить новую моду. Например, мини-метлу.

— Что это еще такое?

— Совсем коротенькая метла.

— Но это будет выглядеть неприлично.

— Подумаешь! Повозмущаются какие-нибудь старые ханжи, а потом, вот увидишь, молодые Бефаны будут с ума сходить из-за таких метелок.

Мода на мини-метлу производит фурор. Поначалу пожилые Бефаны рвут и мечут от негодования, посылают петиции в газеты и организуют демонстрации протеста. Но затем и они начинают, плотно задвинув шторы, тайком примерять эту метлу. В один прекрасный день и они появляются на улице с мини-метлой. Самые скупые Бефаны просто отрезают ручку у своей старой метлы. Но это очень заметно, потому что нарушаются пропорции, да и скупость не делает им чести.

Спустя некоторое время спрос опять падает.

— Ну,— говорит Бефана своей сестре,— давай подумай еще что-нибудь, а то я не дам тебе больше денег на кино!

— Но у меня даже голова заболела, столько я думаю!

— Не будешь думать — не пойдешь в кино!

— Уф! Предложи моду на макси-метлу.

— Что это значит?

— Длинная-предлинная метла. Вдвое длинней, чем нужно.

— Гм... Не будет ли это излишеством?

— Разумеется, это будет излишеством. Именно потому и будет спрос.

В тот день, когда первая Бефана — одна совсем юная, стройная Бефаночка — появляется в обществе с макси-метлой, все Бефаны просто с ума сходят от зависти. Зарегистрировано двадцать семь обмороков, тридцать восемь нервных припадков и сорок девять тысяч всхлипываний. Еще до наступления вечера перед магазином макси-метел выстраивается такая длинная очередь, что конец ее оказывается в Бусто Арсицио.

На следующий год сестра Бефаны в обмен на коробку чернослива в шоколаде изобретает миди-метлу. Не большую и не маленькую — среднюю. Бефаны становятся очень богатыми и открывают магазин пылесосов.

И тут начинаются несчастья, потому что Бефаны, летая не на метлах, а на пылесосах, засасывают облака, кометы, маленьких птичек и больших птиц, парашютистов, бумажные змеи, метеориты, естественные и искусственные спутники, небольшие планеты, летучих мышей и даже преподавателей латинского языка. А одна Бефана

по рассеянности даже за-сосала самолет со всеми пассажирами, и потом ей пришлось доставить всех домой через дымовую трубу.

Пылесос хорош, когда нужно навести чистоту. А для путешествий все же гораздо практичнее старая метла.

Вещь вторая. Мешок

Однажды Бефана не заметила, что продырвился мешок с подарками. Она летит себе как ни в чем не бывало, а подарки сыплются, куда им вздумается, без всякого смысла. Электрический паровозик оказывается на куполе святого Петра в Риме и начинает бегать вокруг него как сумасшедший. Какой-то служитель Ватикана смотрит в окно, видит эту карусель на куполе, и от ужаса его прошибает холодный пот.

— Это дьявол! — кричит он. — Конец света!

А другой служитель заглядывает в железнодорожное расписание и качает головой:

— Это, должно быть, скорый из Витербо ошибся колеей...

Кукла падает рядом с волчьей норой. И волки делают неправильный вывод.

— А,— решают они,— это, наверное, как в тот раз с Ромулом и Ремом. Слава совсем близко — стоит только протянуть лапу. Мы выкормим это создание, оно вырастет и построит тут город. И тогда сделают множество бронзовых скульптур, изображающих нас, волков. И мэр будет дарить их приезжим знаменитостям, чтобы как-то выйти из положения.

Много лет они заботливо растили куклу. Но она не росла. Теряла туфли, волосы, глаза. Волк и волчица состарились, так и не прославившись. Но понимали, что им все равно повезло — ведь столько теперь развелось всяких любителей поохотиться.

Норковая шубка, подарок синьора Мамбретти его подруге, падает в Сардинии, в двух шагах от пастуха, пасущего своих овец. Но пастух не пугается и не убегает с криком: «Привидение! Привидение!», а надевает шубку, и она приходится ему весьма кстати. Бефана видит это в зеркало заднего вида, возвращается, пикирует на оливковое дерево, но на полпути передумывает.

— Правильно! — говорит она.— Кому нужнее эта прекрасная шуба? Пастуху или той противной девице, у которой уже есть две шубы, а машина к тому же с кондиционером?

А был случай, когда Бефаны в суматохе отъезда — прощания, советы, слезы — перепутали мешки. Бефана из Домодоссолы взяла мешок Бефаны из Массаломбарды, Бефана из Сараева — мешок Бефаны из Милана... А когда подарки были уже розданы, вдруг обнаружилось, что все перепутано. Тут началось! «Ты виновата!» — «Ты сама виновата...» — «Я тебе говорила...» — «Ты, наверное, своей бабушке говорила...» И так далее, и так далее...

— Не будем плакать над пролитым молоком,— сказала наконец Бефана из Рима.

— А я и не плачу,— ответила черноглазая Бефаночка со светлыми волосами,— стану я из-за этого портить себе грим!

— Я хотела сказать, что остается только одно — вернуться, забрать подарки и отнести их тем, кому они предназначены.

— И не подумаю! — заявила хорошенькая Бефаночка.— У меня свидание с женихом, мы пойдем в кафе! Какое мне дело до всего этого!

И ушла, даже не обернувшись. Но другие Бефаны повздыхали, повздыхали и отправились в путь. К сожалению

нию, поздно. Дети уже проснулись, чтобы посмотреть подарки, которые принесла Бефана.

— О боже, какой ужас!

Да нет же, ничего страшного! Все дети остались очень довольны, и не нашлось ни одного ребенка, кому не понравилась бы игрушка, какая ему досталась. Ребята в Вене получили подарки неаполитанских ребят, но все равно были рады.

— Понимаю,— сказала римская Бефана,— дети во всем мире одинаковы и любят одни и те же игрушки. Вот в чем дело!

— Глупости,— возразила ее сестра,— ты, как всегда, смотришь на мир сквозь розовые очки! Ну как ты не понимаешь, что дети во всем мире уже просто привыкли к одним и тем же игрушкам, потому что их производят одни и те же фабрики. Детям кажется, что это они сами выбирают игрушки... И выбирают одно и то же — то, что фабриканты уже выбрали за них!

Не очень понятно, кто же из двух сестер прав.

Вещь третья. Дырявые башмаки

Все дети знают, что башмаки у Бефаны просят каши — так и в песенке поется. Некоторые ребята смеются, потому что из таких дырявых башмаков торчит большой палец. Другие огорчаются и не спят целую ночь:

— Бедная Бефана, у нее мерзнут ноги!

Ребят, которые жалеют Бефану, гораздо больше. Они пишут в газеты, на радио, ведущей детской телепередачи. Предлагают собрать деньги, чтобы купить в складчину Бефане новые туфли. И какие-то мошенники сразу начинают ходить по домам сначала в Милане, а потом в Турине и во Флоренции (в Неаполе они почему-то не появились) и собирать деньги на туфли для Бефаны. Они собирают двести двенадцать миллионов лир и убегают с ними в Швейцарию, Сингапур и Гонконг.

А Бефана так и остается в дырявых башмаках.

И тогда в новогоднюю ночь многие дети оставляют рядом с пустым чулком, куда Бефана обычно кладет свои подарки, большую коробку и записку: «Для Бефаны!» В коробке лежит пара новых туфель. Для пожилой синьоры, но элегантные. Почти все черные, но встречаются также темно-коричневые или бежевые. С высоким каблучком, со средним и вообще без каблука. С пряжками или со шнурками.

Бефана из Виджевано каким-то образом узнает об этом раньше других. И что же она делает? Ставит будильник на час раньше и облетает всю землю со сверхзвуковой скоростью. Нагружает три автопоезда новыми туфлями и возвращается в страну Бефан довольная-предовольная.

Тут история разделилась на две части, потому что специалисты по бефанологии так и не пришли к согласию относительно ее продолжения.

Одни специалисты — люди хорошие, добрые, другие — плохие и бездушные. Хорошие специалисты считали, что Бефана из Виджевано, глядя на все эти замечательные туфли всех размеров, думала о людях, которые ходят босиком, и сочувствовала им. Тогда она взяла свой груз и снова облетела весь мир, чтобы подарить туфли всем бедным женщинам, у которых их не было. И у нее еще остались туфли для многих бедных мужчин, у которых тоже нет обуви. Неважно, что эти туфли женские, они наденут их, лишь бы не ходить босиком.

А бездушные, напротив, утверждали, что Бефана из Виджевано открыла магазин обуви в стране Бефан и стала загребать деньги, продавая туфли, подаренные детьми, своим подругам. И получила огромный доход, потому что эти туфли не стоили ей ни одной монетки. Как же тут не купить себе великолепный автомобиль и трамвай целиком из золота!

Я не специалист, я не хороший и не плохой, поэтому мое мнение ничего не значит.

Постскрипtum

Когда я показал одному знатоку это мое описание трех волшебных вещей Бефаны, он усмехнулся:

— Все правильно. Но вы забыли самую важную деталь!

— Какую?

— Вы забыли сказать, что Бефана приносит подарки только хорошим детям, а плохим — нет.

Я смотрел на него ровно тридцать секунд, а потом сказал:

— Выбирайте — оторвать вам ухо или откусить нос?

— Как вы сказали, извините?

— Я спрашиваю, что вы хотите — получить хороший удар зонтиком по голове или килограмм льда за шиворот?

- Да как вы смее! Вы забываете, с кем говорите!
- А как вы смее утверждать, что бывают плохие дети? Становитесь на колени и просите прощения!
- Что вы собираетесь делать этим молотком?
- Ударить по вашему мизинцу, если вы сейчас же не поклянетесь, что все дети хорошие. И особенно те, которые не получают подарков, потому что они бедные. Так вы клянетесь или нет?
- Клянусь! Клянусь!
- То-то! А теперь, видите, я уйду и даже не плюю вам в лицо. Это потому, что я слишком хороший.

Страна Без Ошибок

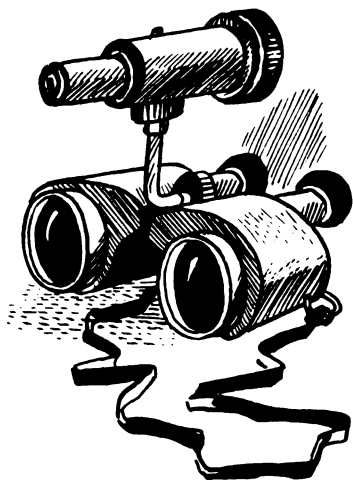
Жил однажды человек,
Беспокойный человек,
Он объездил всю планету,
Все искал по белу свету
Страну Без Ошибок.

Но, увы, надежды зыбки,
Всюду он встречал ошибки:
И на севере, на юге,
В самой маленькой округе —
Везде были ошибки.

Значит, он искал напрасно?
Нет, мы с этим не согласны!
Надо цель другую ставить,
Выбрать путь совсем иной:
Перестать бродить по свету,
Беспокоить всю планету,
А в своей стране исправить
Все ошибки до одной!

Планета
Новогодних
шук

Человек в небе!

— Капитан, человек в небе!

— Ясно. В каком квадрате?

— Прямо по хвосту.

— Быстро сверхбинокль!

— Есть, капитан!

Небольшое отступление

Когда я впервые рассказывал эту историю, после слова «сверхбинокль» меня тотчас же прервал один синьор:

— Плохое начало, уважаемый! «Человек в небе!» Что это такое? Разве так говорят? Даже дети знают, что надо говорить: «Человек за бортом!» А кроме того, хвосты бывают у ослов, и очень трудно представить себе капитана, командующего ослом. И наконец, будьте добры, объясните, пожалуйста, что такое сверхбинокль? Может, это что-то горбатое, вроде верблюда?

— Доктор, — сказал я (а он почти наверняка был доктором — ведь он носил галстук и отутюженные брюки; в

Риме люди, одетые так, почти все доктора каких-нибудь наук).— Доктор,— сказал я,— на вашем месте я не топился бы критиковать все направо и налево...

— И со стороны хвоста...— съязвил он.

— Разговор, который я только что привел,— невозможно продолжал я, не обращая внимания на его насмешку,— происходил на борту космического корабля, летящего в безвоздушном пространстве. А там нет ни морей, ни озер, ни даже речки. Вокруг корабля было только черное небо, такое черное, что глаза ломило. Из разговора также совершенно ясно, что вахтенный заметил в свете хвостовых прожекторов человека, потерпевшего кораблекрушение. И в этой ситуации можно было только кричать: «Человек в небе!» Открою вам и еще один секрет: этот космический аппарат по причинам, о которых скажу позднее, имел форму деревянного коня. И нечего удивляться, что он был с хвостом. Другие небесные тела, например кометы, тоже имеют хвост. Значит, хвосты обладают всеми правами гражданства в космосе. А теперь перейдем к сверхбиноклю. Хотите знать, что это такое? Усовершенствованный бинокль! С третьим тубусом, который при желании можно направить назад и без всякого труда видеть все, что происходит у вас за спиной, можно даже сказать — у вас в хвосте. Очень полезное, с моей точки зрения, изобретение. Будь у вас такой сверхбинокль, скажем, на стадионе, вы могли бы не только следить за игрой на поле, но и наслаждаться видом болельщиков проигрывающей команды. Разве не интересное зрелище?

Доктор пробормотал себе в галстук что-то невнятное, поправил складку на брюках, вспомнил, что его ждут важные дела, и удалился, не став слушать продолжение истории. Тем хуже для него. А мы закончим это небольшое отступление и начнем все сначала.

Синьор Экс-Паулюс

Капитан схватил сверхбинокль и, сгорая от любопытства, посмотрел на космического путешественника, который плавал в световом шлейфе корабля.

— Но это же не взрослый человек, это ребенок! — воскликнул он.

— Ничего удивительного,— проговорил штурман,— ребята всегда льнут к иллюминатору. Совершенно естественно, что иногда они выпадают за борт.

Капитан улыбнулся:
— Он верхом на игрушечной лошадке. Значит, задание выполнено. Но не будем зря болтать. Включить магнитное поле!

Не успел он отдать команду, как лошадка вместе со всадником мягко ткнулась в «брюхо» космического корабля. Тотчас же открылся люк, и мальчишка, потерпевший кораблекрушение, был принят на борт.

На вид ему можно было дать лет девять или десять. Темные волосы, огромные глаза. Одет в голубую пижамку. Он очень забавно спрыгнул с лошадки, скрестил руки на груди и гордо окинул взглядом экипаж, столпившийся возле него. Не утруждая себя приветствием, он с предельной категоричностью заявил:

— Эй вы! Имейте в виду, я ни на секунду не считаю себя вашим пленником.

— Пленником? — удивился капитан и погладил свою бороду. — Не понимаю.

— Ну если вам непонятно, что ж тогда спрашивать с меня?

— А ты мог бы, например, сказать, как тебя зовут?

— Меня зовут Марко Милани. А вас?

Капитан снова погладил бороду, а члены экипажа лукаво перемигнулись.

— Ты затронул больное место, — ответил капитан. — Еще неделю назад меня звали Паулюсом. Я носил это имя почти два года, и оно надоело мне, словно грязная рубашка. Тогда я расстался с ним. А другого имени пока не придумал. И сейчас меня вовсе никак не зовут. А какое имя посоветовал бы мне ты?

Марко недоверчиво посмотрел на него.

— Гм... Все шутите. Просто ваше имя — военная тайна! Ну и держите ее при себе. Я вовсе не сгораю от желания узнать ее. Кстати, это вы капитан корабля?

— До девяти часов,— ответил Экс-Паулус.— Мы тут капитанам по очереди.

— И все вы здесь капитаны?

— Точно так же, как полковники, генералы, майоры. Ведь титулы и звания ничего не стоят.

— Это где же они ничего не стоят?

— На нашей планете.

— Я так и подумал — вы не земляне.

Планета Ясная

Марко с большим любопытством разглядывал космонавтов, но не обнаружил в их облике ничего необычного: не было ни антенн на голове, ни рогов на лбу — ничего. Одни носили бороду, другие — усы, третьи вообще были чисто выбриты. Каждый имел по две руки и две ноги, на руках было по пять пальцев, нос и уши тоже на месте — все как полагается. И все были в пижамах. Марко решил, что в этот час они, видимо, собирались ложиться спать.

— А как называется ваша планета? — спросил он.

— Просто планета — и все.

— Так я и поверил! Опять военная тайна.

— Да нет же! Вот вы как называете вашу планету? Просто Земля, не так ли? И только другим планетам даете всякие забавные названия — Марс, Меркурий и так далее.

— А вы как называете Землю?

Капитан улыбнулся:

— Планета Ясная.

— Ясная? Значит, я — яснианин или, может быть, яснианец? Вот здорово! Расскажи я такое у нас в Тестаччо, обхохочутся даже туши в холодильнике у мясника.

— А что это такое — Тестаччо? — поинтересовался Экс-Паулус.

— Ничто. Военная тайна! — отрезал Марко.— Ясная... Ну ладно, ближе к делу. Меня интересует, каким образом я оказался тут.

— Это ты должен рассказать нам, каким образом,— ответил капитан.— Мы ведь только выловили тебя с помощью магнитного поля, когда ты прогуливался по Млечному Пути. Хотя твоего появления, очевидно, ждали.

Потому что мы получили приказ крейсировать в этой зоне и вылавливать потерпевших кораблекрушение. Должно быть, отдавая такой приказ, там, наверху, знали, что ты отправился в путешествие.

— Что касается меня, то я и не думал покидать Рим. Несколько минут назад я находился в своей комнате и не подозревал, что мне предстоит путешествие.

— Там, наверху, всё знают, дорогой мой.

Деревянная лошадка

— Как бы то ни было,— продолжал Марко,— моя история коротка и довольно глупа. И все из-за дня рождения. Если хотите знать; сегодня мне исполнилось девять лет. И вы себе представить не можете, как я расстроился, когда дедушка подарил мне деревянную лошадку-качалку. Если об этом узнают мои друзья, подумал я, мне лучше и не показываться больше в Тестаччо. А ведь дедушка, между прочим, почти обещал мне модель самолета с дизельным моторчиком. Сами понимаете, я прямо-таки кипел от обиды.

— Но почему? Деревянная лошадка — прекрасная игрушка!

— Разумеется. Для дошколят! Я унес ее подальше в спальню. И даже ни разу не вспомнил о ней за целый день. А вечером, когда раздевался и собирался лечь в постель, опять расстроился. Стоит себе как ни в чем не бывало и молчит, как болванчик. Да вот полюбуйтесь, пожалуйста! Какое глупое выражение нарисовано на ее морде. Что мне с ней делать, подумал я, куда бы ее деть? И просто так, ради любопытства, сел на нее. Не успел вставить ноги в стремя, как раздался оглушительный рев мотора, все вокруг погрузилось в темноту, у меня перехватило дыхание, я в испуге зажмурился... А когда открыл глаза, то увидел, что лечу на этой лошадке высоко над крышами Рима.

— Прекрасно! — весело заметил капитан.

— Ни чуточки! Во-первых, я замерз — ведь на мне только пижама. А кроме того, попробуйте-ка справиться с деревянной лошадкой. «Назад! — кричу я. — Вернись сейчас же домой, на Землю!» Да куда там! Она как нацелилась на Луну, так и понеслась, никуда не сворачивая, прямо к ней. И все с такой же глупой мордой, как тогда, когда я вытащил ее из коробки, — глаза стеклянные, ни-

каких признаков дыхания, да еще опилки в ушах. Совсем деревянная, ни одного настоящего волоска в гриве, все нарисованы. А постучите-ка по брюху! Пусто, как в барабане! Яснее ясного, что никакого мотора там никогда и не было, и пропеллера под хвостом тоже нет. А ведь летит — и все тут! Как? Каким образом? Поди угадай! Летит по-настоящему. И Земля, или, по-вашему, Ясная, скоро осталась далеко внизу, превратилась в голубенький кружочек, словно блюдечко из кофейного сервиза. А потом она неожиданно очутилась высоко над головой: сначала мне казалось, мы несемся вверх, но потом — будто летим вниз. Такое чувство, точно падаешь куда-то в бездну, все ниже и ниже, все быстрее и быстрее. Ясная стала совсем крохотной точечкой среди миллионов точно таких же точек. Прощай, Рим! Это конец, решил я. Затерян в космосе, и никакой возможности сообщить родным, где нахожусь.

— Да, впечатляющая, должно быть, картина... — заметил капитан.

— Я был слишком сердит, чтобы любоваться ею. Станьте-ка на мое место — утащен в небо четвероногим непарнокопытным из деревяшки! Мой папа, наверное, переворачивает теперь весь город, чтобы разыскать меня.

— Кто знает?.. — ответил капитан. — Часы в Риме, если не ошибаюсь, должны показывать сейчас двадцать три часа пятнадцать минут. И родители думают, что ты уже спишь в своей постели.

— Допустим. А завтра утром? Ну ладно, не будем думать об этом. Впрочем, мне уже больше нечего рассказывать. Потом я увидел впереди нечто вроде огромного коня с сотнями светящихся окошек в животе и яркими фарами на копытах. И вы подхватили меня. Вот и все.

Когда рассказ уже подошел к концу, космонавты весело рассмеялись.

— Смейтесь! Смейтесь! — проворчал Марко. — Только отвезите меня обратно.

— Нет, — сказал капитан. — Самое большее — через пару часов мы приземлимся на нашей планете. Таков приказ.

Марко искал слова, чтобы выразить свое возмущение, как вдруг раздался оглушительный рев, точно залаяло сразу сто тысяч бешеных собак. Стены космического коня задрожали. Из репродуктора послышался тревожный голос, но понять, что он говорит, было невозможно.

Собаки-пересобаки

— Тревога! Мы окружены! — Капитан Экс-Паулюс схватил Марко за руку: — Идем в мою кабину! Быстро! — И они устремились вверх по узкой крутой лестнице. — Хорошо, — добавил капитан, — что атака началась до девяти часов, пока я на посту. Из капитанской рубки лучше видно — она в голове коня. Смотри!

Кабина была вся застеклена и походила на веранду деревенского домика в горах. Было хорошо видно, как к космическому кораблю со всех сторон несутся полчища огромных чудовищ. С невероятным лаем они яростно кидались на корабль.

— Да ведь это же собаки! — удивился Марко. — Летящие собаки, черт возьми!

— Собаки-пересобаки, — уточнил капитан.

— Тоже астронавты, как ваш конь? Вражеская армада?

— Нет, нет! Просто скверные животные. Посмотри сюда, ты, верно, думаешь, что они крылатые? На самом деле это у них такие уши, а не крылья. Они вертят хвостом, как пропеллером. Потому и держатся на лету.

— И лают...

— Слишком громко. Мощная акустическая атака!

Одна из пересобак прижалась мордой к стеклу кабины, точно хотела заглянуть внутрь. Казалось, лай издавали даже ее глаза, лапы и живот. Марко крепко зажал уши, но все равно не мог спастись от оглушительного лая, который заполнял все вокруг.

— Осторожно! — воскликнул Марко, увидев, как одна из пересобак обнажила клыки и начала хватать стекло кабины.

— Не бойся, — успокоил мальчика капитан. — Стекло небьющееся. И кроме того, собаки, которые лают, даже лающие пересобаки, никогда не кусаются, ты ведь знаешь это. Не съедят они нас. Но оглохнуть от них можно. Ужасно надоедливые твари. К счастью, наш корабль движется гораздо быстрее их.

— Но ведь, наверное, проще убить их, — сказал Марко. — Вы бы раз и навсегда избавились от всех пересобак.

Капитан Экс-Паулюс с удивлением посмотрел на Марко.

— Убить? — переспросил он. — Что это значит?

— Убить — это значит уничтожить, искоренить, испепелить. Разве у вас нет «луча смерти»? Или бесшумных

пистолетов? Разве вы ничему не научились, когда смотрели фильмы про гангстеров?

Капитан Экс-Паулюс энергично провел рукой по бороде.

— Послушай,— сказал он,— ты почему-то не удивляешься, что мы понимаем твой язык и разговариваем с тобой? А между прочим, нам помогает вот этот электронный переводчик.— Капитан показал на маленькую кнопку, спрятанную под воротником пижамы.— Но, очевидно, аппарат этот плохо работает, или, быть может, ты употребляешь новые слова, которые нам еще не известны. Так или иначе, я тебя совершенно не понимаю. Убить... Что это значит?

Марко рассмеялся.

— Извините,— произнес он,— но мне смешно. Ведь «убить» — это одно из самых распространенных слов на свете. Его знали еще доисторические люди.

Но Экс-Паулюс уже не слушал его. Он крикнул в микрофон какие-то команды, нажал на кнопки, сдвинул рычаги, и через несколько секунд космический корабль, набрав скорость, легко устремился в просторы Вселенной, оставив лающих пересобак далеко позади.

Высадка в пижаме

Тут кто-то постучал в дверь кабины.

— Девять часов,— сказал Экс-Паулюс.— Меня сме-
няют. До свидания!

В дверях появился высокий мужчина с мрачным
лицом.

— Ну что, повезло тебе? — проговорил он, обращаясь
к капитану.— А мне не довелось насладиться спектаклем.

— Ничего не поделаешь — расписание есть расписа-
ние,— ответил Экс-Паулюс.— В другой раз полюбуешься
этим зрелищем. Познакомься, Марко. Это капитан
Петрус.

Марко пожал руку новому капитану, а сам тем време-
нем обратил внимание на одну звезду, которая была ярче
других. Звезда быстро приближалась, и не успел он спро-
сить ее название, как она превратилась в зеленый круг.
Круг увеличивался, и на его поверхности появились ка-
кие-то разводы, похожие на материки и океаны.

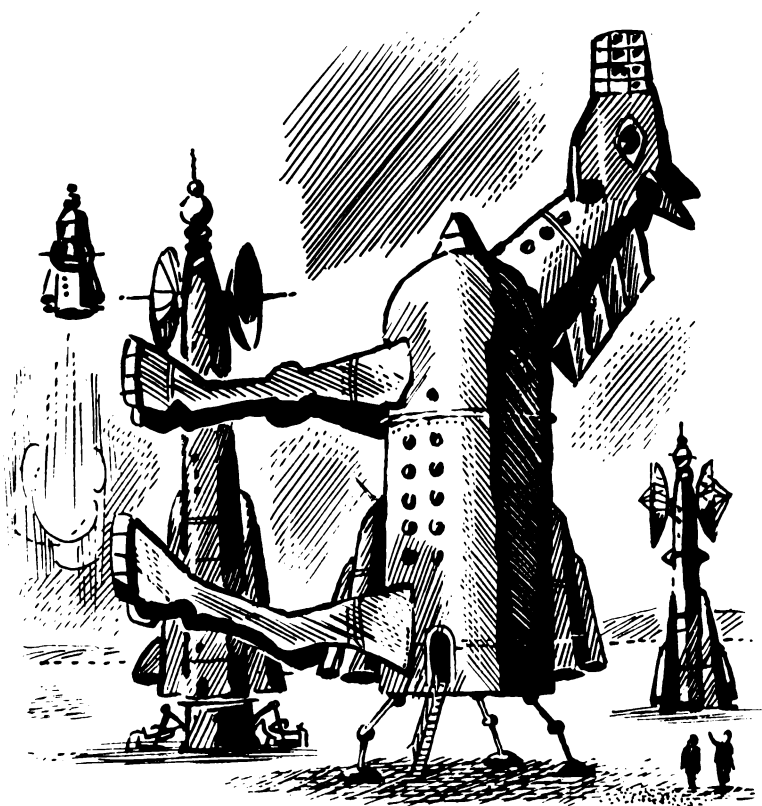
«Похоже, мы туда падаем»,— подумал Марко, но про-
молчал. Петрус был абсолютно спокоен, значит, бояться
нечего. Больше того, новый капитан даже повеселел.

— Вот мы и дома,— сказал он.— Это наша планета.
Облетим ее раза два, чтобы сбавить скорость, и, с твоего
разрешения, сядем.

Все точно так и произошло, как сказал Петрус. А когда
космический корабль вошел в атмосферу планеты, стало
светло как днем, и бортовое освещение за ненужностью
выключили.

Часы показывали половину десятого утра, когда Мар-
ко, совсем растерянный, ступил на поверхность неизве-
стной планеты. При этом он чувствовал себя довольно
неловко, потому что был в ночной пижаме. Но Экс-Пау-
люс, Петрус и другие космонавты тоже были в пижамах,
и, судя по всему, никто не собирался переодеваться перед
выходом из корабля. Марко решил, что мода на этой пла-
нете существенно отличается от римской. «Должно быть,
галстук здесь повязывает, когда ложатся в постель»,—
подумал он. И, не беспокоясь больше о своем костюме,
стал смотреть по сторонам.

Космический корабль, на котором он прилетел, дей-
ствительно как две капли воды походил на большого
игрушечного коня, хотя все остальные аппараты, что стоя-
ли на летном поле гигантского аэродрома, ничем не отли-
чались от обычных, земных, ракет. Они стартовали и при-

землялись, не издавая никакого ржания. Марко не успел и осмотреться хорошенько, как увидел, что к нему идет какой-то мальчик, тоже примерно лет девяти, такой же черноволосый, но в желтой пижаме. Он шел легко и непринужденно, как хозяин, который встречает гостя.

Новый гид

— Марко! — воскликнул он. — Привет! Надеюсь, путешествие прошло благополучно?

«Да кто же это такой? Откуда он меня знает? Я никогда прежде не видел его!» Марко вовремя вспомнил, что в Тестаччо делом чести считалось умение скрыть удивление, и ответил на его приветствие легким кивком, проборотовав что-то непонятное.

— Что, что? — переспросил улыбаясь мальчик.

— Говорю — хорошее путешествие, — ответил Марко, — хотя у меня и не было ни малейшего желания отправляться куда бы то ни было. Меня привезли сюда против моей воли, и я протестую!

— Нет, ты слышишь? — засмеялся капитан Петрус, хлопая мальчика по плечу.

— Здравствуйте, Экс-Паулюс. — Маленький незнакомец обратился к другому капитану. — Придумали себе новое имя? Как вас теперь называть?

— Нет, так и не знаю. Напишу на бумажках десять имен, положу в шляпу и вытащу наугад. Яснианин не захотел помочь мне в этом вопросе.

— Отчего же! Я предлагаю — Старый Таракан! — грубо ответил Марко.

Все засмеялись, чтобы скрыть неловкость.

— Ну ладно, пошли, — сказал Петрус. — Вручаю тебе потерпевшего кораблекрушение живым и здоровым. Не потеряна ни одна пуговичка.

— Как? — возмутился Марко. — Я требую, чтобы вы сейчас же отправили меня обратно на Землю! Высадили неизвестно где и еще отдаете какому-то малышу из детства!

— Не знаю, что и делать, — ответил Петрус, — но таков приказ. Если не возражаешь, я попрощаюсь с тобой, и поверь в мои самые добрые чувства...

— Но вы же не бросите меня тут! А кто отвезет меня обратно на Землю?

— Не беспокойся, — крикнул Экс-Паулюс, удаляясь с другими членами экипажа. — У тебя будет хороший гид.

Марко не находил слов, чтобы выразить свое возмущение. Он проводил взглядом космонавтов, потом посмотрел на космического коня и обнаружил на его морде точно такое же тупое выражение, какое было у его игрушечной лошадки. Марко резко повернулся к мальчику, но встретил его добрый взгляд и улыбку.

Забавный календарь

— Как тебя зовут?

— Маркус.

— Надо же!

— В твою честь, между прочим. Еще вчера я был Юлиусом. А сегодня мне поручено встретить тебя и со-

ставить тебе компанию. Я очень рад этому. Но еще больше рад подружиться с тобой.

— А я,— заявил Марко,— тоже рад, так рад, что охотно расквасил бы тебе физиономию! Что же это такое делается: сперва берут тебя в плен, даже не считая нужным объяснить, зачем и куда, а потом оставляют с каким-то малышом из детсада — и до свидания! Да я сейчас тут такое устрою! Все разнесу!

Лицо Маркуса радостно засияло, будто он услышал нечто особенно приятное.

— Я знаю, что тебе нужно! — воскликнул он. — Идем! — и, не оборачиваясь, устремился вперед. Марко ничего не оставалось, как последовать за ним. Впрочем, ему уже было все равно — идти или стоять на месте.

Они пошли по летному полю. Вокруг было много народу. И Марко невольно обратил внимание, что все были в пижамах и домашних туфлях — вообще выглядели так, словно прогуливаются по саду какой-нибудь загородной дачи, наслаждаясь теплым солнышком.

Первое здание, которое Марко увидел на этой планете — аэровокзал на космодроме,— оказалось длинным и низким строением из самого обычного стекла и кирпича. Только вот на окнах в цветочных горшках, какие стоят у нас чуть ли не на каждом балконе, вместо герани и других цветов, названия которых никак не упомянуть, росли маленькие новогодние елочки. Да, да, не просто зеленые елочки, а именно новогодние, украшенные сверкающими игрушками и снежинками из ваты, серебряными звездами и разноцветными лампочками. «Но ведь вчера был день моего рождения, то есть 23 октября! — с изумлением подумал Марко. — Неужели здесь так рано начинают готовиться к Новому году?»

Сразу же за межпланетным аэровокзалом начинался город. Самый обыкновенный город — дома, улицы, площадь. Дома высокие и невысокие, но, пожалуй, невысоких здесь было больше, и парков, похоже, было больше, чем домов. А вообще-то ничего особенного, если бы — вот опять! — не эти столь ранние приметы Нового года.

Вдоль бульвара, что вел к центру города, тянулись две нескончаемые шеренги высоченных елей, и они тоже были увешаны серебряными гирляндами, разноцветными лампочками и яркими игрушками, то есть украшены как самые настоящие новогодние елки.

— Скажи-ка,— обратился Марко к своему спутнику,— а какой сегодня день?

— Новогодний,— весело ответил тот.

«Какой же я дурак,— подумал Марко.— Должно быть, на этой планете совсем другой календарь, не такой, как на Земле. Там сегодня 24 октября, а здесь, выходит, 1 января».

Маркус тем временем вошел в здание, которое служило, видимо, складом деревянных лошадок, выбрал лошадку с двухместным седлом и пригласил Марко сесть вместе с ним.

— Ладно, кончай валять дурака! — рассердился потомок древних римлян, у которого и без того были свои счета с этими лошадками.

— А в чем дело? Это же наши «роботы». Садись и поедem. Они для того и существуют.

— Нечто вроде такси? — съехидничал Марко.— А где же счетчик? Короче, кому платить за проезд?

Маркус с изумлением посмотрел на него.

— А за что ты хочешь платить? — улыбнулся он.— «Роботы» общие. Кому надо, тот и берет их.

Деревянная лошадка плавно и бесшумно тронулась с места и легко полетела вперед, мягко покачиваясь в теплом и ласковом воздухе. Только тут Марко заметил то, что должно было поразить его еще раньше: в Новый год, зимой, на улице он был в одной пижаме, а у него даже руки не замерзли! Тут ему пришли на помощь скромные познания в географии. Он вспомнил, что и на Земле есть страны, где в январе жарко, как в Италии летом. И все же какое-то сомнение у него оставалось, но вскоре другие впечатления заставили его позабыть о нем.

— Смотри-ка, магазины открыты! — опять удивился он.

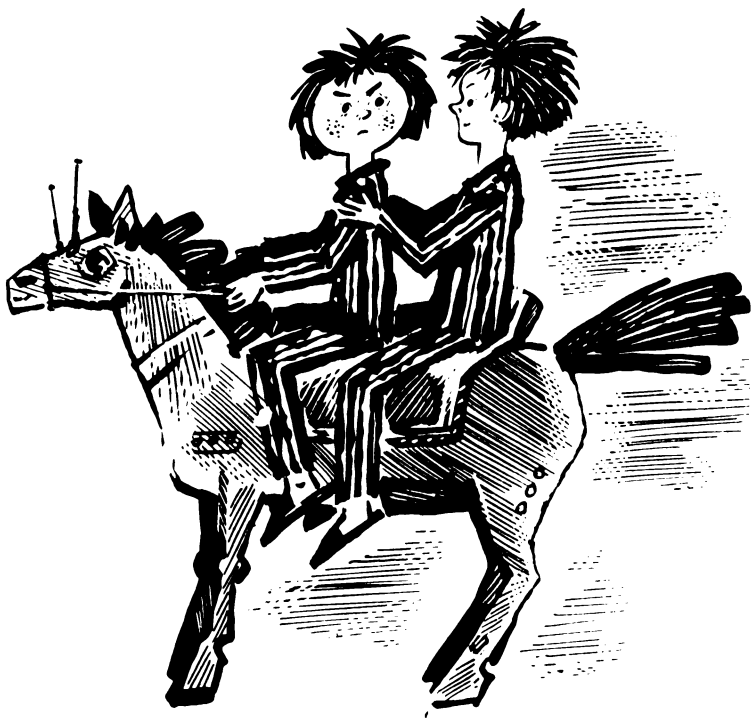
— Чего же тут странного? Они всегда открыты,— ответил Маркус.

— Да ведь сегодня Новый год! У нас в этот день все отдыхают.

Маркус не ответил.

«Просто какая-то ненормальная планета! — подумал Марко.— Игрушечные лошадки вместо такси, и магазины открыты в Новый год... Сам черт не разберет, что тут делается!»

Дома на бульваре выглядели чистыми и нарядными. И не найти было ни одного балкона, ни одного окна, где не выставлена была бы новогодняя елочка, украшенная блестящими игрушками. Городские власти, если, конечно, это они позаботились о них, немало потрудились. Невоз-

можно было представить себе город, украшенный лучше. Он был красив, как рекламная афиша «Летайте самолетами „Италтурист“». Однако все же странно, что повсюду открыты магазины. Впрочем, возможно, что сегодня не 1 января, а 31 или даже 27 декабря? Обычно к Новому году готовятся заранее, да и хозяева магазинов заинтересованы в том, чтобы люди сделали побольше покупок.

— Маркус! — позвал Марко. — А какой день был вчера?

— Новогодний, — услышал он в ответ.

«Ну вот, я был прав, — обрадовался Марко, — магазины открыты потому, что не сегодня Новый год... Он был вчера. Впрочем...»

— А какой день будет завтра?

— Новогодний. Я уже сказал тебе.

— Но ведь он был вчера! — возмутился Марко.

— Ну да — вчера, сегодня, завтра... Всегда! У нас все дни новогодние.

— А ну тебя! — вскипел Марко. — Вы только и делаете, что без конца шутите. Я обещал расквасить тебе физиономию и, очевидно, с удовольствием это сделаю.

— Но мы как раз идем туда. Потерпи немного.

— Куда идем-то?

— Туда, где ты сможешь отвести душу и вволю побушевать.

Можно ломать все что угодно!

Марко не знал, что и ответить. Впрочем, они уже пришли. Бульвар вывел их на широкую площадь, окруженную огромными новогодними елками, и Марко увидел красивый дворец, на фронтоне которого сверкали большие буквы: «Ломай что угодно!» На дверях красовалась надпись: «Вход свободный в любое время дня и ночи».

— Тебе повезло, — сказал Маркус. — Дворец открылся после ремонта всего два дня назад, и его только-только начали разрушать. Приехал бы ты неделю назад, нашел бы здесь одни развалины.

Ребята оставили деревянную лошадку у тротуара, где стояло изрядное количество таких же «роботов», и вошли в здание.

Если послушать Маркуса, то идея построить подобный дворец родилась еще в прошлом веке. Ее предложил известный астроботаник, который был знаменит тем, что, не выходя из дома, замечательно умел описывать флору самых отдаленных планет. Ученый был по совместительству и хорошим семьянином. Как-то он заметил, что его дети все время стараются что-нибудь сломать или испортить. В доме гибло буквально все, к чему прикасались их руки. И тогда астроботаник взял да и подарил им вместо обычных игрушек несколько сот самых дешевых мисок и тарелок.

Детей у него было двое. Чтобы методично перебить эту гору посуды, раскрошить на самые мелкие кусочки — не больше остриженного краешка ногтя, этим разбойникам понадобилось почти пять дней, причем работали они в четыре руки и даже в четыре ноги с восхода и до заката солнца. Но самое главное, что к концу этой операции у них совершенно пропало всякое желание ломать что бы то ни было и уже больше никогда не возникало. Ученый высту-

нил в газете, показав с цифрами в руках, что благодаря сотне-другой тарелок он получил немалую экономию, если считать по ценам минувших столетий, потому что в доме больше ничего не портилось: ни мебель, ни коллекционный фарфор, ни зеркала, ни стекла...

«Почему бы,— предлагал ученый,— не применить эту систему шире? Разве только дети испытывают время от времени неукротимое желание что-нибудь сломать? Или мы, взрослые, люди второго сорта, и у нас нет права поиграть своими мускулами? Тем более теперь, когда все на свете вместо нас делают машины — добывают уголь, обрабатывают камень и дерево, разрушают атомы...» И так далее и так далее.

Статья была длинной и убедительной. А через две недели вопрос о строительстве дворца «Ломай что угодно» был уже делом решенным. Построили его тоже очень быстро. Получилось многоэтажное здание, все помещения которого были заполнены различной мебелью, а серванты и буфеты, в свою очередь, были битком набиты по-

судой. И все это — тарелки, стаканы, ковры, столы, стулья, диваны, двери, окна — можно было бить, ломать, рвать, портить.

Дети приходили во дворец в определенные дни в сопровождении учителей, и им разрешалось ломать тут все что угодно. Ребята, разумеется, не заставляли себя долго упрашивать. Взрослые иной раз тоже заглядывали сюда, когда у них было очень плохое настроение, становилось вдруг грустно или хотелось с кем-нибудь поссориться.

Им, понятное дело, предлагали заняться самой трудной работой — ломать крышу, стены и, если было желание, даже фундамент. Чтобы разрушить его, приходилось трудиться куда больше, чем рабам на строительстве пирамид в Древнем Египте. Но в конце концов, когда они уже совсем выбивались из сил и бросали работу, к ним возвращалось хорошее настроение, и по крайней мере лет десять не возникало желания ссориться с кем-нибудь или бросать на пол фарфор во время семейных «недоразумений».

Экономисты, вооружившись цифрами — расчеты сделали электронно-вычислительные машины, — показали, что разрушение дворца «Ломай что угодно» позволяет сэкономить сумму в сто раз больше той, что затрачена на строительство и на все вещи, какими заполнен дворец, а главное — на 28,51 процента улучшает настроение граждан. Так что идея вполне оправдала себя.

Поняв, о чем идет речь, Марко захотел, чтобы и к нему вернулось хорошее настроение.

Несмотря на бессонную ночь, он чувствовал себя бодро и с жаром принялся за работу — начал ломать огромный платяной шкаф. Для этого ему понадобились топор, молоток и велосипедный насос — все может пригодиться, когда хочешь довести до конца хорошее дело.

Рядом, в соседних залах дворца, под наблюдением родителей и учителей трудилось по крайней мере пятьсот школьников. Они, как могли, старательно уничтожали мебель. Их веселые голоса и гром молотков эхом разносились по всему зданию.

Часа за два Марко справился не только с платяным шкафом, но и с мебелью для гостиной и с двумя спальными гарнитурами. Из дворца «Ломай что угодно» он вышел абсолютно спокойным, не испытывая больше ни тени неприязни к Маркусу.

Движущиеся скамейки

На улице Марко обрадовался неожиданной тишине. Слышны были только тихие и приятные звуки. Люди разговаривали очень живо, но не громко, а общественный транспорт, то есть деревянные лошадки, двигались совершенно бесшумно, словно лодки по глади озера. Да и пешеходы вроде бы не шли, а скользили мимо. Оказывается, на многих улицах были устроены движущиеся тротуары. Стоило ступить на бегущую ленту, как на эскалатор метро, и, пожалуйста, отправляйтесь дальше — от перекрестка к перекрестку. Если вам надо было ехать далеко, скажем, в другой конец города, вы могли присесть на скамейку — их было достаточно. Особенно устраивали они людей пожилых, для которых сидение на скамейке даже тут, на этой странной планете, тоже было, очевидно, любимым времяпрепровождением.

«Эх,— невольно вздохнул Марко,— такую движущуюся, и бесплатную к тому же, скамейку да моему бы дедушке! Ведь он целыми днями сидит на одном и том же месте возле дома. Какое счастье было бы для римских пенсионеров, если б они могли целыми днями разъезжать на скамейке по всему городу — от Колизея до Джаниколо, от площади собора святого Петра до Монте Марио! Окажись такой движущийся тротуар на площади Пантеона, уверен, дедушка переселился бы туда навсегда. Бедный дедушка! Интересно, что он сейчас делает?»

Но тут Марко вспомнил, что именно из-за дедушки и его подарка он затерялся на Млечном Пути, возможно и дальше, ужасно далеко от Тестаччо, от друзей. И гнев, который было утих, вскипел с новой силой.

— Хочу есть,— грубо прервал он объяснения Маркуса.

— Прекрасно! Я тоже. А раз так, идем в кафе.

Они ступили на движущийся тротуар и неслышно поплыли мимо заполненных людьми магазинов. Люди, кстати сказать, все, как один, были в пижамах. Похоже, что другой одежды тут не носили.

«Конечно, пижама — вещь очень неплохая, и домашние туфли, бесспорно, удобнее ботинок. Но выходить в таком виде на улицу, по-моему, совершенно неприлично! Хотя, с другой стороны, это меня не касается — пусть себе ходят в чем хотят, даже в масках. Какое мне дело! Я же не собираюсь жить здесь вечность!»

Марко хотелось критиковать все, что происходило на этой странной планете. Но это плохо удавалось ему. Он вынужден был признать, что бесплатное такси и движущийся тротуар — придумано совсем неплохо. Да и новогодние елки тоже поднимали настроение. Ко всему прочему, было очень тепло, и в воздухе разливался аромат цветов.

«Как весной в прекрасном саду!» — невольно подумал Марко.

А тротуар между тем двигался по улице мимо домов с празднично украшенными витринами.

Воруй сколько хочешь

И тут Марко заметил еще одну странность — витрины были без стекол! Возможно потому, что здесь такой хороший климат. Но разве это не опасно, разве это не способствует воровству? И, словно подтверждая его опасения, какой-то синьор, когда они проезжали мимо витрины фруктовой лавки, протянул руку, схватил большую гроздь винограда и преспокойно принялся его есть, кладя в рот виноградинку за виноградинкой. И никто вокруг словно ничего не заметил.

А потом другой вполне уважаемый старичок встал со скамейки и подошел к краю тротуара, как бы собираясь сойти с него. Но сходить он не стал, а принялся что-то высматривать впереди, будто ожидая чего-то. Когда же тротуар подвез его к газетному киоску, он ловко стащил толстый иллюстрированный журнал, взглянул на номер, убедился, что это именно тот, который ему нужен, снова удобно уселся на скамейку и начал спокойно листать его.

«Вот это да,— подумал Марко, снова вскипев.— И номер проверил, не слишком ли старый журнал. Неужели я попал в страну воров? Маркус тоже все видел, но ничего не сказал...»

Однако прежде, чем они подъехали к кафе, случилась еще более странная история. Старичок — тот самый, что украл журнал,— снова поднялся (бывают же такие беспокойные люди!), подошел к Маркусу и, вежливо улыбаясь, попросил его о небольшой любезности.

— Молодой человек,— сказал он,— для вас это не составит труда... Мне нужна сигара, но боюсь, что не смогу взять ее, не сходя с тротуара. Не добудете ли вы мне одну в ближайшей лавке? Там на витрине прекрасные сигары. Я видел, когда проезжал тут вчера.

— С удовольствием! — ответил Маркус.

И никто даже не улыбнулся.

— Только, пожалуйста, выберите не слишком темную и не очень светлую, — посоветовал старичок, который ел виноград.

— Постараюсь, — ответил Маркус. — Хорошо, что предупредили, я в сигарах плохо разбираюсь.

Говоря так, Маркус обернулся, потому что табачная лавка была уже совсем рядом, наклонился и подхватил сразу две сигары.

— О, вы очень любезны! — воскликнул старичок.

— Из двух можно выбрать, — объяснил Маркус.

— Конечно, конечно, благодарю вас! — поклонился старичок.

Он взял сигару получше, другую засунул в карман и вернулся к скамейке, где, очевидно чтобы сохранить место, оставил украденный журнал.

Марко так и обмер. Вот ведь какая штука — он очутился в воровской компании! Нет, лучше всего молчать — делать вид, будто ничего не замечаешь.

«Высказаться, — решил он, — я всегда успею».

Вскоре они сошли с движущегося тротуара и направились в кафе.

Поначалу Марко не заметил ничего необычного — ничто не отличало кафе от рядовой римской trattoria: даже вазы с цветами стояли на столах, покрытых белыми скатертями. И реклама, как и всюду, настойчиво приглашала посетителей отведать фирменное блюдо.

Слово «платить»

«Сегодня триштекс на коротких шампурах!»

«Попробуйте нотку «до» из горла индюка!»

«Жареные краники — холодные и горячие!»

По мнению Марко, все это не слишком-то пробуждало аппетит. Но оказалось, тут есть вещи и пострашнее. Он убедился в этом, когда заглянул в меню. Это была толстая и тяжелая, как телефонный справочник, книга. На каждой странице перечислено не менее трехсот блюд. Всего книга содержала по меньшей мере триста тысяч различных кулинарных рецептов. А в конце были чистые листы, и посетителей кафе просили вписывать туда рецепты собственного изобретения.

«Возьмите два бутылочных горлышка, — предлагал некто, подписавшийся Пиппус, — одно тотчас же выкиньте, а другое отправьте на три дня в карцер и каждые три часа добавляйте полкило хорошо приготовленных стружек, рожки улитки, отварные вилки, бисквит, трисквит и динамитные шашки. Все это можете приправить по вкусу толченым мелом, горной галькой и гвоздями. На гарнир рекомендуются мелко нарезанные шины трехколесного велосипеда. Блюдо приобретет особую пикантность, если перед подачей на стол полить его зелеными чернилами для авторучек».

Марко подумал, что самое пикантное было бы, если б повар догадался выбросить блюдо в мусорный бак, но промолчал, чтобы не выглядеть провинциалом, который впервые попал в город и всему удивляется.

Он продолжал листать меню, останавливаясь на самых необычных кушаньях: «Ножки поросенка с лампочками в соусе из лестничных перил», «Ножки хромоногого столика», «Оцинкованное листовое железо по-цыгански», «Суп из фаршированных кирпичей».

— Чем же они фаршированы? — спросил Марко у своего улыбающегося спутника. — Я бы не хотел, чтобы внутри оказалась кожа от каштанов или радиодетали. Их я вовсе не люблю.

— Напрасно. Фаршированные кирпичи — очень вкусное блюдо, — сказал Маркус. — Я прекрасно понимаю, что наше меню не вызывает у тебя восторга. Но мы привыкли есть все — железо, уголь, цемент, стекло, дерево, а также гвозди, щипцы, легко усваивается даже телефонный кабель. Все съедобно на нашей планете.

— Как же остаются невредимыми ваши города? Ведь можно съесть, наверное, и дома со всеми дверями и окнами?

— Конечно можно, но они нужны нам, чтобы жить в них, спать, слушать музыку, читать книги, принимать друзей. Ну как, у тебя прибавилось аппетита после знакомства с этим меню?

— Пожалуй. Дело в том, что недавно мама водила меня к врачу, тот нашел, что я слишком толстый, и назначил мне железо. Пришлось пить какой-то препротивный сироп. Так что я воспользуюсь случаем и закажу себе хороший железный бифштекс.

К столу подошел официант в белой куртке. Это был робот с шестью парами рук, и на каждой висела салфетка. Всего, следовательно, их было двенадцать. Робот внимательно выслушал заказ и убежал, но почти тотчас вернулся со множеством тарелок.

Железный бифштекс на шампуре оказался необыкновенно нежным и ароматным. Марко уничтожил его в несколько секунд.

— Тебе надо было заказать четвероштекс, — пошутил Маркус, который с удовольствием пил кофе с молоком

и персиковым джемом (точнее, с жестяной банкой, в которой когда-то был персиковый джем).

Марко захотел попробовать также суп с кирпичами и обнаружил, что он был заправлен пастой для шариковых ручек и пеплом от папирос.

На третье робот предложил фруктовый коктейль. Марко почувствовал запах апельсинового сока, но Маркус объяснил, что это всего-навсего смесь дождевой воды и старого машинного масла для смазки автомобилей, которое хранят в специальных деревянных сосудах, выдолбленных из железнодорожных шпал.

Полужинав, мальчики встали и направились к выходу.

— А кто заплатит по счету? — поинтересовался Марко в дверях.

— Заплатит? — переспросил Маркус. — Опять? Ты же знаешь — у нас это слово не употребляется.

— О да, я понял это, когда ты стащил сигары для старичка! — ехидно заметил наш яснианец. — А теперь ты будешь уверять, что можно прийти в кафе, вкусно поесть, вытереть рот салфеткой, и робот...

— Благодарю вас! Приходите еще! — как раз в этот момент с нижайшим поклоном произнес робот.

— Придем, когда будем поблизости, — вежливо пообещал Маркус, пожимая одну за другой все двенадцать его рук.

— Не забывайте меня, — попросил робот. — А то я скучаю без работы. Видите, в кафе почти пусто.

— Мы обязательно придем сегодня вечером, — пообещал Маркус, видимо чтобы успокоить его.

Мятная гроза

На этот раз ребята не воспользовались движущимся тротуаром, а решили пройтись немного по тихим, безлюдным улочкам. Однако и здесь дома были празднично украшены сотнями больших и маленьких новогодних елок. Они росли даже на крышах. И Марко стало казаться, что он пробирается под ветвями одной огромной новогодней елки. Он то и дело задевал что-нибудь головой — серебряный колокольчик, звездочку или еще какую-нибудь милую безделушку, все назначение которой только в том, чтобы внести в дом веселье.

— Городские власти, должно быть, потратили уйму денег на все эти украшения! — заметил Марко.

— Ни одной копейки,— ответил Маркус.— Хотя бы потому, что у нас давно отменены деньги. А украшения растут сами собой. Разве не видно?

Марко внимательно посмотрел на ближайшую елку и убедился, что лампочки, колокольчики, шарики и все прочие игрушки действительно росли на ветвях, как плоды,— каждый на своем черенке.

— И расцветают под Новый год? — спросил Марко.

— Нет, они цветут круглый год. У нас ведь каждый день новогодний, я уже тебе говорил.

— В таком случае вашу планету можно назвать Планетой Новогодних Елок,— решил Марко. И с удивлением подумал, что завидует Маркусу. Ведь на старой-престарой Земле таких деревьев, насколько помнит человечество, никогда не росло, кирпичи есть нельзя, а если хочешь посидеть в субботу вечером в трактирии и поесть принесенную с собой в узелке еду, нужно заплатить за бумагу, которую официант постелит на стол.

«Интересно, в какой стороне наша Земля? Внизу? Или наверху?»

Воздух оставался все таким же теплым и благоуханным — легкий ветерок приносил запахи самых разных цветов.

— Да, вам тут хорошо,— вздохнул Марко.— Не только круглый год новогодние праздники, но, похоже, и весна никогда не кончается.

Маркус наклонился, собрал пальцем немного пыли и предложил гостю понюхать. Пыль пахла ландышами.

— Да это же пудра! — удивился Марко.

Он посмотрел наверх и увидел, как большая розовая туча, закрыв солнце, быстро затянула полнеба.

— Однако,— не без удовольствия заметил Марко,— я вижу, что и в этой стране изобилия случаются грозы?

Гроза действительно началась. Только вместо дождя с неба посыпались миллионы разноцветных конфетти. Ветер подхватывал их, кружил, разносил во все стороны. Создавалось полное впечатление, что нагрянула зима и занялась снежная пурга. Однако воздух оставался по-прежнему теплым, напоенным разными ароматами — пахло мятой, анисом, мандаринами и еще чем-то незнакомым, но очень приятным.

— Но откуда столько запахов сразу? — удивился Марко.

— Об этом заботятся машины,— пояснил Маркус,— которые приводят в движение воздух и формируют тучи

и облака. Если хочешь, я отвезу тебя в Центр Прекрасной Погоды.

Маленькие разноцветные кружочки легко, будто снежинки, опускались на голову и одежду. Поймав на ладонь несколько конфетти, Маркус отправил их в рот, и Марко, вспомнив, что в этой стране все съедобно, последовал его примеру. Это были самые настоящие мятные конфеты. А потом он обнаружил, что стоит открыть рот, как конфетти сами влетают в него, словно птички в гнездо, и сразу же с приятнейшим вкусом тают на языке.

Вскоре туча развеялась, и снова выглянуло солнышко. Над землей легкой поземкой продолжали кружиться конфетти. словно снежком припорошили они новогодние елки. Птицы садились на ветви и с веселым щебетом клевали небесные конфеты.

Картина была уж слишком слащавой, с точки зрения Марко, просто приторной.

— Прямо какая-то кукольная страна! — не удержался он.

А про себя решил при первой же возможности снова вернуться во дворец, где можно ломать что угодно, и отвести душу, расправившись с несколькими шкафами.

«Удачи всем, кто прочитал!»

Ребята вышли на небольшую площадь, окруженную высокими очень белыми стенами. Очень белыми — это, конечно, сказано условно, потому что каждая стена снизу доверху была разрисована всякими каракулями и покрыта разными надписями, сделанными цветными мелками. Какой-то старичок выводил что-то на стене зеленым мелком. Несколько любопытных стояли рядом и временами подавали ему советы. Чуть поодаль старательно выводила буквы девушка. Видимо, она сочиняла письмо, потому что издали можно было прочитать огромное слово: «Дорогой...»

Мальчики подошли к старичку и прочитали надпись, которую он сделал:

Ни в коем случае нельзя
На все чихать, мои друзья!
Кто этого, увы, не знал,
Тот очень много потерял.
Удачи всем, кто прочитал!

— Он пишет объявление, — объяснил Маркус. — У нас любой может писать все, что ему вздумается. Прежде в городах повсюду торчали грозные таблички: запрещается то, не разрешается это... А теперь запрещать нечего, потому что люди давно уже не делают ничего плохого или недозволенного. И все потому, что ничего не запрещается. Нашим гражданам не остается ничего другого, как развлекаться, придумывая всякие забавные тексты. Именно для этого и поставлена здесь подобная «стена объявлений». Когда на ней уже не остается свободного места, ее закрашивают белой краской.

Рядом раздались аплодисменты. Люди пожимали старичку руку, поздравляли с удачной выдумкой. Вторая надпись, которую он сделал, предлагала:

А ну, попробуй отгадать,
Сколько будет
Кот плюс пять!

Юмор Марко не понравился, и он подошел к девушке, которая писала голубым мелом.

«Дорогой прохожий, — прочитал Марко, — если тебе грустно, подумай обо мне, потому что сегодня я влюбилась в доктора Филибертуса, и мое счастье сделает счастливым и тебя. Мелания, преподаватель химии и математики».

— Если такое пишет на стенах учительница,— усмехнулся Марко,— что же тогда творят ее ученики?

Он прошел вдоль стены и прочитал немало любопытных объявлений. Некоторые так понравились ему, что он даже запомнил их.

Объявляем всем, всем, всем!
Отныне запрещено сердиться!
Нарушителям завтра в суд явиться.

Внимание! Взрослые и дети!
Отныне разрешается все на свете:
Рвать цветы и бегать по газонам...
Конец запрещенным зонам!
Просим полицейских, пап и мам
Помогать озорничать малышам!

Слушайте все! Слушайте все!
В десять часов каждое утро
По радио вместо зарядки
Передаются сказки, ребятки!
Рекомендуем не опаздывать!

В нашем городе
Ложиться спать без ужина
Строго запрещено.

Друг-шофер и друг-пешеход,
Когда дети играют в мяч,
Прекрати движение и не маячь!

Взрослые! Бывшие дети-проказники!
Просим ходить на голове
Каждые праздники!

Бабушки и дедушки!
Бросьте вязание, бросьте трубки!
И спешите на курсы сказочников.
Завтра начнутся занятия,
Приглашаем всех без изъятия!

Кто хочет сказать неправду,
Солгите сегодня,
Потому что завтра
повсеместно
Запрещается ложь!

На нашей планете
Строго запрещается воевать
В небе, на земле и на море...
Довольно горя!
Тот, кто нарушит этот закон,
Будет за уши выброшен вон.
Прочь с нашей планеты!

А потом Марко, недолго думая, поднял с земли черный брусочек и написал:

«Правителям этой планеты: вы придумали немало замечательных вещей, молодцы! Но когда вы отправите меня обратно домой? Марко».

Тотчас за его спиной раздался громкий хохот, и люди, что стояли возле старичка, поспешили к Марко узнать, в чем дело.

— Почему они смеются? — удивился Марко.

— Из-за твоей ошибки, — сочувственно вздохнул Маркус. — Ты поставил после подписи запятую.

Триумф Этельредуса

Покинув площадь, ребята оказались на перекрестке, где собралась большая, шумная толпа, в центре которой расположились музыканты с инструментами, висевшими на шее. Оркестранты перебрасывались репликами и, видимо, ожидали знака дирижера. Марко заметил, что они мало интересовали собравшихся. Все внимание их было обращено к стеклянной урне, в которую люди по очереди опускали какие-то бумажки.

— Я понял! — воскликнул Марко. — Это голосование! Маркус улыбнулся, но промолчал. В это время к урне подвели маленького мальчика с завязанными глазами, он вынул из нее бумажку и передал своим провожатым. Все притихли, и тут же отчетливо прозвучали слова:

— Этельредус Аррейфедус Провалляйтус!

Толпа закричала: «Ура!» Оркестр грянул веселый марш, и какой-то высокий, раскрасневшийся от радости человек вышел вперед и начал пожимать всем руки. Робот-рабочий достал из мешка длинную мраморную доску, что-то быстро написал на ней и укрепил на стене дома.

«Улица Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса», — прочитал Марко.

Старичок, стоявший рядом с Марко, даже не пытался скрыть своего огорчения.

— Вот уже два месяца, — сетовал он, — как я участвую в этом конкурсе и никак не могу выиграть! Наверное, мне лучше вернуться в переулок номер сорок пять. Там мое имя не называли уже сто четыре недели, должны же вытащить, в конце концов!

Так Марко узнал, что на Планете Новогодних Елок названия улиц, переулков и площадей разыгрываются среди горожан. Игра происходит каждую неделю, чтобы больше народу могло принять в ней участие.

Разумеется, если человек не хотел, он мог не участвовать в этой затее. А те, кто участвовал, делали это скорее ради забавы, чем из тщеславия.

«На Земле, — подумал Марко, — такие азартные люди непременно стали бы играть в лотерею или спортлото. И при этом могли по крайней мере надеяться выиграть какую-нибудь кругленькую сумму».

Напрасный удар

Он попытался объяснить это различие Маркусу, но смутился и не сумел.

— Кругленькую сумму? — переспросил Маркус. — А что это такое? Что с ней делают?

— О господи! — рассмеялся Марко. — Как трудно говорить с таким дуралеем!

И, чтобы отвести душу, он изо всех сил пнул ногой банку, что валялась на дороге. Но удар не принес ему никакой радости, потому что банка была резиновой. Оказывается, по приказу городских властей роботы специально

разбрасывали такие банки по улицам, чтобы ребята, которые по пути в школу или домой всегда играют в футбол, не отбивали себе ноги и не рвали обувь.

Между тем уже стемнело, и новогодние елки вспыхнули вдруг яркими, веселыми огоньками. Город засверкал тысячами разноцветных лампочек, нарядно и празднично, как бывает только под Новый год.

— И ночью витрины тоже не закрываются? — полюбопытствовал Марко.

— Конечно. Зачем их закрывать? А вдруг тебе понадобится пара ботинок, пишущая машинка или, допустим, холодильник?

«Если тут запросто воруют днем, представляю, что творится ночью», — подумал Марко, но промолчал. Он очень устал, ужасно хотел спать и совсем не был настроен обсуждать подобные вопросы. Дедушка, деревянная лошадка, космическое путешествие, удивительные особенности этой странной Планеты Новогодних Елок — от всего, что он увидел и узнал за этот день, голова кружилась, как на чересчур быстрой карусели. Он покорно ступил следом за Маркусом на движущийся тротуар, присел на скамейку и заснул прежде, чем успел закрыть глаза.

Пробуждение

Марко проснулся от оглушительного лая и обнаружил, что лежит на кровати в большой освещенной комнате. И Маркуса рядом нет.

— Опять, наверное, пересобаки! — вздохнул он. — Но где я?

Его старая голубая пижамка висела на спинке стула, а он был одет в новую, зеленую. Выходит, кто-то принес его сюда, в эту комнату, переодел и уложил в постель, а он даже не заметил всего этого. Прежде он никогда не удивлялся, если, открыв глаза, оказывался в своей залитой солнцем комнате на пятом этаже самого обычного дома в Тестаччо, хотя еще минуту назад — во всяком случае, так ему всегда казалось — играл с дедушкой на кухне в домино.

Постель оказалась мягкой и удобной, а в комнате было очень чисто и красиво. На тумбочке у кровати стоял телефон. Марко погладил трубку. Жаль, что он не знает ни одного местного номера и не может никому позвонить.

Над головой раздался сильный топот. Очевидно, пересобаки опустились на крышу дома. Их чудовищный лай становился все громче. Поспать бы еще немного, но, видно, не удастся. Во всяком случае, до тех пор, пока длится нашествие.

«Интересно, кто не позволяет покончить с этими собаками?» — подумал Марко, надевая свои домашние тапочки.

Он открыл дверь и оказался в другой, точной такой же комнате. Постель была неубрана. Наверное, тут спал Макус. Но где же он?

— Маркус! — позвал Марко, выйдя в коридор. Других комнат на этом этаже он не обнаружил, а деревянная лестница привела его вниз, в гостиную, которая, похоже, занимала весь первый этаж.

— Маркус! — снова позвал он. Но никто не ответил.

Робот вяжет на спицах?

Марко побродил по гостиной, взял из вазы большое красивое яблоко и принялся есть.

Еще раз оглядев комнату, он увидел на стене большой белый экран, а сбоку черную кнопку, очевидно для включения. Марко нажал на нее. Экран сразу же засветился, и на нем появилось изображение пересобак — они стаями носились над городом.

— Уже улетают, — услышал Марко за спиной чей-то голос. Он быстро обернулся. Перед ним стоял робот в желтом халате. Глаза его ярко фосфоресцировали, а руки были заняты делом, которое, если б речь шла о бабушке, Марко определил бы как вязание на спицах.

— Вяжу себе шапку-ушанку, своего рода шлем, — объяснил робот, заметив, что Марко с удивлением смотрит на его руки. — И при следующем нашествии пересобак не буду страдать от этого ужасного лая. Правда, я надеюсь, что этот визит последний.

— Тогда зачем же вяжешь?

— Не могу сидеть без дела! Я робот-домохозяйка, а здесь у меня очень мало работы. К тому же мне нравится вязать. А вы яснианин? Во всяком случае, так мне сказал ваш друг. Вы так крепко спали, когда приехали сюда, что пришлось раздеть вас и уложить в постель.

— А где Маркус?

— Не знаю. Он ушел. Сказал, что вряд ли вернется. Велел приготовить вам завтрак.

«Ничего себе! — подумал Марко. — Сначала какой-то мальчишка, теперь робот... Перекидывают меня от одного к другому, словно мячик!»

Робот был явно доволен, что может поболтать, но руки его ни на минуту не оставляли спицы в покое.

— Это дом Маркуса? — спросил Марко.

— О нет! Это мой дом. В каком-то смысле. У меня еще дюжина таких же. Люди приходят сюда на какое-то время, как в гостиницу. Спят, отдыхают, встречаются с друзьями, музицируют, а потом уходят, и только я живу здесь постоянно. Я должен обслуживать их. Выходит, я почти что вправе считать этот дом своим, не так ли?

— Атака пересобак, — произнес голос с экрана, — окончена! Продолжаем наши передачи. Смотрите концерт для крышек с горшками.

Марко нажал на кнопку, и в комнате стало тихо. Но робот вскоре нарушил молчание.

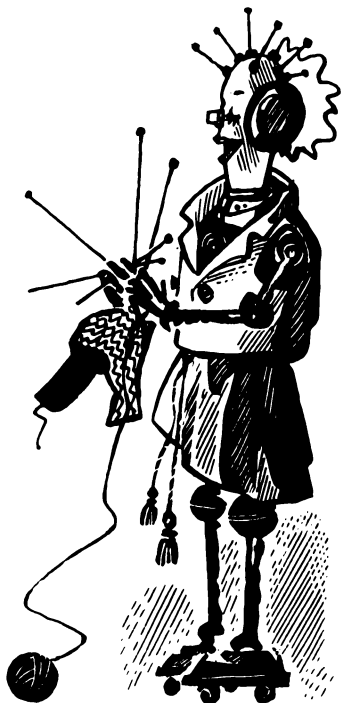
Вам надо бы вернуться в постель, — сказал он. — Вы, похоже, привыкли спать только ночью. А у нас, знаете ли, каждый спит, когда вздумается, и бодрствует, когда захочет.

— А когда же люди работают?

— Тоже когда хотят, — с готовностью ответил робот. — Труд так же доброволен, как отдых. Разумеется, это не относится к нам, роботам. Мы ведь смонтированы именно для этого — для работы. И мы трудимся день и ночь. Но труд доставляет нам радость — ведь в нем смысл нашего существования. А люди, напротив, распоряжаются своим временем, как им заблагорассудится.

— Но как же они зарабатывают себе на хлеб?

— А зачем это делать? —

удивился робот.— Все наши кафе открыты круглосуточно.

— А кто готовит еду?

— Машины. Все делают машины. Они такие умницы, что за ними даже присматривать не надо. Все умеют делать — строят дома, тачают обувь, собирают телевизоры, моют посуду. И даже могут поспорить с нами, роботами...

Марко зевнул.

— Послушайте меня,— продолжал робот.— Ложитесь и поспите еще немного. А если не сможете сразу уснуть, наберите номер семнадцать, и вам расскажут замечательную сказку.

Отвечает № 17

Марко уже расхотелось спать, но ради любопытства он поднялся в свою комнату, снял телефонную трубку и набрал номер 17.

«Жил-был однажды Безногий Принц,— услышал он чей-то голос.— Его мать, Королева, совсем потеряла голову и перерыла все шкафы и комоды, надеясь найти ее, но так и не находила себе покоя. А Король, напротив, был в прекрасном расположении духа, потому что у него голова оставалась на месте. Зато не было ничего другого — после головы, сидящей на короткой шее, не было ни куртки, ни панталон. Главный Придворный был человеком довольно мрачным, ведь на его лице не было ничего, кроме носа, а от туловища сохранился лишь жилет...»

— Очень возможно,— проворчал Марко, кладя трубку.— Но какое мне до всего этого дело? Лучше пройду немного.

— Вы вернетесь сюда спать? — спросил робот, который, услышав, что мальчик спускается по лестнице, выглянул из кухни.

— Не знаю.

— Если вернетесь, ваша комната будет ждать вас. Впрочем, у нас повсюду можно найти сколько угодно свободных комнат.

Марко промолчал.

Опасные эксперименты

— Я бы предпочел иметь какой-нибудь определенный адрес,— сказал он.— У вас люди запросто меняют имена, бесследно исчезают куда-то, и вообще происходят всякие другие странные вещи... Очень возможно, и я могу потеряться. Стану, например, человечком из ничего, с головой из ничего и так далее.

Робот вручил ему листок бумаги с адресом дома — улица Ясная, 57451.

— Улица Ясная? — удивился Марко.

— В вашу честь, разумеется. Новую табличку с названием улицы повесили через десять минут после вашего прибытия на планету.

Марко вышел из дома.

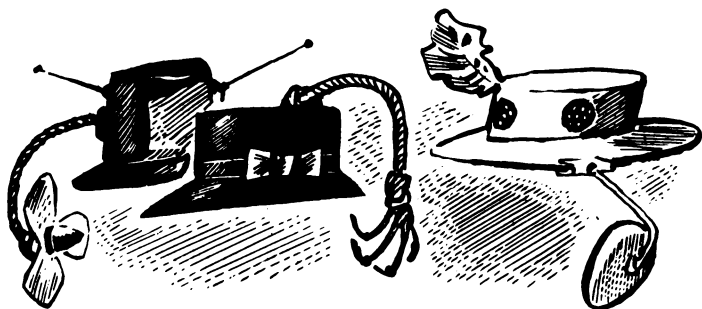
Ночью город оставался таким же оживленным, как днем, а воздух по-прежнему был теплым и благоуханным. О шуме городского транспорта и говорить не приходилось — на улицах было еще тише, чем днем. И тут Марко вдруг почувствовал себя совершенно затерянным на этой странной планете, среди этих безымянных людей, на улицах и площадях со случайными, непостоянными названиями. Ему стало очень тоскливо при мысли, что даже Маркус, который так хорошо знакомил его с городом, бросил его на произвол судьбы.

«Что же делать? Куда идти? И вообще, зачем меня держат здесь? Зачем привезли, если даже ни о чем не спрашивают и не сторожат, как пленника?»

Он охотно обратился бы к кому-нибудь, чтобы получить ответы на эти вопросы, но к кому? Он ни разу не видел полицейского или регулировщика уличного движения, не встречал людей хоть в какой-нибудь форме, по которой можно было бы догадаться, что они имеют отношение к властям. Конечно, он мог остановить любого прохожего, например вот этого, в сиреневой полосатой пижаме, что стоял на движущемся тротуаре, и попросить: «Объясните, пожалуйста, что со мной происходит?» Но человек этот, наверное, рассмеется и скажет, что он напрасно волнуется. И возможно, предложит украсть для него сигару.

Эта мысль показалась Марко забавной.

«Что, если я тоже попробую своровать что-нибудь? Просто из любопытства. Интересно же, что из этого выйдет!»

Марко некоторое время осваивался с этой мыслью. Но все равно, когда он протянул руку, чтобы взять в газетном киоске газету, сердце его бешено колотилось, а рука, тяжелая, как свинец, не повиновалась ему — схватив газету, он тут же выронил ее.

— Возьмите, пожалуйста...

Какая-то синьора, проходившая мимо, подняла украденную газету и с улыбкой протянула ее Марко.

— Нет, — растерялся он, — нет... Это не моя!

— Ну что вы! — настаивала синьора. — Я же прекрасно видела, как вы уронили газету.

— Я... — Марко почувствовал, как краска стыда заливает его лицо. — Видите ли... Вы ошибаетесь, синьора...

Облившись холодным потом, Марко соскочил с тротуара и влетел в первый же попавшийся магазин.

— Добрый день! — вежливо, с поклоном приветствовал его робот. — Что вам угодно?

— Видите ли...

Марко осмотрелся. Это оказался магазин головных уборов.

— Я ошибся, — пробормотал он, — я думал, тут продают игрушки.

— Мне очень жаль, синьор, — сказал робот с нескрываемым огорчением, — но у нас продаются только шляпы. Выберите себе шляпу. Это очень удобно, когда нужно издали поприветствовать друзей. Посмотрите, вот соломенная шляпа с зеркалом обратного вида и встроенным радиоприемником. Или, может быть, вам больше нравится вот эта, с маленьким роботом-массажистом, который чешет вам затылок, когда у вас в голове появляются мысли?

Магазин игрушек

Марко совсем растерялся и поспешил к выходу. Но робот был очень хорошим, старательным продавцом и потому не отставал от него.

— Не обижайте меня, пожалуйста,— продолжал он,— возьмите хотя бы вот этот цилиндр. Он пригодится вам, когда пойдете в театр.

— Я бы предпочел игрушки,— снова объяснил Марко.

Робот посмотрел на него с немим укором.

— Вторая дверь направо,— произнес он дрожащим голосом и удалился в глубь магазина.

Марко показалось, когда он был уже в дверях, что оттуда донеслось тихое всхлипывание.

Магазин игрушек имел по крайней мере дюжину обращенных на улицу витрин (и все без стекол, разумеется).

Марко остановился у одной из них, делая вид, будто рассматривает что-то, а на самом деле для того, чтобы немного успокоиться. Но тут же из магазина вышел робот, ласково взял его за руку и сказал:

— Войдите, пожалуйста. Посмотрите, какой у нас богатый выбор. На витрине уже почти ничего не осталось.

У Марко не хватило сил отказаться от такого настойчивого приглашения.

— Я бы хотел какую-нибудь недорогую игрушку,— сказал он.

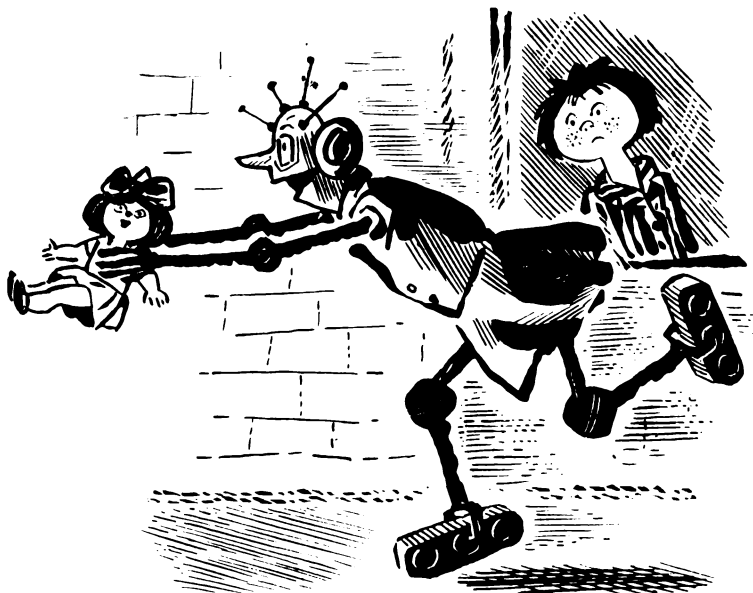
— Это невозможно,— засмеялся робот.— В нашем магазине таких нет. У нас все игрушки только высшего качества и очень дорогие. Смотрите, магазин просто ломится от них. А видели бы, что творится в подземных складах!

— Но у меня,— признался наконец Марко,— нет денег!

— Вполне понятно! — воскликнул робот.— Еще чего не хватало — денег! Вот уже полвека, как мы все продаем бесплатно — полвека, уважаемый, мы не берем от наших покупателей ни одного сольдо. Извините, я отойду на минутку.

И он бегом бросился на улицу.

Какой-то прохожий, что стоял на движущемся тротуаре, протянул руку, чтобы ухватить большую заводную куклу, но не успел это сделать. Робот взял куклу, догнал прохожего, вручил ему товар, поклонился и еще рукой помахал:

— Спасибо! Спасибо! Приходите снова к нам! Мы всегда будем рады обслужить вас!

— Кто это? — спросил Марко. — Какая-нибудь важная персона?

— Я не знаю, кто это, — ответил робот. — Мне ясно только, что у него короткие руки.

— Я чего-то не понимаю: он хотел украсть куклу, а вы ему помогли! Если вы так заботитесь об интересах вашей фирмы...

Робот расхохотался.

— Вы, наверное, приехали откуда-нибудь из деревни и потому не в курсе дела. Впрочем, нет — и в деревне у нас точно такие же магазины, как этот. А, я понял! Вы, должно быть, тот яснианин, о котором сегодня вечером говорили по радио! Какая честь для меня, для всех нас, для нашего магазина! Дорогой, глубокоуважаемый гость, вы не уйдете отсюда, пока не опустошите все шкафы.

— Но повторяю вам — мне нечем заплатить.

— Заплатить?! Если все люди покупают бесплатно, почему вы, прилетевший из таких далеких краев, хотите непременно заплатить? Ну, давайте выбирайте, что вам угодно.

Марко остановился в нерешительности.

— Выбирайте же! Вот эта деревянная лошадка нравится вам?

— О нет, спасибо! С меня довольно деревянных лошадок! Если уж вы так просите, я купил бы вот эту электрическую железную дорогу... И эту кинокамеру... И еще дайте мне...

Робот в восторге носился по магазину, хватал игрушки, которые называл Марко, и складывал их у его ног.

— Вот мой адрес,— сказал Марко, показывая листок бумаги.— Отправьте, пожалуйста, все это к вечеру.

— Возьмите еще что-нибудь! Прошу вас, на коленях умоляю! Возьмите это... и это... и это...

— Хорошо, я покупаю все,— сказал Марко.— До свидания.

Робот вышел вместе с ним из магазина, помог ступить на движущийся тротуар и поцеловал ему обе руки.

— Вы осчастливили меня! — крикнул он вслед Марко.— Здесь люди покупают так редко.

Хотите стать императором?

Целый час, красный от возбуждения, Марко только и делал, что ходил по магазинам и покупал. Он был идеальным покупателем: просил, например, к великой радости продавцов прислать сразу шесть роялей. Он даже приобрел автоматическую мойку для посуды и холодильник в подарок роботу-домохозяйке. Тем более что все это богатство не стоило ни копейки. Марко понял наконец, почему витрины были без стекол даже в ювелирных магазинах и почему никто не останавливал человека, когда тот брал что-нибудь.

— А что, если,— спросил Марко робота, который продал ему (бесплатно) отличные часы,— что, если мне надо семь штук таких часов?

— Пожалуйста, берите! Хоть восемь!

— Допустим, я захочу забрать все часы в вашем магазине? Что тогда?

— Будьте любезны, берите все. Но зачем вам столько? Что вы будете с ними делать? Чтобы узнать время, достаточно одних часов. Под землей, где находятся наши фабрики-автоматы, каждая машина может изготовить, если понадобится, миллион часов за одну-единственную минуту. Вы ведь не станете богаче, и никто не окажется по вашей милости беднее, даже если вы заполните свой дом

часами от пола до потолка и начнете съедать по дюжине часов за завтраком. Кстати, хотите попробовать? — предложил робот.

Марко отказался, но потом все-таки взял часы и откусил маленький кусочек цепочки.

— Очень вкусно! — признался он. — Совсем как земляника!

На тихих улочках, где было мало народу, Марко обнаружил магазины еще интереснее. Маленькие, скромные лавчонки вроде тех, каких еще немало в старинных городах на Земле. Покупатели редко заглядывают сюда, видимо зная, что тут обычно продается уж совсем лежалый товар.

Обо всем этом рассказал Марко робот, что встретил его в одной из таких лавочек с пышной вывеской «Как в одну минуту стать королем».

— Почти никто не заходит сюда, синьор, — сказал робот, грустно качая головой, — разве что старичок какой-нибудь забредет случайно. Или паренек, приехавший из провинции.

— А чем вы, собственно, торгуете?

— Титулами, синьорино, титулами и званиями. Знатыми, военными, почетными — всякими: с любой планеты и какого угодно столетия. Хотите стать сержантом, герцогом, архиепископом, адмиралом или, скажем, римским императором? Я предлагаю этот титул именно вам, потому что знаю — вы яснианин. Я видел вас по телевизору.

Робот порывлся в шкаф и извлек оттуда пергаментный свиток. Торопливо развернул и, заглянув в самый конец, огорчился.

— Я поспешил со своим предложением, — объяснил он, — титул римского императора был продан на прошлой неделе. Насколько припоминаю, его купил другой яснианин.

Марко чуть не упал от изумления.

— Как вы сказали?

— Ну да, другой «землянин», если употреблять ваше выражение. Он был, наверное, на год старше вас. И титул этот ему очень приглянулся. Он вышел с короной на голове и с мандатом, подтверждающим его права на ношение всех регалий. Если хотите, могу предложить титул короля обеих Сицилий. Если же вам больше по душе военные звания, то обратите внимание вот на это...

Говоря так, он показал Марко очень красивый, позолоченный знак отличия.

— Приобретя это, вы станете Главнокомандующим и Сверхполковником Космического флота планеты Брикобрак. Правда, уже несколько тысячелетий, как планета не существует. Она раскололась, точно орешек, во время атомной войны. А может, вы предпочитаете диплом Главного Повара и Большой Кастрюли Герцогства Кулинарных Секретов? Или звание кавалера ордена Плохих и Хороших?

Магазин новинок

Но Марко уже не слушал его. Узнав, что по Планете Новогодних Елок бродит еще один землянин, он разволновался. Найти, во что бы то ни стало найти его — и немедленно! Поговорить с ним...

Лишь бы поскорее отделаться от робота, который торговал титулами, он решил купить скромное звание капитана полиции. По крайней мере, может пригодиться на Земле...

«Вернусь в Рим,— решил Марко,— непременно заставлю стоять навтыжку того самого полицейского, что не разрешает нам играть на площади и забирает у нас каждую неделю по мячу».

Звание капитана полиции, разумеется, не стоило ни сольдо.

И Марко покинул эти печальные места, куда даже рассвет пробирался с трудом, будто не хотел прикасаться к этой старой ветоши. Когда он дошел до проспекта, который накануне получил имя Этельредуса Аррейфедуса Провалляйтуса, наступило утро и солнце светило ярко и весело. Марко пристально вглядывался в прохожих. Ведь среди сотен девчонок и мальчишек, которые ходили по улицам одни или с родителями, шли пешком или ехали на деревянных лошадках, был еще один землянин — знакомый товарищ, тоже переживший, должно быть, немало приключений. Кто он, этот мальчик,— итальянец, русский, англичанин или египтянин?.. А может, он не один, может, есть и другие земляне? Сколько их? И какого они возраста?

Продавец титулов говорил очень неопределенно. По его мнению, на планете гостило человек двенадцать «ясниан». Но где они, как их найти, он не знал. А справочная служба, есть у вас справочное бюро? Нет и никогда не было.

— Может быть,— посоветовал робот,— вам что-нибудь о них скажут во Дворце Правительства-Которого-Нет. Но я забыл, где находится этот Дворец. К тому же, говорят, там всегда пусто.

И все же это была пусть тоненькая, как паутинка, но путеводная ниточка. Марко впервые услышал о правительстве, хотя его существование и подвергалось сомнению. С чего же начать поиски? В сущности, с чего угодно. Марко вошел в «Магазин новинок», потому что название показалось ему хорошим предзнаменованием. В магазине продавались всякие невероятные вещи. К примеру, марки с клеем «на все вкусы»: как сливочное мороженое — для открыток, как черная смородина — для простых писем, как ананас — для заказных. Марко почти ничего не приобрел здесь, но зато не забыл набить карманы замечательными точилками. Действовали они совершенно необыкновенно — стоило покрутить в них какой-нибудь жалкий огрызок, как он сразу превращался в новенький, острозаточенный карандаш. Такие точилки наверняка придутся по вкусу ребятам в Тестаччо.

Марко хотел еще что-то попросить у продавца, как вдруг из громкоговорителя раздался взволнованный голос:

— Внимание! Внимание! Армада лающих собак-пересобак снова несется к нашей планете. Немедленно заткните уши и оставайтесь в таком положении до конца тревоги!

Марко рассмеялся:

— Но если люди заткнут уши, как же они узнают, кончилась тревога или нет? Или, может быть, городские власти пошлют полицейских щекотать прохожих, чтобы они вынули вату из ушей?

— Скажите,— обратился к нему робот, краснея до самого последнего стального винтика,— а вы что, можете предложить что-нибудь другое?

Изобретение суперкости

Люди, которые с любопытством следили за этим разговором, даже забыли заткнуть уши. А издали уже доносился оглушительный лай приближающихся чудовищ.

— Черт возьми,— возмутился Марко,— неужели вы не можете заставить замолчать этих животных? Это пе-

ресобаки? Так дайте им суперкости и увидите, что через десять минут они станут лизать вам руки.

В ответ он услышал громкие возгласы удивления.

— Суперкости? Он сказал — суперкости?

— Ну конечно! Как это мы не догадались!

И робот схватил Марко за руку:

— Пойдемте скорее, пойдемте к директору магазина!

— Но зачем? — удивился Марко. — Я ведь просто так сказал...

— Нет, нет, пожалуйста! Вы произнесли слово, которое мы давно уже ждали! Пойдемте!

Услышав предложение Марко, генеральный директор тоже выразил полный восторг. Он тут же позвонил по телефону и отдал распоряжение:

— Алло!... Подсекция № 45557? Отставить все работы! Как только получите рисунок суперкости, немедленно приступайте к изготовлению миллиона штук. Исключительно важное задание! Отложить все другие работы!

— Нарисуйте суперкость! — Марко протянули карандаш и бумагу.

Марко охотно признался бы, что умеет рисовать только человечков, и исключительно на стенах домов. Но тем не менее принялся за дело, чтобы не ударить в грязь лицом и не посрамить честь своей старой планеты Ясной.

Он нарисовал как мог нечто такое, что лишь весьма условно походило на кость, которую бродячая собака из Тестаччо украла у мясника, и бесстрашно показал рисунок окружающим. Бывают случаи, когда уверенность стоит всего остального. Изобретение суперкости и в самом

деле было встречено аплодисментами и восторженными криками.

«Как немного им надо, чтобы порадоваться», — подумал Марко, который ни за что не понес бы в школу такой рисунок. Но он оставил эти соображения при себе и последовал за людьми из магазина на большую площадь, где сотни роботов с необыкновенной быстротой уже монтировали специальную стартовую площадку, спроектированную и построенную за несколько секунд.

Ожидание было недолгим. Едва первые пересобаки появились в небе над городом, прорывая розовые тучи, из которых сыпались конфетти, как из подземных фабрик уже был доставлен первый экземпляр суперкости.

«Такой кости, — подумал Марко, восхитившись ее размерами, — хватило бы, чтобы осчастливить всех собак в Риме, больше того — во всей Центральной Италии. И какая аппетитная! Сам бы погрыз с удовольствием!»

По правде говоря, по его рисунку было создано нечто чудовищное: кость, гигантская, как Колизей, — поистине суперкость!

Когда ракета с суперкостью, запущенная роботом-артиллеристом, взлетела ввысь и приблизилась к пересобакам, в их рядах произошло легкое замешательство, а затем все они набросились на неожиданную подачку и вцепились в нее зубами. При этом они перестали лаять, а только повизгивали от удовольствия.

Памятник Марко

— Грызите! Грызите! — радостно кричал генеральный директор магазина. — Неплохой сюрприз, не так ли? Эту кость вам никогда не съесть — такая она большая. Ее хватит на несколько поколений собак, вплоть до седьмого колена!

Из глубин космоса прибывали между тем все новые стаи хищников. А с планеты навстречу им запускали все новые суперкости. И результат был налицо — лай сразу же прекращался. Некоторые пересобаки опускались на крыши домов, чтобы погрызть свои кости с большим удовольствием, другие садились в садах и парках, даже на тротуары, и дети могли безбоязненно таскать их за хвост, потому что пересобаки вовсе не замечали этого.

Несколько сотен костей оказалось достаточно, чтобы заставить замолчать десять тысяч пересобак. А стоило

запустить суперкости немного подальше, как пересобаки, погнавшись за ними, совсем покинули город. Похрустывая обретенным на Планете Новогодних Елок сокровищем, облизываясь и виляя хвостами, они безмолвно улетали туда, откуда явились. Можно было подумать, что они совершенно разучились лаять.

Марко был осыпан похвалами и почестями.

— Памятник! Памятник ему поставить! — закричали в толпе какие-то энтузиасты.

— В Зимний Сад! Скорее в Зимний Сад! Воздадим должное победителю!

Марко предпочел бы остаться в стороне, но кругом так радовались и ликовали, что никто и слушать его не стал. Он философски отнесся к своей славе и на руках восхищенных жителей Планеты Новогодних Елок, то есть по воздуху, преодолел путь в несколько кварталов, пока не оказался у какой-то виллы, окруженной высокой оградой. Над входом висела большая надпись: «Зимний Сад».

На всей планете, как мы уже говорили, царила вечная весна. Специальные машины (мы не станем их описывать, тем более что их не довелось увидеть и Марко, так как они работали под землей или на далеких космических станциях) управляли климатом, ветрами, воздушными тече-

ниями и другими атмосферными явлениями в соответствии с искусственным календарем, в который природа не имела права совать свой нос.

Спору нет, весна самое прекрасное время года. Но и у зимы есть свои прелести, и не стоило бы от них отказываться. А лето, когда можно до черноты загореть и сколько угодно купаться в море,— разве это плохо? Кроме того, есть ведь и такие люди, спокойные и уравновешенные, любители предаваться воспоминаниям и размышлениям, которым больше всего по душе осень. Для этих людей на некоторой части Планеты Новогодних Елок неизменно сохранялась осенняя погода. На морских пляжах, разумеется, постоянно поддерживалась типично летняя температура воды и воздуха и не допускалось никаких гроз, дождей, пасмурностей. А в самом центре города был построен Зимний Сад, где ежедневно в течение всего года выпадал снег и заливались катки для катания на коньках, а на деревьях, то есть на обычных для всей планеты новогодних елках, росли настоящие сосульки.

У входа в Зимний Сад в большом крытом вестибюле находился вместительный гардероб. Здесь посетители могли переодеться в зимнюю одежду, взяв понравившееся им пальто или шубу, сапоги или валенки, шарфы, шапки и варежки. Все это предоставляла им дирекция Сада. А уходя отсюда, никто, разумеется, не забывал переодеться в легкие весенние пижамы.

Закутанный в теплую белую шубу, обутый в меховые сапоги, Марко поднялся вместе с окружавшей его толпой на вершину холма, откуда с веселым смехом катились на санках сотни ребятишек. Несколько человек тут же принялись сгребать снег, скатывать его в большие шары и в два счета сделали из снега скульптурное изображение Марко. В высоко поднятой руке он держал суперкость, а ногой попирал лежащую перед ним пересобаку. На постаменте памятника какая-то синьора красиво написала губной помадой:

«Марко, яснианину, победителю пересобак, изобретателю суперкости».

Неизвестно откуда взявшийся оркестр исполнил торжественный гимн. А затем толпа под общие аплодисменты поставила Марко на пьедестал рядом со снежным памятником и, оживленно обсуждая событие, постепенно разошлась.

«Вот это да! — удивился Марко про себя.— И весь праздник!»

Осмотревшись, он обнаружил, что памятникего находился в совсем неплохой компании. Рядом с ним в этом странном Пантеоне на открытом воздухе стояло еще штук десять таких же молчаливых и недвижимых снежных статуй. Некоторые уже начали подтаивать — там не хватало ноги, тут нельзя было прочесть надпись. А у одной скульптуры даже голова отвалилась — лежала у подножия, и никто не подумал поставить ее на место.

Марко хотел было уже предаться грустным размышлениям о тленности мирской славы, как вдруг кто-то весело окликнул его, и он увидел бежавшего к нему Маркуса.

— Как поживаешь? — спросил он, подхватив с земли немного снега и делая из него снежок. — Я вижу, ты без меня не теряешься. Даже памятник себе сумел заслужить!

И, говоря так, Маркус запустил снежок прямо в нос снежному Марко.

— Ну вот, в меня! Не мог, что ли, в кого-нибудь другого бросить?

— А все равно это делают мальчишки. Пусть уж лучше первый удар будет нанесен другом.

Марко спустился с пьедестала.

— Объясни,— сказал он,— почему они оставили меня?
— Дела,— ответил Маркус, пожимая плечами. И, словно торопясь сменить тему разговора, добавил: — Знаешь, а мне еще ни разу не удалось сделать что-нибудь такое, за что ставят памятники.

— У нас памятники ставят только мертвым,— ответил Марко.— И никогда не делают их из снега, а только из мрамора или из бронзы... И ставят на площадях, на улицах, в садах и парках.

— Представляю, как же там должно быть тесно,— засмеялся Маркус.— По-моему, наши снежные памятники лучше — стоят недолго и другим место освобождают. И потом, что проку мертвому от вашего памятника? Когда его ставят живому человеку, ему по крайней мере приятно, даже если он стоит и недолго.

Преследование

День прошел очень быстро — сначала побывали в кафе, потом в зоопарке, хотя на «земной» зоосад он, конечно, нисколько не походил. Львы и тигры спокойно разгуливали здесь среди посетителей, а крокодилы, что плавали в прозрачной воде озера, мирно играли с лебедями и ребятишками. Клеток нигде и в помине не было.

Марко несколько раз пытался узнать у своего товарища, куда тот исчез ночью, но так и не сумел добиться от него вразумительного ответа. Он спросил его также о других яснианцах, которые вроде бы гостили в это время на Планете Новогодних Елок, но Маркус не захотел распространяться и на эту тему. Настроение у Марко совершенно испортилось, и он становился все мрачнее и мрачнее. Уж очень трудно было жить в полном неведении. И тогда он решил во что бы то ни стало узнать, что же за всем этим кроется.

«Этой ночью,— сказал он себе,— я не сомкну глаз».

Когда после ужина они с Маркусом вернулись в домик на улице Ясной, он едва удостоил взглядом гору коробок, которые были доставлены сюда из разных магазинов, где он утром делал покупки, и не стал слушать болтовню робота, который следил по телевизору за всеми событиями, связанными с его победой над пересобаками. Он сказал, что хочет спать, поднялся в свою комнату, переоделся в теплую пижаму, улегся в постель и погасил свет.

Дверь в соседнюю комнату он оставил приоткрытой и

стал наблюдать в щелочку за Маркусом. Тот тоже улегся в постель и раскрыл книгу. Скоро, однако, он стал зевать и протянул руку к выключателю. В темноте было слышно, как он раза два повернулся в кровати. Тогда Марко встал и тихонечко подошел к двери, решив караулить спящего Маркуса. Он уселся на пол в твердом намерении ни за что не позволить обмануть себя во второй раз.

Легкий скрип двери заставил его вздрогнуть. Он протер усталые глаза — видимо, он все-таки заснул. Но как долго он спал? Дыхания Маркуса не было слышно.

Марко вбежал в соседнюю комнату и включил свет. Кровать была пуста. Он тут же бросился вниз по лестнице и, выбежав на улицу, увидел, что Маркус удаляется на движущемся тротуаре.

«На этот раз ты не скроешься от меня!» — решил Марко и тоже вскочил на движущийся тротуар.

Дворец Правительства- Которого-Нет

Преследуя Маркуса, мальчик оказался в незнакомой, должно быть, в старой, части города. Витрин здесь было совсем мало. Они яркими окнами вспыхивали в темных каменных стенах старинных домов. Над крышами там и тут возвышались какие-то мрачные башни. Да и новогодних елок тут было гораздо меньше. Даже весенний воздух казался каким-то неуместным в этом переплете узких улочек и тихих переулков. Стены домов были покрыты влагой, но на вкус капелька, упавшая с крыши прямо в рот Марко, была похожа на варенье из лепестков розы. Немного, правда, отдавала плесенью.

Чтобы Маркус не заметил его, Марко шел, прижимаясь к стенам домов. Но Маркус даже ни разу не обернулся: или не знал, что его преследуют, или это его не тревожило. Наконец он вошел в какой-то темный подъезд. И Марко поспешил туда же.

«Дворец Правительства», — прочитал он на мраморной, обветшалой от времени доске, висевшей у входа. А внизу кто-то приписал углем: «Которого-Нет».

Поблизости не было никаких часовых, не было даже швейцара у дверей.

В полутемном вестибюле Марко увидел широкую лестницу и услышал — единственный признак жизни — быстрые шаги удаляющегося Маркуса.

Марко с сильно бьющимся сердцем тоже бросился вверх по лестнице, как вдруг натолкнулся на сидящего человека.

— Осторожнее, черт возьми! — услышал он сердитый голос.

— Извините, — пробормотал Марко, — извините, пожалуйста!

— Ну ладно, чего уж там, — ответил подобревший голос, — давай лучше на «ты».

— Но мы с вами не знакомы...

— Если дело только за этим, могу представиться. Глава правительства. А теперь знаешь, что я тебе скажу? Что я пошел домой.

Марко не знал, что и думать об этом странном человеке. В полутьме трудно было даже рассмотреть, молод он или стар.

— Я хотел пойти на заседание, — продолжал человек, — когда мне пришла в голову одна великолепная математическая задача. И тогда я присел тут, чтобы решить ее. Здесь так спокойно! Мне совсем расхотелось идти на заседание. Конечно, неловко перед коллегами, но им придется выбрать другого главу правительства. А я могу считать себя освобожденным от этих обязанностей по математическим причинам.

И, посмеиваясь, он поднялся, отряхнул пижаму, лас-

ково потрепал Марко по щеке и стал спускаться вниз по лестнице.

— Извините,— заговорил Марко, набравшись мужества,— если вы глава правительства, то, наверное, в курсе дела, которое касается меня. Я из Рима, с Земли, извините, пожалуйста, с планеты Ясная. Я хотел бы знать...

— А, припоминаю. Твой вопрос действительно стоял на повестке дня. Но ты не беспокойся — решится и твоя задача. А у меня — моя. Наберись терпения. Великая, великая вещь — математика!

И он снова направился к двери.

Президент Маркус

Марко ничего не оставалось, как продолжить преследование своего друга. Поднявшись по лестнице, он увидел целую анфиладу освещенных залов, стены которых были увешаны огромными картинами. То ли музей, то ли королевская резиденция. В залах были двери, которые, очевидно, куда-то вели. Марко стал осторожно открывать одну за другой.

Приоткрыв третью дверь, он тут же отпрянул назад. Он увидел красивый белый зал, посередине которого стоял подковообразный стол. За ним сидели какие-то люди, и среди них Маркус, который что-то говорил. Марко оставил дверь приоткрытой и решил послушать, о чем идет речь.

— Мы не можем отложить заседание,— убежденно говорил Маркус.— Раз глава правительства не пришел, назначим другого.

— Но это будет уже пятый за месяц! — весело перебил его чей-то низкий бас.

— Так же нельзя! Желающих добровольно взять на себя обязанность править страной становится все меньше и меньше. Возьмите, например, должность министра финансов. Вот уже два месяца, как мы напрасно ищем человека на эту должность. Все утверждают, что заняты, а потом вы видите, что они играют в шахматы с роботами, изобретают машины или даже разносят стены во дворце «Ломай что угодно».

— Но ведь мы не случайно называемся, как говорит народ, Правительством-Которого-Нет,— сказал другой голос.— Правительство и в самом деле никому не нужно, если все дела прекрасно идут сами собой.

— И все же есть вещи, которые требуют решения,— настаивал Маркус.

— Люди давно уже научились все решать сами и делают это самым великолепным образом.

— Согласен,— продолжал Маркус,— но мы не можем решать на площади вопрос о яснианцах.

— А почему нет? Больше того, почему бы тебе самому не решить его? — сказал веселый голос.— А мы пойдем по своим делам. И кроме того, раз уж на то пошло, почему бы тебе не возглавить правительство? Ты молод, полон фантазии и, несомненно, придумаешь замечательные вещи.

Все сидевшие за столом заплодировали.

— Единодушно одобряем,— раздались голоса.

— Но я...

— Никаких «но». Ты избран, так что — за дело!

— Хорошо,— твердо сказал Маркус.— Я согласен. Но при одном условии: сегодня же вечером будет обсужден вопрос о Марко. Я потратил всю прошлую ночь и половину сегодняшнего дня, пытаюсь организовать заседание правительства, и, раз уж вы тут собрались наконец, давайте обсудим. Тем более что и время поджигает. Так или иначе, вопрос должен быть решен до рассвета.

— Почему такая спешка?

5 «а»

— Потому что Марко покинул планету Ясная, если считать по яснианскому календарю, вечером 23 октября. Через несколько часов там наступит 24 октября, и, если мы не позволим ему сразу же вернуться, исчезновение мальчика будет обнаружено.

Услышав это, Марко похолодел. В зале заседаний стало тихо. Потом кто-то предложил Маркусу сделать свой доклад.

— Синьоры,— начал Маркус,— вы знаете, что ясниане в последнее время сделали большие успехи в освоении космического пространства. Можно, следовательно, предположить, что в ближайшие десятилетия, путешествуя в космосе, они высадятся и на нашей планете. Какие у них будут намерения? Предстанут ли они перед нами как друзья, готовые завязать узы дружбы, уважать нашу независимость и свободу, или появятся, как лающие

пересобаки, космические захватчики, готовые подавить нас и завладеть всем, что мы создали для нашего благополучия? Вы знаете лучше меня, что когда этот вопрос обсуждался в правительстве — а я в это время был еще в пеленках,— в какой-то мере из-за лени, в какой-то — из-за легкомыслия не было принято никаких мер предосторожности. Мы могли послать на Землю нашего представителя, но не послали. Мы могли установить контакты с правительствами разных стран, но наше Правительство-Которого-Нет побоялось, что их там слишком много. К счастью, за дело взялись мы.

— Кто это «мы»? — спросил чей-то сонный голос.

— Вы стали министром только вчера вечером и поэтому ничего не знаете. Мы — это ребята из школы № 2345, из 5 «а» класса. Никому ничего не говоря, мы разработали и осуществили свой план. И тут вдруг появилось Правительство-Которого-Нет и решило взять «возжи» в свои руки. Вы этого захотели? Так держите теперь эти «возжи».

— Какие вожжи? Какое дело? Объясните мне это наконец,— снова прозвучал сонный голос.

— Ну что касается дела,— вмешался веселый голос,— то идея была неплохая. Наши отважные школьники рассудили так: ясниане прибудут сюда примерно лет через двадцать. Значит, те из них, кто станет к тому времени ученым, космонавтом, астронавтом, астрономом, физиком, генералом, членом правительства и так далее, сегодня еще только учатся в школе. Выходит, с ними и надо устанавливать контакты. Не с правительствами, которые меняются, а с учениками 5 «а» класса в Токио, 5 «а» класса в Тестаччо в Риме, 5 «а» в Гавирате и так далее и так далее. Они, черти, отлично знают яснианскую географию! И, поскольку мы были в прошлом достаточно наивны, оснастив наши школы космическими лабораториями, первоклассными электронными роботами и тому подобными вещами, наши ребятишки начали изготавливать космические лошадки-качалки, во всем похожие на игрушечных лошадок из папье-маше, которые на Земле так любят дарить под Новый год.

(«Не так уж, чтобы очень...» — пробормотал про себя Марко, как истинно римский ворчун, хотя на самом деле слушал все затаив дыхание, как слушают в детстве самую прекрасную сказку.)

Троянские лошадки-качалки

— Эти лошадки,— продолжал веселый голос,— были потом с помощью специальных межпланетных ракет переправлены в магазины на планету Ясная. Ребята, в руки которых попадает такой подарок, рано или поздно смогут перенестись на нашу планету и станут здесь, как мы надеемся, нашими друзьями. Когда их космическое воспитание будет завершено, мы будем возвращать их на Землю. Наши мальчишки из 5 «а» намерены таким образом заложить основы мирного сосуществования в космическом мироздании. Они клянутся, что через двадцать лет их система даст свои результаты. Через двадцать лет мы снова встретим здесь наших сегодняшних гостей, уже подготовленных к тому, что их тут ожидает. Они уже будут уметь пользоваться нашими движущимися тротуарами, есть наши четвероштексы и бесплатно покупать в наших магазинах. И, что самое главное, приедут сюда друзьями. По крайней мере, на это можно надеяться.

— И этот план межпланетного воспитания был осуществлен на самом деле? — спросил сонный голос.

— Похоже,— ответил веселый голос.— Время от времени к нам прибывает какой-нибудь яснианин. Наши мальчишки берут над ним шефство, возят туда-сюда — словом, воспитывают...

— А потом отпускают?

— Ну да.

— Минутку,— вмешался Маркус. Он выглядел сейчас очень серьезным и важным.— Мы отпускаем их только в том случае, если уверены, что они стали нашими друзьями. Иначе мы оставляем их тут. Но этого, по правде говоря, еще не было ни разу. А знаете, сколько яснианцев прибывает каждый месяц на нашу планету? По крайней мере, сто тысяч.

— Таким образом, вы невольно способствовали невероятному росту торговли деревянными лошадками на планете Ясная,— заметил веселый голос.— А там, как известно, за них все еще надо платить деньги.

— Теперь вопрос в том,— продолжал Маркус,— отправлять ли яснианина Марко обратно или оставить его здесь в качестве заложника. Я не хочу один решать такой важный вопрос.

— Но ты, во всяком случае,— сказал кто-то,— знаешь его лучше нас. Испытание пересобаками он выдержал блестяще.

— Испытание чем? — спросил сонный голос.— Уже второй раз я слышу тут про каких-то пересобак.

— Что ж, вам можно лишь позавидовать, если вы слышите только разговоры о них, а не их самих,— заметил веселый голос.— Мы подвергли нашего маленького гостя небольшому испытанию, чтобы узнать, способен ли он забыть слово «убивать».

— Извините, не понял.

— Вполне естественно, что не поняли. «Убивать» это одно из тех старых слов, которые мы отправляем во Дворец Забвения после того, как вычеркиваем из словарей. Там находятся «убивать», «ненавидеть», «воевать» и другие подобные слова, я их тоже все не помню. Мы инсценировали для нашего гостя нашествие пересобак, и он реагировал весьма положительно.

— Это уж двухсотый яснианин, который изобретает суперкости...— заметил кто-то из министров.

(Марко залился краской. Но, как ни хотел рассердиться, так и не смог. А потом и сам понял, что покраснел не от стыда, а от радости, что выдержал испытание, которому был втайне подвергнут.)

Беги, Марко!

— Этот мальчик очень неплохой человек,— продолжал Маркус,— хотя и пытается скрыть свои истинные чувства под маской иронии. Он способен острить даже на кладбище. Но это, как нам объяснили в школе, типичная черта всех римлян. Очевидно, им нравится прятать свое подлинное лицо за неприглядным обликом. Чтобы понять их, нужно судить не по внешним проявлениям характера, а заглядывая в сердце.

(Марко снова покраснел. Ему показалось, что он никогда, как сейчас, не любил свой старый Рим, свое Тестаччо и своих ворчливых сограждан. И он готов был обнять Маркуса. Но тут в голове его появились, словно тучи на небе, совсем другие мысли...)

— И все же,— сказал Маркус,— я не могу решать сам, понял ли он все значение этого путешествия? Может быть, он еще слишком мал...

(«Нет, вы только послушайте его! — рассердился Марко.— А сам-то он уж очень взрослый, что ли? Тоже мне воображала! И все потому, что его сделали главой Правительства-Которого-Нет!...»)

— Выходит, если я тебя правильно понял,— прервал кто-то Маркуса,— ты предлагаешь поддержать его здесь несколько лет. Наших лет или земных?

Марко вскочил, словно его ужалил скорпион.

«Нет уж, дорогие мои,— вскипел он,— не только вам решать этот вопрос!..»

И, не став слушать дальнейших разговоров, мигом пролетел по всем залам и пустился вниз по лестнице. И тут он снова натолкнулся на бывшего главу правительства — тот стоял в дверях и почесывал затылок.

— А, маленький яснианин! Похоже, ты куда-то спешишь... А я все еще здесь, во Дворце Правительства! Эта математическая задача заставила меня забыть о времени и пространстве. Но теперь-то уж я пойду наконец домой...

Марко обошел его и побежал что было сил. Сначала он чуть было не потерялся в переулках старого квартала, но когда выбежал на проспект, то уж точно знал, куда надо держать курс!

У движущегося тротуара стояло много свободных деревянных лошадок. Он вскочил на одну из них и быстро помчался вперед, прямо посередине улицы. По сторонам проносились сверкающие ряды новогодних елок и празднично украшенных витрин, но у него не было времени ни смотреть на них, ни думать о них.

Вот впереди показалось низкое, ярко освещенное здание аэропорта. И только когда он примчался сюда и слез с лошадки, встал перед ним самый трудный вопрос: что же теперь делать? Найти космический корабль, который собирается стартовать в Солнечную систему? Но тут же ему пришла в голову другая мысль — получше, и он обратился к роботу, который чистил копыта космическому коню:

— Извините, вы не скажете мне, куда поместили ящики с деревянными лошадками, которые должны отправить на планету Ясная?

Робот с удивлением посмотрел на него.

— Ты, наверное, из 5 «а»?

— Да, у меня важное задание...

— Мне очень жаль,— сказал робот,— но этот груз отправлен еще вчера. А следующая партия уйдет только через неделю...

— Да,— торопливо сказал Марко,— это я знаю. Но я думал, что... Я ошибся днем... Какой сегодня день?

— Как всегда, новогодний,— ответил робот, еще больше удивившись.— А что, может, ты нездоров?

— Да, по правде говоря, чувствую себя неважно,—

признался Марко. — Когда тебе поручают важное задание, нельзя много спать. А я, наверное, проспал целые сутки, вот почему все и перепутал.

И он быстро удалился, а робот продолжал свою работу, качая головой, в которой эти путанные речи определенно вызвали какое-то замыкание.

Марко замедлил шаги. Перспектива ждать целую неделю, к тому же без всякой гарантии, что удастся спрятаться на корабле, который полетит на Землю, его явно не устраивала. От отчаяния у него подкашивались ноги.

В это время из громкоговорителя по всему аэропорту зазвучал чей-то голос:

— Марко! Марко! Марко-яснианин! Внимание! Внимание!

Его нашли! Куда спрятаться? Что делать? Вокруг огромное, освещенное поле космического аэропорта: там и тут беззвучно приземлялись и стартовали огромные межпланетные корабли. И в этой абсолютной тишине снова отчетливо прозвучал голос из громкоговорителя:

— Марко! Марко! Внимание! Марко-яснианин! Тебя ждут в ангаре № 45.

Ангар № 45

Объявление повторили еще два раза. Расстроенный и уже готовый повиноваться, Марко направился к длинному ряду ангаров, что тянулись в стороне от летного

поля. Номер 28, номер 35... Вот и номер 45. Странно, что в нем темно. Двери наглухо закрыты. Рядом ангара № 44 и № 46, они открыты, и там что-то делают роботы и космонавты.

«Наверное, я что-то не расслышал»,— решил Марко и осторожно нажал на ручку двери. И дверь, против ожидания, легко отворилась.

«Спрячусь здесь на всякий случай. А там видно будет»,— подумал Марко и шагнул в темноту.

Вытянув вперед руки, чтобы не натолкнуться на что-нибудь, он стал осторожно продвигаться вперед. Вдруг он коснулся чего-то гладкого и почувствовал знакомый запах лака, земного лака. Он ощупал предмет и сразу же понял, что перед ним... Он готов был поклясться, что это была его деревянная лошадка, та самая, которую подарил ему на день рождения дедушка! Ах, дедушка, какой же ты молодец!

— Возможно ли это?! — прошептал Марко.

Возвращение в Тестаччо

И тут вдруг вспыхнул свет, зазвучала музыка, раздались громкие аплодисменты, и Марко увидел, что в ангаре много людей и навстречу ему бросается Маркус. Оказалось, что здесь в полном составе собралось Правительство-Которого-Нет.

Маркус дружески улыбался и протягивал Марко руку.

— Счастливого пути! — сказал он.— Вернешься домой еще до рассвета, и никто ничего не узнает! Как видишь, решение было принято положительное.

Марко почувствовал, что сердце у него от радости готово вылететь из груди. Вот только бы не расплакаться! Но слезы уже текли по его щекам, и он с волнением обнял Маркуса, расцеловал его. И Маркус тоже был очень взволнован и все пожимал ему руку.

— Ну как, доволен? Понравился наш сюрприз? И музыка понравилась? — спросил он. И, обращаясь к членам Правительства-Которого-Нет, добавил: — Как видите, испытание прошло прекрасно!

— А где, собственно, доказательства? — спросил какой-то высокомерный человек в халате.

— Да ведь он плачет, вы же видите! И сам не знает отчего. Он думает — от радости, что вернется домой. А на

самом деле оттого, что сейчас, покидая нас, понял, что любит нас и восхищается нами. Он понял, что многое узнал здесь, многому научился. И теперь у нас во Вселенной на одного друга больше! Неужели

не стоило потрудиться ради этого? А решение отпустить его домой — самое правильное и полезное.

Говоря так, Маркус выкатил деревянную лошадку из ангара на взлетную полосу космического аэродрома, взял ее под уздцы и в последний раз пожал руку маленькому яснианину. Марко хотел было уже сесть на свою лошадку, но передумал и побежал к краю взлетной полосы, где росла большая новогодняя елка. Он оторвал от нее небольшую веточку с елочными игрушками и прижал к груди.

— Можно, я возьму это с собой? Я посажу ветку у себя на балконе, в Тестаччо. Или, нет,— лучше на площади! И, когда елка вырастет, возьму отростки и посажу на всех площадях. И тогда на Земле тоже будут расти новогодние елки...

— Конечно, надо посмотреть,— улыбнулся один из министров,— приживутся ли там наши деревья.

Маркус тоже был очень взволнован. Он, наверное, впервые понял, что яснианин может любить свою старую планету так же крепко, как он любит свою.

— Мы переименуем нашу Землю,— воскликнул Марко, садясь на лошадку.— Она тоже станет Планетой Новогодних Елок, вот увидите!

Пыль, которая пахнет ландышем

Он проснулся оттого, что мама ласково и весело будила его:

— Ну, соня, вставай! День рождения был вчера. Сегодня уже завтра. В школу пора...

— Какое сегодня число? — спросил Марко, садясь в кровати.

— А какое должно быть число? Вчера было двадцать третье октября, значит, сегодня двадцать четвертое. Вчера был твой день рождения. Ты что, забыл?

И она указала на деревянную лошадку-качалку, подарок дедушки, которая тоскливо уставилась в окно. Марко вскочил с кровати и с волнением стал осматривать ее. Под правым ухом он увидел маленькую дырочку, словно пробитую пулей. Это был след от метеорита, который ударил лошадку где-то в районе Сатурна уже на обратном пути, когда они возвращались на Землю.

Марко бросился к кровати, схватил свой тапочек и принялся нюхать его.

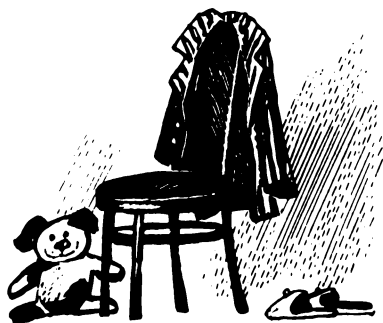
— Что с тобой? Ты сошел с ума? — испугалась мама.

Марко почувствовал, как огромная тяжесть свалилась с его души: пыль на тапочке пахла ландышем — эта пыль была оттуда! Значит, он действительно был там, и это замечательное доказательство, что все это ему не приснилось.

А ветка? Где ветка, которую он сорвал с новогодней елки в космическом аэропорту? Но сколько он ни искал, так и не смог найти ее. Наверное, унесло ветром в космическом пространстве, когда деревянная лошадка в несколько минут преодолевала миллионы километров, чтобы вернуться на Землю до рассвета.

Жаль! Теперь гораздо труднее будет превратить Землю в Планету Новогодних Елок и сделать ее такой же прекрасной, как та планета, что существует где-то очень далеко, среди самых далеких созвездий Вселенной. Труднее, но все-таки возможно.

— За работу! — воскликнул Марко. И стал снимать пижаму. В кармане ее он нашел потом мятные конфетти.

Старинный календарь Планеты Новогодних Елок

Эта планета меньше Земли, поэтому и календарь у нее короче. Кроме того, он «добровольный». Это значит, кто хочет, пользуется им, а кто не хочет, может обойтись и без него. Год длится только шесть месяцев. В каждом месяце не больше пятнадцати дней. И каждый день — новогодний. Но об этом мы уже говорили. Неделя состоит всего из трех дней — суббота и два воскресенья. Некоторые субботы упрощены, то есть до 12 часов дня это суббота, а после двенадцати — уже воскресенье.

Часы не совсем такие, как у нас. Семь утра, например, наступает немного позднее — около десяти. Таким образом, никому не приходится вставать слишком рано.

А теперь посмотрим месяцы.

Апрель

О п и с а н и е

Это первый месяц года, если начинать с начала, и последний, если идти с конца. В этом месяце каждый день — новогодний и каждый — воскресенье. Все пятнадцать дней месяца имеют свои названия. В школах, чтобы помочь ребятам различать их, учат такой стишок:

Один Альфа — другой Бета,
Один тут — другой где-то;

Один был — другой есть,
Один здесь — другой вышел весь;

Один идет — другой стоит,
Один ползет — другой висит;

Один — бутерброд с ветчиной,
Другой — совершенно иной;
А последний — оказался в передней.

Памятные даты

«Один идет». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса, изобретателя машины для изготовления бумажных корабликов.

«Один — бутерброд с ветчиной». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (другого, не того, что раньше), изобретателя «луча тишины», который помогает уменьшить звук слишком громкого телевизора.

«Другой — совершенно иной». Годовщина рождения еще одного Квинтуса Силениуса. Но — совершенно другого.

Гороскоп

Тут нужно сделать небольшое пояснение, потому что на Земле, возможно, и не знают, что это такое. Гороскоп — это таблица расположения небесных светил в момент рождения человека. Древние ученые-астрологи пытались с помощью таких таблиц предсказать судьбу человека. Так вот гороскоп в апреле говорит о том, что у людей, родившихся в этом месяце, всегда будет хорошее настроение, за исключением тех случаев, когда у них будут болеть зубы. Если они не будут бегать по лужам, ноги у них всегда останутся сухими. А шляпу они всегда будут надевать только на голову. Или на вешалку.

Почетное звание

Кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошадки.

Поговорки месяца

Было бы болото, черти найдутся.

Не хвались началом, хвались концом.

Не жалея минутки для веселой шутки.

Сверхапрель

Описание

Этот месяц — своего рода повторение предыдущего, но только все его дни четные: Второй, Четвертый, Шестой, Восьмой, Десятый и так далее, вплоть до пятнадцатого дня, который называется Тридцатый. Очень любопытен Двадцать Четвертый день, потому что он длится с раннего утра до полуночи.

Памятные даты

«8 сверхапреля». Годовщина рождения Квинтуса Си-лениуса (еще одного, разумеется), изобретателя дырок в сыре, машины для резания бульона и прибора, с помощью которого дождь направляется вверх, а не идет вниз.

«22 сверхапреля». День открытий. Вся планета открывается заново. Все входы и выходы перекрываются ленточками, и каждый, у кого под руками оказываются ножницы, перерезает их. И кто угодно может произносить речи. Если же речь окажется скучной, виновника принуждают молчать до конца года.

«28 сверхапреля». Годовщина битвы Легких Пушинок, при которой генерал Сильвиус победил генералиссимуса Мильвиуса в памятном сражении в шашки, длившемся семь часов и сорок бутылок газированной воды.

Гороскоп

Рожденные в этом месяце, по мнению волшебников и астрологов, обычно бывают очень уважаемыми людьми, они вдвое вежливее и вдвое веселее всех других людей, кроме тех случаев, когда болеют корью. У каждого будет две руки, две ноги, два глаза, два уха и одна голова. Этого вполне достаточно, если умело всем воспользоваться, чтобы никогда не сидеть без дела.

Почетное звание

Двойной кавалер ордена Уздечки Деревянной Лошади с золотыми шпорами.

Поговорки месяца

Клади голову так, чтобы найти ее утром.

Кто хочет — может.

Храбром счастье помогает.

Май

Описание

В этом месяце дни пронумерованы от первого до пятнадцатого, кроме того, каждый — Первое мая. Часы всегда показывают 19 часов, таким образом, люди с утра до вечера могут наслаждаться зрелищем прекрасных закатов. Ученые уже давно изучают способы продлить этот месяц на неделю, но до сих пор это им не удалось.

Памятные даты

В этом месяце отмечают:

«3 мая». Годовщина рождения Квинтуса Силениуса (еще одного, непохожего на всех других), который к четырем основным действиям арифметики (сложение, вычитание, умножение, деление) прибавил многие другие, в том числе — разделение, приложение, преувеличение и отделение, в чем сразу же отличились самые рассеянные ученики.

«6 мая». Начинаются велосипедные гонки по планете. Первый этап — на велосипедах, второй — в мешках, третий — на одной ноге и т. д. Все участники приходят первыми, надевают желтую майку победителя и выступают по телевизору.

«10 мая». Годовщина смерти — вследствие болезни — последней пушки.

Гороскоп

Люди, родившиеся в этом месяце, если отправятся в путь, совершат большое путешествие. Встав на скамеечку, будут казаться выше (хотя знаменитый изобретатель Силениус утверждает, что скамеечка может опрокинуться).

Почетное звание

Сиятельный червь Неспелого яблока и Имперский чемпион по фигурному катанию на одном коньке.

Поговорки месяца

Доброе начало — половина дела.

Не спеши языком, торопись делом.

Много хочешь знать, меньше надо спать.

Сверхмай

Описание

Этот месяц противоположен предыдущему. И в самом деле, он начинается с пятнадцатого числа и кончается первым. И часы идут назад, но при этом никто не испытывает никаких неудобств.

Памятные даты

«15 сверхмая». Годовщина рождения поэта Фантазиуса, изобретателя восьмиколесного велосипеда (с восемью педалями, для пауков-осьминогов), а также сочинителя озорных стихов и стихов по ошибке.

«7 сверхма́я». Годовщина рождения писателя Прекрасносказочного, по прозвищу Краткий, потому что его рассказы занимают всего одну строку. Вот один из них: «Ночь спускалась очень торопливо. Спустилась и упала». Осталось только назвать дату его рождения, но ее изучают в школах.

«3 сверхма́я». Межпланетный чемпион любителей мороженого.

Г о р о с к о п

Прежде считали, что люди, родившиеся в этом месяце, станут великими с детства и останутся детьми, будучи великими. А потом обнаружилось, что так почти никогда не бывает. Рожденные в сверхмае всегда говорят правду, кроме тех случаев, когда лгут. Они любят живопись, физику и фисгармонию. Впрочем, это не доказано. И возможно, обожают еще что-нибудь, но это не имеет никакого значения. Важно, что они вовремя замечают, что мир прекрасен.

П о ч е т н о е з в а н и е

Кавалер ордена Запеканки из Макарон, или же Придворный Офицер Взбитых Сливок.

П о г о в о р к и м е с я ц а

Был бы хлеб, а мыши будут.

Дурака учить, что мертвого лечить.

Делай хорошо, плохо само получится.

Пустая бочка пуще гремит.

И ю н ь

О п и с а н и е

Издавна любой день этого месяца оканчивается шестью цифрами, что очень удобно для игры в лото. Теперь ни у кого нет необходимости в выигрыше, потому что все, что прежде продавалось за деньги, можно получить и без них. Старинные названия дней, однако, сохранились, и дети в них путаются. К счастью, учителя тоже не слишком хорошо знают их и не замечают ошибок.

П а м я т н ы е д а т ы

«40—50—87 июня». Годовщина рождения архитектора Изысканиуса, изобретателя горизонтальных небоскребов.

«27—47—70 июня». День Рифмы. Жителям планеты разрешается говорить только в рифму. Нередко рождаются сносные стихи. Например:

В этот день главе Правительства-Которого-Нет обычно положено выступать с речью по телевидению, но его почти никогда не удается отыскать. И с речью выступает какой-нибудь швейцар или электрик, а может, и сантехник, и тоже — прекрасно. Однажды речь произнес грудной ребенок. Он сказал только: «Агу! Агу!» Но все равно было понятно, что он желает всем счастья!

Г о р о с к о п

Родившиеся в этом месяце будут любить пирожные, пирожки, пироги, пиршества, пирамиды и пируэты и, наверное, станут пиротехниками.

П о ч е т н о е з в а н и е

Сверхдегустатор Арбузов и Великий Трехколесный Велосипед.

П о г о в о р к и м е с я ц а

Умный не всегда развяжет, что глупый завяжет.

Человек без друзей, что дерево без корней.

Не бойся первой ошибки, избегай второй.

*Не ошибается тот,
кто никогда не ошибается*

Сказки,
у которых
три конца

Давайте играть!

Эта книжка, ребята,— игра. Сказки в ней необычные — у каждой сразу три конца.

И картинки здесь тоже непростые. Они изображают еще один конец — его придумал художник.

А играть надо так. Прочитайте сказку, рассмотрите картинки, подумайте над ними и решите, какой же все-таки у сказки должен быть конец — настоящий конец — и почему. Очень может быть, что вам не понравится ни один. В таком случае сами придумайте сказке конец, напишите его или нарисуйте картинку.

Если же хотите знать мое мнение, загляните на страницу 233. Там я коротко написал, какой из трех концов и почему нравится мне больше других.

И еще. Мне кажется, играть лучше вместе с друзьями. Так всегда веселее. А главное, можно поспорить: у кого богаче фантазия, кто придумает лучше и интересней.

Желаю успеха!

Джанни Родари

Волшебный барабан

Шел однажды с войны барабанщик. Был он очень беден. Все-то его богатство составлял барабан. Но настроение у солдата было прекрасное—ведь он возвращался домой, где не был долгие годы. И потому далеко вокруг разносился веселый грохот его барабана: «Трам-тара-там! Трам-там-там!»

Шел он, шел и вдруг встретил старушку.

— А, славный солдатушка! Не найдется ли у тебя случаев хоть одного сольдо?

— Я охотно дал бы тебе и два, бабуля, и даже дюжину, если б были. Но у меня и вправду нет ни одного сольдо!

— Ой, так ли уж?

— Еще утром я обшарил свои карманы, но ничего не нашел.

— А ты посмотри еще разок, поищи как следует.

— В карманах? Что ж, посмотрю, раз тебе так хочется. Но уверен... Ой, а это что такое?

— Сольдо! Видишь, выходит, есть?

— Клянусь тебе, я и не знал об этом! Вот красота! Держи, бабуля, мне не жалко. Тебе оно, должно быть, нужнее.

— Спасибо, солдат! — поблагодарила старушка.—
А я взамен тоже дам тебе кое-что.

— Да? Но мне ничего не надо.

— Подарю тебе маленькое волшебство. Слушай внимательно. Всякий раз, как зазвучит твой барабан, все вокруг будут пускаться в пляс.

— Какое забавное волшебство! Спасибо, бабуля.

— Подожди, это еще не все. Затанцуют люди и не смогут остановиться, пока не перестанешь играть на своем барабане.

— Вот здорово! Не знаю еще, что стану делать с таким подарком, но, наверное, пригодится.

— Еще как!

— Прощай, бабуля!

— Прощай, солдат!

И барабанщик снова двинулся в путь — домой. Шел он, шел... Вдруг из леса выскочили трое разбойников.

— Кошелек или жизнь!

— Ох, да ради бога! Берите еще и сумку. Только и в ней пусто.

— Руки вверх или будем стрелять!

— Слушаюсь, слушаюсь, господа разбойники.

— Где прятешь деньги?

— Будь они у меня, наверное, спрятал бы в шапке.

Разбойники посмотрели в шапку — пусто.

— А может, сунул бы в ухо.

Посмотрели в ухо — тоже пусто.

— Нет, пожалуй, я положил бы их на самый кончик носа, будь они у меня.

Разбойники искали, искали и, разумеется, не нашли даже гроша ломаного.

— Да ты и в самом деле нищий! — рассердился главарь разбойников.— Ну, ладно, заберем у тебя барабан, хоть повеселимся иногда — и то хорошо.

— Берите,— вздохнул солдат,— жаль, конечно, расставаться со старым другом, столько лет дружили. Но раз уж он так вам нужен...

— Нужен!

— Дайте только мне сыграть на нем напоследок, а потом забирайте. А заодно я покажу вам, как надо играть. Идет?

— Ладно, так уж и быть, играй.

— Вот хорошо! — обрадовался барабанщик.— Я сыграю: «Трам-та-ра-там-там! Трам-там-там!» А вы потанцуйте!

И надо было видеть, как затанцевали эти негодяи! Словно медведи на ярмарке.

Поначалу им нравилось, они смеялись и шутили:

— Давай, давай, барабанщик! А ну-ка, вальс!

— А теперь польку!

— Мазурку!

Но вот они устали, задыхаются. Хотят остановиться, да не могут! Выбились из сил, ноги не держат, голова кружится, а волшебный барабан все заставляет их плясать.

— На помощь!

— Пляшите!

— Пощады!

— Пляшите!

— Господи!

— Пляшите, пляшите!

— Хватит, хватит!

— Не отнимете у меня барабан?

— Не отнимем! С нас достаточно...

— Оставьте меня в покое?

— О, мы отдадим тебе что угодно, только прекрати эту музыку!

Но барабанщик перестал играть только тогда, когда они, совсем обессиленные, свалились на землю.

— Вот и хорошо! Теперь вы меня не догоните!

И пустился наутек, время от времени ударяя палочками по барабану — на всякий случай. И тогда сразу же начинали танцевать зайцы в своих норках, белки на деревьях и проснувшиеся среди бела дня совы.

Так и шел дальше славный барабанщик, возвращаясь домой.

Первый конец

Шел он, шел и вдруг подумал: «А ведь это волшебство — неплохая штука! И с разбойниками я поступил в общем-то довольно глупо. Я же мог заставить их отдать мне все деньги, какие у них были. Может, вернуться и поискать их?»

И он повернул было обратно, как вдруг увидел, что навстречу едет почтовая карета.

— Вот это, пожалуй, меня даже больше устроит!

Лошади бежали быстро, позванивая бубенчиками, и кучер на козлах весело насвистывал песенку. Рядом с ним сидел вооруженный жандарм.

— Привет, барабанщик! Тебя подвезти?

- Нет, мне и тут хорошо.
- Тотчас сойди с дороги, дай проехать.
- А вы сначала потанцуйте!

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!» — загремел барабан. И тотчас затанцевали лошади, соскочил на землю кучер и давай притоптывать ногами. А уж как смешно плясал жандарм, выронивший свое ружье! И пассажиры все тоже пустились в пляс.

А надо вам сказать, что в этой почтовой карете везли в банк золото — три ящика. Наверное, килограммов триста. Солдат одной рукой продолжал бить в барабан, другой сбросил ящики на дорогу и ногой задвинул их в кусты.

— Пляшите! Пляшите!

— Хватит! Хватит! Больше не можем!

— Тогда уезжайте, да побыстрее! И не оборачиваться!..

Почтовая карета уехала без своего драгоценного груза. А солдат стал богатым-пребогатым, как миллионер... Теперь он мог купить себе виллу, жить бездельником и жениться на дочери какого-нибудь важного чиновника. А еще понадобятся деньги, так ему и в банк идти не надо — достаточно вспомнить о барабане.

Второй конец

Шел солдат, шел и вдруг увидел охотника, который целился в дрозда.

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Охотник выронил ружье и пустился в пляс. А дрозд улетел.

— Несчастный! Ты мне ответишь за это!

— Там видно будет, а пока попляши! Ну как?

— Эх, сил нет!

— Хочешь остановиться, так обещай, что никогда больше не будешь стрелять в птиц!

— Обещаю!

Шел он дальше, шел и увидел крестьянина, который колотил своего осла.

— Пляши!

— На помощь!

— Пляши! Перестану играть, только если поклянешься, что никогда больше не будешь бить своего осла.

— Клянусь!

Шел дальше славный солдат, шел и бил в свой барабан каждый раз, когда нужно было положить конец

какому-нибудь безобразию, восстановить справедливость или наказать злодея. А злодеев всяких и несправедливостей разных встречалось почему-то так много, что ему никак не удавалось добраться до дома. Но он все равно был доволен. «Мой дом,— решил он,— будет там, где я смогу делать добро с помощью моего барабана».

Третий конец

Шел солдат, шел и размышлял: «Интересный барабан! Любопытно, как он устроен? И в чем заключается его волшебство?» Повертел в руках палочки, разглядывая их,— вроде обыкновенные деревянные палочки.

— Может, секрет спрятан внутри барабана, под этой туго натянутой кожей? Загляну-ка туда,— решил он. И прорезал ножом небольшую дырочку. А внутри оказалось пусто — совсем пусто!

— Ну, ладно, ничего не поделаешь...

И отправился солдат дальше своей дорогой, весело стуча палочками. Но теперь зайцы, белки и птицы больше не танцевали под звуки его барабана, и совы тоже не просыпались...

«Трам-тара-там-там! Трам-там-там!»

Звук вроде бы тот же, а волшебства нет как нет!

Вы не поверите, но барабанщик почему-то обрадовался этому.

Маленький барабанишк победил космических пришельцев

Хитрый Буратино

Жил да был однажды... Пиноккьо-Буратино. Нет, не тот, про которого рассказал итальянский писатель Карло Коллоди, и не тот, про которого написал сказку Алексей Толстой, а совсем другой. Правда, он тоже был деревянный, но все равно — другой. И сделал его не папа Карло. Он сам себя сделал.

Этот Буратино, как и знаменитый деревянный человечек из сказки, любил привирать. И всякий раз, когда он говорил неправду, его нос тоже удлинялся прямо на глазах. И все-таки это был совсем другой Буратино. Тем более что, когда нос вытягивался, он не пугался и не плакал, не звал на помощь, а брал нож или пилу и спокойно отрезал лишний кусок носа. Он ведь был деревянный — не так ли? — а потому ему нисколько не было больно. Ну а так как врал он довольно часто, даже, пожалуй, слишком часто, то очень скоро у него в доме скопилось множество деревянных обрезков — кусков носа.

— Вот и хорошо! — решил он. — Пожалуй, хватит, чтобы сделать мебель. Изготовлю ее сам, и не придется платить столяру.

Сказано — сделано. Потрудился Буратино как следует, и появились у него в доме кровать, стол, шкаф, стулья, полки для книг, скамья. Наконец он принялся делать тумбочку для телевизора, как вдруг обнаружил, что материала недостаточно.

— Не беда! — решил он. — Надо только соврать разочек.

Он выбежал на улицу и поискал, кому бы что-нибудь наврать. И тут увидел крестьянина.

— Добрый день! — приветствовал его Буратино. — А вы знаете, что вам здорово повезло?

— Мне? Каким образом?

— Еще не знаете?! Вы же выиграли сто миллионов в лотерею! Об этом только что сообщили по радио.

— Не может быть!

— Как это не может быть... Вас, простите, как зовут?

— Роберто Бизлунги.

— Вот видите! По радио назвали ваше имя — Роберто Бизлунги. А чем вы занимаетесь?

— Да крестьянин я, землю пашу...

— Ну, тогда никаких сомнений быть не может! Именно вам достался выигрыш в сто миллионов! Поздравляю!..

— Спасибо, спасибо...

Синьор Бизлунги растерялся от такой новости, разволновался и зашел в кафе — выпить воды. И тут только сообразил, что никогда в жизни не покупал лотерейных билетов. Значит, здесь какая-то ошибка...

А Буратино тем временем вернулся домой. Он был очень доволен своей выдумкой, потому что нос удлинился как раз настолько, что он мог сделать ножку для тумбочки. Он отпилил нужный кусок, зачистил шкуркой, сколотил — и готово! Тумбочка получилась на славу. Захочешь купить такую, надо выложить ни много ни мало, а целых двадцать тысяч лир! Так что неплохая получилась экономия. Изготовив обстановку для своего дома, Буратино решил заняться торговлей.

— Буду продавать строительный материал и разбогатею!

И в самом деле, он так наловчился придумывать всякие небылицы и врать направо и налево, что очень скоро построил огромный склад для деревянных строительных материалов — там работало сто рабочих и двенадцать бухгалтеров, которые выписывали счета, — и купил четыре автомашины и два автопоезда. Они нужны были не для прогулок, а для перевозки обрезков его носа. Он отправлял их даже за границу — во Францию и Шотландию.

И он все врал и врал — чем дальше, тем больше. Нос его никогда не уставал расти. Буратино становился все богаче и богаче. Теперь на его складе работало три тысячи пятьсот рабочих, и счета выписывали четыреста двадцать бухгалтеров.

К сожалению, со временем от беспрестанного вранья фантазия Буратино иссякла. Чтобы сказать какую-нибудь ложь или небылицу, ему приходилось теперь подслушивать, как врут другие, и повторять чужие выдумки — и те, что сочиняют взрослые, и те, что придумывают дети... Но это были, как правило, совсем крохотные неправды, и от них нос вырастал всего на несколько сантиметров.

Тогда Буратино решил завести подсказчика. Новый сотрудник целый день сидел в конторе, придумывал разные небылицы, записывал на листки и отдавал хозяину:

— Скажите, что купол собора святого Петра построили вы, а не Микеланджело.

— Скажите, что город Форлиμποполи стоит на колесах и может путешествовать.

— Скажите, что вы оказались однажды на Северном полюсе, просверлили дырку сквозь Землю и вышли на Южном полюсе.

Подсказчик неплохо зарабатывал на таком вранье, но к вечеру от бесконечных упражнений во лжи у него начинала сильно болеть голова.

— Скажите, что гора Монблан — ваша тетушка.

— ...что слоны спят не лежа и не стоя, а встав на хобот.

— ...что реке По надоело впадать в Адриатическое море, и она хочет броситься в Индийский океан.

Теперь, став богатым-пребогатым, Буратино уже не сам отпиливал свой нос. Это делали за него лучшие мастера-столяры. Для этого они надевали белые перчатки и брали золотую пилу. Хозяин платил им дважды — сначала за саму работу, а потом за то, чтобы они молчали и никому не говорили про его удивительный нос. А если день выдавался особенно удачный, Буратино, случалось, даже угощал их стаканом минеральной воды.

Первый конец

Буратино богател не по дням, а по часам. Но не подумайте, что он стал жадным. Подсказчику, к примеру, он даже делал иногда подарки. Дарил, скажем, мятную конфетку, грушу или сенегальскую марку...

Горожане очень гордились Буратино и даже задумали избрать его мэром, но он не соглашался, потому что не хотел брать на себя такую большую ответственность.

— Но вы так много можете сделать для нашего города! — говорили ему.

— Сделаю, и так сделаю. Построю детский сад, если, конечно, он будет носить мое имя. Поставлю скамейку в городском парке, чтобы старики-рабочие могли отдохнуть, когда устанут.

— Да здравствует Буратино! Да здравствует Буратино!

Люди так обрадовались, что решили воздвигнуть на главной площади города мраморный памятник Буратино. И воздвигли. Мраморный Буратино был ростом в три метра, а нищий мальчик, тоже мраморный, который стоял рядом, — ростом всего девяносто пять сантиметров. Мраморный Буратино дарил ему сольдо. Возле памятника играл оркестр, в небо взлетали огни фейерверка... Это был большой праздник.

Второй конец

Буратино богател не по дням, а по часам. И чем больше богател, тем более становился жадным. Подсказчик,

трудившийся день и ночь, придумывая все новые и новые неправды, давно просил хозяина прибавить ему оплату, но Буратино всякий раз находил какой-нибудь предлог, чтобы отказать.

— Это вы быстро придумали — требовать прибавки! А сами вчера подсунули мне небылицу всего на четыре сольдо — нос вырос только на двенадцать миллиметров. Из такого кусочка не сделать и зубочистки!

— У меня семья, — объяснял подсказчик, — а картошка подорожала.

— Зато куличи подешевели! Почему бы вам не покупать куличи вместо картошки?

Кончилось тем, что подсказчик возненавидел своего хозяина и задумал отомстить ему.

— Я ему покажу! — грозился он, записывая на листки новые неправды.

И вот однажды на одном из этих листков он, сам того не заметив, написал: «Автор «Приключений Пиноккьо» — Карло Коллоди, а «Золотого ключика» — Алексей Толстой».

Листок этот оказался среди других бумаг с неправдами. И Буратино, не прочитавший за всю жизнь ни одной книжки, решил, что это, как и все другие выдумки подсказчика, тоже неправда, и запомнил эту фразу, чтобы сказать кому-нибудь.

Вот так и случилось, что он первый раз в жизни — по чистому неведению — сказал правду. И как только он это сделал, все деревянные строительные материалы, которые появились в результате его вранья, превратились в пыль и опилки, и все богатство исчезло, словно его ветром сдуло. Буратино снова стал бедным и оказался в своем старом доме, где не было даже стула, даже носового платка, чтобы утереть слезы.

Третий конец

Буратино богател не по дням, а по часам и, конечно, стал бы в конце концов самым богатым человеком на свете, если б однажды не появился в тех краях один хитрый, всезнающий человечек. Он знал даже то, что все богатства Буратино растают как дым в тот же момент, как только он скажет правду.

— Синьор Буратино, так, мол, и так. Смотрите, не скажите случайно даже самую маленькую правду, иначе кончен бал. Поняли? Вот и хорошо! Кстати, это ваша вилла?

— Н-нет,— ответил Буратино.

— Тогда я поселюсь тут. Она очень нравится мне! А эти склады тоже не ваши?

— Н-нет,— неохотно произнес Буратино, не желая говорить правду.

— Прекрасно! Значит, станут моими...

Таким вот образом человечек забрал у Буратино машины, автопоезда, телевизор, золотую пилу... Буратино становился все мрачнее и мрачнее, но скорее дал бы отрезать себе язык, чем сказал бы правду.

— Кстати,— спросил под конец человечек,— а это ваш нос?

Тут Буратино не выдержал:

— Конечно мой! И вы не сможете забрать его у меня! Нос мой, и горе тому, кто тронет его!

— Вот это истинная правда! — улыбнулся человечек.

И в тот же миг все богатство Буратино действительно превратилось в опилки, рассыпалось в прах. Налетел сильный ветер, и все развеял, все унес прочь, подхватив заодно и загадочного человечка. И Буратино остался один, остался ни с чем, даже мятой конфетки от кашля не было у него.

Пиноккьо стал мэром города, и ему поставили памятник

Эти бедные привидения

На планете Борт жили привидения, много привидений. Жили? Нет, правильнее было бы сказать — влачили жалкое существование, кое-как сводили концы с концами. Обитали они, как и все привидения, где придется — в пещерах, в старинных полуразрушенных замках, в пустых, заброшенных домах, на чердаках. В полночь они выбирались из укрытий и расходились по всей планете — пугать бортианцев.

Но бортианцы их несколько не боялись. Это были умные люди. В привидения они не верили. И если сталкивались с ними, то смеялись, пока те, краснея от стыда, не исчезали.

Например, начинает какое-нибудь привидение греметь цепями, издавая скрежещущий звук, как тут же кто-нибудь из бортианцев кричит:

— Эй, привидение, смазало бы получше свои цепи! Уж очень скрипят!

А другое привидение начнет, к примеру, размахивать изо всех сил своей белой простыней... А кто-нибудь из бортианцев, скорее всего какой-нибудь мальчишка, кричит ему:

— Ну чего ты крутишься? Тащи сюда свою простыню да суй скорее в стиральную машину. Давно пора отправить ее в биологическую стирку!

К утру привидения возвращались в свои укрытия сами совсем запуганные, упавшие духом и жаловались друг другу:

— Черт знает что творится! Представляешь, что сказала мне одна синьора, которая сидела на балконе и наслаждалась ночной прохладой? «Смотри, говорит, опоздаешь! У тебя часы отстают. Неужели нет среди вас, привидений, часовщика, чтобы починить их?»

— А мне? Они подсунули мне записку! Прикололи кнопкой к двери. И знаешь, что в ней было написано? «Уважаемый синьор привидение! Когда закончите свою прогулку, прикройте дверь. Прошлой ночью вы оставили ее открытой, в дом забрели бродячие коты и вылакали молоко моей кошечки».

— Никакого уважения к привидениям!

— Никакого почтения!

— Надо что-то предпринимать!

— А что, например?

Кто-то предложил провести демонстрацию протеста. Кто-то другой — ударить во все колокола, что есть на планете, чтобы помешать бортианцам спать.

Наконец слово взял самый старый и самый мудрый призрак.

— Дамы и господа! — сказал он, штопая дыру на своей ветхой простыне. — Дорогие друзья! Ничего не поделаешь! Больше нам не напугать бортианцев! Никогда! Они привыкли к нашему шуму, знают все наши фокусы, и наши протесты их нисколько не тронут. Нет, нам здесь нечего больше делать...

— Что значит «здесь»?

— Я хочу сказать — на этой планете. Надо эмигрировать, покинуть ее...

— Ну да, чтобы оказаться на какой-нибудь планете, где живут одни комары да мухи!

— Нет, господа, я знаю одну подходящую планету.

— И как же она называется?

— Она называется Земля. Я узнал от одного верного и надежного человека, что на Земле живут миллионы ребят, которые, едва только услышат про привидения, сразу же прячут головы под подушки.

— Какая прелесть!

— Не может быть!

— Мне рассказал это, — продолжал старый призрак, — один человек, который никогда в жизни не говорит неправду.

— Ну ладно, давайте голосовать! Голосовать!

— За что голосовать?

— Кто согласен переселиться на Землю, махните своей простыней. Подождите, я сосчитаю... Один, два, три... сорок... сорок тысяч... сорок миллионов... Кто против? Один, два... Ну что же, подавляющим большинством принято решение — едем!

— А те, кто против, тоже могут поехать?

— Разумеется. Меньшинство должно следовать за большинством.

— Когда отправляемся?

— Завтра вечером, как только стемнеет.

И на следующий вечер, еще до того как появилась Луна (кстати, на планете Борт четырнадцать Лун, и непонятно, как это им удастся вертеться вокруг нее и не столкнуться), бортианские привидения выстроились в стройную колонну и замахали своими простынями, словно большими бесшумными крыльями... И вот они полетели...

Полетели в космическое пространство, словно белые ракеты.

— А не собьемся с пути?

— Не бойтесь, старик знает небесные маршруты так же хорошо, как дырки на своей простыне...

Первый конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения подлетели к Земле и опустились в той ее части, которая была тогда в тени — там ночь только еще начиналась.

— Теперь разомкнем наши стройные ряды и разлетимся,— сказал старый призрак.— Пусть каждый осмотрится и действует в зависимости от обстановки. К рассвету соберемся здесь и обсудим положение. Согласны?

И привидения растаяли в ночной темноте.

Когда же они вновь встретились на рассвете, то едва не выпрыгивали из своих простыней от радости.

— Ребята, да это же просто рай!

— Какое счастье!

— Какой праздник!

— Кто бы подумал, что столько людей еще верит в привидения!

— И не только дети, даже взрослые!

— И даже образованные люди!!!

— Я напугал одного доктора!

— А я — министра! Он даже поседел от страха!

— Наконец-то мы нашли подходящую планету! Я голосую за то, чтобы остаться тут.

— И я!

— И я!

На этот раз во время голосования взметнулись все простыни, ни одна не осталась неподвижной.

Второй конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения улетели очень далеко от своей планеты. К сожалению, в суматохе перед отъездом никто не заметил, что во главе колонны оказались те самые два привидения, которые возражали против путешествия на Землю. А это были, надо вам сказать, земные привидения. А еще точнее — миланские привидения, которые убежали из ломбардской столицы, не устояв под градом гнилых

помидоров, какими их закидали мальчишки. Привидения тайком пробрались на планету Борт и спрятались среди местных привидений. О том, чтобы вернуться на Землю, они, разумеется, и слышать не хотели. Но если б кто-нибудь узнал, что они — земные, им пришлось бы несладко. И тогда они задумали... Впрочем, что задумали, то и сделали.

Они встали во главе колонны. Все полагали, что путь указывает старый, мудрый призрак, а он между тем задремал на лету. И земные привидения, вместо того чтобы лететь к Земле, взяли курс совсем в другую сторону — к планете Пиккьо, которая находится на расстоянии трехсот миллионов миллиардов километров и семи сантиметров. На этой планете обитали только какие-то говорящие лягушки. Бортианским привидениям неплохо жилось там по крайней мере несколько столетий. А потом, похоже, и лягушки перестали бояться их.

Третий конец

Через несколько минут, двигаясь со скоростью света, бортианские привидения оказались вблизи Луны и уже собрались опуститься на Землю и приняться за свое дело, как вдруг увидели, что с Земли им навстречу движется такая же плотная колонна привидений.

— Эй, кто вы такие?

— А вы кто?

— Нечестно! Мы первые спросили! Отвечайте!

— Мы привидения с планеты Земля. Улетаем отсюда, потому что здесь нас уже больше никто не боится.

— И куда же вы летите?

— На планету Борт. Нам говорили, там есть кого поугать.

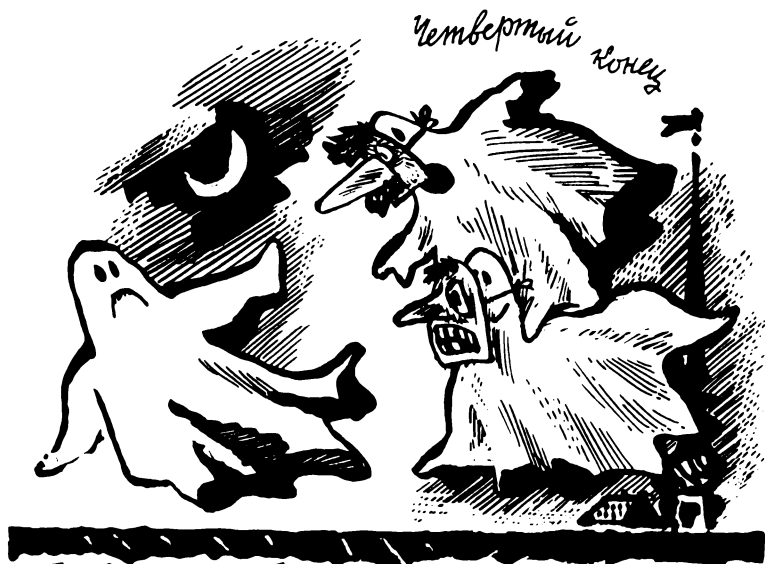
— Несчастные! Так знайте же — мы покинули эту планету именно потому, что привидениям там уже больше нечего делать!

— Черт возьми, как же быть?

— Давайте объединимся и поищем какую-нибудь планету, где живут трусишки. Неужели не найдется хотя бы одна такая планета во всей Вселенной...

— Ну конечно, так и надо сделать!..

Так и сделали. Бортианские и земные привидения объединились, поворчали немного и скрылись в глубинах Космоса.

*Титвидениям больше некого пугать, и теперь
они пугают лишь друг друга*

Собака, которая не умела лаять

Жила-была однажды собака, которая не умела лаять. Ни лаять, ни мяукать, ни мычать, ни ржать — никак не умела разговаривать! Это была самая обыкновенная маленькая собака. И никто не знал, откуда она взялась в этом селе, где прежде никто никогда не видел ни одной собаки. И уж, понятное дело, сама она даже не подозревала, что не умеет лаять. Но вот кто-то спросил ее:

— А почему, интересно, ты никогда не лаешь?

— Лаять?.. А как это? Я ведь не здешняя, я не умею...

— Вот чудачка! Разве ты не знаешь, что все собаки лают?

— Зачем?

— Не зачем, а потому. Потому что они собаки! Лаут на прохожих, на подозрительных кошек, на луну. Лаут, когда довольны жизнью, когда нервничают или злятся. Лаут чаще всего днем, но, случается, и ночью.

— Очень возможно, но я...

— А ты что за птица такая особенная? Или хочешь, чтоб о тебе написали в газетах?

Собака не знала, что и отвечать. Она не умела лаять и не знала, как этому научиться.

— А ты делай, как я,— из жалости посоветовал какой-то петушок. И он несколько раз прокричал свое звонкое «ку-ка-ре-ку!».

— По-моему, это совсем непросто,— заметила собака.

— Да что ты! Очень даже просто! Послушай еще и обрати внимание на мой клюв. Короче, смотри и подражай!

И петушок еще раз пропел «ку-ка-ре-ку!».

Собака попробовала повторить, но у нее получилось только какое-то жалкое «кхе-кхе», и курицы, испугавшись, бросились врассыпную.

— Ничего,— успокоил собаку петушок,— для первого раза очень даже неплохо. А теперь повтори. Ну!

Собака еще раз попыталась покукарекать, но у нее опять ничего не вышло. И тогда она стала потихоньку тренироваться изо дня в день, иногда уходила в лес — там совсем никто не мешал и можно было кукарекать сколько угодно.

Но вот однажды утром в лесу ей удалось выкрикнуть «ку-ка-ре-ку!» так хорошо, так звонко и красиво, что лиса, услышав этот петушиный клич, подумала: «Наконец-то петенька собрался навестить меня! Надо скорее поблагодарить его за визит...» И поспешила ему навстречу, не забыв при этом захватить нож, вилку и салфетку, потому что для лисы, как известно, нет блюда лакомее, чем хороший петушок. Можете себе представить, как огорчилась она, когда вместо петушка увидела собаку, которая сидела по-щенячьи на своем хвосте и одно за другим выпускала громкие «ку-ка-ре-ку!».

— Ах,— воскликнула лиса,— так, чего доброго, и в ловушку можно попасть!

— В ловушку?

— Ну да! Я подумала, что ты нарочно притворилась петушком, заблудившись в лесу, чтобы поймать меня. Хорошо еще, что я тебя вовремя заметила. Но это нечестная охота! Собаки обычно лают, предупреждая, что приближаются охотники.

— Уверю тебя... Я совсем не собиралась охотиться. Я пришла сюда только поупражняться.

— Поупражняться? В чем?

— Я учусь лаять. И уже почти научилась. Послушай, как у меня хорошо получается.

И она снова звонко пропела «ку-ка-ре-ку!».

Лиса так хохотала, что чуть не лопнула. Она каталась по земле, хватаясь за живот, и никак не могла остановиться. Наша собака ужасно обиделась, что над нею смеются,— ведь она так старалась! Поджав хвост и чуть не плача, она пошла домой. Но тут встретилась ей кукушка. Увидела она печальную собаку и пожалела ее:

— Что случилось с тобой?

— Ничего.

— Отчего же ты такая грустная?

— Эх... Так вот и так... Все оттого, что не умею лаять. И никто не может научить меня.

— Ну если дело только за этим, я научу тебя в два счета! Послушай хорошенько, как я пою, и повтори точно так же: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Поняла?

— Вроде не так уж и трудно...

— Да совсем просто! Я с самого детства умею куковать. Попробуй: «Ку-ку, ку-ку...»

— Ку,— попробовала собака,— ку...

Она повторяла это «ку-ку!» еще много раз и в этот день, и на следующий. И через неделю стала уже совсем неплохо куковать. Она была очень довольна собой и думала: «Наконец-то, наконец-то я начинаю по-настоящему лаять! Теперь уж никто не станет смеяться надо мной».

Как раз в эти дни начался охотничий сезон. В лесу появилось много охотников, в том числе и такие, которые стреляют куда попало и в кого попало. Могут выстрелить даже в соловья, если услышат его. И вот идет один такой охотник по лесу и слышит в кустах: «Ку-ку... ку-ку...» Он поднимает ружье, целится и — бух! бах! — стреляет.

Пули, по счастью, не задели собаку. Пролетели и просвистели над самым ухом. Но собака испугалась и пустилась наутек. Она очень удивилась: «Наверное, этот охотник сошел с ума, если стреляет даже в собаку, которая лает...»

А охотник тем временем искал свою добычу. Он был уверен, что попал в цель.

«Наверное, птицу утащила эта собака, которая выскочила вдруг откуда-то»,— подумал он.

И, чтобы отвести душу, выстрелил в мышонка, выглянувшего из своей норки, но не попал и в него.

А собака бежала, бежала...

Первый конец

Бежала, бежала собака и оказалась на лугу, где спокойно паслась корова.

— Куда так спешишь?

— Сама не знаю...

— Ну так остановись. Здесь прекрасная трава.

— Эх, если б в траве было дело...

— Ты что — нездорова?

— Хуже. Я не умею лаять!

— Но ведь это самое простое, что только может быть на свете! Послушай меня: «Му-у! Му-у! Му-у!..» Разве некрасиво?

— Неплохо. Но я не уверена, что это как раз то, что мне надо. Ты ведь корова...

— Разумеется, я корова.

— А я — нет. Я собака.

— Разумеется, ты собака. Ну и что? Что тебе мешает выучить мой язык?

— А знаешь, это мысль! Превосходная мысль!

— Какая?

— Да вот эта, которая только что пришла мне в голову. Я выучу языки всех животных и буду выступать в цирке. Все будут аплодировать мне, я разбогатею и выйду замуж за сына короля. Короля собак, разумеется.

— Молодец, ты очень хорошо придумала это! Ну, так за работу. Слушай внимательно: «Му-у... Му-у... Му-у...»

— Му-у... — промычала собака.

Это была собака, которая не умела лаять, зато обладала большими способностями к языкам.

Второй конец

Бежала, бежала собака... И встретился ей крестьянин.

— Куда так несешься?

— Сама не знаю...

— Тогда идем со мной. Мне как раз нужна собака — курятник сторожить.

— Я бы пошла к вам, но только вот лаять не умею.

— Тем лучше. Собаки, которые лают, только помогают ворам удирать. А тебя они не услышат, подойдут поближе, тут ты их схватишь, укусишь как следует, и они получают по заслугам.

— Согласна! — ответила собака.

Так и случилось, что собака, которая не умела лаять, нашла наконец себе занятие, цепь и миску с костями — раз и навсегда, на всю жизнь.

Третий конец.

Бежала, бежала собака... И вдруг остановилась. Какой странный голос она услышала. «Гав-гав! — говорил кто-то.— Гав-гав!»

«Что-то очень родное и знакомое,— подумала собака.— Хотя никак не могу понять, что это за животное говорит».

— Гав-гав!

— Жираф, может быть? Нет, наверное, крокодил. Это злое животное — крокодил... Надо быть осторожнее.

Прячась за кустами, собака двинулась туда, откуда доносилось это «гав-гав!», от которого, бог знает почему, так сильно забилося ее сердце.

— Гав-гав!

— Вот так раз — собака!

Да, да! Причем это оказалась собака того самого охотника, который недавно стрелял, услышав кукование.

— Привет, собака!

— Привет, собака!

— Что это за звуки ты издаешь?

— Звуки? Да будет тебе известно, что это не просто звуки, а лай.

— Лай? Ты умеешь лаять?

— Вполне естественно. Не стану же я трубить, как слон, или рычать, как лев.

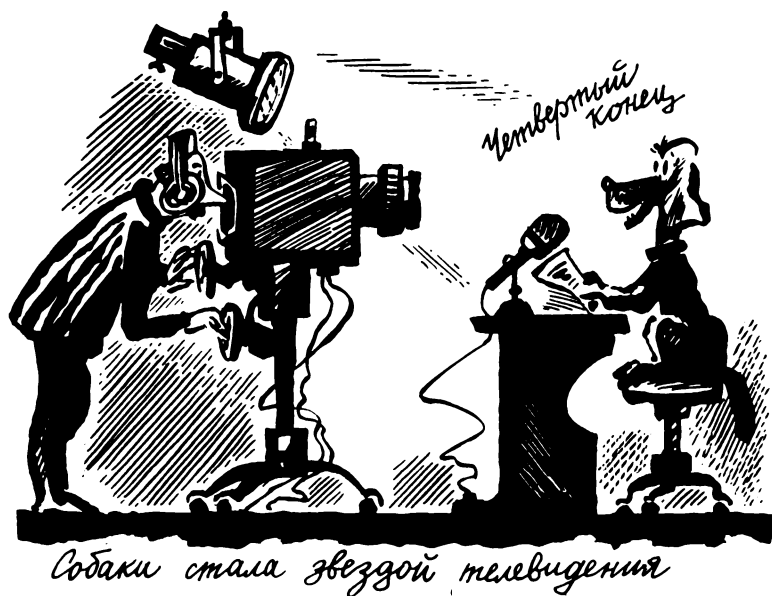
— Тогда научи меня!

— А ты разве не умеешь лаять?

— Нет...

— Слушай внимательно! Это делается так: «Гав, гав!...»

— Гав, гав! — сразу же залаяла собака. И подумала про себя, радостная и счастливая: «Наконец-то я нашла хорошего учителя!»

Дом в пустыне

Жил-был как-то очень богатый синьор. Богаче самого богатого американского миллиардера. Одним словом, богатый-пребогатый! Свои деньги он хранил на огромных складах. До самого потолка они были забиты золотыми, серебряными и никелевыми монетами. Тут были итальянские лиры, швейцарские франки, английские фунты стерлингов, американские доллары, русские рубли, польские злотые, югославские динары — центнеры, тонны монет всех стран мира и всех национальностей. Бумажных денег у него тоже было несметное количество — тысячи туго набитых, запечатанных сургучными печатями мешков.

Звали этого синьора Монетти.

И вот однажды захотел он построить себе дом.

— Построю его в пустыне, — решил он, — подальше от людей.

Но в пустыне нет камня для строительства, нет кирпичей, извести, досок, мрамора... Ничего нет — один песок.

— Неважно! — заявил синьор Монетти сам себе. —

Построю дом из своих денег. Вместо камней, кирпичей, досок и мрамора использую монеты.

Он позвал архитектора и велел ему сделать план дома.

— Пусть в нем будет триста шестьдесят пять комнат,— приказал синьор Монетти,— по одной на каждый день года. И двенадцать этажей — по одному на каждый месяц года. И пятьдесят две лестницы — по одной на каждую неделю года. И все это пусть будет сделано из монет, понятно?

— Но гвозди... Без них не обойтись... Придется привезти.

— Ни в коем случае! Нужны гвозди? Берите мои золотые монеты и отливайте из них золотые гвозди.

— А для крыши нужна черепица...

— Никакой черепицы! Возьмите мои серебряные монеты, и получится очень хорошая крыша.

И архитектор сделал план. Чтобы привезти в пустыню все монеты, необходимые для строительства дома, понадобилось три тысячи пятьсот автопоездов. А чтобы разместить строительных рабочих, пришлось поставить четырехста палаток.

И работа закипела. Сначала вырыли котлован под фундамент, но не стали забивать в него железобетонные сваи и укладывать плиты, а заполнили монетами. Один за другим подъезжали доверху груженные деньгами самосвалы и ссыпали свой драгоценный груз в котлован. Затем стали класть стены: монету за монетой — одну на другую. Монета — чуть-чуть раствора — другая монета... Первый этаж весь выложили из итальянских серебряных монет по 500 лир. Второй этаж — целиком из долларов...

Двери тоже сделали из монет — старательно склеивали их друг с другом. Потом взялись за окна, но стекло не понадобилось. Его заменили бумажными деньгами — австрийские шиллинги сложили с немецкими марками и изнутри, со стороны комнаты, закрыли, как занавеской, турецкими и шведскими банкнотами.

Крышу, трубы и камины тоже выложили из металлических денег. Мебель, ванны, водопроводные краны, ковры, ступеньки лестниц, решетки в окнах подвала, туалеты — все сделали из монет. Монеты, монеты, повсюду монеты, одни монеты...

А вечером синьор Монетти непременно обыскивал рабочих, уходивших со стройки: вдруг кто-нибудь из них унес в кармане или в ботинке несколько сольдо?!

Он даже заставлял их показывать язык, потому что при желании можно ведь и во рту спрятать рупию, пиастр или пезету.

Когда закончили строительство, остались еще целые горы металлических денег. Синьор Монетти велел ссыпать их в подвалы, сложить на чердаке и заполнить ими почти все комнаты, оставив между горами денег только узкий проход, чтобы можно было пробраться к ним и пересчитать, если понадобится.

А затем все ушли — архитектор, прораб, рабочие, водители грузовиков. И синьор Монетти остался один в своем огромном доме, стоящем среди пустыни, — в этом денежном дворце. Куда ни посмотришь — на пол, на потолок, направо, налево, вперед, назад, куда ни обернешься — всюду видишь только деньги, деньги, деньги. Потому что даже сотни драгоценных картин, что висели на стенах, были сделаны из денег. И сотни статуй, стоявших в залах, тоже были отлиты из бронзовых, медных или никелевых монет.

Вокруг дома синьора Монетти расстилалась бескрайняя пустыня. Она тянулась далеко, во все стороны света. Случалось, что с севера или с юга налетал сильный ветер, и тогда ставни и двери хлопали, издавая необычный звук, похожий на легкий музыкальный перезвон. И синьор Монетти своим тончайшим слухом умел различить в нем звон монет разных стран мира.

«Такое «дзиннь!», — отмечал он, — издают датские кроны. Это «динь!» — голландские флорины... А вот слышны голоса Бразилии, Замбии, Гватемалы...»

Когда синьор Монетти поднимался по лестнице, он распознавал монеты, по которым ступал, не глядя, — по их звучанию под каблуками (у него были очень чувствительные ноги). И, поднимаясь с закрытыми глазами, он бормотал: «Румыния, Индия, Индонезия, Исландия, Гана, Япония, Южная Африка...»

Спал синьор Монетти на кровати, которая тоже, разумеется, была сделана из монет: изголовье было выложено золотыми старинными монетами — маренгами, а простынями служили сшитые двойной ниткой банкноты по сто тысяч лир. Простыни он менял каждый день, потому что был человеком чрезвычайно чистоплотным. Использованные простыни он складывал в сейф.

Перед сном он обычно читал какую-нибудь книгу из своей библиотеки. Тома состояли из аккуратно переплетенных банкнот стран всех пяти континентов.

Синьор Монетти никогда не уставал читать эти книги, потому что был очень образованным человеком.

Однажды ночью, когда он читал книгу, состоящую из денежных купюр Австралийского государственного банка...

Первый конец

Однажды ночью синьор Монетти услышал вдруг, что кто-то стучится в дверь. И сразу же безошибочно определил: «Стучат в дверь, которая сделана из старинных талеров австрийской императрицы Марии Терезии».

Он пошел посмотреть и убедился, что не ошибся. Это оказались разбойники.

— Кошелек или жизнь!

— Прошу, господа, входите и убедитесь — у меня нет кошелька.

Разбойники вошли в дом, но даже и не подумали взглянуть на стены, двери, окна, мебель, а сразу же бросились искать сейф. Нашли, но в нем оказались одни простыни. Не станут же разбойники изучать, из какого материала они сделаны — из льна или из бумаги с водяными знаками. Во всем доме — от первого до двенадцатого этажа действительно не оказалось ни одного кошелька, ни одной сумки или мешка. Лежали только повсюду в комнатах груды каких-то вещей, и в подвалах тоже, и на чердаке, но в темноте не рассмотреть было, что это такое. А кроме того, разбойники и без того хорошо знали, что им надо — им нужен был бумажник. А у синьора Монетти его не было.

Сначала разбойники рассердились, а потом даже заплакали от досады. Ведь они проделали такой путь через всю пустыню ради этого грабежа и теперь вынуждены были возвращаться с пустыми руками. Синьор Монетти, чтобы успокоить их, предложил им лимонаду со льдом. Разбойники утолили жажду и ушли в темноту ночи, роняя в песок горькие слезы.

Второй конец

Однажды ночью синьор Монетти услышал, что кто-то стучится в дом. И сразу же безошибочно определил: «Стучат в дверь, которая сделана из старинных эфиопских талеров». Он спустился вниз и открыл эту дверь. Перед ним стояли двое затерявшихся в пустыне ребятишек. Голодные и замерзшие, они горько плакали.

— Помогите нам, пожалуйста...

Синьор Монетти сердито захлопнул перед ними дверь. Но дети все продолжали стучать и стучали еще очень долго. В конце концов синьор Монетти сжалился над ними.

— Ну вот что, забирайте-ка эту дверь!

Дети взяли дверь. Она оказалась очень тяжелой, потому что целиком была сделана из золота. Зато если они донесут ее до дома, можно будет купить хлеба и молока и даже немножко кофе.

Через несколько дней к синьору Монетти пришли еще двое бедных ребятишек, и он подарил им другую дверь. А потом, когда все узнали, что он стал добрым и щедрым, бедняки поспешили к нему отовсюду, со всех концов земли. И никто не уходил с пустыми руками. Кому он дарил окно, кому стул, сделанный из монет по 50 центезимо, и так далее. Через год дошла очередь до крыши и последнего этажа.

А бедняки все шли к нему и шли, со всех концов земли, и выстраивались в длинную очередь.

«Я и не знал, что их так много!» — удивлялся синьор Монетти.

И он помогал им год за годом, постепенно разрушая свой дворец. Когда же от дворца ничего не осталось, он переселился в палатку, как бедуин или турист. И на душе у него стало легко-легко, ну просто совсем радостно.

Третий конец

Однажды ночью, когда синьор Монетти листал перед сном книгу с денежными купюрами, он вдруг обнаружил среди них фальшивую банкноту. Как она оказалась здесь? И может быть, тут не одна такая фальшивая? С волнением принялся он листать одну за другой все свои книги и нашел еще штук двенадцать таких же фальшивых банкнот.

— А нет ли случайно в моем доме и фальшивых монет? Надо присмотреться!

А он, как вы уже знаете, очень тонко все чувствовал. И сама мысль о том, что где-то, в каком-то уголке его дворца, на крыше ли, в паркете, в дверях или в стене, может оказаться фальшивая монета, не давала ему покоя, буквально лишала сна.

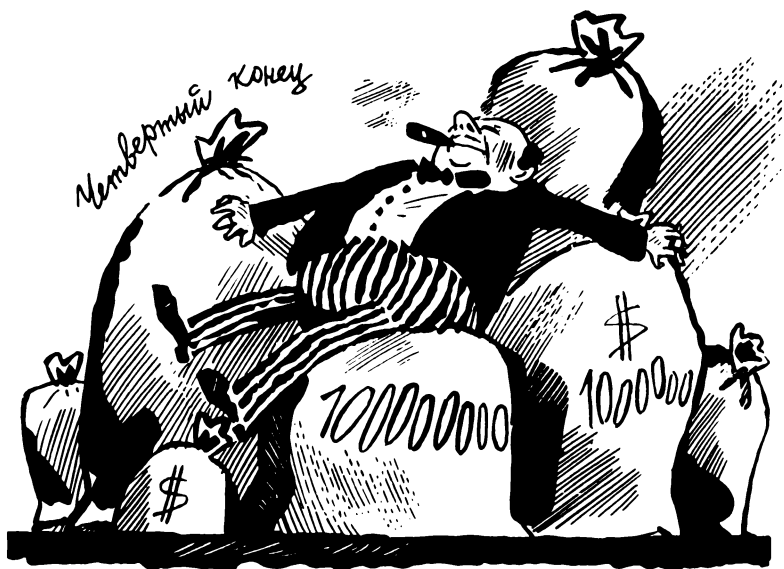
И он стал разбирать свой дворец в поисках фальшивых монет. Начал с крыши и этаж за этажом опускался

вниз. И если находил фальшивую монету, очень радовался:

— Узнаю! Эту монету мне подсунул мошенник такой-то!

Он знал свои монеты все наперечет. И фальшивых среди них были считанные единицы, потому что он всегда был очень аккуратен и внимателен, когда имел дело с деньгами. Но на какую-то минутку, понятное дело, каждый может отвлечься.

В конце концов синьор Монетти разобрал весь дом на кусочки и оказался сидящим на гряде серебряных и золотых обломков. Строить дом заново ему уже не хотелось. Просто неинтересно. А гору денег было жаль. Так и сидел он там злой-презлой, не зная, что делать. А потом, то ли от злости, то ли от долгого сидения на этой гряде монет, стал вдруг потихонечку уменьшаться — все меньше и меньше делался, пока и сам в конце концов не превратился в монету. В фальшивую монету. И люди, которые забрали потом его деньги, просто выбросили ее — подальше в пустыню.

Миллионер стал миллиардером

Дудочник и автомобили

Жил да был однажды волшебник-дудочник. Впрочем, это старая сказка, ее все знают. Про то, как город заполнили мыши, и один мальчик с помощью волшебной дудочки вывел их всех к реке, и они утонули в ней. А мэр города не захотел поблагодарить его, и тогда дудочник увел из города всех ребят...

Моя сказка тоже про дудочника. И может быть, даже про того же самого. А может, и нет.

На этот раз городом завладели... автомобили. Они запрудили все улицы, все тротуары и площади, забили все подворотни. Повсюду, куда ни глянешь, стояли всевозможнейшие автомобили — легковые, грузовые, маленькие, как коробочки, и длинные, как пароходы, автобусы, грузовики, самосвалы, целые автопоезда, фургоны, фургончики... Многие из них двигались с трудом, толкаясь, гремя бамперами, сплющивая себе крылья. Но, пожалуй, еще больше было таких машин, которые уже не могли двигаться, потому что им просто некуда было двинуться — места не было! И они вынуждены были стоять. Так что людям приходилось ходить пешком. Но и это было не так-то просто. Ведь машины занимали все свободное пространство. И людям приходилось обходить машины, перелезать через них и даже проползать под ними. С утра и до вечера там и тут только и раздавалось:

— Ах! — Это какой-то пешеход ударился о капот.

— Ох! — Это двое прохожих столкнулись лбами, проползая под грузовиком. Люди, понятное дело, просто из себя выходили от возмущения.

— Пора кончать с этим безобразием!

— Надо что-то предпринимать!

— Почему мэр не думает об этом?

Мэр слушал эти разговоры и ворчал: «Думать-то я думал. Днем и ночью думал. И даже весь выходной думал. Да вот беда, ничего не могу придумать! Прямо не знаю, что и делать, что сказать и вообще, за что хвататься! А ведь моя голова не глупее других».

Однажды пришел к мэру какой-то странный мальчик. Он был в курточке из овчины, в деревянных башмаках, а на голове у него был колпак, украшенный голубой лентой, так что он очень походил на деревенского волынщика. Но волынки у него не было. Мальчик попросил пропустить его к мэру, но стражник очень строго заявил:

— Оставь мэра в покое! Ему не до твоей волюнки сейчас.

— Да у меня и нет ее!

— Тем хуже. Нет, так зачем ты ему нужен?!

— Скажите ему, что я знаю, как освободить город от автомобилей.

— Что, что? Послушай, уходи-ка ты лучше отсюда подобру-поздорову, не то за такие шуточки можно и по шее схлопотать!

— Но вы все-таки доложите обо мне мэру! Уверяю вас, не пожалеете...

Он так настаивал и так упрасивал, что стражник в конце концов смиростивился и пропустил его.

— Добрый день, синьор мэр!

— Для кого добрый, а для кого и нет! Для меня он станет действительно добрым, только когда...

— ...город будет освобожден от автомобилей! И я знаю, как это сделать.

— Ты? И кто же это тебя научил? Уж не коза ли какая рогатая?

— Кто научил, неважно. Давайте попробую. Вы ведь ничего не потеряете. А если пообещаете мне кое-что, то уже завтра у вас не будет никаких забот с автомобилями.

— Интересно, что же я должен пообещать тебе?

— Что начиная с завтрашнего дня на главной площади всегда смогут играть дети, и там поставят для них карусели, качели, катальные горки и другие аттракционы.

— На главной площади?

— На главной площади.

— И больше ты ничего не хочешь?

— Ничего.

— Тогда по рукам! Обещаю. Когда начнешь?

— Сейчас же, синьор мэр...

— Ну давай! Не теряй ни минуты!

Странный мальчик не потерял и одной секунды. Он достал из кармана маленькую дудочку, вырезанную из ветки жасмина, тут же, в кабинете мэра, заиграл веселую песенку, затем вышел на улицу и, продолжая играть, направился к реке. И тогда...

— Смотрите! Что случилось с этой машиной? Она сама завелась!

— И эта тоже!

— Ой, да это же моя! Кто-то хочет увести мою машину? Держите вора! Держите вора!

— Да нет тут никакого вора, разве не видите? Машины сами заводятся!..

— Набирают скорость!.. Уезжают!

— Куда же они так спешат?

— Моя машина! Стой, стой! Вернись ко мне!

Все машины в городе вдруг устремились в одном направлении, ревом своих моторов, гудками, сиренами создавая невероятный, неслыханный грохот... И все двигались сами — без водителей!

Но в этом чудовищном шуме, что стоял над городом, можно было различить, если прислушаться, звонкую и радостную мелодию песенки, которую играл на дудочке мальчик...

Первый конец

Машины неслись к реке. А дудочник стоял у моста и все играл и играл... Когда на мост въехала первая машина — по чистой случайности это оказался автомобиль мэра — мальчик слегка изменил мелодию и взял высокую ноту. И, словно по сигналу, мост рухнул. Машина свалилась в реку, и течение сразу же отнесло ее. Точно так же полетела в воду вторая машина, затем третья — все машины одна за другой, а то и сразу несколько летели вниз, взревев напоследок мотором, издав прощальный гудок, и течение быстро уносило их прочь.

А на улицы, освободившиеся от машин, уже высыпали ребята. Радостные, довольные, они принялись бегать и играть в мяч. Девочки прогуливали своих кукол в игрушечных колясках, мальчики катались на велосипедах...

Но взрослые пришли в ужас. Они хватались за голову, звонили пожарным, в полицию и требовали навести порядок.

— Почему никто не остановит этого сумасшедшего? Да схватите же его, черт возьми! Пусть замолчит этот проклятый дудочник!

— Надо его самого сбросить в реку вместе с этой дудкой!

— Мэр тоже с ума сошел! Уничтожить все наши прекрасные автомобили!..

— Они так дорого стоят!

— А сливочное масло тоже недешево!

— Долой мэра! В отставку его!

— Долой дудочника!

— Верните мне мою машину!

Самые решительные бросились к дудочнику, чтобы

схватить его, но не смогли и притронуться к нему. Между мальчиком и толпой словно выросла какая-то невидимая стена, оградившая его. И люди напрасно колотили в нее кулаками и ногами. Дудочник подождал, пока не исчезла в воде последняя машина, а потом и сам прыгнул в реку, переплыл на другой берег, поклонился всем и скрылся в лесу.

Второй конец

Машины устремились к реке и одна за другой, издав прощальный гудок, ушли на дно. Последней исчезла в реке машина мэра. К этому времени главную площадь уже заполнила радостная детвора. Звонкие, веселые голоса ребят заглушали жалобы горожан, которые чуть не плакали, видя, как исчезают машины.

Наконец дудочник перестал играть, поднял глаза и увидел, что навстречу ему движется грозная толпа во главе с мэром.

— Ну как, вы довольны, синьор мэр? — спросил он.

— Я покажу тебе сейчас, как я доволен! И ты думаешь, это — удачная затея? Разве не знаешь, сколько труда и денег вложено в каждую машину? Нашел, называется, способ освободить город!..

— Но я... Но вы...

— Да ты негодяй, вот ты кто! И если не хочешь провести остаток своих дней в тюрьме, возьми сейчас же свою дудку и выведи все машины обратно из реки! И чтоб все до одной вернулись, от первой до последней!

— Bravo! Прекрасно! Да здравствует синьор мэр!

И мальчик сделал так, как его просили. Повинуясь волшебным звукам его дудочки, машины вернулись на берег, снова двинулись по дорогам и площадям, снова заняли свои прежние места, прогнав ребят с мячами и велосипедами. Словом, все стало как прежде. А дудочник тихо ушел куда-то. Ушел очень грустный. И никто никогда больше ничего не слышал о нем.

Третий конец

И машины, повинуясь приказу дудочки, поехали... И приехали к реке, словно мыши Гаммелина? Да нет! Вовсе нет! Машины поехали, поехали... И очень скоро в городе не осталось ни одной, даже самой маленькой машины. Опустела главная площадь, опустели улицы,

освободились аллеи и тротуары. Куда же подевались машины?

Ну-ка, прислушайтесь, и вы поймете, в чем дело. Теперь машины мчались под землей! С помощью волшебной дудочки этот забавный мальчик проложил под улицами и площадями города подземные дороги. Вот по ним-то и побежали машины. Останавливались, забирали своих владельцев и мчались дальше. Теперь места хватало всем. Под землей — машинам. На земле — людям, которым хотелось беззаботно бродить по городу и спокойно, не шарахаясь то и дело в сторону, разговаривать о том о сем — о политике, о футболе, о Луне... Места хватало теперь и ребятам, которым хотелось бегать и прыгать, и женщинам, спешившим в магазины.

— Как же я был глуп! — в восторге закричал мэр. — Как же я был глуп, что сам не додумался до этого раньше!

А дудочнику поставили памятник. Даже два памятника. Один на главной площади. А другой — тоже на главной площади, только под землей. И он стоит там среди машин, которые неумоимо несутся по своим подземным магистралям.

При звуке дудочки машины начали летать, как самолеты

Круг по городу

Паоло был очень деятельным мальчиком. Он ни минуты не мог оставаться без какого-нибудь интересного и полезного дела. Он никогда не скучал, потому что всегда умел придумать себе какую-нибудь игру, работу, занятие. И он был к тому же очень упрямым человеком: однажды решив что-то, не отступал, не бросал дела, не доведя его до конца. Как-то раз во время каникул Паоло расстелил на столе большую карту города и принялся внимательно рассматривать сложное переплетение улиц, особенно запутанное в центре и немного попроще на окраинах.

Рядом оказался компас. Паоло положил его на карту и обвел карандашом. Зачем он это сделал, он и сам не знал. А когда отодвинул компас и увидел, какой ровный получился круг, то подумал, что было бы очень интересно... Конечно, это была довольно странная идея, но все же почему бы не попробовать? И он тут же решил сделать по городу точно такой же круг, какой благодаря компасу получился на карте. Вообще-то улицы редко бывают прямые как стрела. Чаше всего они куда-нибудь поворачивают, заворачивают то направо, то налево, все время меняя направление. Даже кольцевые бульвары — это весьма условные круги. Их ведь никто не рисует с помощью компаса. А Паоло задумал пройти по городу в точном соответствии с тем кругом, который получился на карте, ни на шаг не отступая от тонкой линии окружности — четкой и ясной, как прекрасная мысль.

По чистой случайности круг проходил по той самой улице, где жил Паоло. Мальчик сложил карту и сунул ее в карман. В другой карман запрятал булку — на случай если в дороге захочется есть — и, недолго думая, отправился в путь.

Выйдя из дома, он решил пойти налево. Некоторое время круг вел его прямо по улице. А затем вдруг пересек ее по проезжей части, там, где нет «пешеходной зебры». Но Паоло не отступил от своего намерения. Он тоже вслед за кругом пересек улицу и остановился перед воротами. Улица шла себе прямо, а линия круга заворачивала в эти ворота. А дальше, похоже, вела к той группе домов, что виднелась вдаль, и затем к маленькой площади, что была левее. Паоло еще раз взглянул на карту, прошел в ворота и оказался во дворе. Двор пересечь недолго.

А дальше что? Дальше — подъезд. В нем — лестница. Подняться? Ну окажется он на последнем этаже, допустим, вылезет на крышу... Но перебраться на крышу соседнего дома не сможет. Это карандашу легко перескочить с дома на дом, а пешком и без крыльев уже не так-то просто.

К счастью, на лестничной площадке оказалось окошко. Высоковато, правда, да и узкое очень. Паоло опять посмотрел на карту — сомнений нет: чтобы двигаться точно по кругу, нужно пройти именно тут. Остается только одно — пролезть в это окошко.

Когда он уже ухватился за раму и хотел подтянуться, кто-то вдруг окликнул его, и Паоло так и замер на стене, словно напуганный паучок.

— Эй, мальчик, куда лезешь? Что это тебе взбрело в голову? А ну-ка, слезай оттуда! — приказал ему какой-то человек, спускавшийся по лестнице.

— Это вы мне?

— А кому же еще? Ну-ка признавайся, не воришка ли ты? Да, нет, ты совсем не похож на вора! Тогда в чем же дело? Или, может быть, ты занимаешься гимнастикой?

— По правде говоря, синьор... Я только хотел перебраться в тот двор...

— Но для этого надо выйти из подъезда, обогнуть дом и пройти в другие ворота.

— Нет-нет, не могу...

— Понимаю. Ты, наверное, натворил что-нибудь и боишься, что тебе влетит?

— Нет, уверяю вас, я ничего не натворил...

Паоло внимательно посмотрел на человека, который задержал его. Похоже — добрый. В руке — палка, но он не угрожал ему, а только опирался на нее. К тому же он улыбался. И Паоло решил довериться ему и открыть свой план.

— Круг по городу, — повторил синьор, — следуя кругу на карте? Именно это ты хочешь сделать?

— Да, синьор.

— Сын мой, но это невозможно! А что ты станешь делать, если окажешься перед стеной, в которой нет окон?

— Перелезу!

— А если стена будет слишком высокая, и ты не сможешь перелезть?

— Сделаю дыру и пролезу!

— А что будешь делать, когда окажешься у реки?

Смотри, круг на твоей карте проходит через реку в самом широком месте, и тут нет моста.

— Но я умею плавать!

— Понимаю, понимаю. Ты не из тех, кто легко отступает, не так ли?

— Ну да.

— У тебя в голове четкий план, как круг на карте и... Что же тебе сказать? Попробуй!

— Тогда позвольте мне пролезть в это окошко?

— Конечно! И даже помогу тебе. Давай подставлю руки. Ну ставь сюда ногу, лезь... Осторожно, не упади!..

— Спасибо, синьор! До свидания!

И Паоло двинулся дальше. Он шел точно по кругу, ни на шаг не отступая от окружности, которую нарисовал на карте с помощью компаса. И вот он оказался на площади возле конной статуи. Бронзовый конь застыл на мраморном пьедестале в своем вечном движении. Герой, имени которого Паоло не знал, одной рукой крепко держал поводья, а другой указывал куда-то вдаль. Похоже, как раз туда, куда вела Паоло линия его круга. Что делать? Перелезть между ногами коня? Забраться на голову героя? Или попросту обогнуть памятник?..

Первый конец

Паоло обдумывал, что делать, как вдруг ему показалось, будто человек, сидящий на коне, кивнул ему. И даже совсем незаметно — но подмигнул.

— Мне уже начинают мерещиться разные чудеса, — испугался Паоло.

Но бронзовый герой настаивал. Теперь он даже опустил руку, которой прежде указывал цель, и жестом пригласил мальчика.

— Ну, — сказал он, — залезай! На этом коне хватит места для двоих.

— Но я... Видите ли...

— Ну! Хватит испытывать мое терпение! Думаешь, я не сумею проехать по ровному кругу без помощи циркуля? Садись! Я сам повезу тебя в твое геометрическое путешествие. Ты этого заслуживаешь, потому что не останавливаешься перед трудностями.

— Спасибо! Большое спасибо! Только...

— Уф, как много лишних слов! И ты к тому же еще гордец. Не любишь, когда тебе помогают?

— Не в этом дело...

— Ну тогда, выходит, только в том, что ты очень любишь болтать попусту! Забирайся, и поехали! Ты нравишься мне, потому что умеешь придумывать интересные дела и не боишься трудностей. Быстрее! Лошадь уже просыпается. Не знаю уж по какому волшебству, но ты оказался здесь как раз в тот единственный день в году, когда нам позволено сойти с пьедестала и скакать, как в былые времена. Ну так ты решишься наконец или нет?

И Паоло решился. Он ухватился за руку героя... И вот он уже в седле! И уже летит... И под ногами у него весь город! А на нем светится золотой круг — прекрасная сверкающая дорога, ровная и точная, как и та, которую он нарисовал на карте с помощью компаса.

Второй конец

Размышляя, как же быть, Паоло оглядел площадь, на которой стоял памятник. Линия круга пересекала ее и вела прямо к старинному собору с высоким куполом. Линии не требуются двери. А как быть ему? Как он пройдет через эту толстую, словно у старинной крепости, стену? Чтобы не отклониться от окружности, нужно забраться на купол. Легко сказать! Без веревки и гвоздей этого не сделает и самый опытный альпинист, самый смелый скалолаз. Нет, тут ничего не выйдет. Придется отступить. Мечта неосуществима. Дороги жизни никогда не бывают такими ровными, четкими и безупречными, как геометрические фигуры.

Паоло еще раз взглянул на героя. Недвижный и суровый, он продолжал указывать с высоты своего пьедестала на какую-то далекую и недостижимую цель. Медленно и печально побрел Паоло домой, невольно следуя причудливым и необъяснимым поворотам привычной дороги.

Третий конец

Размышляя у памятника, как же быть, Паоло вдруг почувствовал, что кто-то тронул его маленькой теплой ручкой.

— Я хочу домой! — услышал он детский голосок.

Это был маленький мальчик, лет трех. В глазах у него стояли слезы, и он доверчиво смотрел на Паоло.

— Где ты живешь?

Мальчик показал куда-то в сторону.

Тут поезд тронулся, и в купе вошел контролер.

— Ваши билеты, господа!

Синьора открыла сумочку:

— Ах, этот билет, куда же я его засунула?.. Подождите, наверное, он у меня здесь... Да, да, слава богу!

— Спасибо, синьора. А на кота?

— Но это не мой кот!

— Значит, ваш, синьор?

— Еще чего не хватало! — рассердился почтенный господин. — Терпеть не могу кошек! У меня от них поднимается давление!

— Знаете, а он ведь и не мой, — сказал молодой человек. — Он путешествует самостоятельно.

— Но билет-то у него должен быть!

— Не будите его! Он так сладко спит... Такой милый, смотрите, какая славная мордочка!

— Какая бы ни была мордочка, а билет его я должен проколоть!

— Кис-кис-кис! — позвала синьора. — Котик, милый котик, ну проснись, посмотри, кто пришел...

Кот открыл сначала один глаз, затем другой и произнес:

— Мяу, мяу!

— Еще недоволен! — проворчал почтенный господин. — Черт знает что! Ему, наверное, спальный вагон нужен, не иначе...

— Ничего подобного, — объяснил молодой человек, — он сказал: «Извините, я задремал...»

— Задремал, да?

— Да, похоже, он любит выражаться изысканным слогом...

— Мяу, мяу! — снова проговорил кот.

— А теперь что он сказал? — поинтересовалась синьора.

— Он сказал: «Прошу вас, вот мой билет», — перевел молодой человек.

— А вы проверьте как следует, — посоветовал контролеру почтенный господин, — а то ведь, знаете, бывают еще такие бесстыжие пассажиры, которые с билетом второго класса едут в первом классе.

— Билет в порядке, синьор.

— Мяу, мяу, мяу! — громко заговорил кот.

— Он сказал, — объяснил молодой человек, — что должен был бы обидеться на вас за все ваши замечания, но не делает этого из уважения к вашим сединам.

— Седи́нам? Но у меня же нет волос! Я лыс!

— М́яу, м́яу!

— Он говорит, что прекрасно это видит, но если бы у вас были волосы, то они были бы седые.

Синьора вздохнула:

— Какой вы молодец, что понимаете кошачий язык! Как это вам удается?

— Это нетрудно. Надо только быть очень внимательным.

— М́яу! М́яу!

— Сколько можно болтать! — проворчал почтенный господин.— Ни минуты не может помолчать!

— А что он теперь сказал? Что сказал? — опять заговорила синьора.

— Он спросил, не разрешите ли вы ему закурить,— перевел молодой человек.

— Да, конечно, конечно! О, смотрите, он и мне предлагает сигарету... И помогает закурить! Как настоящий курильщик.

— Если он курит, значит, он и есть курильщик,— проворчал почтенный господин.— Что ж он, по-вашему, должен быть охотником на львов, что ли?

— М́яу, м́яу!

— Он сказал: «Какая сегодня хорошая погода! А вчера был такой пасмурный день. Будем надеяться, что и завтра будет так же хорошо, как сегодня. Вы далеко едете, синьоры? А я в Венецию, по семейным делам».

Первый конец

Оказалось, молодой человек, который ехал неизвестно куда, был чревовещателем, фокусником и иллюзионистом. И все это были его проделки.

Второй конец

Оказалось, что это был совсем не настоящий кот, а робот — очень дорогая, роскошная игрушка, которая поступит в продажу еще только к Новому году.

Третий конец

Такого кота, конечно, нет и никогда не было. Но как было бы прекрасно, если бы мы когда-нибудь и в самом деле научились разговаривать с животными! Если не со всеми, то хотя бы с кошками.

*Кот-путешественник возманил котов, которые
потребовали от людей уважения к себе*

Какие концы сказок нравятся автору

Волшебный барабан

Первый конец этой сказки мне не нравится -- как может веселый, славный барабанщик стать вдруг ни с того ни с сего грабителем с большой дороги? Третий конец меня тоже не устраивает. Мне кажется, глупо нарушать такое хорошее волшебство ради удовлетворения простого любопытства, хотя любопытство, конечно, не порок. Если бы ученые не были любопытными, они никогда не сделали бы никаких открытий. Я за второй конец.

Хитрый Буратино

Первый конец никуда не годится, потому что не может быть, чтобы хитрый Буратино после всех этих обманов вдруг ни с того ни с сего стал таким добрым. И я не знаю, какой же выбрать конец -- второй или третий. Второй -- забавнее, а третий -- хуже.

Эти бедные привидения

Первый конец невозможен. Я не верю, чтобы на Земле оказались все эти страшилища. Второй конец — забавен, но не для бедных лягушек. Я за третий конец, еще и потому, что он позволяет продолжить сказку.

Собака, которая не умела лаять

Я решительно за третий конец. Важно найти хорошего учителя. Это важнее, чем стать звездой конного цирка или каждый день получать миску с едой.

Дом в пустыне

Первый конец — веселый, но нелепый. Второй был бы хорош, но невероятен: этот синьор Монетти не из тех, кто способен посочувствовать человеку в беде. Предпочитаю третий конец, хоть он и довольно грустный.

Дудочник и автомобили

Мне нравится третий конец. Надо объяснять, почему? Не думаю.

Круг по городу

Первый конец — для мечтателей. Второй — для пессимистов. Я за третий конец — мне нравится, что Паоло пожертвовал своей мечтой, прекрасной, но абстрактной, ради того, чтобы помочь делом тому, кто нуждается в его помощи.

Шляпный дождь над Миланом

Примитивен первый конец, слишком загадочен второй. Пожалуй, неплох третий, но непонятно, почему пошел этот шляпный дождь. А впрочем, так ли уж надо это объяснять? Ведь эти падающие с неба шляпы — такое веселое зрелище, что невольно возникает надежда — может быть, с неба не будут падать другие, более опасные предметы, например бомбы, снаряды...

В чем люди одинаковы

Первый конец — неприятный. Второй — очень несправедливый — зачем красить бедного индейца белой краской? А вот третий вполне годится, но я, разумеется, могу и ошибаться.

Профессор Ужасниус

Откровенно говоря, я не знаю, на чем остановиться. Все три конца кажутся мне занимательными и поучительными. А вам?

Кто-то плачет

Я за третий конец, то есть за тот, которого нет. Это довольно грустно, но не все же сказки кончаются благополучно.

Волшебник Вклю-Чу

Первый конец неудачный: отсталые страны нуждаются не в волшебниках, а в помощи других, более развитых стран. Во втором конце волшебник думает только о себе, и это плохо. Мне нравится третий конец, потому что волшебник не боится начать свою жизнь сначала.

Приключение Ринальдо

Третий конец, хоть и шутливый, мне кажется самым разумным. Первый — слишком слащавый, второй — слишком печальный.

Кольцо пастуха

Сразу же отбрасываю первый конец, потому что не верю, что у этих несчастных разбойников были такие сокровища. Второй понравится тем, кто любит приключения, и оптимистам. Третий понравится пессимистам. Думаю, что и второй и третий позволяют придумать много разных историй и приключений.

Такси к звездам

Мне больше всего нравится третий конец, потому что я люблю яйца. Вообще-то он едва обозначен, так что, если хотите, напишите его сами подробнее.

Как болел Тино

Довольно занимателен первый конец. Немного сумасшедший третий. Самый хороший, по-моему, второй, потому что верно говорится в пословице: у кого много друзей, тот никогда не будет страдать от одиночества.

История с телевизором

Какие могут быть споры! Лучший конец — третий. А почему — и так все ясно.

Сто лир в кармане

Все три конца, по-моему, никуда не годятся. Дело-то ведь в том, что это не сказка, а просто фантазия человека, который не хочет трудиться. Но и его, беднягу, можно понять,— он ведь работал всю жизнь и всегда зарабатывал так мало, что не мог наскрести в своем кармане и ста лир.

Большая морковка

Первый конец — чтоб посмеяться. Второй — чтобы все перепутать. Третий — самый короткий, но содержит мораль. Я знаю, что теперь уже не пишут истории с моралью. Но один-то раз можно...

Кот-путешественник

И здесь я за конец, которого еще нет. Я всегда за будущее!

Новогодний
подарок

Песня железной ограды

Один мальчик всегда возвращался из школы домой одной и той же дорогой. Просто он еще не знал другой, а искать новую боялся. Но однажды он изменил свой маршрут и вскоре увидел большой сад, отделенный от улицы длинной железной оградой.

— Вот хорошо! — воскликнул мальчик и сделал то, что на его месте сделали бы девяносто девять мальчиков из ста: достал из портфеля линейку и пробежал вдоль ограды, прижимая линейку к прутьям. У каменного столба он повернул обратно. В ответ на быстрые удары линейки прутья издавали высокие отрывистые звуки. Когда мальчик бежал в одну сторону, звуки складывались в восходящую гамму — от низких нот к самым высоким и звонким. А когда бежал в другую сторону, гамма получалась нисходящая — от тоненьких «динь-динь!» к низким «дон!» и совсем густому «до-он!»

Мальчику никогда прежде не приходилось так играть, поэтому он долго бегал вдоль

ограды туда и обратно, от начала до конца, вверх и вниз по музыкальным прутьям. Затем он немножко передохнул. А когда снова решил поиграть, то не побежал, а пошел спокойно и стучал отдельно по разным прутьям, пропуская некоторые и возвращаясь назад, чтобы ударить по тем, которые прозвучали особенно хорошо. Пожалуй, теперь можно было сказать, что он не просто шалил, а играл на железной ограде, как играют на ксилофоне или на фортепиано, когда подбирают какую-нибудь мелодию.

— Хорошо! — снова воскликнул мальчик. На этот раз у него сложилась настоящая мелодия.— Пусть она называется «Песня железной ограды».

На городской башне пробили часы, и мальчик понял, что надо спешить домой, где его ждут.

— Завтра снова приеду сюда,— решил он и последний раз пробежал линейкой по прутьям.

С тех пор он часто приходил сюда. Теперь он возвращался домой новой дорогой и каждый раз останавливался поиграть на ограде. Ритмично ударяя по прутьям, он складывал все новые и новые песни. Он сложил песню для каждого дерева в саду: для сосны, ели, ливанского кедра, для тонкого кипариса, нацелившегося в небо, словно палец, который хочет пощекотать тучу. Он придумал песню для аллеи, что вела к дому в глубине сада, для тропинок, что разбегались в разные стороны, для кустов и ярких цветочных клумб. Но ни родителям, ни учителям, ни товарищам он не сказал о своем открытии. Музыкальная ограда была его тайной. Ведь каждый вправе иметь какой-нибудь секрет.

Однажды, когда он подбирал на прутьях ограды новую мелодию, из дома донесся сердитый голос:

— Мальчик, перестань же наконец! Уже целый час ты терзаешь мои уши этой дурацкой игрой!

Мальчик поднял глаза. Окна дома были распахнуты, и он вспомнил, что прежде они всегда были закрыты. Наверное, хозяева были в отъезде и теперь вернулись. На балконе стоял какой-то старый синьор в халате с книгой и очками в руках.

— Ты так шумишь, что мешаешь мне читать! — сердито закричал он.— Иди-ка домой и никогда больше не смей этого делать, иначе я позову полицейского!

Испугавшись, мальчик даже не попытался защищаться, то есть объяснить, что он вовсе не шумел, а складывал песню на этих удивительных прутьях. Он сунул линейку в портфель и убежал, а старый синьор крикнул ему вслед:

— И чтоб не появлялся тут больше! Понял?

С тех пор мальчик проходил мимо ограды очень осторожно, чаще — по другой стороне улицы, только поглядывая на сад, но либо окна в доме были открыты, либо старый синьор гулял по саду, либо у самой ограды сидела собака. Мальчик вздыхал и, ласково взглянув на запретные прутья, неторопливо шел домой. В мыслях он много всего сказал этому противному синьору. «Я просто удивляюсь,— говорил он,— что такой образованный человек, как вы, который без конца читает такие толстые книги в черных переплетах, не любит музыку! А почему бы вам самому не поиграть на ограде и не сочинить какую-нибудь песню? Почему вы такой глупый? Почему так не любите детей?»

Как раз в это время мать мальчика познакомилась с одной синьорой, которая умела играть на рояле. Придя с мамой к ней в гости, мальчик увидел этот необыкновенный инструмент и даже получил разрешение прикоснуться к его чудесным клавишам. Он стал нажимать их там и тут наугад, пытаясь соединить звуки между собой. И сердце его стучало, как барабан.

— Мне кажется, у вашего мальчика есть музыкальные способности,— сказала синьора.— Пусть он приходит ко мне. Я охотно позанимаюсь с ним, просто так, посмотрим, что получится.

Но сказала она это только из вежливости. Оказалось, что завтра она уезжает в Париж. Вернулась она из Парижа или нет, мальчик так и не узнал. Он больше никогда ничего не слышал об этой женщине и ее рояле. А потом произошло столько разных событий. Началась вторая мировая война. Отец мальчика ушел на фронт. И настало такое время, когда было уже совсем не до музыки. К сожалению, время это затянулось на долгие годы.

Мальчик вырос, окончил школу и забыл про ограду. Он вспомнил о ней только однажды, когда случайно оказался рядом и увидел, что ограды нет,— ее сняли. Железо нужно было перелить на пушки. И колокола с городской башни тоже сняли для этого.

Спустя много лет мальчик стал совсем взрослым и поступил на службу в банк. Работа была ему по душе. Любая работа по душе, когда надо зарабатывать на хлеб. Иногда, однако, он спрашивал себя: «А может, при других обстоятельствах я стал бы хорошим музыкантом?» Но он нечасто задавал себе этот вопрос: кому приходится зарабатывать на хлеб, некогда вспоминать старые мечты.

Служащий банка уже давно жил в другом городе, но однажды ему пришлось приехать по делам в город детства. Вечерами он как зачарованный бродил по старым улочкам, и ему казалось, что он снова стал мальчиком, который медленно идет из школы домой и всякий раз выбирает новую дорогу, чтобы увидеть или узнать что-нибудь новое. Однажды он вновь оказался у старого сада. После войны сад опять обрел свою красивую ограду. Вот и знакомые прутья...

Впрочем, это, наверное, другие. Но все равно он живо вспомнил далекое прошлое.

Тут из-за угла выбежал маленький мальчик, размахивая портфелем. Он остановился и посмотрел на дом в глубине сада: все окна закрыты, значит, хозяев нет дома.

«Сейчас достанет линейку!..» — подумал служащий.

Мальчик и в самом деле достал из портфеля металлическую линейку и принялся стучать ею по прутьям ограды. При этом он как бы прислушивался к какому-то внутреннему ритму.

«Динь-динь! Динь-динь!» — отвечали прутья.

«Странно,— подумал служащий,— какие монотонные звуки! А впрочем, так и должно быть. Путья все одной длины и одинаковой толщины. Почему же они должны звучать по-разному?»

Но мальчик снова и снова ударял по прутьям, внимательно к чему-то прислушиваясь.

— Привет,— сказал служащий, подходя ближе.

Мальчик вздрогнул, словно его застали за каким-то запретным занятием.

— Не бойся,— сказал служащий,— окна закрыты. Старого синьора нет дома.

— Какого старого синьора? — удивился мальчик.

— Того, который сердится, когда ты стучишь по ограде.

— Но тут живет не старый синьор,— ответил мальчик,— а старая глухая синьорина. Она ничего не говорит, потому что не слышит. Это ее служанка сердится.

«Конечно,— подумал служащий,— тот старый синьор давно уже умер. И тут живут другие люди».

— Служанка говорит,— продолжал мальчик,— что я плохо воспитан и нарушаю покой. Но это неправда. Я не шумлю, а играю. Хотите послушать?

— Давай послушаем,— согласился служащий.

— Слушайте,— сказал мальчик.— Это «Песнь уми-
рающего каштана». Вот он там, видите то дерево. Это

каштан. Он болен, как почти все каштаны в Европе. Это нам в школе объяснили.

— Послушаем,— повторил служащий.

И мальчик принялся стучать линейкой по прутьям. Лицо его стало сосредоточенным, почти страдальческим. Он ударял то в одном, то в другом конце ограды, пропуская отдельные прутья или даже сразу несколько, словно для того, чтобы получить нужный интервал.

Но служащий слышал только одну и ту же глуховатую ноту: «Дин-дин-дин-дин...»

— Слышите? — спросил мальчик. — Каштан болен, но он не грустит, потому что птицы еще выют гнезда в его ветвях. Понимаете?

Но служащий слышал все тот же глухой, монотонный звук: «Дин-дин-дин...»

— Поэтому,— продолжал мальчик,— песня не должна заканчиваться низкой, печальной, как погребальный звон, нотой. Тут должна звучать высокая и чистая нота. «Дин-дин...» — слышал служащий.

Теперь он понял, почему старый синьор кричал на него тогда так сердито: взрослый человек не способен услышать музыку, которую ребенок создает на прутьях ограды с помощью линейки и своего богатого воображения.

— Понравилось? — спросил мальчик.

— Очень! — сказал служащий, чтобы не огорчить его.

Часы на башне пробили пять.

— Мне пора,— сказал мальчик. — До свиданья.

— Прощай,— ответил служащий и постоял еще немного, задумчиво глядя на листья каштана, освещенные лучами заходящего солнца.

Сиренида

Сегодня эта далекая планета называется Сиренида, и вы скоро поймете почему. А поначалу, после высадки землян, ее называли просто «Аш-два-о». Смешное название для планеты. Зато — точное. Потому что «Аш-два-о» — это химическая формула воды. И она как нельзя лучше подходит для названия некоего тела, полностью залитого водой. Ни одного материка, ни самого маленького островка, ни единого утеса не было на круглом лице этой планеты! Причуда космоса, да и только!

Но водится ли хотя бы рыба в этой сиреновой воде, что на закате темнеет и становится фиолетовой?

Ответить на этот вопрос пыталась экспедиция, возглавляемая полковником Баранелли. Экспедиция базировалась на космической станции, зависшей над планетой на высоте 300 километров. Утром специальная ракета-амфибия переправляла оттуда на «Аш-два-о» группу исследователей, которые пересаживались затем на легкие резиновые лодки и проводили свои эксперименты. Ученые опускали в воду фотоаппараты, кино- и телекамеры, пытаясь заснять жизнь подводных глубин, если она существует. Или же принимались просто ловить рыбу сетями в надежде поймать хоть какой-нибудь экземпляр фауны этой планеты, если он таился в этом однообразном океане.

Первые два дня работы не принесли никаких результатов. На третий день чудовищной силы буря перевернула ракету-амфибию и лодки исследователей. Молодой кинооператор Лео, лодку которого отнесло далеко в сторону, не видел этого. Напуганный ураганом, он стал искать товарищей, но никого не нашел. Он принялся звать их, но никто не откликнулся.

«Видно, ракета-амфибия улетела, не дождавшись меня,— решил Лео.— Придется провести ночь на воде. Завтра они вернутся и найдут меня».

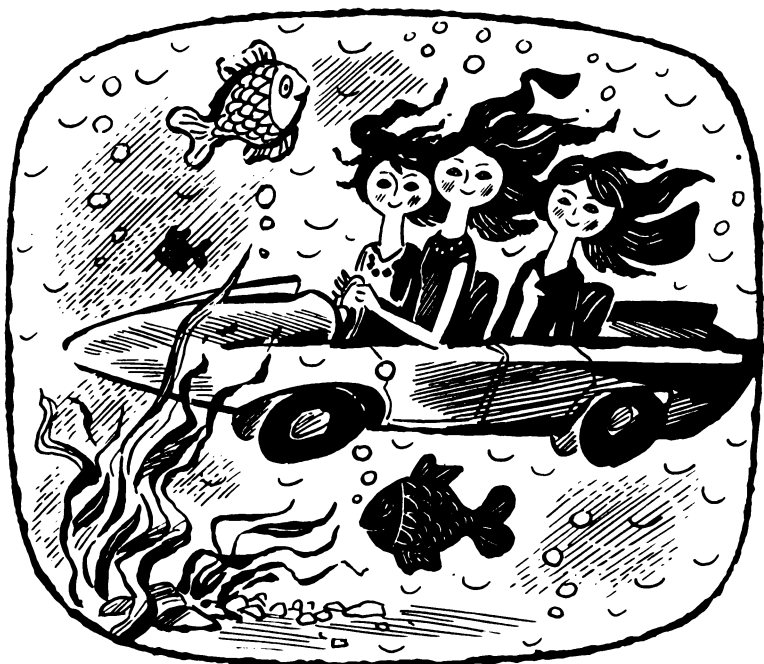
К счастью, буря наконец утихла. На темно-фиолетовом небосклоне засияли далекие, незнакомые звезды, и, глядя на них, Лео незаметно уснул.

А проснулся он от первых лучей необычного солнца на «Аш-два-о». Это был маленький розовый диск, низко висевший над бесконечным водным простором. Лео потер глаза, плеснул водой на лицо, а затем, чтобы не сидеть без дела, опустил в воду небольшую телекамеру и взглянул на портативный монитор. И почти тотчас же увидел на экране трех хорошеньких девушек. Они улыбались и смотрели на него с явным интересом.

— Наверное, какая-нибудь помеха,— решил Лео.— Или я еще не совсем проснулся.

Он покрутил ручки телекамеры и снова взглянул на телеэкран. Девушки по-прежнему с любопытством разглядывали его. Они сидели в какой-то необыкновенной подводной лодке — открытой, словно спортивный автомобиль. Сходство было еще в том, что лодка имела колеса, очевидно чтобы не только плавать, как рыба, во всех направлениях, но и передвигаться по морскому дну.

А самое удивительное было то, что девушки сидели в своей машине без кислородных масок и, видимо, насколько не страдали от их отсутствия. Они были в краси-

вых серебристых комбинезонах, украшенных простыми ожерельями из ракушек. Одна из них, должно быть самая юная, играла солнечными зайчиками, пуская их маленьким зеркальцем. Когда Лео, не поверив телеэкрану, посмотрел с лодки прямо в воду, она направила зайчик ему в лицо и засмеялась, показав белоснежные, совсем как настоящие жемчужины, зубы.

— Вы из новой экспедиции? — крикнул Лео, наклоняясь к воде. Но тут же и сам понял, что задает очень глупый вопрос. С каких это пор земляне могут находиться в воде без масок? Голубые волосы девушек и эти странные подводные лодки Лео тоже видел впервые в жизни. Пока он раздумывал над всем этим, до него донеслось:

— Ну что же ты? Иди сюда. Отец очень хочет познакомиться с тобой.

И что самое поразительное — эти слова он воспринял не слухом. Они были переданы ему прямо в мозг.

— Вы разговариваете, передавая мысли на расстояние? — спросил Лео, не произнося своего вопроса вслух.

— Конечно, а как же еще можно разговаривать? Ну, давай прыгай сюда, мы возьмем тебя на борт.

— Куда вы хотите повезти меня?
— К нам домой. Туда, в город. Ну смелей! Идем, мы покажем тебе наш Моан.
— Но кто вы такие? Как вас зовут?
— Я — Меа, это Сима...
— Я — Ноа. А ты?
— Меня зовут Лео.
— Забавно! Похоже на наши сиренианские имена.
— Сиренианские?
— Ну да, наша планета называется Сиренида. Ты и этого не знал?

Лео окинул взглядом небо и океан — никаких следов его экспедиции, не видно нигде и ракеты-амфибии.

«Оставлю в лодке записку, чтобы не подумали, будто я утонул», — решил он. Написав записку, он надел шлем для защиты от глубоководного давления, укрепил на спине баллон с кислородом и прыгнул в воду. Девушки потеснились. Он сел рядом с ними, и они с удивлением посмотрели на его снаряжение для подводного плавания.

— Для чего все это? — услышал он вопрос Ноа. — Разве ты не можешь дышать под водой?

— Конечно нет.

— Вот как! А мы, наоборот, не способны дышать над водой.

Меа велела Лео ухватиться за какую-то ручку, тронула какие-то рычаги, и подводная лодка рванулась прямо в пучину. Лео прикинул, что за какие-то несколько минут они опустились по крайней мере на пять тысяч метров. Внизу показались огни большого города. Отчетливо были видны ярко освещенные бульвары, площади и даже окна домов.

— Это Моан, — сказала одна из девушек, но он даже не заметил, кто именно, так был захвачен удивительным зрелищем подводного города. Вскоре рядом появилось еще несколько открытых подводных лодок. Люди, сидевшие в них, одетые в сиреневые комбинезоны, в цвет воды на поверхности океана, с этой минуты не спускали с них глаз.

— Это как же понять — меня взяли в плен? — сердито спросил Лео. — Вы заманили меня, а полиция схватит и не пустит наверх?

— Не говори глупостей, — ответила Ноа. — Мы обнаружили тебя, и наш отец, крупный ученый, приглашает тебя в гости. Полицейские только хотят посмотреть на

тебя. Им же интересно. Не каждый день у нас оказываются земляне.

— Откуда вы знаете, что я землянин?

— Мы читаем мысли. Ты что, забыл? Мы знаем всё — и про экспедицию, и про бурю. К сожалению, мы не смогли спасти твоих друзей. Ты один остался в живых. И, несмотря на всё, я тебе нравлюсь — твои мысли говорят об этом. Ну вот мы и дома. Папа встречает нас.

И в самом деле, у небольшого домика стояла группа людей. Наверное, ученый — это тот высокий лысый человек у дверей, что поглаживает какую-то крупную рыбку, а та ласково трется о его руку.

— Добро пожаловать, синьор Лео! Позвольте представиться — профессор Борго, ихтиолог. Изучаю жизнь, нравы и обычаи рыб.

— Очень приятно. Благодарю за приглашение.

В этом подводном царстве тишины все происходило беззвучно: тихо, точно тени, появлялись и исчезали какие-то люди, так же неслышно скользили по дну и взмывали вверх машины, оставляя за собой белый шлейф из воздушных пузырьков. И стаи рыб, похоже, радовались свету фар. Они играли с пузырьками фонтана (очевидно, воздушного фонтана, а не водяного).

Когда все вышли из машины, Лео поплыл — не так легко и изящно, как девушки, но все же благодаря тренировок (он регулярно занимался подводной охотой) выглядел вполне прилично. Он вошел, вернее, вплыл в дом Борго, сел на диван, утонув в подушках, которые, должно быть, были набиты водорослями, и с любопытством осмотрелся вокруг.

Не будь воды, заполнявшей комнату, он мог подумать, что находится в самой обыкновенной земной гостиной. Впрочем, профессор и его дочери, если бы не странные прически, во всем остальном тоже походили на жителей Земли.

— Вижу, вы удивлены,— мысленно произнес Борго.

— Еще бы! Я впервые столкнулся с подводной цивилизацией. У нас в воде обитают только рыбы.

— Э, нет! — рассмеялся профессор.— Вы не впервые встречаетесь с нашей цивилизацией. Припомните-ка сирен из «Одиссеи»...

— Сирен? Русалок — наполовину женщин с рыбьими хвостами? Но это же мифы. Русалки бывают только в сказках...

— Не сказал бы... Надобно вам заметить, что много

тысячелетий назад на нашей планете разразилась ужасная война...

— Подводная, разумеется?

— Естественно. И народ, потерпевший поражение, вынужден был покинуть планету. Люди переправились через космическое пространство в летающих аквариумах. Вообразите себе, звездолет вроде вашего, но только заполненный водой. И нашли они пристанище в теплых водах Средиземного моря, у берегов Греции и Италии.

— Выходит, Одиссей действительно видел сирен?

— Да, древние греки встречались с нашими сиренианками. Они, конечно, не могли рассмотреть в воде хвостов по той простой причине, что у них хвостов не было, но греки вообразили их. Древние, вы же знаете, были скорее поэтами, нежели учеными. Ну а через несколько веков на нашей планете настолько расцвела цивилизация, что всякие войны прекратились навсегда. И мы вспомнили об изгнанниках, оказавшихся на Земле, и вернули их. Они охотно возвратились на Сирениду, потому что от отца к сыну передавали любовь к своей древней отчизне... И должен вам сказать, моя семья происходит именно от этих изгнанников. Мы прежде жили у берегов Сицилии, в воде, и очень возможно, что одна из сирен, которых встретил Одиссей, была моей пра-пра-пра-прабабушкой...

— Но сирены могли выходить на берег, дышали воздухом...

— Это не совсем так. Они могли ненадолго нырнуть в воздух, так же как вы ныряете в воду. Потом мы изобрели специальный аппарат, с помощью которого можем дышать воздухом.

Вслед за этой беседой с профессором Борго последовало много других. Лео показали Моан и другие подводные города. Он встречался с сиренианскими учеными и присутствовал на празднествах, которые устраивались в его честь. У сиренианцев были большие запасы кислорода — они использовали его для очистки воды. И Лео, когда нужно, мог без труда пополнить свой кислородный баллон.

Между тем чувства его раздваивались. С одной стороны, он хотел вернуться на Землю, к родным и друзьям, рассказать об увиденных чудесах. С другой — он не мог расстаться с Ноа, такой славной и веселой. Вот бы жениться на ней и навсегда остаться в прозрачных и гостеприимных водах Сирениды... Мечтать об этом было мучительно больно.

Профессор Борго нашел выход из положения.

— Женитесь,— сказал он молодым людям,— и отправляйтесь на Землю. Наш Совет Мудрецов считает, что это лучший способ установить контакты между людьми нашей планеты и землянами. Представляете, только познакомились, и уже родственники... Немного поживете на Земле, а потом опять к нам, тоже ненадолго. Возможно, и земляне захотят научиться жить в воде... Как вы думаете?

Лео и Ноа согласились. Даже фейерверк устроили под водой. Но не спрашивайте, каким образом. Рыбы подплывали поближе, чтобы полюбоваться молодыми. Они кружили возле жениха и невесты, сопровождая свадебное шествие. А потом небольшой «летающий аквариум» переправил молодоженов на Землю. Выйдя из него, Лео снял наконец кислородную маску. Но теперь Ноа пришлось надеть свою маску, чтобы жить на Земле.

Не будем описывать, как удивлялись им люди, не скажем ничего о заголовках газет, интервью по телевидению, о встречах с учеными и членами правительства. Все это нетрудно себе представить.

Лео и Ноа поселились в небольшой вилле на окраине Рима. В саду устроили просторный бассейн, где Ноа могла проводить несколько часов без маски. И в самом доме, в одной из гостиных, тоже был бассейн, и Ноа, чтобы доставить удовольствие гостям, входила в него, сняв маску. Она показывала, что сирениане могут дышать под водой, как рыбы.

Тем временем между Землей и Сиренидой установились постоянные связи. С планеты на планету прилетали туристы, ученые, гости.

За несколько дней до годовщины свадьбы Ноа захотела слетать на родину. Всего на несколько дней — повидать сестер. Лео обрадовался. «А я за это время смогу спокойно подготовить свой сюрприз, и она ничего не заметит»,— подумал он.

Когда Ноа должна была вернуться на Землю, Лео не поспешил ей навстречу в звездопорт, а остался дома. Точнее — в бассейне. И — без маски, без кислородных баллонов! Это и был его сюрприз. Тайком от Ноа он с группой ученых работал над специальным клапаном, который позволял землянам находиться под водой без маски — сколько угодно долго. И Лео захотел первым вшить себе в плечо этот клапан.

Ноа влетела в дом веселая и стремительная, словно

порыв ветра. Увидела Лео в бассейне и рассмеялась. И Лео тоже рассмеялся... Потому что Ноа стояла посреди комнаты — на воздухе — без всякой маски. Она могла дышать воздухом, как земляне. Для этого она и летала на Сирениду, где ученые тоже придумали клапан, позволяющий сиренидам дышать над водой!

Лео вышел из бассейна и крепко обнял Ноа. Оба были счастливы, что позаботились об одном и том же, что сделали друг другу одинаковые подарки.

— Я теперь, как ты, а ты, как я...

А вместе они стали чем-то таким, чего прежде никогда не было. Такое всегда бывало и всегда будет случаться.

Игра в четыре угла

Представьте себе прямоугольный садовый участок — тридцать метров в длину и двадцать в ширину. На той стороне этого сада, что проходит возле домика, растут слева направо — сосна, магнолия и липа. А на противоположной стороне, где металлическая сетка отделяет владения учительницы Сантони (вдовы, пенсионерки) от соседского участка, стоят по углам только два дерева — два кедра: обыкновенный и ливанский. И никаких других деревьев между ними нет. Как нет ничего и на середине сада. Эту спокойную, симметричную картину учительница Сантони созерцает вот уже пятнадцать лет, изо дня в день наблюдая, как растут эти деревья — как опадают и вновь появляются листья липы, распускаются и увядают цветы магнолии, тянется ввышину ливанский кедр и вырастают два новых ствола у кедра обыкновенного (ох и трудно же собирать кедровые шишки, а затем вылушивать из них орешки, которые так нужны, когда делаешь торт).

По другую сторону домика находится еще один участок, поменьше, с аккуратными клумбами и грядками, имеющими свою особую геометрию помидоров, салата и кабачков. Раньше учительница Сантони не раз, бывало, подшучивала над ребятами, которых приглашала к себе на обед. Она подавала им на первое отварные кабачки — то самое блюдо, которое дети ненавидят всей своей чистой душой, и только потом угощала их жареным картофелем, мороженым, клубникой со сливками и в довершение всего ставила перед ними торт, густо посыпанный толчеными кедровыми орешками.

Там и тут — и на большом участке и на маленьком — растет также множество кустов черной смородины, ежевики, барбариса и граната, которые привносят в строгую симметрию обоих садовых участков живописность и причудливость. Учительница Сантони всегда отличалась любовью к порядку и никогда не страдала чрезмерным воображением.

Но однажды утром столь любимый ею порядок был самым неожиданным образом в корне нарушен. Выглянув, как всегда, из окна, чтобы бросить приветливый взгляд на свое маленькое садовое царство, учительница Сантони не верит своим глазам, как принято говорить в таких случаях. Магнолия, на которую она посмотрела с особым вниманием, потому что накануне среди ее твердых зеленых листьев вспыхнул первый белоснежный бутон, эта самая магнолия стоит не на своем обычном месте — посередине проходящей возле домика границы сада, а в самом центре его, там, где пересекаются две воображаемые, но с точки зрения геометрии вполне реальные линии, соединяющие по диагонали два угла, то есть практически в десяти метрах от того самого места, где учительница и учитель Сантони когда-то вместе посадили ее, полили водой, взрыхлили вокруг землю, а затем любовно растили столько лет. Ну а все остальное на участке, как прежде.

«Не может быть», — с изумлением думает про себя учительница Сантони.

— Не может быть! — единодушно соглашаются с ней по телефону коллеги — и те, что уже на пенсии, и те, что еще работают в школе, — когда учительница Сантони сообщает им о своем открытии.

— Я помню, что она всегда стояла в центре участка, — решительно утверждает учительница Амброзоли, которая пользуется в учительских кругах неоспоримым авторитетом, — она всегда была там. Как же она могла поменять место? Не хочешь ведь ты сказать, что магнолии умеют передвигаться?

Учительница Сантони смотрит на магнолию, но даже не в силах хоть сколько-нибудь восхититься огромным белым цветком, только что раскрывшимся в ее густой листве.

Растерянная, потрясенная, она спрашивает себя, не изменяет ли ей память или, быть может, то, что она видит, — печальное последствие атеросклероза и не следует ли ей по такому случаю показаться доктору Алонги,

который так терпелив с пожилыми людьми вообще, а с учительницами-пенсионерками особенно.

«Завтра,— решает она,— к врачу пойду завтра. Сегодня столько дел в огороде!»

Но наутро ее ожидает новый сюрприз. Выйдя в сад, чтобы взглянуть, не поспела ли черная смородина, она видит, что на месте магнолии в центре сада теперь стоит ливанский кедр, широко раскинув свои могучие ветви, словно вздохнув наконец легко и свободно. А магнолия стоит в западном углу, где прежде была сосна, перебравшаяся в угол, который раньше занимал ливанский кедр.

«О господи! — шепчет про себя учительница Сантони.— Если б я не знала более или менее прилично ботанику, я бы решила, что эти деревья принялись играть в чetyре угла».

И в ее воображении сразу же встают сначала школьный двор, где ее ученики столько раз играли в эту игру, а затем и скромный квадратный дворик ее детства, где она сама девочкой с волнением перебегала из угла в угол, чтобы не остаться без места, не оказаться на середине, то есть не проиграть, не выйти из игры.

«О господи!» — повторяет она про себя, словно цепляясь за некую формулу, которая может спасти ее от утомительности.

На этот раз учительница Амброзоли говорит по телефону еще убежденнее, чем прежде, еще увереннее, чем когда бы то ни было.

— Дорогая, не предавайся подобным фантазиям! — советует она.— За редчайшими исключениями, которые не имеют отношения к нашим садам, растения рождаются, растут и умирают на своих неподвижных корнях. Тебе же надо показаться окулисту. Хорошему окулисту. Профессору Вербиграция, например. Учительницам-пенсионеркам он делает скидку, потому что у него самого мать учительница. Да ты тоже, наверное, ее знаешь! Не помнишь? Она преподавала...

Учительница Сантони не слушает ее. Она смотрит на свой совершенно преображенный сад. Деревья стоят перед ней в новом порядке, сомнений тут нет. Она трогает деревья одно за другим. Она ведь знает каждую трещину на их коре. Она сама сажала их вместе со своим бедным мужем. Это он уговорил ее посадить магнолию и липу, потому что в детстве часто играл в парке, где было очень много старых магнолий, и бедная мама не раз лечила его липовым отваром. Бедняга! Он вышел на пенсию и через

полгода умер. Так нередко случается с людьми, для которых работа — это сама жизнь.

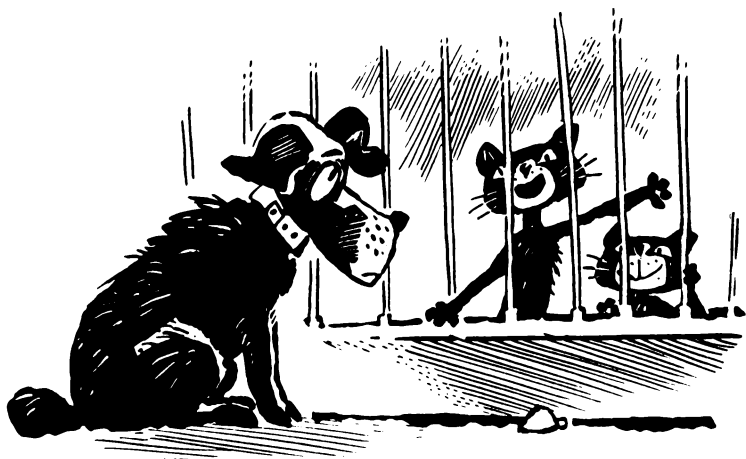
В эту ночь учительница Сантони не спит. Она остается в гостиной, окна которой выходят в большой сад, и, слегка отодвинув штору, наблюдает за деревьями, надеясь узнать секрет их ночной жизни. Она ждет долго, очень долго. В ночную тишину и покой лишь изредка вносятся некоторое оживление дерущиеся кошки, осторожно переселяющийся куда-то дикобраз, жалобный крик совы, скрип половиц, похрустывание древесного червя. По ночному небу одна за другой проносятся темные тучи. Луна запаздывает. Но вот она все же появляется, испуская слабый, далекий свет. И в тот же момент, словно по сигналу, деревья пробуждаются и молча отрываются от корней. Вот они все пятеро сходят со своих мест — кто величаво и медленно, кто короткими перебежками. Теперь в центре стоит липа. Она волнуется и, как только угол остается пустым, устремляется, чтобы занять его, но не успевает, возвращается на место и затем снова пытается успеть в другой угол.

Теперь учительница Сантони улыбается. Она смеется и над собой, и над своими коллегами, и даже над сердитой учительницей Амброзоли, и над врачами — терапевтами и специалистами, но главным образом над тем, что происходит в саду, а это — теперь она абсолютно уверена — не плод ее воображения и не сон.

— Это именно так, — шепчет она, — деревья играют в четыре угла! А почему бы и нет? Что мы, в сущности, знаем о растительном мире? Мы когда-нибудь интересовались планами деревьев на будущее? А может быть, растения собираются достичь уровня развития животных?

Эта мысль ее удивляет. Надо поговорить с директором Ло Форте — он последний, с кем ей довелось работать, и он еще не ушел на пенсию. Он всегда с уважением относился к ней и был терпелив с пожилыми учительницами, ведь именно они — фундамент школы. Нет, лучше она напишет ему письмо, в котором изложит свои наблюдения и попросит у него совета относительно выводов, которые проистекают из них.

Письмо отправлено. И в скором времени приходит ответ, в котором директор Ло Форте очень уважительно и терпеливо советует старой коллеге не увлекаться такими головокружительными гипотезами, которые могут весьма серьезно отразиться на школьных учебниках.

— Я поняла, что он хочет сказать, — заключает учительница Сантони. — Слово — серебро, а молчание — золото!

Но затем, однако, она чувствует, что вынуждена снова прибегнуть к услугам почтовой связи. На этот раз речь идет не только о деревьях, которые каждую ночь без устали играют в свою игру, но и о кошках. И о собаке булочника Далиле, которая так растолстела, что не может пролезть между прутьями ограды. Однажды ночью, когда деревья в саду играют, как всегда, живо и бесшумно в четыре угла, учительница Сантони слышит разговор, который лишь чуть громче обычного шепота.

— Молодец эта сосна, — говорит первый голос, — никогда не уходит далеко от угла, всегда держится поблизости.

— Да, молодец, — отвечает другой голос. — Меня удивляет, однако, липа, такая пугливая. Вот уже неделю сидит в своем углу, не решается отойти от него дальше, чем на два шага, и чуть что — сразу кидается обратно. Просто трусиха!

Учительница вынуждена верить своим ушам, так же как и своим глазам: разговор ведут два соседских кота, ее частые гости, готовые полакомиться чем угодно в любое время суток, постоянные обитатели ее сада по ночам, неизменные кавалеры кошки синьоры Амброзоли, когда ее заносит в эти края непрерывные скитания. А тут к дуэту присоединяется еще и третий голос. Он доносится из-за ограды, за которой сидит и скулит Далила.

— Мне тут ничего не видно,— жалуется Далила.— Что делает ливанский кедр? Куда делась магнолия? Ну-ка, помогите мне пробраться сюда!

— А ты сделай, как мы,— отвечает один из котов.— Похудей и пролезай между прутьями.

«Да,— думает учительница Сантони,— конечно, надо было догадаться. Ведь это почти неизбежно. Если деревья становятся как животные, то животным не остается ничего другого, как перебраться в ближайший к ним мир, то есть в наш. Это верно, что мы, люди, тоже в свою очередь принадлежим к животному миру. Но за много тысячелетий мы отделились от него. Наша культура делает из нас иной мир, отличный от мира кошек, блох и мышей».

Новый вопрос рождается в голове учительницы Сантони.

«Если животные заполняют владения людей, а растения — владения животных,— спрашивает она себя,— кто же займет растительный мир?»

Наутро, надев удобную прогулочную обувь, учительница Сантони отправляется на экскурсию в горы. Она взбирается по крутым тропинкам, по которым прежде приводила сюда на свидание с природой целые классы, спускается к бегущему по камням ручью, громкий говор которого так хорошо знаком ей, снова и снова оглядывает эти родные места и улыбается — вон там, на камне, распустились цветы рододендрона, а там, подальше, ландыши, тут — горные фиалки. И видно, хорошо видно, что все они растут прямо из камней, без всяких корней, без поддержки ветвей или листьев. Камни цветут! Да, они явно переходят в мир растений. «А мы? — задумывается учительница Сантони.— А мы куда движемся? Мы — это люди, разумеется...»

Охваченная волнением, она внимательно оглядывает себя и нисколько не удивляется — после всех своих наблюдений и гипотез,— когда обнаруживает у себя ноготь, на который достаточно только взглянуть, особенно ей, с ее знанием минералогии, чтобы определить — речь идет о самом настоящем восьмигранном красном железняке. А соседний ноготь вне всякого сомнения — это благородный серпентин из пьемонтских Альп. А ноготь на безымянном пальце — несомненно, красная яшма с вкраплениями кварцита, в то время как о мизинце, пожалуй, сразу можно сказать, что это алюминиевый боросиликат.

«Я минерализуюсь,— заключает учительница Сантони,— и это вполне логично. Я не удивлюсь, если завтра

или через неделю обнаружу, что одна моя нога состоит из апуанского оникса, а другая — из кристаллического рубеллита. Уже сейчас, возможно, в моих суставах кристаллизуются лазурит и малахит. Возможно, и корунды. Могут быть также бериллы, аквамарины, изумруды».

Нет, на этот раз учительница Сантони не довольствуется письмом своему бывшему педагогическому шефу. Она напишет прямо в Рим, министру образования. Напишет подробное аргументированное письмо, приложит листья и рисунки и укажет высшим руководителям школы на необходимость иметь в виду при составлении новых школьных программ необыкновенное открытие, которое она сделала. «Природа,— пишет она своим аккуратным каллиграфическим почерком и со своей безупречной орфографией,— охвачена всеобщим преобразованием. Минералы переходят в мир растений, растения в свою очередь — в животный мир, а этот последний очеловечивается, и людям не остается ничего другого — именно это и происходит сейчас,— как занять место камней и кристаллов. Нечто подобное можно наблюдать также во всем известной игре в четыре угла. Мироздание открывает нам свою истинную сущность».

Спустя несколько недель, то есть необычайно быстро, она получает ответ за подписью главы кабинета министров. «Уважаемая синьора! — пишет он.— Чтобы играть в четыре угла, нужно пять игроков. В вашей гипотезе имеют место, во всяком случае в данный момент, только четыре. А кто же будет пятым? Благодарим вас за сообщение и просим держать нас в курсе последующего развития ваших исследований. Школьные программы и учебники пока останутся без изменений, в соответствии с постановлением номер... и т. д., и т. д.»

Учительница Сантони читает и снисходительно улыбается. В сущности, она ведь знала, что так будет. Еще когда работала в школе, она не раз писала министру, подавая разные хорошие советы, но к ним так никто никогда и не прислушался. Она не питала тогда иллюзий. Да и сейчас тоже не обманывает себя, глядя, как играют в четыре угла деревья в большом саду, как овощи, сидящие в ровных прямоугольниках своих грядок, составляют геометрические орнаменты, складывают фигурки неведомых животных или буквы загадочных алфавитов, слушая, как разговаривают соседские кошки и собаки, наблюдая, как цветут стены ее дома, на крыше которого — прямо на черепице — расцвел прекрасный черный тюльпан, и,

видя, какое медленное, но неизменное превращение происходит с ее собственным телом, которое может стать украшением любого школьного кабинета минералогии. И она тоже спрашивает себя — а кто же будет пятым в этой игре? Господь бог? Марсиане? Какая-нибудь новая, неведомая земной биологии форма жизни? Существа из чистой энергии? Антиматерия?

Учительница Сантони старательно выстраивает вопросительные знаки и с улыбкой вспоминает все случаи, когда ее ученики ставили восклицательный знак вместо вопросительного и наоборот и когда заканчивали свои сочинения не точкой, а запятой, словно повисшей над бездной, вот так:

Подарочные мышки

Однажды кот задумал разбогатеть. У него было трое дядюшек, и он решил отправиться к ним за советом, как это лучше сделать.

— Надо стать вором,— сказал ему дядя Первый.— Нет лучшего способа разбогатеть без особого труда.

— Я слишком честен для этого,— ответил кот.

— Ну и что? Среди воров немало честных людей, а среди честных сколько угодно воров. Так на так не получается. К тому же ночью все кошки серы.

— Ну я подумаю,— ответил кот.

— Можно стать певцом,— сказал ему дядя Второй.— Нет лучшего способа разбогатеть и прославиться без всякого труда.

— Но у меня нет голоса.

— Ну и что? Многие певцы поют, как петухи, но все равно превращаются в богатых акул. Надо же, как я удачно выразился! Постой, я запишу эту мудрую мысль. Ну так что, решил?

— Я подумаю,— ответил кот.

Дядя Третий сказал:

— Займись торговлей. Открой какую-нибудь милую лавочку, и люди будут выстраиваться в очередь, чтобы принести тебе свои деньги.

— А чем бы стоило торговать?

— Роялями, холодильниками, электровозами...

— Слишком громоздкие вещи.

— Ну тогда дамскими перчатками.

— Но в таком случае я потеряю половину покупателей — мужчин.

— Сделай так: открой табачную лавку на Капри. Великолепный остров. Круглый год прекрасная погода. Туда приезжает множество туристов, и каждый покупает хотя бы одну открытку и марку, чтобы отправить ее родным.

— Ладно, подумаю, — ответил кот.

Он думал целую неделю и наконец решил открыть небольшой продовольственный магазин. Снял подходящее помещение на первом этаже нового здания, разместил там шкафы, прилавки, кассу и усадил за нее кассиршу. А затем, чтобы не тратиться на художника, сам нарисовал вывеску: «Подарочные мышки (Новый консервный деликатес)».

— Какая прелесть! — сказала кассирша. Это была совсем молоденькая кошечка, впервые поступившая на службу. — Подарочные мышки! Гениальная мысль!

— Если б она не была гениальной, — уточнил кот, — она не пришла бы мне в голову.

На другой вывеске, поменьше, кот написал: «Тот, кто купит сразу три банки, в награду получит бесплатно консервный нож».

Кассирша нашла, что у ее хозяина прекрасный почерк.

— Так уж я устроен, — ответил кот, — пишу только прекрасно. Я бы не смог ошибиться, даже если б мне прищемили хвост.

— Однако, — заметила кассирша, — где же эти консервы?

— Будут. Всему свое время. И Рим не сразу строился.

— А если придут покупатели, что мне делать?

— Записать их заказы вот на этом листе. Пусть оставят адреса. Мы будем доставлять товар на дом.

— Синьор кот, — спросила кассирша, — а рассылного вы уже нашли? Я потому спрашиваю, что, если не возражаете, мой брат мог бы...

— Пусть придет и поработает недельку. Посмотрим, годится ли. Оплата — две банки в день.

— А мне сколько?

— Вам — три.

— С консервным ножом?

— Консервный нож вы будете получать на Новый год, в День национального праздника, а также в день моего рождения.

Кассирша нашла, что ее хозяин очень щедр.

На следующий день были получены консервные банки.

— Синьор кот, — сказала кассирша, — но ведь они пустые.

— Так и должно быть. О мышках позабочусь я сам. А вы пока наклейте на банки этикетки. И пусть вам поможет ваш брат.

Брат кассирши был совсем маленьким трехмесячным котенком. У него было прекрасное настроение, и он носился по магазину, засунув голову в банку.

— Ну-ка,веди себя получше,— сказал синьор кот,— не то я запишу тебе штраф.

Этикетки были яркие и блестящие. На каждой была нарисована мышка, подмигивающая одним глазом, и внизу такая надпись: «Подарочные мышки. Высший сорт. Следите за сроком годности. Остерегайтесь подделок».

— Как? — изумилась кассирша.— Банки еще пустые, а уже есть подделки? А что же в них? Кроты, хомяки...

— Разумеется, пока еще подделок нет,— объяснил синьор кот,— но, когда торговля пойдет полным ходом, они непременно появятся. А если и не появятся, то такая надпись все равно не мешает. Покупатели будут думать: вот как, если эти консервы даже подделывают, значит, они очень хорошие!

— А они и в самом деле будут очень хорошие?

— Великолепные! Экстракласс!

Кассирша вздохнула. Как умен ее хозяин! У него определенно исключительные способности к торговле. К тому же он еще не женат.

Брат кассирши наклеил этикетку себе на нос и теперь не мог отодрать ее.

— Глупец! — строго сказала кассирша.— Хочешь, чтобы тебя уволили в первый же день? А ведь ты еще не знаешь, что значит заработать банку «Подарочных мышек»!

— Прошу вас,— сказал синьор кот,— присмотрите за магазином. А я отправлюсь на поиски сырья.

Кассирша проводила его томным взглядом. Она находила, что ее хозяин очень красив и усы у него, как у настоящего преуспевающего коммерсанта. Так элегантен! И какой властный взгляд!

«Коммерсант,— подумала она,— это, конечно, не генерал, но почти. А мне к тому же генералы не нравятся, потому что они, как правило, все женаты».

На следующий день кот нашел в подвале первую мышку. Она пряталась там за кучей угля.

— Добрый день,— сказал кот.

— Не знаю,— ответила мышка.

— Ну что это за ответ, любезная?

— А я не знаю, будет ли день добрым. Обычно коты не приносят мне счастья.

— Это будет великолепный день,— заверил кот,— больше того — исторический! Вы будете иметь честь стать первой подарочной мышкой на планете. Разве этого мало?

— Не знаю,— ответила мышка.

— Вы никогда ничего не знаете,— рассердился кот.— Ну-ка сделайте маленький прыжок, заберитесь в эту красивую, нарядную баночку и увидите.

— Что увижу?

— Увидите, что я прав!

— Я бы предпочла посмотреть мультфильм. Кстати, я вспомнила, он как раз сейчас начнется. Всего доброго!

Мышка шмыгнула в свою норку и, сколько кот ни просил и ни умолял ее, не высунула наружу даже кончик хвоста.

Вторая мышка, которую нашел кот, жила на чердаке, и ее норка была за старым чемоданом.

— Вам повезло,— издали крикнул синьор кот, едва увидел ее.

— Не знаю,— ответила мышка.

— Плохо,— рассердился кот.— Такой ответ я уже слышал от одной вашей подружки, что живет там, в подвале. Придумайте что-нибудь другое.

— Сначала скажите, в чем же мне повезло.

— Да в том, что моя фирма выбрала именно вас для открытия торговли «Подарочными мышками».

— Если мне надо выступить с речью, то я не согласна.

— Никаких речей. Вам нужно только войти вот в эту красивую баночку. Затем вас продадут по нормальной цене и оценят по достоинству.

— Прекрасно!

— В самом деле?

— Жаль, но я не могу принять ваше предложение. Мне нравится идея, и я не могу не отметить изящество, с каким выполнена этикетка. Только сейчас я собираюсь в отпуск, у меня уже есть билет в Палермо. Не могу же я обидеть государственную железную дорогу и отложить поездку. Всего доброго, и привет жене!

— Я не женат! — выходя из себя, заорал кот.

— Неважно. Передадите привет, когда женитесь.

Третья мышка наслаждалась свежим воздухом на полянке, на краю города, но хвостик свой опустила в норку,

и его держал там ее кузен, готовый по первому же сигналу втянуть ее обратно.

— Как поживаете? — спросил кот.

— Да как вам сказать... — ответила мышка. — В вашем присутствии я обычно чувствую себя неважно.

— Уж очень вы, мышки, пугливы, — сказал синьор кот. — А ведь я пришел сюда с наилучшими намерениями...

— Наилучшими для кого?

— Для вас, разумеется! Знаете, что я думаю? Что вы будете отличным компаньоном в моей торговле продовольственными товарами. Вас устраивает?

— Что именно?

— Вот эта баночка. Смотрите, какая красивая! Будем торговать «Подарочными мышками»! Я возьму на себя большую часть работы, так как займусь продажей.

— Недурно.

— Спасибо.

— Недурно.

— Спасибо. Но почему вы дважды повторили это?

— Один раз для правого уха, другой раз — для левого.

— Ну так пошли?

— Нет.

— Почему нет?

— Потому что мне надо навестить мою бабушку и покатать ее на карусели.

— Вот! — вскипел синьор кот. — Вот все вы, мыши, такие! Вам нет никакого дела до торговли! Вы пальцем не пошевеливаете для ее развития, для подъема экономики и укрепления финансов. И вдобавок у вас еще какие-то сумасшедшие бабушки — они еще способны кататься на карусели!

— Ну да, и на качелях тоже. И вы лучше оставьте мою бабушку в покое. Она потому и славная такая, что почти сумасшедшая. Всего доброго, и привет вашим детям!

— Но у меня нет детей! Я не женат.

— Так женитесь и пришлите мне свадебных конфет.

Мышка дала сигнал, и ее кузен, с силой дернув за хвост, так быстро утянул ее в норку, что коту показалось, будто она растаяла в воздухе, словно мыльный шарик, — только что была и уже нет.

— Дела идут прекрасно, синьор кот, — промяукала кассирша, встретив хозяина. — Мы получили уже 117 заказов. Графиня де Фелинис заказала двести банок. Я под-

считала, и получилось, что мы должны дать ей также 66 с половиной консервных ножей. А которую половину ножа нужно дать ей — ту, что с лезвием, или ту, что с ручкой?

Синьор кот проворчал себе в усы что-то невнятное.

— Посмотрите, как хорошо поработал мой брат,— снова заговорила кассирша.

Котенок-рассыльный уложил банки в витрине в виде пирамиды. Некоторые он, правда, перевернул, потому что не умел читать. Но радость от проделанной работы сверкала в его молодых усах.

Синьор кот сказал:

— Ладно, ладно. На сегодня хватит. Идите домой.

— Нашли хороших мышек, синьор кот? — спросила кассирша, поглаживая свою шубку, как это делают все кассирши, уходя домой.

— Я сказал — хватит! Я плачу вам за работу, а не за расспросы.

Кассирша и ее братец поняли, что разговор окончен, и удалились, опустив хвосты.

Синьор кот запер магазин и снова пошел за советом к Третьему дядюшке.

— Дорогой дядюшка, так, мол, и так. Мышки ни за что не хотят забираться в банки, а завтра я должен доставить графине де Фелинис важный заказ. Что делать?

— Дитя мое,— сказал дядюшка коту,— ты забыл о рекламе. Разве ты не знаешь, что реклама — двигатель торговли?

— Конечно знаю. Я даже пообещал покупателям консервные ножи.

— Такая реклама хороша для покупателей, но совершенно не годится для мышей.

— Но если я и им тоже дам консервные ножи, они откроют банки и разбегутся...

— Лучшая реклама для мышей — это сыр.

— Швейцарский или пармезанский?

— Швейцарский, пармезанский, пошехонский — какой угодно, лишь бы они могли делать в нем дырки. Даже твердокаменный качкавал сойдет.

— Хорошо! — воскликнул синьор кот. — Я все понял!

— У тебя толковая голова! — похвалил его дядя Третий. — Впрочем, в нашей семье только такими все и растут. У твоего деда, например, всегда было два дома, и в каждом на кухне — миска для молока и блюдец с мясом.

— Каким образом?

— Днем он жил у ночного сторожа. А вечером и ночью — у учительницы. Когда она уходила в школу, он притворялся, будто провожает ее, и шел к сторожу. А когда сторож уходил на работу, провожал и его и возвращался к учительнице.

— Потрясающе! А как звали деда?

— В доме учительницы — Пушок, а у ночного сторожа он был Наполеоном. Мы его звали Умноженный-На-Два.

Синьор кот купил большой круг пармезанского сыра, отнес его в подвал и закрыл вход в норку. Чтобы выбраться наружу, мышке надо было прогрызть сыр.

— А я поставлю здесь банку наготове,— посмеивался кот,— и как только она выскочит из сыра, тут же — прыг! — и окажется в банке. А я — хлоп! — и закрою ее крышкой. И отнесу в магазин!

Поначалу все шло, как он думал. Мышка, чтобы вылезти из норки, забралась в сыр, проделав в нем ход. Эта работа была ей вполне по душе, потому что сыр был вкусный, выдержанный и ароматный, высшего сорта. Мышкин муж тоже немного потрудился над ним. А семеро мышиных ребятишек всю забавлялись, делая разные боковые ходы и переходы во всех направлениях. Они прекрасно усваивали этот продукт и толстели прямо на глазах.

Мышка, не переставая грызть сыр, размышляла. Делать сразу два дела не составляло для нее труда, потому что это была умная мышка.

«В этом мире,— думала она,— никто не станет дарить тебе круг сыра просто так, ничего не попросив взамен. Очевидно, этот сыр поставлен тут не случайно. И прежде всего надо разузнать, кто положил его на порог моего дома».

Чтобы узнать это, она сделала совсем крохотную дырочку в корке и увидела синьора кота, притаившегося с банкой наготове.

— Добрый день,— сказала мышка.

Синьор кот услышал тонкий голосок, доносившийся из сыра, но ничего не увидел. И все же из вежливости ответил на приветствие. Тем более что узнал мышкин голос.

— Добрый день!

— Что вы тут делаете?

— Не видите? Рекламирую свою продукцию. Что вы об этом скажете?

— Сыр прекрасный!

— Вот видите. А теперь согласитесь — если хорош сыр, то «Подарочные мышки» будут еще лучше. Не хотите ли расположиться в этой баночке? Помочь вам войти?

— Нет, ради бога не беспокойтесь!

— Ну что вы, я рад помочь вам!

— Нет, благодарю. Я не собираюсь выходить.

Синьор кот рассердился так, что и не передать:

— Вот вы какие, мыши! Сыр едите, а взамен ничего не хотите дать! Разве так поступают? В торговле нужно быть корректным: я тебе даю одно, а ты мне — другое.

— Хорошо. Я оставлю вам корку. И мы в расчете.

— Я подам на вас в суд за обман! Вы мне ответите!

— Согласна. В тот день, который никогда не наступит.

— Нет! Сегодня же!

И, говоря так, кот схватил сыр и покатил его к дверям, не обращая внимания на испуганный писк семерых мышат, которые перекатывались внутри.

— Не бойтесь,— успокоила их мышка.— Этот сыр не будет для нас ни ловушкой, ни тюрьмой. Он станет нашей крепостью. Хотела бы я посмотреть, кому удастся вытащить нас отсюда. Спокойствие, хладнокровие и классическая музыка. Для бодрости духа споем наш гимн.— И тут же затянула первую строфу:

Да славятся мышки в сыре,
Самые храбрые в мире!

Муж мышки присоединил к ней свой голос, а затем и семеро мышат перестали плакать и тоже запели:

Да славится на весь мир
Наш пармезанский сыр!

Синьор кот выкатил круг сыра, словно автомобильную шину, из подвала и направился в суд. Люди оборачивались и с удивлением смотрели на него.

— Как странно — поющий сыр!

— Чего же удивляться — это же пармезанский. А в Парме, как известно, все очень любят оперную музыку.

— Да, они, конечно, мастера делать сыр. Только до одного не могут додуматься.

— До чего же?

— Как есть, не работая.

— Этого только ты, чудака, не знаешь! А людей, которые не работают, но едят, сколько угодно!

Кот прикатил сыр к судье и потребовал разбирательства:

— Ваша милость, мышки украли у меня сыр!

— Было бы правильное сказать,— заметил судья,— что сыр украл мышей.

— Вот именно! Вот именно! — пропищала мышка, выглядывая из дырки в сыре.— Нас захватили в плен, ваша милость. Нас девять человек! В том числе дети младше четырнадцати лет!

— Но вы же съели почти весь мой сыр! — закричал синьор кот.

— Мы его ели, потому что нам его предложили. Это был рекламный сыр. Подарок фирмы, так сказать.

— Это верно? — спросил судья.

— К сожалению,— должен был признать синьор кот.

— Тогда я тоже его попробую,— сказал судья.— Я уважаю рекламу и люблю рекламные передачи по телевидению. А потом я прикажу выдать мышкам охранный пропуск, чтобы они могли спокойно вернуться домой. Синьор кот оплатит судебные издержки. Всё!

Ударом молотка судья положил конец судебному разбирательству и облизал усы.

Мышек проводили домой, и они всю дорогу распевали свой гимн, который был написан их предком по имени Иоганн Себастьян.

А синьор кот вернулся в свой магазин, где кассирша с радостью бросилась ему навстречу:

— Маркиза Де Сорианис заказала 715 баночек! Они нужны ей сегодня без двадцати восемь. Я подсчитала, что моему брату, чтобы доставить весь товар, придется съездить к ней семь раз!

— Разве я не молодец? — спросил котенок-рассыльный.— Разве я не заслуживаю повышения зарплаты?

Синьор кот, не говоря ни слова, уселся на прилавок и задумался. «Вот,— вздохнул он,— благодарность публики. Ты выкладываешься, открываешь новый магазин, покупаешь банки, наклеиваешь на них этикетки, нанимаешь людей, заботишься об интересах покупателей, и что получается? Ничего. Только расходы на сыр и судебные издержки! И все потому, что мыши не хотят понять условия торговли и совершенно не интересуются проблемами питания».

«Конец света! — думал синьор кот, машинально облизывая лапу, все еще пахнущую пармезанским сыром.— Вот и делай после этого добро ближнему. Особенно мышам!»

«Мыши,— размышлял синьор кот, вконец расстроенный, и хвост его свисал с прилавка, словно приспущенный в день траура флаг,— живут жалкой, бесславной жизнью. Я готов обеспечить им хорошее будущее, выставить их в витрине на всеобщее обозрение. Я предлагаю им — за свой счет — прочные жестяные, хорошо закрытые банки, с красивыми этикетками работы первоклассных художников. На них мышки выглядят даже лучше, чем в действительности. Я предлагаю в награду покупателям консервные ножи, устанавливаю вполне доступную всем цену. И вот результат. Они саботируют мое предложение и, подкупая судью пармезанским сыром, восстанавливают его против меня. Нет справедливости на этом свете! Нет ничего святого! Лучше бы я стал бандитом».

И синьор кот на минуту представил себе, как бы это выглядело. Вот он — бандит, разбойник и пират. С черной повязкой на левом глазу. На хвосте черный флаг с черепом и скрещенными костями. Его девиз: «Там, куда ступают мои лапы, мыши не растут».

Он уже видел огромные заголовки в газетах, восхищенно рассказывающие о его подвигах: «Снова нападение Грозы Подвалов!», «Миллион мышей в награду тому, кто поймает Кота-бандита!», «Дрожат все хвосты в городе!»

— Синьор кот,— спросила в этот момент кассирша,— что мне делать с графиней Де Фелинис и маркизой Де Сорианис?

— Синьор кот,— поинтересовался брат кассирши,— для доставки товаров на дом мне взять мой трехколесный велосипед или фирма предоставит фургончик?

— Синьор кот,— снова заговорила кассирша,— приходил налоговый инспектор. Он посмотрел в кассу, увидел, что там нет ни одного сольдо, и сказал, что вернется завтра, даже если будет идти дождь.

— Синьор кот,— продолжал брат кассирши,— раз уж сегодня тут нечего делать, можно я пойду играть с друзьями в футбол? Знаете, я ведь стою на воротах. Беру самые трудные мячи. И может быть, в будущем году стану играть в национальной сборной.

Синьор кот вздохнул. Какая ответственность! Товар, покупатели, кассирша, налоги, рассыльный, национальная сборная...

— Друзья мои,— решительно сказал кот,— перевернем страницу. Торговля подарочными мышками закончена. Наверное, эта идея родилась несколько преждевре-

менно. Люди не всегда сразу оценивают гениальные идеи. Галилео Галилей, сказав, что Земля вертится вокруг Солнца, тоже вынужден был пережить немало неприятностей. Я уж не говорю про Христофора Колумба, который хотел открыть Америку, и никто не давал ему для этого трех каравелл. Обо мне будут судить потомки.

— Да,— пропела кассирша, тая от восторга.

— Я принял решение. С подарочными мышками покончено. Теперь я буду продавать яд против мышей.

— Какая потрясающая мысль! — вздохнула кассирша.

— Если б она не была потрясающей,— сказал синьор кот,— она не пришла бы мне в голову. Начнем торговать ядом против мышей, и дела у нас пойдут отлично. В этом вопросе я дока.

— Какой же вы молодец! — промяукала кассирша.

— И тоже будем доставлять товар на дом?

— Будем.

— А как вы будете нам платить? Надеюсь, не мышиным ядом?

— Буду платить наличными.

— Тогда мне придется научиться считать,— вздохнул рассылный.— А пока я могу идти играть в футбол?

— Иди, иди! — великодушно разрешил кот. И, сняв с витрины старую вывеску, тут же написал новую, которая гласила: «Яд для мышей, высшего качества. Тот, кто купит сразу три банки, в награду бесплатно получит четвертую».

— Какой прекрасный почерк! — восхитилась кассирша.

— Это еще что,— ответил синьор кот,— когда я пишу на пишущей машинке, у меня еще лучше выходит.

— Вы превосходите самого себя,— сказала кошка.

— Что поделаешь, таким уж я уродился. Представляете, когда я веду машину, то мне удается обогнать даже самого себя.

— Потрясающе! Я расскажу об этом моей маме. А знаете, что она все время расспрашивает о вас?

Синьор кот не сказал, знает он это или нет.

Но в конце концов все-таки узнал. И в самом деле, кот и кошка поженились и жили счастливо и дружно, ссорясь с утра и до вечера. Они царапали друг другу носы, швырялись банками с ядом, набрасывались друг на друга с консервными ножами. Мышки немало развлекались, глядя на этот спектакль. Больше того, одна из них устроила

свою норку прямо в магазине, и ее друзья, родственники и знакомые приходили к ней в гости только для того, чтобы посмотреть на семейный скандал милой и чудесной супружеской пары.

За каждый такой «просмотр» мышка брала с гостей по десять лир.

Все говорили, что это дорого. Но платили и смотрели.

Мышка стала такой богатой, что поменяла имя и стала называться баронессой.

Агент Х.99

Бог Огня

Правда ли, что в ходе моих космических странствий я оказался на какой-то дикой, заброшенной планете и побывал у Бога Огня? Нет, синьор журналист, это неправда. Не в моих правилах обманывать людей, даже когда я говорю о шестируких обезьянах. По поводу моих приключений ходит много разных слухов, но все они весьма далеки от истины. Я никогда не был женат на Женщине-Паутихе. По той простой причине, что никогда не видел ее, и думаю, что такая женщина вообще не существует. Я никогда не был королем племени кенгуру. Помимо всего прочего, люди этого племени просто не допустили бы этого, потому что они были и остаются там, на своей планете, ярыми республиканцами.

Вы хотели, чтоб я рассказал про ту историю с огнем. Пожалуйста, я охотно сделаю это, только вы должны пообещать, что ничего не прибавите к моему рассказу. Договорились? Так вот, был я в ту пору зрителем радиомаяка на астероиде Х.99, на том самом каменном шарике, где солнце встает и заходит по двенадцать раз в сутки. Ну да, поэтому я и известен, как агент Х.99. По научному названию астероида. Ничего загадочного, как видите, в этом нет. Ничего таинственного нет и в том, что я держал там у себя козу. Я люблю козье молоко, вот и все. Раз в месяц вместе с прочим необходимым снаряжением мне присылали туда большой тюк свежей травы. До меня никто не соглашался жить отшельником на этом астероиде, чтобы обеспечивать Объединенной Компании Космических Сообщений этот перевалочный пункт. Так что я мог ставить свои условия. Я потребовал только одного — чтобы была трава для Ренаты. Да, синьор, Рената — это

моя коза. Та самая, что лежит теперь набальзамированная в этой витрине посреди гостиной. Теперь она и в таком виде составляет мне компанию, хотя я уже стар и не летаю больше на астероиды и планеты.

В тот раз я получил с Земли задание слетать на планету Цель и проверить одну автоматическую электромагнитную установку, которая была смонтирована там лет десять назад и которая, похоже, начала барахлить. На Цели, насколько было известно, жили только одни обезьяны, необычайно мирные существа, очень далекие от какой бы то ни было формы человеческого разума. Они не представляли никакой опасности для хорошо подготовленного и, как полагали на Земле, хорошо вооруженного космического агента. Но я никогда не брал с собой оружия, дорогой синьор. Я брал с собой только Ренату, чтобы на завтрак у меня было мое любимое козье молоко.

Я заправил свой маленький патрульный звездолет, прилетел на Цель и принялся проверять установку, находившуюся на берегу небольшого горного озера с зеленой водой. Рената тем временем прыгала по утесам и жадно щипала траву. Она, бедняжка, похоже, прямо с ума сошла от радости — ведь столько времени жила в заточении среди голых камней на астероиде X.99. Она бегала где хотела, и я о ней не беспокоился. Но вот собрался я улетать, а ее нигде нет. Должно быть, забрела в соседний лесок. Пойду посмотрю, решил я, и направился туда. И там я был сражен. Я увидел Ренату почти сразу. Она позволила доить себя двум большим обезьянам. Они по очереди сцеживали молоко прямо в рот друг другу. А вокруг стояла толпа обезьян и с интересом наблюдала за ними. Увидев меня, обезьяны не испугались, не убежали. А те двое продолжали пить мое молоко. Все это так позабавило меня, что я и не подумал сердиться. Я сунул в рот сигарету и щелкнул зажигалкой.

Вот из-за нее-то, из-за зажигалки, все и произошло. Увидев огонек, обезьяны, дрожа от страха, попадали передо мной на землю, словно перед божеством. Вы думаете, очевидно, что они приняли меня за Бога Огня. Но вы ошибаетесь. Разве кто-нибудь видел когда-нибудь, чтобы обезьяны вели себя подобным образом? Их поклонение огню было бы скачкообразным переходом от животного существования к условиям, так сказать, предчеловеческим. Искра разума вспыхнула в этих головах, которые ритмично кланялись, издавая долгие, походившие на пение звуки.

Я постоял некоторое время, размышляя над тем, какой же отчет послать на Землю, а потом вспомнил, что пора возвращаться. Позвал Ренату и направился к звездолету. Обезьяны, пригнувшись, двинулись следом за мной, держась на некотором расстоянии, и затем словно замороженные остановились на каменистом берегу. Да, синьор, я бы мог подшутить над ними, если б захотел. Но мне пришла в голову другая мысль. Я поднял два небольших камня и стал сильно бить ими друг о друга. Затем я подошел к одной обезьяне, вложил камни ей в руки и заставил ее повторить мои движения. То же самое я проделал и с другими обезьянами. «Работайте, работайте! — громко приказал я. — Ну смелее, бейте, бейте!» И они стали бить камнем о камень, не понимая, что и зачем делают, но трудясь со всем усердием. Когда камни начали высекать искры, обезьяны испугались и побросали их. Но я снова вложил камни им в руки и сам тоже стал бить камни друг о друга. И наконец я увидел, что одна обезьяна поняла смысл этого действия. Когда ей удалось высечь искру, она не испугалась, а только растерялась. Затем снова высекла искру, остановилась и вопросительно посмотре-

ла на меня. «Молодец,— похвалил я ее.— Ну давай же действуй, раз уж ты такая умница!» Теперь искры вылетали из камней уже не случайно, а по воле обезьяны. И она это поняла, точнее, это поняли ее руки, они передали информацию мозгу. Мозг уловил суть, и обезьяна вскочила, охваченная восторгом. Она встала перед своими подругами и с радостными криками принялась быстро и энергично бить камнем о камень. Она уже забыла про мою зажигалку, про Бога Огня, которому только что поклонялась... Это она сама изобрела огонь, вы понимаете — сама! «А теперь за работу! — крикнул я.— За работу!»

Что я сделал потом? Ничего больше не делал. Я улетел. Бывают случаи, когда вполне достаточно дать только первый урок. Кроме того, я не сомневался, что между руками и мозгом обезьян установилась вполне надежная связь.

Вот и все. Как видите, ничего загадочного. Но почему вы не попробуете это отличное жаркое из дичи? Опасаетесь? Напрасно, я ведь только что открыл банку. Это те знаменитые консервы с планеты Цель. Их покупают на всех обитаемых планетах Вселенной.

Кто их производит? Да они же, мои друзья, что живут на этой планете,— целяне. Это, можно сказать, их фирменное блюдо. За полвека они прошли путь от открытия огня до современной пищевой промышленности. Сами понимаете, имея шесть рук и умея ими пользоваться, можно далеко уйти. Что вы говорите? А, ходят на ногах... Но в таком случае извините меня, вы ничего не поняли во всей истории.

Деревья — не убийцы!

Меня послали на планету Парк. Это небольшая, загадочная, лесистая планета, открытая индейской экспедицией еще в первой половине XXI века. Мне надо было лишь вывезти оттуда останки одного бразильского ученого, которые были брошены там его товарищами, поспешно покинувшими планету. Они-то и распустили эти слухи. Вы, должно быть, помните, как это было, потому что ваша газета тоже писала тогда обо всей этой истории — о том, что Парк населен деревьями-убийцами. От астероида Х.99, где, как я уже говорил, я был зрителем радиомаяка и жил в полном одиночестве, если не считать мою козу Ренату, Парк находится всего на расстоянии двух недель полета. Задание было для меня, если не говорить о

покойнике, просто пустяковым. А что деревья — убийцы, в это я не верил.

Должен признать, однако, как человек, впервые попавший на эту планету, что не все в этих деревьях внушало доверие. Удивляли, например, их движения. В тот день не было никакого ветра, ни малейшего дуновения. Воздух был свежим, но совершенно неподвижным. И все же ветви деревьев шевелились. Одна ветка — тут, другая — там, третья — у меня за спиной, да еще со скрипом, от которого я невольно вздрагивал и оборачивался. Вы понимаете? Колыхалась не вся крона деревьев, а только одна или две ветки, будто кто-то управлял ими. Ветки шевелились все больше и больше — по мере того, как я углублялся в чащу леса, направляясь к тому месту, где должен был найти останки ученого, который, как уверяли его товарищи по экспедиции, был убит... деревом. Ударами ветки по голове. Иными словами, палкой. Будто какое-то разгневанное существо в этом дереве управляло его ветвями, как руками.

Рената молча следовала за мной. Она явно была чем-то обеспокоена. Странно было уже то, что она не останавли-

валась на каждом шагу, чтобы пощипать траву, густую, сочную, покрытую росой, и не рвала листья кустарников. Ну а затем получилось совсем удивительное дело. Согласитесь, вы наверное никогда не отказывали себе в удовольствии, придя в лес, сломать первую же попавшуюся ветку и сделать из нее палочку? И я тоже. И даже на планете Парк. Но едва я протянул руку к ветке, которую надумал сломать, как Рената оттолкнула меня таким сильным ударом, что я еще раз убедился в крепости ее рогов.

— Ты что? — рассердился я.

Рената, разумеется, не ответила. Она внимательно смотрела куда-то в сторону. Проследив за ее взглядом, я увидел труп. Мне оставалось только зажать нос и засунуть жалкие останки в гигиенический мешок. На все это понадобилось несколько минут, и все это время ветки над моей головой шумно, с необъяснимым волнением метались в разные стороны. А ветра, как я уже говорил, не было.

Возвращаясь к звездолету, я часто останавливался и снимал на кинопленку этот необыкновенно красивый лес. Не стану его описывать. Я вам сейчас покажу его. Вот эта пленка, которую я снял. Садитесь сюда, на диван, так лучше будет видно...

— ...Видели? И что-нибудь поняли в этом красивом пейзаже? Заметили что-нибудь странное в этих движениях? Ничего, не так ли? Вот точно так же и я ничего не понимал каждый раз, когда смотрел эту пленку. А смотрел я ее очень часто, смотрел как замороженный. И не понимал. Но она всякий раз снова и снова будила мое любопытство, волновала и тревожила. Но я так ничего и не понял.

Однажды прилетел ко мне на астероид профессор Де Мауро. Да, да, знаменитый лингвист. Откуда он летел и куда направлялся, я сейчас уже не помню. У него испортился передатчик, а он знал, что у меня можно найти запасные части. Пока техники чинили передатчик, я показал профессору некоторые свои пленки, которые снял во время космических путешествий. Среди них была и эта, снятая на планете Парк. И если я скажу вам, что он подпрыгивал на стуле от восторга, то вы уж, пожалуйста, поверьте мне. Он прыгал так, как и Ренате не снилось. Он просмотрел эту пленку десять раз подряд и при этом что-то торопливо записывал, что-то бормотал и странно жестикулировал, что-то рисовал, рвал нарисованное и снова хватался за карандаш.

— Да вы отдаете себе отчет,— закричал он наконец,— что вы открыли?

— Нервные деревья,— попытался сострить я.

— Говорящие! — поправил меня профессор.— Говорящие деревья! Они объясняются жестами, с помощью ветвей. Совершенно необыкновенный феномен бессловесного общения! Смотрите, смотрите внимательно! Давайте пленку еще раз, сначала!

Я включил проектор. И профессор — пусть меня хватит удар! — каждый раз, когда шевелилась какая-нибудь веточка... переводил мне ее слова.

— Они говорят, что вы их друг, потому что уносите их врага... что Рената очень симпатичное существо, потому что не убивает траву... что враг убил ветку, чтобы сделать себе палку... что вы улетите на дереве, которое летает...

— А вы не придумываете все это? — не удержался я.

Лучше бы я этого не говорил. Он остался на моем астероиде еще на три дня и все время объяснял мне жесты говорящих деревьев, двигая руками, как ветвями! Словом, он обучал меня тому, что, по его мнению, было алфавитом планеты Парк. Я был уже без сил, а техники звездолета, которые видели, как мы с ним с утра до вечера машем руками, словно сумасшедшие, только посмеивались, конечно. Я был рад, когда они улетели. Профессор Де Мауро попрощался со мной на языке говорящих деревьев, а я только помахал ему, как обычно, рукой — чао!

Вам известно, конечно, что потом профессор возглавлял экспедицию на планету Парк и привез оттуда полный словарь языка растений. Но вы не знаете — потому что этого никто не знает,— что первым человеком, который разговаривал с деревьями планеты Парк, был я. До сих пор я еще никогда никому не говорил об этом. А тогда... Я не мог забыть того, что происходило на планете с деревьями, а мысль о них не давала мне покоя. И однажды, когда я пролетал поблизости, что-то побудило меня сделать там остановку. Я пошел в лес. Деревья были совершенно недвижны. Я быстро перебрал в памяти уроки профессора Де Мауро и затем, решив окончательно разобраться в этом деле, сложил жестами следующие слова: «Люди и деревья — друзья».

И тотчас же ветки деревьев зашевелились, и я прочел в их движении ответ: «Рената тоже наш друг».

Космические Пауки

Да, я хорошо помню тот год, когда всех охватил страх перед пауками — так называемыми Космическими Пауками. Помню, потому что как раз тогда моя коза Рената дала зеленое молоко. Но не из-за Пауков. Это другая история. Про зеленое молоко я расскажу как-нибудь в другой раз. А сейчас я говорю о панике, которая охватила всю Солнечную систему после того, как сначала один, потом другой, а затем и третий звездолет исчезли с полпути так, словно их никогда и не было. Только что пилот разговаривал по радио с Землей, с Сатурном или с моим радиомаяком на астероиде X.99, а уже минуту спустя без всякого предупреждения связь прерывалась, и звездолет исчезал. Нет, не на всех направлениях. Они исчезали только в направлении Альдебаран-2. Так же совершенно бесследно исчез и один крейсер военно-морского флота.

Вы, журналист, можете себе представить, какой шум подняли газеты на всех языках Вселенной. Впрочем, события были куда более впечатляющие, чем заголовки газет. Космическая навигация в ту пору была развита очень хорошо. Уже полвека по крайней мере спокойно, без малейшего риска совершались межпланетные перелеты во всей нашей зоне Галактики. И вдруг эти катастрофы...

Но еще больший ужас охватил всех, когда профессор Фэйнштейн, мозг номер один Объединенных Планет, заявил, что звездолеты попали в своего рода огромную магнитную ловушку.

— Нечто,— сказал он,— вроде паутины площадью двести или триста миллионов квадратных километров.

Всех, конечно, поразило слово «паутина». Раз есть паутина, значит, должны быть и пауки. Что же это за Космические Пауки, которые плели свои сети между звездами, чтобы ловить, как мушек, наши гигантские, великолепные космические корабли? Тут же появились на свет самые разные невероятные гипотезы.

Один старый ученый вспомнил, что в молодости во время своих экспедиций слышал разговоры о какой-то планете, населенной разумными пауками, которые плели электрические сети. Может быть, они настолько эволюционировали, что пытаются теперь захватить космос... Ими руководил какой-то Гитлер с Млечного Пути... Эра Пауков должна прийти на смену Эре Человека...

Все это была пустая болтовня, разумеется. Но огромная магнитная паутина оставалась несомненным фактом.

А в один прекрасный день точно так же, как исчезли, пропавшие звездолеты вдруг прибыли в места назначения. Их капитаны не смогли дать никаких объяснений. По их мнению, полет проходил совершенно нормально. Ничего особенного не происходило... А где же они были так долго и почему не давали знать о себе? «Так долго?» — с изумлением спрашивали капитаны. Очевидно, в их времени случился какой-то провал. Должно быть, они соскользнули, не заметив этого, в другую Вселенную. В другое времяизмерение. Неплохой ребус!

Между тем профессор Фэйнштейн продолжал утверждать, что паутина существует. А через сутки он вдруг сообщил, что ее больше нет. Ее «сняли», сказал он, как снимают белье с веревки, когда оно высыхает... Голову можно потерять от всего этого.

Во всяком случае, прежде чем снова открыть рейсы в направлении Альдебаран-2, надо было кого-то послать туда посмотреть, что же там происходит. Лететь поручили мне. Страшно? Нет, нисколько. Раз Пауки, кто бы они ни были, вернули звездолеты, значит, у них нет плохих намерений. Но с незнакомцами не шутят. Мурашки по спине все же пробегали.

Ну вот я и лечу. Недели через две добираюсь до зоны, где была паутина, прочесываю ее вдоль и поперек. И не вижу ничего, кроме обычного безвоздушного пространства со сверкающими звездами. Сообщаю на Землю свои наблюдения, получаю приказ вернуться, и как раз в этот момент что-то толкается в мой звездолет. Мягкий такой толчок, но настойчивый. Что-то стучит. А, вот что! Вижу нечто вроде бутылки... Чье-то послание? Шутка? Или случайная бутылка, выброшенная за борт каким-нибудь неряшливым космонавтом?

Ладно, буду краток. Тем более что вы знаете эту историю. И послание, которое было в бутылке, вот оно, в рамке под стеклом. Мне оставили его на память. Но сначала ученые перевели его. Смотрите, вот что там написано: «Уважаемые Галактики, просим извинить за беспокойство. Пишут вам жители из параллельной Вселенной. Мы очень любим играть в «морской бой». Без всяких недобрых намерений мы нарисовали нашу карту морского боя в той зоне вашего космического пространства, которая казалась нам пустой, а на самом деле там, оказывается, проходят маршруты ваших звездолетов. Некоторые из

наших ударов вынудили их отклониться в нашу часть космоса. Мы спешим вернуть их вам и передвигаем паутину в другое место. Синьор учитель очень строго отчитал нас и в наказание заставил сто раз написать в наших тетрадях: «Мы должны уважать параллельные Вселенные!» С глубоким уважением. Джулэ, восемь лет. Пьерэ, семь лет».

Бутылка хранится в Межгалактическом Центре Научных Исследований, где ученые уже давно ведут исследования в области электромагнитных полей, но я так и не знаю, открыли ли они что-нибудь. Кстати, вы умеете играть в «морской бой»? Давайте сыграем? Только с бумагой и карандашом. Без всяких там магнитных полей в межзвездном пространстве.

Сигналы в ночи

С помощью ручного управления мне чудом удалось приземлиться на Каме. По моим расчетам звездолет опустился примерно в двухстах километрах от ближайшего города. Я не знал, разумеется, заметили меня камииане или нет и собираются ли прийти мне на помощь. Так или иначе, мне предстояло добираться туда пешком через всю эту огромную степь, в которой я оказался из-за каких-то неполадок в электронном управлении. Даже Ренаты не было со мной — я не взял ее, потому что улетел из дома всего на два дня. Из дома — это значит с моего астероида.

Солнце уже клонилось к закату, а ночь на Каме длится, между прочим, 50 часов. Так что уж поверьте, синьор журналист, что в тот момент мне было отнюдь не весело. Короче, я собрал рюкзак с продуктами, надел на руку светящийся компас и двинулся в путь. Передо мной была степь, как я уже сказал, но не думайте, будто это нечто вроде пустыни, покрытой травой. Растительность тут была невысокая, но богатая. И множество удивительных цветов, каких я никогда раньше не видел, сверкало всеми красками в лучах заходящего солнца. Над цветами кружили какие-то насекомые или что-то похожее на наших насекомых, на пчел например, только немного потолще наших. Я предпочел думать о пчелах, а не об осах — так спокойнее. Одна из них вдруг пулей пронеслась в сантиметре от моего носа, облетела раза два вокруг моей головы и удалилась. Потом прилетели две пчелы. И сделали то же самое. Но вот вокруг меня уже вьется целая дюжина пчел — облетели с ног до головы, словно изучали.

«Ну решайтесь, — посмеялся я про себя, — только я ведь не цветок, от меня вам мало проку».

Когда стемнело, я забрался в меховой спальный мешок и пожелал себе спокойной ночи. Я решил, что продолжу путь позднее, когда станет прохладнее и мне понадобится делать гимнастику, чтобы согреться. Но кто решил за меня иначе. Я лежал на боку и смотрел в темноту, как вдруг совсем близко, примерно в метре от себя, увидел рой каких-то светящихся точек. Рой быстро увеличивался, и вот уже около меня кружат сотни, тысячи светлячков! Внезапно их безудержный, беспорядочный танец прекратился, и на мою голову опустился большой светящийся шар. Его образовало, должно быть, не менее ста тысяч насекомых. Но это были не светлячки. Это были пчелы. Некоторые из них, оторвавшись от шара, продолжали танцевать, и я мог хорошо рассмотреть их. Это действительно были пчелы, только они излучали свет в десять раз более яркий, чем исходит от наших обычных светлячков. Долгие ночи на Каме, должно быть, вынудили этот вид насекомых позаботиться о собственном освещении, чтобы выжить. А шар? И почему именно на моей голове? Очевидно, это какой-то сигнал, и предназначен он только мне.

Я заинтересовался еще больше и привстал. Шар сразу же удалился, оставив меня в полутьме. И в эту полутьму прилетели сотни других пчел. Они опустились на землю, образовав светящийся квадрат. В таком положении они просидели несколько секунд. Потом квадрат как бы сложился пополам и образовался прямоугольный треугольник. В ту же минуту еще группа пчел оторвалась от шара и изобразила квадрат гипотенузы. А следующая группа — квадрат катетов... Пчелы выбрали теорему Пифагора, чтобы передать мне самую главную информацию — передо мной разумные существа. Если б они изобразили с помощью светящихся точек Миланский собор, я бы, наверное, меньше разволновался.

В ответ я нарисовал круг. Пчелы уселись по его окружности, исправив кривизну в том месте, где мой палец был несколько неточен, и добавили радиус и диаметр. Таким образом, наш геометрический диалог продолжался еще некоторое время. Но мои знания очень скоро оказались недостаточными, чтобы успевать за темпом их речи. Пчелы умножали свои фигуры с быстротой и уверенностью, каких у меня, конечно, не было. Короче, я уже не знал, как отвечать на их «реплики». Пчелы, похоже, поняли

это. Они собрались в светящийся шар, словно на совещание. Затем шар рассыпался, тысячи танцующих точек разлетелись во все стороны и тут же составили новый сигнал — стрелку, которая двигалась в воздухе, явно приглашая меня следовать за собой...

Да, я знаю, синьор, камиане очень гордились впоследствии тем, что спасли потерпевшего кораблекрушение землянина от верной смерти на планете, где ночью температура опускается до ста градусов ниже нуля. Но спасли меня пчелы — не камиане. Это они привели меня к входу в бункер, указали кнопку, которую нужно нажать, чтобы раздвинуть стальные двери... Как я узнал впоследствии, подобные бункеры были устроены на этой планете повсюду, чтобы в них могли найти убежище те, кто оказался без укрытия в часы большого мороза. Из бункера можно было пройти в небольшое отапливаемое помещение, где было все необходимое для отдыха и даже радиопередатчик, благодаря которому я смог сообщить о своем местонахождении камианам. Но я ничего не знал о бункере с укрытием — пчелы знали о нем...

Когда я рассказал о пчелах камианам, пришедшим мне на помощь, они словно с облаков свалились. Разумные насекомые? Теорема Пифагора? Светящаяся стрелка? Наверное, мне это приснилось. Пчелы на Каме дают хороший мед, не более... Определенно, у меня была галлюцинация. И я так до сих пор и не знаю, то ли они хотели сохранить свой секрет, то ли в самом деле не ведали, что живут на этой планете рядом с другой цивилизацией. Бывает же порой — живут люди рядом с какими-нибудь чудесами, и никто не замечает их.

Разбой в космосе

Да, синьор журналист, я многие годы жил отшельником на этом астероиде, по названию которого взял свою боевую кличку — Х.99. У нашей Вселенной уже мало осталось от меня секретов. Я знал миры, которые были гораздо более развиты, чем наш, и знал другие, очень отсталые миры. Я познакомился также и с одним очень редким сочетанием прогресса и отсталости.

Видите вот эту штуку, похожую на грецкий орех? Это излучатель изображений. Нечто вроде телевизора, только в сто раз совершеннее, чем наш. Стоит ему заработать, как начинают происходить самые невероятные вещи. Я, к сожалению, не знаю, как он включается. Его много

лет изучают в Академии наук, но никто так ничего и не понял. Я храню его просто как сувенир. Но я видел, как он работает. Черт меня подери, если я не видел этого...

Однажды приземлился на моем астероиде звездолет. Из него вышли такие странные существа, каких я еще никогда не встречал на наших планетах. Это были люди, но казалось, что они сделаны только из проводов. Понимаете? Из разноцветных проводов. И походили они на детские рисунки. А общались друг с другом мысленно. И со мной тоже. «Вы не волнуйтесь, не беспокойтесь,— сказали они,— вам нечего бояться. Если вы не повинуетесь нашим приказам, мы вас просто аннигилируем. Согласны?»

— Согласен.

Ну да, а что еще я мог ответить в такой ситуации? У одного из них была вот эта штука, этот орех. Он положил его на стол, что-то сделал с ним, покрутил, повертел. И вот в комнате прямо из ничего появились еще три подобных им существа. Как я узнал потом, это были три президента планеты Нуут, находящейся от нас на расстоянии примерно двух десятков световых лет. Так, во всяком случае, я понял. Не знаю, сумел ли я вам правильно объяснить. Эти трое на самом деле находились на Нуут, во дворце правительства. А их образы — на Х.99, и были при этом абсолютно реальны — живые и объемные, и двигались не на телеэкране, а в пространстве.

Между двумя группами моих гостей — теми, что прилетели, и теми, что были вызваны сюда с помощью ореха,— произошел недолгий разговор. Причем почти все время говорили (мысленно) мои гости — реальные гости.

— Мы, как вы поняли, Пятьдесят Негров. На этот раз мы твердо намерены заставить уважать наши приказы. В вашем распоряжении ровно сутки и одна минута. Ни секундой больше. В течение этого срока вы погрузите все сокровища планеты Нуут на ракету и отправите ее в космос по данному адресу. Если вы этого не сделаете, в следующую секунду мы подожжем атомные запалы, которые размещены на полюсах Нуут, и планета будет уничтожена.

— Мы не можем принять решение, не посоветовавшись...

— Советуйтесь, с кем угодно. Но в течение суток и одной минуты.

— Вы не можете...

— Можем, можем. И без фокусов. До свидания.

И те три президента исчезли. Главварь Пятидесяти Негров сунул орех в карман и рассмеялся. Разумеется, мысленно. Но не просите, чтобы я рассказал вам, как это выглядит. Я знаю только, что все они смеялись и все их проводы танцевали от радости. Вот и все.

Но тут я услышал, что кто-то скребется в дверь. Мои гости встревожились.

— Не бойтесь,— успокоил я их.— Это Рената.

Я открыл дверь. И моя верная козочка впрыгнула в комнату.

— Ты пришла за свежей травой, не так ли? Прости, я совсем забыл.

За столько лет одиночества, проведенного в обществе козы, я давно привык разговаривать с ней, как с подругой. Я повернулся, чтобы достать траву из контейнера... Не знаю, поверите ли вы мне, но дело было именно так. Когда я обернулся, атомные разбойники, высадившиеся на моем астероиде, стояли на коленях и дрожали каждым своим проводком. Они кланялись, простирались ниц, бились

головой об пол и стонали, да, стонали, не мысленно, а по-настоящему. Рената смотрела на них со спокойным любопытством. Она, видимо, не понимала, что является причиной такого испуга. А пришельцы еще минут пятнадцать продолжали стонать, вздыхать, кланяться, биться головой об пол и махать руками. Я, разумеется, ничего не понимал. А из того, что произошло потом, понял еще меньше. Главарь Пятидесяти Негров положил к ногам Ренаты, словно жертвоприношение, свой телевизионный орех. Каждый разбойник вырвал кусочек провода из своего тела и дрожа опустил его на пол. Затем один за другим, пятясь и не переставая стонать, они вышли из комнаты, забрались в свой звездолет и улетели. И больше я их никогда не видел.

Дня через два мне удалось связаться с радиомаяком Нуут. На планете был праздник.

Прошло несколько лет. История эта казалась мне настолько невероятной, что я даже не решился рассказать о ней кому-нибудь. И сделал это только, когда у меня оказался проездом профессор Вир. Знаете, этот знаменитый специалист по космическим нравам и быту, лауреат Нобелевской премии, премии Галактики и так далее. Увидев орех, он очень заинтересовался им.

— Думаю, что он с планеты Нуут,— сказал он.

— Да, с Нуут. Об этой планете мы знаем очень мало. Об одном из моментов ее истории мне кое-что известно,— добавил я и поведал ему историю про Пятидесят Негров.

Когда я дошел в своем рассказе до того места, где появляется Рената и просит траву, профессор расхохотался.

— Смейтесь, смейтесь,— вздохнул я.— Уверю вас, в тот момент мне было совсем не до смеха.

Он объяснил мне, в чем дело. Оказывается, для жителей Нуут коза — символ богини справедливости. Вот так. Можно себе представить испуг разбойников, когда они увидели перед собой эту грозную богиню в самый ответственный момент своей преступной затеи. А теперь вы мне скажите, что вы думаете о планете, которая достигла такого невероятного технического прогресса, что создала этот орех, и в то же время считает козу своим божеством?

Новогодний подарок

Жил-был на свете один синьор, который очень любил ребят. И вот однажды отправился он покупать игрушки, чтобы подарить их на Новый год своим детям и внукам... Впрочем, не будем затягивать рассказ — этим синьором был я сам. Иду я, значит, по магазинам, вздыхаю у каждой витрины и, чем дальше иду, тем больше теряюсь. Ведь я вышел из дома с гордым намерением купить детям те игрушки, о которых сам мечтал, когда был маленьким, и которые мне так никто и не подарил. Но игрушек этих нигде не было. Наверное, их запрятали куда-нибудь подальше, под лестницу например, где они лежат и пылятся. А на виду, на самом видном месте во всех магазинах лежали новые игрушки, для меня совершенно загадочные. Я не понимал, что они собой представляют, как действуют и вообще, что в них интересного. Наверное, прежде чем отправляться за покупками, мне следовало бы прослушать курс лекций о современной игрушке, и особенно об электронной. Но разве есть где-нибудь такие школы, где папы и мамы, бабушки и дедушки могут получить в этой области столь необходимые сведения и узнать, чем интересуются их дети и внуки, растущие в век атома и имеющие дело с международной индустрией игрушки?!

— Идите-ка сюда! — услышал я вдруг чей-то негромкий голос. — Идите! Что стоите там, пуская корни на тротуаре?!

Голос принадлежал маленькому человечку, выглянувшему из низенькой, темной лавочки, у которой и витрины даже не было. Кто знает, как долго я стоял тут, напрасно проблуждав целый день по магазинам, и кто знает, как давно изучал меня этот странный гомункул, улыбавшийся из-за стекол своих огромных очков. Все остальное на его лице было очень маленьким — глаза, нос, рот, усики, острая черная борода.

— А вы что, продаете игрушки? — удивился я.

— Может быть, — ответил он, — если кто-нибудь захочет купить, продам.

— Ну покажите.

Я вошел в конуру, где едва умещались две деревянные скамейки и небольшой шкафчик, на полках которого лежало несколько миниатюрных коробочек.

— Простите, но я не вижу тут игрушек!

— Сейчас увидите.

Человек взял одну из коробочек и извлек из нее какой-то прибор, который я принял поначалу за обычный пульт дистанционного управления телевизором — такие же кнопки для включения и выключения, для перехода с канала на канал, регулировки звука и настройки цвета.

— Ну, эта штука есть теперь в каждом доме, — разочарованно протянул я. — Уж не думаете ли вы, что этим можно удивить хоть кого-нибудь из ребят?

— Не верите? — улыбнулся человек. — Нажмите какую-нибудь кнопку. Номер двенадцать, например.

И в тот момент, когда я просто так, из любопытства нажал эту кнопку, мне показалось, что в улыбке его промелькнуло что-то коварное. Но уже...

...Но уже и человек, и лавчонка, и тот уголок Рима, где она находилась, — все, что только что окружало меня, исчезло. Я, правда, по-прежнему сидел, но не на деревянной скамейке, а в шезлонге, стоявшем на верхней палубе какого-то белого парохода, и пароход этот шел по широкой величавой реке, с берегами, заросшими густым лесом.

«Разве по мелководному Тибру стали ходить пароходы?» — подумал я. Но тотчас же понял всю нелепость своего вопроса. По берегам Тибра высились дворцы и соборы, а вовсе не лес, как здесь. Какой-то моряк направился ко мне с подносом, на котором я увидел бутылку минеральной воды и стакан.

— Вы уверены, гражданин, что вам не нужно сто граммов водки? — спросил меня моряк, ставя поднос на столик.

— Нет, спасибо, я никогда не пью никаких алкогольных напитков, — ответил я.

И, только сказав это, я вдруг понял, что моряк говорит со мной по-русски и сам я тоже разговариваю по-русски, а на бутылке видна этикетка знаменитой русской минеральной воды. Впрочем, и лакированный разрисованный столик и стоявший на нем черный, с крупными яркими цветами поднос были теми великолепными образцами русского прикладного искусства, которые теперь можно купить и в Риме, в больших магазинах.

Хотел бы я знать, куда же я все-таки попал? Словно в ответ на мой вопрос, левый берег реки, густо поросший темными елями и белыми березами, стал плавно подниматься, пока не взбежал к холму, на вершине которого

стояла в окружении деревьев типичная русская церковь с куполами-луковицами. Когда церковь проплыла мимо, берег так же медленно и лениво опустился. Затем река сделала несколько крутых поворотов, и я увидел раскинувшееся вдоль берега село с деревянными одноэтажными домиками. А еще через несколько минут пароход, не останавливаясь, прошел мимо причала, на котором можно было прочесть название: «Мышкино».

Мышкино... Мышкин? Разве не так звали молодого человека, чистейшей души князя, которого великий Достоевский сделал героем своего романа «Идиот»? Но если существует на свете село с таким названием, то оно может быть только в России... Вот, оказывается, где я нахожусь. А река, по которой я плыву, это Волга!

Так размышлял я, растерявшись и разволновавшись, как вдруг снова появился моряк, что принес минеральную воду. Видимо, пришло время собрать воедино все мои скудные познания в прекраснейшем русском языке и спросить, что же будет дальше.

— Какая следующая пристань? — поинтересовался я.

— Рыбинск, — ответил моряк, — а завтра будем в Казани, послезавтра в Ульяновске, бывшем Симбирске. Потом еще три дня пути, и придем в Астрахань.

«Ага, — заключил я мысленно по-итальянски, — выходит, сейчас мы в верховьях Волги. А вот что будет со мной дальше, пожалуй, лучше не спрашивать ни у этого славного моряка, ни у его капитана, ни у солдат, что поют на нижней палубе, ни у этой хорошенькой девушки, что рассматривает берег в бинокль...»

— Ну как? — окликнул меня человек, потирая руки. Я опять сидел в его странной лавочке в Риме. — Простите, что я так быстро вернул вас обратно. Мне очень хотелось, чтобы вы познакомились и с другими возможностями этой игрушки, прежде чем купить ее.

— Но что это... Что за чертовщина произошла со мной?

— Никакой чертовщины, синьор. Вы просто поменяли канал. Хотите побывать еще где-нибудь? Что вам больше по душе — Азия или Африка? Или, быть может, Австралия? Выбирайте, пожалуйста.

— Ладно, — пробормотал я ошеломленно, — где кнопка, чтобы попасть в Нью-Йорк?

— Номер семь, синьор.

— А возвращение зависит только от вас?

— Ну что вы! Взгляните сюда: нужно только нажать вот эту кнопку, на которой видна маленькая буква «о» — обратно. Приятного путешествия!

Да-да! Через несколько мгновений я уже созерцал панораму Нью-Йорка с крыши небоскреба «Эмпайр стейт билдинг». На обратном пути я снова заглянул в Рим, в лавочку этого человечка, а потом отправился дальше — в Сингапур, оттуда в Буэнос-Айрес, затем в Бомбей...

— Все понятно! — сказал я человечку. — С помощью обычного пульта дистанционного управления я меняю программы на экране своего телевизора, сидя в кресле у себя дома. А с помощью этого устройства я сам перемещаюсь с канала на канал, из одного места земного шара в другое. Но это... Это же... А почему, собственно, я ничего не слышал об этом до сих пор?

— Что вы хотите, — ответил человечек, — пока что только я один изготавливаю эту игрушку, и к тому же я терпеть не могу рекламу. Но скоро, вот увидите, японцы скопируют ее у меня. И тогда она заполнит все витрины, как теперь они ломятся от электронных игрушек с надписью «Мейд ин Джапан» («Сделано в Японии»).

— Возможно, — согласился я, — возможно. Но пока что я должен вам сказать, что эта ваша игрушка — просто чудо! Вы только представьте, как она поможет детям изучать географию!

— Ну если в этом смысле, то она с таким же успехом поможет им изучать и историю.

— Не станете же вы уверять, что...

— Ну да, именно это я и хочу сказать. Больше того, я сейчас продемонстрирую вам это. До сих пор вы перемещались по пространственным каналам. Но если сдвинуть вот этот рычажок, то прибор начнет работать на временных каналах.

— Машина времени?

— В каком-то смысле... Хотите попробовать? В какую эпоху вам хотелось бы перенестись?

— Гм... — я задумался. — Знаете, прежде чем выйти на пенсию, я преподавал в школе латынь. Я не отказался бы от личной встречи с Юлием Цезарем — ведь я столько заставлял детей переводить его бессмертные произведения, столько раз объяснял им их.

— Что касается меня, я предпочел бы увидаться с Горацием, который умел наслаждаться жизнью... Но если вы хотите видеть Цезаря, пусть будет по-вашему...

Не стану рассказывать, каким образом я оказался в античном Риме как раз в тот самый год, в тот день и час, когда фанатичные злоумышленники предложили Цезарю императорскую корону.

— Цезарь! — закричал я что было сил (по-латыни, разумеется). — Не надо рисковать! Откажись! Они погубят тебя!

— Что ему нужно? — спросил Цезарь у Брута, стоявшего рядом с ним.

— Наверное, корону! — коварно хихикнул Кассий.

— Цезарь! — снова закричал я. — Смотри, они предадут тебя. Они уже наточили кинжалы. И ждут только мартовских ид.

— Что он такое говорит? И что за ужасная латынь! — рассердился Цезарь.

Когда я услышал, как ругают мою латынь — а ведь я сорок лет надрывал себе горло, обучая этому языку детей, — у меня перехватило дыхание, и я не смог ответить диктатору. А он между тем, смеясь, удалился со своими приближенными. Ко мне подошли центурион и три или четыре легионера с мечами в руках.

— Так это тебе нужна корона? Хочешь стать римским императором? — спросил один из них. — Не возражаем, но сначала тебе придется отдать нам свою голову, чтобы мы могли украсить ее короной.

Говоря так, он занес надо мной руку с мечом. И мне не оставалось ничего другого, как нажать кнопку возврата в наш век.

— Я вижу, вы взмокли,— заметил человечек.— Жарко было в античном Риме?

— Я покупаю эту игрушку,— ответил я, вставая.— Покупаю и беру назад все, что говорил до сих пор по поводу слишком заумных игрушек. И отказываюсь от лошадок-качалок и кукол.

— Подождите, не спешите,— ответил человечек.— Прежде чем покупать игрушку, вам ведь надо научиться управлять ею. Пока же вы познакомились только с пространственными и временными каналами. А не хотите ли заглянуть в будущее?

— Ах, да, я как раз хотел спросить — тут есть и такой канал?

— Разумеется, и, кроме того, еще межпланетный. Я дам вам руководство по управлению. А пока не хотите ли слетать на Марс или Венеру? А из созвездий какому вы отдаете предпочтение?

Конечно, у меня было любимое созвездие, и я захотел посмотреть вблизи на большую красную звезду Антарес, которую еще мальчиком выбрал себе путеводителем. Потом я некоторое время побродил по кольцам Сатурна, добрался до края нашей Галактики и взглянул на другие миры. Достаточно было только нажать кнопку, и световые годы начинали скользить у меня под ногами, словно ковер.

Да, я увидел Землю такой, какой она будет в 200-тысячном году, но я ничего не скажу о том, что увидел. Тому, кто читает детектив, не раскрывают раньше времени имени преступника.

Когда же я вернулся в наш век, то окончательно влюбился в эту игрушку, обладавшую таким необыкновенным могуществом.

Если она стоит не слишком дорого, решил я, то куплю ее и для Паоло, и для Чечилии, и для Луки, и для Моники... И одну для себя! Такая игрушка может пригодиться и преподавателю латыни, вышедшему на пенсию.

— Итак,— обратился я к человечку,— подойдем к финишу, то есть к цене.

— Подождите, синьор, тут есть еще команды, с которыми вы незнакомы.

- Неужели? Не может быть!
- Особенно важно познакомить вас с одной из них.
- Я весь внимание!
- Так вот, видите вот этот глазок фотоэлемента?

И эту маленькую желтую кнопку внизу слева?

- Вот она. Желтая. Внизу слева.

— А теперь направим этот глазок в сторону вон той картины на стене.

Тут я заметил, что на стене в глубине лавки висит картина, впрочем, даже не картина, а какая-то грубая олеография, из тех, что изображают обычно сцены из опер.

- Что это, «Трубадур»? — спросил я.

— Нет, нет, «Трубадур» тут ни при чем. Разве не узнаете? Это же первый акт из оперы «Мефистофель».

- Ах да, вы правы. Ну и что?

- А вот что.

Человечек направил прибор в сторону картины, и она исчезла. Вместо нее на стене осталось лишь блеклое пятно.

— Потрясающе! — воскликнул я. — А можно вернуть картину?

— Конечно! — ответил человечек. — Достаточно нажать вот эту зеленую кнопку внизу справа.

Он нажал ее, и картина вновь оказалась на своем месте.

- Поразительно! А где она пропадала?

- В каком смысле — где?

— Ну куда она девалась, куда улетала? На другой канал?

— Наверное, — ответил человечек, пожав плечами. — Не все ли равно, где она была? Если мне хочется, чтобы она исчезла, она исчезнет. Хочется, чтобы вернулась, — возвратится.

— Гм... — растерянно промычал я. — И так можно поступить с любым предметом?

- Конечно. Иначе игрушка ничего бы не стоила.

— И... с людьми тоже можно проделывать такой фокус? — робко поинтересовался я.

— Разумеется, — смеясь, ответил человечек. — И это самое интересное!

— Понимаю. Конечно, понимаю, что это самое интересное. Но знаете, поскольку речь идет об игрушке, которую дарят детям...

— Ну и что? Вы думаете, у детей никогда не возникает желания от чего-то или от кого-то избавиться?

— Видите ли, если бы речь шла только о «чем-то», я бы не очень беспокоился. В худшем случае Паоло, когда не захочет есть овощной суп, уберет его со стола и, разумеется, не подумает вернуть обратно. А Моника — так та начнет регулярно отправлять подальше шпинат. Вы ведь, конечно, знаете, что дети вообще не любят шпинат.

— Значит, долой шпинат!

— Да, долой шпинат. А мама...

— Мама решит, что с некоторых пор Моника съедает свой шпинат со сверхзвуковой скоростью, и будет довольна.

— Нет, я хотел сказать другое. Представьте, что Моника рассердится на маму и, как только та отвернется, отправит на другой канал и ее.

— Ну и что? Когда она соскучится по маме, то вернет ее простым нажатием кнопки.

— А представьте, что отец Луки даст своему сыну хороший подзатыльник, как это бывает иногда, и Лука вместо ответа нажмет желтую кнопку внизу слева.

— Отец Луки исчезнет,— засмеялся человечек,— и Лука воскликнет: «Уф!» Скажите, а вам нравились подзатыльники, чаще всего несправедливые, которыми награждал вас в детстве отец?

— А потом,— продолжал я, не отвечая на его вопрос,— Лука пойдет в школу, и ему наскучит учительница, он отправит ее ненадолго в ссылку на другой канал, до тех пор пока не почувствует, что опять может терпеть ее присутствие...

— А вы представляете,— прервал меня человечек,— сколько ненужных неприятностей доставляют детям слишком строгие и назойливые взрослые?

— А вы понимаете,— настаивал я,— что ваше телеуправление в руках детей — это невиданное террористическое оружие?

— Какое же это оружие! — рассердился человечек, стукнув кулаком по столу.— При чем тут терроризм! Телеуправление не ранит и не убивает, не причиняет контузий. Даже царапины не оставляет. Безвреднее, чем укус мухи! Оно заставляет исчезнуть, а не умереть. И с такой же легкостью возвращает обратно.

— Смерть и воскрешение гарантированы! — усмехнулся я.

— Для ребят эта игрушка будет своего рода оружием справедливой самозащиты.

— Браво! — воскликнул я. — И они буду развлекаться, изображая сироток, брошенных в лесу, будут устраивать в школе одни перемены, отправят в никуда книги, парты, тетради, классные журналы с плохими отметками по поведению, а заодно и учителей...

— Вам, я вижу, такая перспектива не по душе? Вы случайно не из тех педагогов, которые призывают вернуться к розгам?

— Оставим педагогику, — возразил я. — Вы лучше объясните мне, куда деваются люди, которых эта игрушка заставляет исчезать, пусть даже временно. На другой канал, вы говорите? А на какой? В нашей Галактике или подальше? В наши дни или в доисторические времена, к канныбалам?

— Ответить на этот вопрос совсем несложно, — успокоился человек. — Пойдемте со мной.

Мы вышли на улицу и оказались недалеко от Пантеона. В нескольких метрах от нас регулировщик уличного движения управлял потоком транспорта.

— Вот это вполне подходящий для нас объект, — сказал человек.

И, прежде чем я успел помешать ему провести эксперимент на живом человеке без его согласия, он направил игрушку в сторону регулировщика, и тот исчез.

— Вы с ума сошли! — вскричал я. — Хотите, чтобы произошла дорожная катастрофа?

— Нам достаточно нескольких секунд. Вот смотрите, прошло пятнадцать. И я возвращаю регулировщика на место. Видите, он цел и невредим, как прежде. И свисток, и шлем — все на месте. А теперь спросите у него, где он был эти пятнадцать секунд.

Я бегом, рискуя попасть под автобус, пересек дорогу, схватил регулировщика за руку и с волнением обратился к нему:

— Извините, вы не могли бы сказать мне, где вы были минуту назад?

— Что?

— Вас не было тут несколько секунд. На каком канале вы находились?

— Послушайте, имейте совесть! Я стою здесь уже четыре часа, потому что забыли прислать мне замену, а вы пристааете ко мне с каким-то телевидением. Уходите, не то я оштрафую вас!

Бесполезно было разговаривать с ним.

— Может быть, — сказал я человеку, возвратившись

с ним в лавку, — его отсутствие было слишком кратким, нечто вроде легкого обморока, небольшого провала в памяти? Он ведь ничего не помнит.

— Вот видите! Он даже не заметил, что отсутствовал. А вы беспокоитесь о школьных учителях! Ясно же, что исчезновение, вызванное телеуправлением, — это как бы пауза во времени и пространстве. Нечто такое, что совершенно безболезненно и не оставляет никаких следов.

— Возможно, — пробормотал я, — и все же эксперимент не представляется мне убедительным на все сто процентов.

— Господи, какой же вы зануда! Давайте повторим опыт!

— И регулировщик оштрафует нас или отведет в участок.

— Нам для опыта не нужны ни регулировщики, ни пожарные. Достаточно, что здесь перед вами я. Вы отправляете меня на несколько минут в никуда — только не дольше, потому что уже темнеет, — возвращаете обратно, и я подробно расскажу вам, где был.

— Пожалуй, это неплохо придумано.

— А потом вы покупаете игрушку без всякого опасения. Согласны?

— Согласен. Давайте ее сюда.

— Держите. И смотрите не ошибитесь — желтая кнопка для исчезновения, зеленая — для возвращения.

— Не ошибусь! Теперь я знаю этот аппарат, как свои карманы.

— Подождите, я подам вам сигнал. Позвольте, сначала я высморкаюсь и причешусь. Не хотелось бы появляться там — наверху или внизу — в неопрятном виде. Ну вот, я готов. Вы тоже? Раз, два, три...

При слове «три» я нажал кнопку, и человечек исчез. На его месте осталась пустота.

И в тот момент, когда я смотрел на пустую лавку, в моем сознании отчетливо возникла мысль, что именно мне надлежит спасти мир от неминуемой опасности, которая ему угрожает: от меня зависит спокойствие и безопасность тысяч, а может и миллионов, мам и пап, бабушек и дедушек, тетюшек и дядюшек, товарищей по играм и учителей, которым могло угрожать внезапное исчезновение, если дети, получив такую игрушку, найдут их скучными или же просто несимпатичными. Только я мог спасти от исчезновения бог весть на каком канале огромное количество преподавателей итальянского языка и математики, на

которых ученики могли нацелить свои игрушки за минуту до того, как их вызовут к доске. Только я мог гарантировать стабильность на планете множеству полицейских, отбирающих у ребят мячи и рогатки или штрафующих за нарушение правил уличного движения. Конечно, при этом я невольно оставлял детей безоружными в этом мире взрослых, которые так плохо понимают их фантазии, их нужды, не умеют помогать им расти и относятся к ним без всякого уважения, как к безмозглым и бесправным щенкам. Но разве можно изменить жизнь по команде, даже если она дистанционная и электронная? И разве таким способом — отправив кого-то в никуда — можно улучшить мир? Тогда нужно было бы голосовать за атомную бомбу...

И я тут же принял решение. Я направил глазок фотоэлемента на коробочки, в которых находились опасные игрушки, и отослал их на невидимые каналы, туда же, куда отправил их создателя.

«Я не знаю, где ты сейчас находишься,— мысленно обратился я к человечку.— Думаю, ты чувствуешь себя неплохо, как и я, когда плыл на пароходе по Волге или летал на звезду Антарес. Но не надейся, что я нажму зеленую кнопку внизу справа, чтобы ты вернулся и продолжал делать эти удивительные игрушки. Оставайся там, где ты есть, по крайней мере несколько лет. Считай, что у тебя каникулы после всех трудов на этой земле! Я не убил тебя, а только отправил на другой канал. Чао!»

Я положил игрушку в карман, а потом спрятал в таком месте, где никто никогда не сможет найти ее без моей помощи. На другой день я вышел из дома и снова отправился искать подарки своим детям и внукам. Но я не пошел в сторону лавки того гомункула, дабы не подвергать испытаниям доброту моего сердца и не вернуть этого маленького Мефистофеля на наш канал.

Мисс Вселенная с зелено-венерианскими глазами

Кто такая Дельфина? Бедная родственница синьоры Эулалии Борджетти — той самой, которая держит химчистку на Канале Гранде в Модене. Софрония и Бибиана, дочери вдовы Борджетти, немного стыдились своей двоюродной сестры, которая вечно ходила в поношенном сером халате и без конца чистила замшевые куртки, гла-

дила брюки и рубашки. Между собой сестры называли ее «эта замарашка». Мать взяла ее в дом из милости, а также потому, что работала она за двоих и налог за нее платить не надо было — родственница.

Случалось порой, что и у сестер просыпались какие-то добрые чувства, и тогда они брали ее с собой в кино, где покупали ей самый дешевый билет в самый последний ряд.

— Они такие добрые, мои девочки! — говорила синьора Эулалия, внимательно следя за Дельфиной — вдруг она возьмет еще кусочек фаршированной свиной ножки.

Но Дельфина и не думала брать еще кусочек. И пила воду, а не сок. А из фруктов ела только самые дешевые яблоки, а не мандарины. И она же мыла посуду после обеда, пока Софрония и Бибиана ели шоколадные конфеты. И еще она же ходила в церковь, потому что должен ведь хоть кто-нибудь из семьи ходить туда.

А на грандиозный бал по случаю избрания президента республики Венера Дельфина не поехала. На бал отправились на космическом корабле торговой палаты Софрония и Бибиана с тетушкой Эулалией. На других кораблях на Венеру полетела половина жителей Модены и, наверное, половина Европы. В небо взлетели сотни космических кораблей с пылающими, как у ракет, хвостами.

Дельфина слыхала, что праздничные балы на Венере просто великолепны. На них слетаются юноши и девушки со всего Млечного Пути. Оранжеда¹ и мороженого там сколько угодно. И все бесплатно!

Дельфина постояла у двери, повздыхала, завидуя счастливым, и вернулась в химчистку. Ей нужно было привести в порядок платье синьоры Фольетти, которое та наденет завтра, когда пойдет в оперный театр на «Золушку» Россини. Чудесное платье, черное, с золотым и серебряным шитьем, — ну прямо звездная ночь! Однако на бал синьора Фольетти это платье надеть не может — она уже была в нем два месяца назад на балу по случаю избрания другого президента Венеры. На этой планете то и дело меняют президентов, чтобы почаще устраивать празднества.

Дельфина решила (ошибочно, но она еще этого не знала), что ничего — ни плохого, ни хорошего — не случится, если она примерит это красивое платье. Оно прекрасно сидело на ней! И зеркало подтвердило это, лукаво

¹ Оранжед — шипучий апельсиновый напиток.

подмигнув ей. Кружась в танце, Дельфина выскользнула за дверь. Улица была пустынна, и Дельфина стала танцевать на тротуаре. Вдруг послышались чьи-то шаги и голоса. О боже, куда бы спрятаться! Неподалеку стоял небольшой семейный космический корабль. Он назывался «Фея-2», и люк у него оказался открытым. Дельфина забралась в корабль и спряталась на заднем сиденье. Ах, как хорошо было бы взлететь на этом корабле в небо и полетать спокойно от звезды к звезде, без забот и обязанностей, без придирчивой тетушки, болтливых кузин и ворчливых клиентов... Шаги и голоса приближались. Вот они уже совсем рядом! Передний люк открылся, и в корабль сели двое людей. Дельфина узнала их, испугалась еще больше и соскользнула на пол, сжавшись в комочек, чтобы ее не заметили.

— Ой, мамочка! Это же синьора Фольетти! Если она увидит меня в своем платье... — прошептала Дельфина.

— Как бы не опоздать! — сказала синьора Фольетти своему мужу синьору Фольетти, владельцу фабрики запасных деталей для консервных ножей. — И ровно в полночь вернемся обратно. Я хочу завтра утром слетать в Коккокурино за свежими яйцами.

Синьор Фольетти пробурчал в ответ что-то невнятное, зажег спичку и закурил сигарету. В то же время он нажал на стартовую кнопку, и корабль взлетел со скоростью света (плюс два сантиметра в секунду). И еще раньше, чем спичка погасла, «Фея-2» прибыла на Венеру.

Дельфина подождала, пока синьор и синьора Фольетти вышли из корабля и удалились, а затем решила:

— Раз уж я тут, пойду и я взгляну на бал. Народу там будет, конечно, очень много, так что синьора Фольетти наверняка не заметит ни меня, ни своего платья.

Президентский дворец был совсем рядом. Ярko светился миллион его окон. В самом большом зале семьсот пятьдесят тысяч гостей разучивали новый танец «Сатурн». Лучшего места, чтобы потанцевать никем не узнаваемой, и не найти!

— Разрешите пригласить вас, синьорина?

К Дельфине подошел высокий элегантный молодой человек спортивного вида.

— Знаете, я только что прилетела и еще не умею танцевать «Сатурн».

— Но это очень просто! Я научу вас! Этот танец похож на танго-вальс и на самбу-гавот. Видите, танцевать его так же просто, как ходить.

— В самом деле, очень просто! А мы до сих пор танцуем менуэт-твист.

— Вы землянка, не так ли?

— Да, из Модены. А вы венерианин? Это видно по вашим зеленым волосам.

— Но и вас отличает чудесный зеленый цвет. Я бы даже сказал, наш венерианский зеленый цвет. Это ваши глаза!

— Правда? А мои кузины говорят, что глаза у меня цвета цикория.

Дельфина и молодой венерианин станцевали «Са-турн» и еще двадцать четыре других бальных танца. Они остановились, лишь когда умолкла музыка и по громкоговорителю на всех языках Млечного Пути объявили, что через несколько минут президент республики Венера вручит приз самой красивой девушке праздника.

«Вот счастливая! — подумала Дельфина. — Но не пора ли мне бежать к кораблю? Слава богу, еще только половина двенадцатого. Фольетти улетят ровно в полночь. И вернуться я могу только с ними. Снова спрячусь на заднем сиденье». Но тут к ней подошли какие-то два господина в парадных мундирах. Один из них взял ее за руку и повел на сцену. «Это конец! — испугалась Дельфина. — Наверное, синьора Фольетти увидела меня и обвинила в краже своего вечернего платья! Кто знает, куда отправят меня теперь эти венерианские карабинеры?»

А господа в парадных мундирах привели ее прямо на сцену, и кругом раздались аплодисменты. «Какие недобрые люди, — подумала Дельфина. — Радуются, что меня арестовали. Никому и в голову не приходит, что я невиновна».

— Дамы и господа! — прозвучал голос из громкоговорителя. — Слово президенту республики Венера!

Как?! Это президент? Но это же тот самый молодой человек, который весь вечер танцевал с Дельфиной? Кто бы мог подумать... Да, так и есть. Президент республики Венера! Он подошел к микрофону и торжественно провозгласил Дельфину Мисс Вселенной. Он ласково улыбнулся ей, а его помощники тут же вынесли на сцену множество подарков: холодильник, автоматическую стиральную машину с двадцатью семью программами, флакончики шампуня, тюбики зубной пасты, пакетики с таблетками от головной боли и космических недомоганий, золотой консервный нож (подарок фирмы «Фольетти», Модена, Земля).

— А теперь,— объявил голос из громкоговорителя,— президент подарит синьорине кольцо с драгоценным камнем цвета ее глаз!

У Дельфины дрожали пальцы, когда президент одевал ей кольцо... Вдруг взгляд ее случайно упал на наручные часы... Полторы минуты первого!.. Космический корабль супругов Фольетти!.. Химчистка!..

Дельфина вздрогнула, словно ее укусила оса, уронила кольцо, прыгнула со сцены и пустилась бежать, расталкивая толпу, которая, впрочем, вежливо расступалась перед Мисс Вселенной.

К счастью, «Фея-2» еще стояла на космодроме. Супруги Фольетти немного задержались на балу. Наверное, они захотели посмотреть, как чествуют Мисс Вселенную.

Дельфина проскользнула на свое место и затаилась в ожидании.

— Странно,— сказала синьора Фольетти мужу, когда они сели в корабль,— у девушки, которая весь вечер тан-

цевала с президентом и потом была провозглашена Мисс Вселенной...

— Очень красивая девушка! — воскликнул синьор Фольетти. — Видела, как она обрадовалась нашему золотому консервному ножу? Сразу видно, знает в них толк!

— Я хотела сказать, — продолжала синьора Фольетти. — Тебе не кажется, что на ней было точно такое же платье, как мое? Ну помнишь, то черное, вышитое золотом и серебром, которое стоит пятьсот...

— Да что ты!

— Если б я сама не отдала его в химчистку...

Синьор Фольетти закурил сигару. И в Модене они приземлились, прежде чем он успел выпустить облачко дыма.

На следующее утро Софрония и Бибиана прибежали похвастаться перед Дельфиной — рассказать, что видели, слышали и делали на балу.

— Мы чуть не потанцевали с президентом!

— Я почти коснулась его руки!

— Красивый молодой человек! Вот только этот недостаток...

— Какой недостаток?

— У него зеленые, как цикорий, волосы. Будь я его женой, непременно заставила бы покрасить их.

— А он женат?

— Почти. Говорят, женится на Мисс Вселенной. Она блондинка и какая-то чудная. Представляешь, в полночь убежала! Говорят, что, если она возвращается домой после двенадцати ночи, мать бьет ее.

Дельфина, разумеется, промолчала.

А в полдень вся Модена заволновалась. С чрезвычайной миссией, получив двойные командировочные, в город прибыли посланцы планеты Венера. Они начали обходить все улицы дом за домом.

— Что им надо? Кого они ищут?

— Представляют, говорят, будто Мисс Вселенная — это одна из девушек Модены.

— Модены или Рубьеры...

— В суматохе на балу забыли спросить, как ее зовут. А президент Венеры непременно хочет сегодня же жениться на ней, иначе он подаст в отставку и вернется на свою фотоноколонку.

Посланцы Венеры ходили с кольцом и сравнивали цвет драгоценного камня с цветом глаз моденских девушек, но сходства так ни разу и не нашли.

Софрония тоже побежала примерить кольцо.

— Синьорина, но у вас черные глаза!

— Ну и что! Они у меня переменчивые. Вчера вечером, например, мои глаза вполне могли быть зелеными. Потом побежала примерить кольцо Бибиана.

— Нет, синьорина, не то! У вас же карие глаза!

— Ну и что! Если кольцо подойдет на мой палец, значит, девушка, которую вы ищете, — я.

— Синьорина, не мешайте работать!

Наконец посланцы с Венеры добрались до Канала Гранде и подошли к химчистке Борджетти. Но их немного опередила синьорина Фольетти, которая пришла за своим платьем.

— Вот оно, — вся дрожа, сказала Дельфина.

— Но оно еще не готово! — возмутилась синьора Фольетти.

— Как же так? — изумилась синьора Эулалия Борджетти. — Оно должно было быть готово еще вчера до захода солнца! Что это значит, Дельфина?

Дельфина побледнела. Но тут в дверях появились венерианские послы. От страха Дельфина приняла их за карабинеров, решила, что они пришли арестовывать ее за воровство, и упала в обморок.

Когда же она очнулась, то увидела, что сидит на лучшем во всей химчистке стуле, а вокруг стоят посланцы с Венеры, двоюродные сестры, тетушка, синьора Фольетти, клиенты. За дверью на улице собралась огромная толпа горожан, и все с волнением ждали, когда она придет в себя.

— Вот они! — вскричали посланцы. — Вот они — глаза зеленого, зелено-венерианского цвета!

— А вот и платье, в котором Мисс Вселенная была вчера на балу! — радостно воскликнула синьора Фольетти.

— Я... Я надела его... Но я не нарочно... — пролепетала Дельфина.

— Что ты говоришь, детка? Это платье — твое! Какая честь для меня! Какая честь для Модены и Коккокурино! Наша Дельфина станет женой президента планеты Венера!

И начались поздравления.

В тот же вечер Дельфина улетела на Венеру и вышла замуж за президента Венерианской республики, который, чтобы никогда не расставаться с нею, тут же отказался от высокого поста и вернулся на свою фотоноколонку.

Пришлось венерианцам выбрать нового президента и устроить еще один грандиозный бал. Туда отправилась и синьора Фольетти. Она передала Дельфине привет от тетушки Эулалии, Софронии и Бибианы, которые поехали лечиться на воды в Кьянчано-Терме. А еще синьора Фольетти привезла Дельфине дюжину крупных свежих яиц, купленных в Коккокурино.

Робот, который захотел спать

К 2222 году домашние роботы уже нашли широчайшее применение на всем земном шаре. Катерино был одним из них. Великолепный электронный робот, он призван был обслуживать семью профессора Исидоро Корти — преподавателя истории одного из римских лицеев. Катерино, как и все прочие домашние роботы, умел делать массу вещей: готовить еду, стирать, гладить, вытирать пыль и так далее. Он ходил за покупками, подсчитывал расходы, включал и выключал телевизор, помогал детям делать уроки, печатал на машинке корреспонденцию профессора, водил автомобиль, разносил новости по соседям... Словом, это была отличная машина.

Будучи машиной, Катерино, естественно, не нуждался в сне. По ночам, когда все отдыхали, он, чтобы не скучать, снова и снова отутюживал складку на брюках профессора Исидоро, потом заканчивал вязание синьоры Луизы, мастерил игрушки детям, красил и перекрашивал стены в кухне, покрывал лаком стулья. Когда же он не находил себе совсем никакого, даже самого пустяшного дела, то отправлялся в гостиную, усаживался в кресло и принимался решать кроссворды. Синьор Исидоро выписывал специальный журнал для роботов, в котором кроссворды были составлены из самых трудных слов, какие только можно отыскать в словаре. Так что роботам приходилось немало попытаться над ними.

Однажды ночью Катерино ломал голову над словом из семнадцати букв, как вдруг обратил внимание, как громко храпит в своей спальне профессор Исидоро. Он и прежде не раз слышал этот звук. Он даже нравился ему — такая приятная, нежная музыка. Она вносила некоторое разнообразие в ночную тишину. На этот раз, однако, Катерино поразила одна мысль. «Интересно, почему люди спят? — задумался он. — Любопытно, что они при этом чувствуют?»

Он встал и на цыпочках прошел в детскую. Детей было двое — Роландо и Лучилла. Дверь они всегда оставляли открытой, чтобы чувствовать себя поближе к родителям, спавшим в соседней комнате. На тумбочке между их кроватями горела небольшая настольная лампа с голубым абажуром. Катерино внимательно посмотрел на спящих детей. Лицо Роландо было спокойным и безмятежным, а на розовом личике Лучиллы, напротив, блуждала легкая улыбка.

«Улыбается! — с удивлением отметил Катерино. — Словно видит что-то хорошее. Но что можно видеть с закрытыми глазами?»

Катерино в задумчивости вернулся в гостиную. Сел в кресло, но теперь уже у него не было никакой охоты решать кроссворды.

«Надо будет как-нибудь и мне тоже попробовать поспать», — решил он.

Роботы существовали уже почти сто лет, но до сих пор никому из них еще никогда не приходила в голову такая смелая мысль.

«Гм, а что, собственно, мешает мне попробовать сейчас же? Да просто немедленно! — подумал Катерино. — Спокойной ночи, Катерино! Приятных сновидений!» — добавил он, сказав самому себе слова, которые каждый вечер говорила детям, укладывая их спать, синьора Луиза.

Катерино припомнил, что его хозяева, чтобы уснуть, прежде всего закрывали глаза. Он попробовал сделать так же, но не сумел. Его глаза были устроены иначе, они все время — и днем, и ночью — оставались открытыми: у него не было век. Катерино поднялся, отыскал кусочек картона, вырезал из него два овала, поудобней устроился в кресле и прикрыл ими свои глаза. Сон, однако, не приходил, а сидеть с закрытыми глазами было ужасно скучно. Ведь он не видел при этом ничего такого, что могло бы вызвать у него ту же улыбку, что была у Лучиллы. Он видел только одну темноту, плотную и неприятную.

Всю ночь Катерино провел в тщетных попытках уснуть. И утром, когда пришел, как обычно, с чашечкой черного кофе будить профессора, решил хорошенько понаблюдать за ним.

В тот же день он обратил внимание на то, что обычно после обеда профессор Исидоро усаживался в кресло почитать газету. Некоторое время он действительно читал ее, а потом ронял на колени, глаза его закрывались, и из носа снова начинала звучать эта красивая и нежная му-

зыка. «Песнь сна!» — подумал Катерино. Он с трудом дождался ночи и, едва вся семья улеглась спать, тоже уселся в кресло и принялся читать газету. Он прочитал ее всю насквозь, включая сообщения в траурных рамках и объявления, затем сосчитал все запятые и точки, сосчитал все слова, которые начинались на «а», все, которые начинались на «б», все, в которых было две буквы «т», но так и не уснул до самого рассвета, оставаясь бодрым, как часы, что тикали у него на руке.

Катерино, однако, не прекратил на этом свои наблюдения и как-то раз за обедом обратил внимание на одну странную фразу, которую синьора Луиза сказала профессору:

— Вчера вечером, чтобы уснуть, я стала считать овец. Знаешь, сколько я их насчитала? 1528. Пришлось прекратить, и уснула я только после того, как приняла снотворное.

«Считать овец! — повторил про себя Катерино. — Что бы это значило? В квартире никаких овец нет и не было. И я не заметил, чтобы ночью проходило под окнами какое-нибудь стадо».

Он думал над этим еще два дня и наконец решил спросить об этом Роландо. Задавая свой вопрос, Катерино испытывал жгучий стыд: ему казалось, что он, пользуясь доверием ребенка, хочет выведать у него какой-то очень важный секрет. Но все же он набрался храбрости и спросил:

— Как нужно считать овец, чтобы уснуть?

— Да очень просто! — ответил Роландо, не подозревая, что предает в этот момент человечество. — Закрываешь глаза и притворяешься, будто видишь овец. Затем представляешь изгородь, представляешь, будто заставляешь овцу прыгать через изгородь и считаешь — раз! Затем представляешь то же самое с другой овцой и так далее: это так скучно, что в конце концов волей-неволей засыпаешь. Мне никогда не удавалось насчитать больше тридцати овец. Лучилла однажды дошла до сорока двух, но всяком случае она так говорит, но я нисколько ей не верю!

Узнав такой волнующий секрет, Катерино с трудом удержался, чтобы тут же не помчаться в ванную и не попробовать посчитать овец. Но вот наконец настала ночь, и он смог начать свой эксперимент. Он растянулся в кресле, прикрыл глаза газетой и попытался представить овцу. Сначала он увидел только белое, неопределенной формы

облачко. Затем облачко стало приобретать какие-то контуры — появилось нечто похожее на голову, и очень скоро это действительно оказалась овечья морда. Затем облако выпустило ноги и хвост — это была овца! Гораздо труднее оказалось вообразить изгородь. Катерино никогда не был в деревне и об изгородях имел довольно смутное представление. Поэтому он попробовал заменить изгородь стулом. Представил превосходный, покрытый белым лаком стул из кухонного гарнитура и заставил овцу перепрыгнуть через него.

— Прыгай! — приказал Катерино.

Овца послушно перепрыгнула через стул и исчезла. Катерино тут же попытался представить вторую овцу, но тем временем исчез и стул. Пришлось все начинать сначала, но, когда он наконец снова увидел стул, овца отказалась прыгать через него. Катерино взглянул на часы и с ужасом обнаружил, что только на двух овец он потратил больше четырех часов. Он вскочил и бросился в кухню заниматься своей обычной ночной работой.

«И все же,— подумал он,— одну овцу мне все-таки удалось заставить перепрыгнуть через стул. Надо не отступать, Катерино! Надо верить в себя! Завтра вечером будут две овцы, потом три, и ты добьешься своего!»

Не будем рассказывать во всех подробностях, как долго тренировался Катерино, чтобы научиться представлять целое стадо овец. Достаточно сказать, что месяца через три после эксперимента с первой овцой Катерино удалось насчитать их сто штук, но сто первую он уже не увидел, потому что сладко уснул. Всего несколько минут, но он действительно спал! Он мог засвидетельствовать это с точностью часов. Еще через неделю ему удалось поспать целых три часа. А когда он уснул в воскресенье, то даже впервые увидел сон. Ему приснилось, будто профессор Исидоро чистит его ботинки и завязывает ему галстук. Прекрасный сон!

В доме напротив жил профессор Тиболла. В ту ночь он проснулся незадолго до рассвета. Ему захотелось пить, и он пошел на кухню за водой. Прежде чем вернуться в спальню, профессор Тиболла случайно взглянул в окно, которое было как раз напротив гостиной профессора Корти. И что же он увидел там? В ярко освещенной комнате сладко спал в кресле робот Катерино! Профессор Тиболла рассмотрел его как следует, а когда прислушался, то ему показалось, будто он слышит какой-то негромкий звук. Неужели Катерино храпит?

Профессор Тиболла распахнул окно и как был, в одной пижаме, на страхась простуды, закричал на всю улицу:
— Тревога, тревога! Скорее сюда!..

Сразу же захлопали окна и двери, проснулись все соседи. В ночных рубашках и пижамах люди выбежали на балконы, а самые сердитые, едва только поняли, в чем дело, поспешили на улицу и стали громко возмущаться под окнами профессора Корти. Профессор Исидоро и синьора Луиза тоже испуганно выглянули в окно и спросили:

— Что случилось? Землетрясение?

— Какое там землетрясение! — рассердился профессор Тиболла, который кричал особенно громко и создавал больше шума, чем пожарная сирена. — Землетрясение у вас в доме! Вы спите на динамите, уважаемый профессор!

— Вообще-то меня действительно интересует только античная история, — стал оправдываться профессор Исидоро, — но всем известно, что в древние времена динамит еще не был изобретен.

— Мы мирные люди,— робко добавила синьора Луиза.— Никому не мешаем. И я просто не понимаю, из-за чего весь этот шум. Правда, наш сын вчера разбил мячом стекло, но мы уже сказали, что готовы возместить ущерб.

— Вы лучше посмотрите, что делается у вас в гостиной! — сурово потребовал профессор Тиболла.

Синьор Исидоро и синьора Луиза в недоумении посмотрели друг на друга, решили, что, пожалуй, не остается ничего иного, как последовать этому совету, и, шлепая домашними туфлями, направились в гостиную.

В это время Катерино продолжал спать. На его металлическом лице блуждала счастливая улыбка, которая словно солнце освещала все его болты. Катерино спал и блаженно храпел. Храпел со свистом и мелодичным жужжанием. Звуки эти чередовались подобно звукам скрипки и рояля в какой-нибудь прекрасной сонате Бетховена. Свист словно задавал вопрос, а жужжание как бы отвечало ему. Оно явно возражало против чего-то, и тогда свист становился еще шаловливее, точно маленький внук, убегающий от дедушки, который хочет наказать его. Профессор Корти и его жена пришли в такой ужас, как будто еще никогда никто в мире не издавал носом подобных звуков.

— Катерино! — вскричала синьора Луиза со слезами в голосе.

— Катерино! — вскричал в тысячу раз более строго профессор Исидоро.

С другой стороны улицы профессор Тиболла безапелляционно заявил:

— Тут нужен молоток, уважаемый коллега! Возьмите молоток и стукните его по голове. И я еще не уверен, что он при этом проснется. Не исключено, что понадобится хороший электрический разряд.

Профессор Исидоро отыскал на кухне молоток и собрался привести в исполнение совет своего коллеги и соседа.

— Осторожно, не сломай его! — попросила синьора Луиза.— Ты ведь знаешь, во сколько он обошелся нам, к тому же за него еще нужно уплатить последний взнос.

На улицах, на балконах, во всем квартале люди стояли, затаив дыхание. В ночной тишине удары молотка профессора Корти по голове Катерино прозвучали подобно ударам судьбы, которая стучится в дверь,— «тук-тук-тук!»

Катерино сладко зевнул, вытянул руки и с удовольствием потянулся. Всеобщее «ох!» раздалось на всех наблю-

дательных пунктах. Катерино вскочил и сразу же понял, что полгорода, не считая профессора Корти, походившего на статую, олицетворяющую негодование, присутствовало при его пробуждении.

— Я спал? — спросил он.

Ужас! Просто кошмар!! И он еще спрашивает об этом, бессовестный!

Тут все услышали полицейскую сирену. Полиция, которую вызвала одна перепуганная старая дева из дома напротив, спешила, чтобы внести свой вклад в решение проблемы. Вклад этот был очень простым. Катерино арестовали, одели на него наручники, погрузили в фургон и отвезли в суд, куда срочно вызвали судью, который должен был разобраться в этом странном и необъяснимом случае. Судья, весьма благоразумный старичок, тут же осудил Катерино на пятнадцать суток и посоветовал полиции поменьше распространяться о случившемся. Так или иначе, газеты ничего не сообщили об этой истории. Но, как читатель уже легко догадался, в толпе, которая присутствовала при пробуждении Катерино, было немало и домашних роботов. И прежде всего там был робот профессора Тиболлы — Терезио. Не вмешиваясь в разговор своего хозяина с профессором Корти, он наблюдал за всем происходящим из окна кухни и не упустил ни одной детали. Были там и роботы из соседних домов. Им не так хорошо было видно, как Терезио, но тот был настолько любезен, что на следующий день, в четверг, когда домашние роботы, имея право работать только полдня, прогуливались, как обычно, в парке, подробно информировал их обо всем, что видел.

— Могу заверить вас, многоуважаемые коллеги, что Катерино СПАЛ точно так же, как это делают люди. Больше того — и не сочтите это за преувеличение, — его манера спать отличалась совершенно особым изяществом. К тому же, это ведь был электронный сон. Он храпел, это верно, но лучше было бы придумать какое-нибудь другое, более красивое и музыкальное слово для определения того звука, который он издавал во сне. Так или иначе, это была электронная музыка!

Роботы — и мужчины, и женщины — с волнением слушали рассказ Терезио. В их железных головах, начиненных сложнейшими электромагнитными устройствами, транзисторами, предохранителями, проводами и болтами, уже пронеслась и загудела, словно под напряжением в три тысячи вольт, мысль о том, что, если

сумел уснуть Катерино, значит, они тоже могут спать. Нужно только понять, каким образом это делается. Пока что это было секретом Катерино, а его окружали стены тюрьмы и молчание газет. Подождать, пока Катерино выйдет из-под ареста и попросить поделиться опытом? Нет, это было бы недостойно роботов с электронным мозгом.

Выход из положения нашел Терезио. Он знал, какая тесная дружба связывает Катерино с детьми профессора Корти. Маленький Роландо, когда умело расспросили его и угостили жевательной резинкой, охотно сообщил, что Катерино, по-видимому, научился заставлять овец прыгать через изгородь. В ту же ночь Терезио тоже провел эксперимент, и весьма успешно. Потому что всегда ведь так бывает — самые большие трудности выпадают на долю первооткрывателя, и те, кто следует за ним, идут уже по проторенной дороге.

А на третью ночь весь город был разбужен какой-то неслыханной музыкой — тысячи роботов, расположившись в креслах, устроившись на кухонных столах, на балконах среди горшков с геранью, на коврах в гостиных, спали и при этом блаженно храпели. Это была революция. В полиции, у пожарных, в муниципалитете телефон звонил не умолкая. Но ведь невозможно арестовать всех роботов в Риме! Не было даже такой большой тюрьмы, которая могла бы вместить их всех!

И тот же судья, который осудил Катерино, теперь заявил, выступая по телевидению, что «совершенно необходимо прийти к соглашению».

Действительно, не оставалось ничего другого, как договориться с роботами и признать их право спать по ночам. Иначе пришлось бы организовать специальную службу для ночного надзора за ними, понадобились бы тысячи стражников с молотками, которые должны были следить, чтобы роботы не засыпали. А кроме того, смогут ли уснуть под грохот стольких молотков сами горожане?

Городу пришлось пойти на уступки. И вслед за Римом на это пошли Милан, Турин, Цюрих, Марсель, Лондон и Тумбукту. Даже в Тумбукту, в сердце черной Африки, долетела к домашним электронным роботам великая новость о том, что роботы тоже могут спать.

В тот день, когда Катерино вышел из тюрьмы, его радостно встретили десять или, быть может, пятнадцать тысяч коллег обоего пола.

Не будем описывать их аплодисменты и приветствия. Самое время сообщить, что робот Виллибальдо, принадлежавший дирижеру оркестра работников трамвайного парка, даже специально написал по этому случаю гимн, который был исполнен хором из ста семнадцати роботов с золотыми болтами. В гимне говорилось:

Пусть живет наш Катерино
Без поломок и починок
Целый век, целый век!
Он — великий человек!

Распевая гимн, роботы прошли по улицам Рима, и надо сказать, что славные римляне, забыв, как сердились недавно, наградили их аплодисментами.

Ведь единственное, что никогда никого не удивляет в Риме, это желание поспать. Римляне любят спать ночью, любят поспать утром, охотно спят и днем, проводя в объятиях Морфея трудные для пищеварения часы. Один остроумный ученый, изучив и проанализировав факты, которые мы сообщили здесь, изложил свои выводы в книге, насчитывающей 2400 страниц, со множеством цветных иллюстраций, и заключительный абзац этого фундаментального научного труда выглядел так: «Только в Риме могло возникнуть у электронного робота желание спать, ибо ни в каком другом городе на нашей планете нет для этого более благоприятных условий».

Принц Пломбир

Синьор Мольтени (третий этаж, квартира 12) был крайне обеспокоен. Он купил в рассрочку отличный холодильник марки «Двойной полюс», но вот уже два месяца не мог уплатить очередной взнос. А тут вдруг позвонили из магазина и говорят: «Или вы немедленно уплатите, или мы забираем холодильник!» А у синьора Мольтени нет ни денег, ни богатых друзей. Что делать?

В то утро он с тоской посмотрел на холодильник, ласково погладил его и поговорил с ним, как с человеком: «Дорогой мой, боюсь, что нам придется расстаться, а без тебя дом станет для меня пустыней!» Холодильник хранил ледяное молчание, но синьор Мольтени все равно понял, что он хотел сказать, и согласился с ним: «Да, я знаю, ты должен делать холод, а не деньги!»

В это же утро синьора Сандрелли (четвертый этаж, квартира 15) открыла свой холодильник — простенький «Пингвин», чтобы взять бутылку молока, и вдруг обнаружила, что он битком набит малюсенькими человечками, а один из них даже сидит на яйце.

Человечки были в серебряных комбинезонах и в прозрачных скафандрах, сквозь которые виднелись их личики цвета сливочного масла и сиреневые волосы. Человечки спокойно посмотрели на синьору Сандрелли своими глазами цвета зеленого горошка и даже не шелохнулись. Только тот, что сидел на яйце, помахал ей ручкой, как бы говоря: «Чао, чао!»

— О господи, марсиане! — вскричала синьора Сандрелли. — Вот уж не думала, что они такие крохотные! Эй, что вы там делаете в моем холодильнике? А ты давай слезай с яйца, еще разобьешь его!

Человечек, однако, не послушался. Тогда синьора Сандрелли, особа весьма энергичная, взяла его двумя пальцами и поставила на банку сардин.

— Марсианин ты или нет, а только заруби себе на носу — здесь командуя я!

— Закройте дверцу, а то сюда входит горячий воздух! — услышала она строгий и властный голос.

— Что, что?

— Мы прилетели с планеты, которая вся покрыта льдом, и еще не привыкли к вашей температуре. Пожалуйста, закройте дверцу, как вам уже было приказано.

— Хотела бы я знать, — воскликнула синьора Сандрелли в совершеннейшем негодовании, — кто это смеет мне приказывать! А кроме того, как вы попали в мой дом?

— Через форточку в кухне. Вы ведь оставляете ее открытой на ночь, опасаясь случайной утечки газа.

— О, да вы, я вижу, неплохо осведомлены!

— Весьма неплохо. Мы многие месяцы изучали ваши нравы и обычаи, а также ваш язык, прежде чем начать оккупацию. Закройте дверцу!

— А почему надо было начинать оккупацию именно с моего холодильника?

— Это уж вас не касается. К тому же мы захватили все холодильники в этом доме. Так что закройте дверцу и оставьте нас в покое!

— И не подумаю закрывать! Вернее, закрою, но выключу холодильник, понимаете? Я вам покажу оккупацию!

Один из человечков указал пальцем — так во всяком случае рассказывала потом синьора Сандрелли — на стул и предложил:

— Ну-ка, взгляните!

Белый крашенный стул вдруг сделался красным и тут же сгорел без всякого дыма. От него осталась только кучка пепла. На все это понадобилось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы сосчитать до десяти.

— Выключите ток — сожжем весь дом.

Синьора Сандрелли с силой захлопнула дверцу холодильника и позвала привратницу:

— Синьора Анна, вы знаете, что происходит?

— Что, синьора Сандрелли? Батареи холодные?

— Дело в том, что...

И синьора Сандрелли обо всем рассказала привратнице. Та — всем жильцам. Спустя несколько минут на всех этажах — с первого по пятый — во всех квартирах происходило одно и то же: открывались и тут же захлопывались дверцы холодильников — где с удивлением, где со страхом, и повсюду с изумленными и взволнованными возгласами.

Синьор Мольтени тоже бросился к своему «Двойному полюсу» и в молчаливой толпе космических пришельцев в серебристых костюмах сразу же заметил человечка, который выделялся своим высоким ростом и прекрасным золотым комбинезоном.

— Так вы, наверное, самый главный? — полюбопытствовал синьор Мольтени, останавливая свою младшую дочь, которая уже протянула руки, чтобы завладеть этими великолепными игрушками.

— Я принц Пломбир,— ответил золотой комбинезон.— На нашем языке мое имя звучит, разумеется, иначе. Но для вас сойдет и это. Кроме того, ко мне следует обращаться — ваше высочество.

— Конечно, ваше высочество,— согласился синьор Мольтени.— А не может ли ваше высочество сказать, как долго вы собираетесь побыть здесь?

— Это зависит от погоды,— ответил принц Пломбир.— Нам нужен свежий снег, чтобы заправить звездолеты. Как только выпадет снег, мы продолжим путешествие. Мы собирались приземлиться на Северном полюсе, но попали сюда.

— Значит, вы намерены обосноваться на Земле?

— На Северном полюсе, как я уже сказал. Вы ведь нам все равно не живете. А нашей планете угрожает

столкновение с кометой, которая может растопить лед. Поэтому нам пришлось искать убежище в этой части Млечного Пути. И я возглавляю наш передовой разведывательный отряд. Как только мы устроимся на Северном полюсе, мы дадим знать на нашу планету, и все остальные наши соотечественники тоже придут сюда.

— Интересно, сколько вас, ваше высочество, если не секрет?

— Всего лишь полтора миллиарда. Мы займем очень мало места. Мы даже не думали сообщать вам о себе после прибытия на Северный полюс, но обстоятельства, как видите, изменились. А теперь, будьте любезны, закройте дверцу, потому что от такой жары у меня начинает болеть голова.

Синьор Мольтени повиновался, а затем бросился к окну. В февральском небе, голубом и прозрачном, солнце сияло со всей своей весенней силой. Синьор Мольтени с удовлетворением потер руки.

— Глупец! — рассердилась синьора Мольтени. — У тебя захватчики на кухне, а ты радуешься.

— Ты не понимаешь, — возразил синьор Мольтени, — ты просто не понимаешь, как нам повезло...

Но в ту минуту синьора Мольтени так и не смогла узнать, в чем же им повезло, потому что в квартиру позвонили.

Это был служащий фирмы «Двойной полюс».

— Синьор Мольтени, здравствуйте. Я пришел за холодильником. Или, быть может, вы все-таки уплатите очередной взнос?

— Ах, мне очень жаль, но у меня нет сейчас ни одной лиры.

— В таком случае...

— Разумеется, — сказал синьор Мольтени, — в таком случае вы должны будете... И так далее, и так далее. Только ничего этого вы сделать не сможете.

— Как это не смогу?

— Не думаю, чтобы его высочество позволило вам...

— Какое еще высочество? Что за глупые шутки, синьор Мольтени?

— Пройдите, пожалуйста, сюда, присядем тут, в кухне...

— Ну вот, это уже другой разговор!

— Да, только кончится он совсем не так, как вы думаете. Вот ведь какая история!

Синьор Мольтени открыл холодильник и поспешил принести принцу Пломбиру свои извинения.

— Ваше высочество, простите, этот синьор...

— Я слышал, я все слышал. У нас своя система связи, дорогой Мольтени. Не беспокойтесь, в данный момент холодильник принадлежит мне. Так что его никто не тронет.

— Что за шутки? — возмутился, вытаращив глаза, служащий фирмы «Двойной полюс». — Что это еще за гномики? Послушайте, синьор Мольтени, я не знаю, что за фокус вы придумали, чтобы не платить, но должен вам сказать, что моя фирма еще никогда никому не позволяла обманывать себя, хотя уже многие пытались сделать это и находились люди похитрее вас. А вы, господа, извольте поискать себе другое пристанище, вот хотя бы в раковине. Моя фирма намерена вступить во владение этим холодильником, и несколько жалких кукол не смогут помешать ей осуществить это намерение.

Услышав такое оскорбление, принц Пломбир и его подданные ужасно возмутились. Но голос его высочества звучал громче всех и очень повелительно.

— Синьор служащий, в наказание отправляйтесь под стол и засуньте руки в рот, так вы, по крайней мере, помолчите.

Это было и просто и необыкновенно — в ту же минуту служащий фирмы «Двойной полюс» засунул все десять пальцев в рот, забрался под стол и повернулся лицом к стене. Видно было только, как вздрагивают от рыданий его плечи. Семья Мольтени дружно зааплодировала.

— Ваше высочество, как вам это удалось?

— Пустяковая шутка. Мы хорошо изучили ваш мозг и знаем, как заставить вас повиноваться. Пожалуйста, закройте дверцу. До свидания.

— До свидания, ваше высочество! Всегда к вашим услугам!

Теперь уже синьоре Мольтени не надо было ничего объяснять. Теперь она бросилась к окну.

— Как было бы хорошо, если бы такая погода продолжалась подольше! — воскликнула она.

И погода действительно долгое время стояла отличная — солнце без усталости сияло на голубом, безоблачном небосводе. Между тем известие о том, что космические пришельцы захватили холодильники, обошло все планеты. Люди с интересом пожирали бесконечные статьи, в которых подробно излагались беседы пломбиров —

так стали называть захватчиков — с земными учеными, съехавшимися со всех концов планеты. Но больше всего людей, как обычно, интересовали разные подробности. Они хотели знать, что ел на завтрак принц Пломбир (скромное блюдо из подсахаренного льда), они записывали рецепты, которые синьора Сандрелли получала у своих гостей (рецепты разных сортов мороженого, разумеется одно лучше другого), и переживали за синьора Мольтени, на которого фирма «Двойной полюс» подала в суд. Так что возле дома на улице Макмагон с утра до вечера в ожидании новостей стояла толпа.

— Принц Пломбир получил еще сорок предложений руки и сердца...

— Говорят, дочка привратницы тоже влюбилась в него...

— У пломбиров, что живут на втором этаже, в четвертой квартире, аллергия от сливочного масла...

Когда принц Пломбир согласился выступить с небольшим заявлением по телевидению, весь город с интересом прильнул к экранам, разглядывая его. А потом предложения руки и сердца уже тысячами посыпались со всех пяти континентов. Но принц Пломбир сообщил, что он уже обручен с девушкой, которая живет на его родине и которую зовут Лун-Лун, что означает «ледник в цвету».

Наконец небо затянули серые тучи, и метеорологические бюллетени сообщили, что ожидается снег. Пломбиры извлекли свои звездолеты из-под листьев салата, которыми прикрыли их на нижней полке холодильника, и стали готовиться к отлету.

Синьор Мольтени очень заволновался. В суде все складывалось не в его пользу. Скоро он опять окажется в трудном положении: или придется платить задолженность, или расставаться с холодильником. Однажды утром он выглянул в окно и увидел, что улицы и крыши домов укрыты снегом. «Все кончено! — решил он. — Пойду хоть первым сообщу эту новость его высочеству».

Но принц Пломбир уже знал, что выпал снег.

— Вижу, вижу, — сказал он. — У нас своя система наблюдения сквозь двери холодильников. Мы уже собрали снег на балконе, звездолеты готовы к старту.

— Итак, прощайте! — невольно вздохнул синьор Мольтени. А про себя добавил: «Прощай и мой холодильник!»

— Да нет, — улыбнулся принц Пломбир, словно

прочитав его мысли.— Не надо с ним прощаться. Взгляните-ка на это!

«Это» был листок, на котором принц Пломбир собственноручно написал огромными буквами — можете себе представить, как это было трудно для него, такого крохотного,— следующее заявление: «Я считаю, мне очень повезло, что мне было оказано гостеприимство в одном из холодильников марки «Двойной полюс». И я со всей ответственностью заявляю, что это лучший холодильник во всей Солнечной системе. Принц Пломбир».

— Вот увидите,— продолжал его высочество,— получив такую рекламу, фирма «Двойной полюс» не только не вспомнит о неуплаченных взносах, но и не потребует от вас новых. Можете считать, что холодильник ваш и вам не придется больше платить ни цента-зимо!

Так и было. Вот почему синьор Мольтени, когда кто-нибудь из его друзей оказывается в затруднительном положении с деньгами, обычно утешает его так:

— Не унывай! Марсиане помогут!

Уйду к кошкам

У синьора Антонио, пенсионера, в прошлом начальника железнодорожной станции, была большая семья — сын, невестка, внук Антонио, которого звали просто Нино, и внука Даниела. Но у него не было никого, кто бы уделял ему хотя бы немножечко внимания.

— Помню,— начинал он вспоминать,— когда я был заместителем начальника станции в Поджибонси...

— Папа,— перебивал его сын,— дай мне спокойно почитать газету. Меня очень интересует правительственный кризис в Венесуэле.

Синьор Антонио обращался к невестке и начинал все сначала:

— Помню, когда я был помощником начальника станции в Галларате...

— Папа,— прерывала его синьора невестка,— почему бы вам не прогуляться немного? Вы же видите, что я натираю пол голубым воском, который дает больше блеска.

Не больше успеха имел он и у внука Нино. Тому надо было прочитать захватывающий рассказ в картинках «Сатана против дьявола», запрещенный детям до во-

семнадцати лет (а ему было шестнадцать). Синьор Антонио очень надеялся на внучку, которой позволял иногда надевать свою фуражку начальника станции, чтобы поиграть в железнодорожную катастрофу, в результате которой сорок семь человек погибало и сто двадцать бывало ранено. Но Даниела тоже была занята.

— Дедушка,— говорила она ему,— не мешай мне смотреть детскую передачу, она очень познавательна.

Даниеле было семь лет, но она очень любила учиться. Синьор Антонио вздохнул.

— Да, видно, в этом доме нечего делать пенсионерам, бывшим служащим государственной железной дороги! Вот я обижусь когда-нибудь и уйду. Даю слово. Уйду к кошкам.

И действительно однажды утром он вышел из дома, сказав, что идет играть в лото, а сам направился на площадь Арджентина, где среди руин античного Рима нашли себе прибежище тысячи кошек. Он спустился по лестнице, перешагнул через железную перекладину, которая отделяет царство кошек от царства автомобилей, и превратился в кота. И сразу же стал облизывать свои лапы, чтобы не занести в эту новую жизнь пыль с человеческой обуви. Тут подошла какая-то довольно облезлая кошка и принялась внимательно разглядывать его. Разглядывала, разглядывала и наконец сказала:

— Извини, но ты не был прежде синьором Антонио?

— Не хочу даже вспоминать о нем! Он подал в отставку.

— Значит, мне показалось. Знаешь, а я была той учительницей-пенсионеркой, которая жила в доме напротив. Ты, конечно, видел меня. Или, быть может, мою сестру.

— Да, я видел вас. Вы всегда ссорились из-за канареек.

— Верно! Но мне так надоело ссориться, что я решила уйти к кошкам.

Синьор Антонио очень удивился. Он думал, что только ему одному пришла в голову такая хорошая мысль. И вдруг оказалось, что среди всех этих кошек, живущих на площади Арджентина, только половина — настоящие кошки. То есть такие, чьи родители были настоящими котами и кошками. А остальные — это все люди, которые расхотели быть людьми и превратились в котов и кошек. Был тут мусорщик, сбегавший из приюта для престарелых, были одинокие синьоры, которые не ужи-

лись со своими служанками, был тут даже судья — еще довольно молодой человек, женатый, имеющий детей, машину, четырехкомнатную квартиру с двумя ванными, и никто не понимал, почему он пришел к кошкам. Однако он не важничал, и когда «кошкины мамы» приносили кульки с рыбьими головами, колбасной кожурой, сырными корочками, макаронами, косточками и куриными потрохами, он брал свою долю и удалялся на самую высокую ступеньку какого-нибудь античного храма.

Кошки-кошки не ревновали к кошкам-людям. Они держались с ними совершенно на равных, без всякого высокомерия. Друг другу, однако, они нередко говорили:

— А вот нам и в голову бы не пришло стать людьми — при теперешних-то ценах на ветчину!

— У нас тут очень славная компания, — сказала синьору Антонио кошка-учительница. — А сегодня вечером у нас лекция по астрономии. Придешь?

— Конечно. Ведь астрономия — моя страсть. Помню, когда я был начальником станции в Кастильон дель Лаго, то установил на балконе телескоп с двухсоткратным увеличением и по ночам рассматривал кольца Сатурна, спутники Юпитера, которые выстроились в ряд, словно косточки на счетах, и туманность Андромеды, похожую на запятую.

Послушать его рассказ собралось много кошек. В их компании еще никогда не было бывшего начальника станции. И они так много хотели разузнать о железной дороге. Спрашивали, например, почему в туалетах вагонов второго класса никогда нет мыла и так далее. Когда же стемнело и на небе стали хорошо видны звезды, кошка-учительница начала свою лекцию:

— Вот, — сказала она, — посмотрите сюда. Это созвездие называется Большая Медведица. А это — Малая Медведица. Повернитесь, как я, и посмотрите направо от башни Арджентина. Это Змееносец.

— Ну прямо зоопарк, — заметил кот-мусорщик.

— Кроме того, тут есть Козерог, Овен и Баран, Скорпион.

— Даже? — изумился кто-то.

— А вон там созвездие Пса.

— Черт возьми! — заволновались кошки-кошки. Больше всех возмущался Рыжий Разбойник, которого так прозвали потому, что он, хоть и был совершенно белый, отличался очень воинственным нравом. Это он-то и спросил вдруг:

— А созвездие Кота есть?

— Нет,— ответила учительница.

— И звезды нет, хотя бы самой маленькой, которая называлась бы Кошка?

— Нет.

— Выходит,— возмутился Рыжий Разбойник,— дают звезды собакам и свиньям, а нам нет? Хорошенькая история!

Раздалось возмущенное мяуканье. Кошка-учительница повысила голос, чтобы оправдать астрономов: они знают, что делают, у каждого своя профессия, и если они решили, что не надо называть Котом даже астероид, значит, у них были на то свои основания.

— Основания, которые не стоят и мышиного хвоста! — отрезал Рыжий Разбойник. — Послушаем, что скажет об этом судья.

Кот-судья объяснил, что ушел в отставку как раз для того, чтобы больше никого и ни о чем не судить. Но в данном случае он сделает исключение:

— Мое мнение таково: астрономы — негодяи!

Раздались оглушительные аплодисменты. Кошка-учительница выразила сожаление, что защищала их, и пообещала пересмотреть свои взгляды на жизнь. Собрание решило организовать демонстрацию протеста. Специальные послания были немедленно отправлены с курьером всему кошачьему населению Рима — и в форумы, и в мясные лавки, и в больницу Сан-Камилло, где под каждым окном сидит по коту в ожидании, не выбросят ли им больные свой ужин, если он окажется невкусным.

Послания полетели также котам в Трастевере, бродячим кошкам римских пригородов, а также котам среднего сословия, на случай если они пожелают присоединиться, забыв на время свое изысканное меню, пуховую подушечку и бантик на шее. Встречу назначили в полночь в Колизее.

— Великолепно! — сказал кот-синьор Антонио. — Я был в Колизее туристом и просто посетителем, но котом еще никогда не был. Это будет для меня новый волнующий опыт.

На следующее утро посмотреть Колизей явились американцы — пешком и в машинах, немцы — в автобусах и старинных фаэтонах, шведы — с кожаными мешками через плечо, жители Абруцци — с тещами, миланцы — с японской кинокамерой. Но никто ничего не смог

увидеть, потому что Колизей был оккупирован котами. Заняты все входы и выходы, арена, лестницы, колоннады и арки. Почти не видно было древних камней — повсюду только кошки и кошки, тысячи кошек. По сигналу Рыжего Разбойника появился транспарант (работы учительницы и синьора Антонио), на котором было написано: «Колизей захвачен! Хотим звезду Кот!»

Туристы, путешественники и прохожие, которые, остановившись, забыли, что им надо следовать дальше, с восторгом заплодировали. Поэт Альфонсо Кот произнес речь. Не все поняли, что он хотел сказать, но один только вид его убедил всех, что если поэт может быть Котом, то уж звезда и подавно. Начался большой праздник. Из Колизея отправились коты-посланцы в Париж, Лондон, Нью-Йорк, Пекин, Монтепорцио Катоне. Агитацию решено было проводить в международном масштабе. Предусмотрено было захватить Эйфелеву башню, Биг-Бен, Эмпайр Стейт Билдинг, площадь Небесного Согласия, табачную лавку «Латини» — словом, все самые известные места. Коты и кошки всей планеты обратятся к астрономам со своим призывом на всех языках. И в один прекрасный день, вернее, ночь созвездие Кот засияет собственным светом.

В ожидании новостей римские коты и кошки разошлись по своим «домам». Синьор Антонио и кошка-учительница тоже поспешили на площадь Арджентина, строя по пути новые планы захвата.

— Как было бы хорошо, — мечтал он, — если б вокруг купола святого Петра стояли кошки с поднятыми вверх хвостами!

— А что бы ты сказал, — спросила учительница, — если б я предложила занять Олимпийский стадион в тот день, когда там будут играть футбольные команды Рима и Лацио?

Синьор Антонио хотел было сказать: «Потрясающе!» — с восклицательным знаком, но не успел произнести и полслова, потому что вдруг услышал, как его зовут.

— Дедушка! Дедушка!

Кто это? Даниела! Она вышла из школы и узнала дедушку. Синьор Антонио уже приобрел некоторый кошачий опыт и притворился, будто не слышит. Но Даниела настаивала:

— Ну что же ты, дедушка! Зачем ты ушел к кошкам? Я уже столько дней ищу тебя повсюду — на суше и на море. Сейчас же возвращайся домой!

— Какая славная девочка! — заметила кошка-учительница. — В каком она классе? Наверное, у нее прекрасный почерк? И она хорошо моет руки? И уж конечно она не из тех детей, которые пишут на дверях туалета: «Долой учительницу!»?

— Нет, она большая умница, — сказал синьор Антонио, немного разволновавшись. — Пойду провожу ее. Посмотрю, чтобы не переходила улицу на красный свет.

— Все понятно! — вздохнула кошка-учительница. — Ну что ж, а я пойду посмотрю, как поживает моя сестра. Может быть, у нее начался деформирующий артрит, и она не может сама надеть туфли.

— Ну, дедуля, пошли! — приказала Даниела.

Люди, слышавшие это, не удивились. Они подумали, что так зовут кота. Что ж тут особенного, ведь есть же коты, которых зовут Бартоломео и Джерундио. Придя домой, кот-синьор Антонио сразу же забрался в любимое кресло и пошевелил ухом в знак приветствия.

— Видели? — спросила Даниела, очень довольная. — Это же сам дедушка!

— Верно! — подтвердил Нино. — Дедушка тоже умел двигать ушами.

— Ладно, ладно, — сказали несколько смущенные родители. — Ну а теперь за стол!

Но лучшие, самые вкусные куски передавали коту-дедушке. Его угощали мясом, сгущенным молоком, печеньем. Его ласкали и целовали. Слушали, как он мурлычет. Просили дать лапку. Чесали за ушком. Сажали на вышитую подушку. Устроили для него туалет с опилками.

После обеда дедушка вышел на балкон. В доме напротив он увидел кошку-учительницу, которая поглядывала на канареек.

— Ну как? — спросил он ее.

— Великолепно! — ответила она. — Сестра обращается со мной лучше, чем с папой римским.

— А ты призналась, кто ты?

— Ну что я — дурочка! Узнает, так еще упрячет в сумасшедший дом. Она дала мне одеяло нашей бедной мамы, на которое прежде даже смотреть не позволяла.

— А я и не знаю, как быть,— признался кот-синьор Антонио.— Даниела хотела бы, чтобы я снова стал дедушкой. Все они очень любят меня.

— Ну и глупец! Открыл Америку и бросаешь ее. Смотри, пожалеешь!

— Прямо не знаю,— повторил он,— как быть. Готов сдаться. Так хочется закурить...

— Однако как же ты думаешь снова превратиться из кота в дедушку?

— О, это проще простого! — сказал синьор Антонио.

И действительно, он пошел на площадь Арджентина, переступил железную перекладину в обратном направлении, и на месте кота тут же появился пожилой синьор, закуривающий сигарету. Он вернулся домой в некотором волнении. Даниела, увидев его, запрыгала от радости. На балконе дома напротив кошка-учительница приоткрыла один глаз в знак доброго пожелания, но про себя проворчала: «Ну и глупец!»

Рядом с ней на балконе стояла ее сестра. Она с нежностью смотрела на кошку и думала: «Не надо слишком привязываться к ней, ведь, если она умрет, я буду очень страдать, и у меня начнется аритмия».

А потом настал час, когда кошки на форумах проснулись и пошли ловить мышей, а кошки с площади Арджентина собрались в ожидании тех добрых женщин, которые приносят им кулечки с лакомством. Коты и кошки, живущие в больнице Сан-Камилло, расположились на клумбах и аллеях, надеясь, что ужин будет невкусным и больные тайком выбросят его за окно. И бродячие коты, которые прежде были людьми, вспоминали, как они когда-то водили автопоезда, работали за токарным станком, печатали на пишущей машинке, были молодыми и влюблялись в красивых девушек.

Все началось с крокодила

Вчера, 23 марта, в 10 часов утра — я был дома один — у входа зазвонил колокольчик. Я открыл дверь и увидел перед собой крокодила.

Беглого взгляда было достаточно, чтобы заметить, что поверх обычной пластинчатой кольчуги на пресмыкающемся надет коричневый костюм. Его дополняли белая рубашка в узкую голубую полосочку, черные ботин-

ки, зеленый галстук, темная, недурного фасона шляпа и большие очки в роговой оправе.

Других подробностей так, с ходу мне разглядеть не удалось. Не столько потому, что я был ослеплен этим невероятным галстуком, сколько потому, что мои руки сами собой тут же захлопнули дверь и накинули цепочку.

Как журналист я привык встречаться с самыми разными людьми, но впервые ко мне явился, и к тому же без всякого предупреждения, крокодил.

«Куда только смотрит привратница! — рассердился я. — Мало того, что она позволяет разносчику из булочной пользоваться лифтом, хотя это строжайше и категорически запрещено всеми жильцами, мало того, что целые дни только и делает, что считает, кто сколько раз из соседей чихнул, теперь она еще пропускает в дом животных из зоопарка!»

— Синьор! — раздался между тем из-за двери вполне человеческий голос. — Синьор, выслушайте меня! Отбросьте предрассудки и не судите по одежде.

— Я принимаю только тех, с кем заранее условливаюсь о встрече, — твердо заявил я.

— Конечно, конечно. Но вы так нужны мне!

— Могу себе представить. И все же я бы посоветовал вам выбрать на завтрак какого-нибудь другого жильца. Я слишком тощ, вешу всего пятьдесят семь килограммов, в одежде. А кроме того, имейте в виду, что моя жена очень дорожит нашим персидским ковром. Если вы съедите меня, а затем начнете проливать, как обычно, свои крокодиловы слезы и намочите ковер, вы думаете, моя жена простит вам это?

— Синьор! Впустите меня. Я все объясню! За мною гонятся!

— Еще бы! Уверен, что служители зоопарка сейчас схватят вас и посадят в бассейн.

— Уверяю вас, я не имею никакого отношения к зоопарку! Впрочем, вы и сами должны были бы понять это. Разве вы видели когда-нибудь говорящего крокодила?

— Гм... Нет, — вынужден был согласиться я.

— То-то! — продолжал крокодил. — Так что успокоились?

— При закрытой двери и с заряженным револьвером я всегда чувствую себя совершенно спокойно.

Револьвер, по правде говоря, лежал в ящике письменного стола, но мой визитер ведь не мог узнать, что я обманываю его.

— Прошу вас, откройте! Мне грозит смертельная опасность!

В его голосе прозвучала такая мольба, что я заколебался.

— Подождите минуту,— сказал я.

— О ради бога, скорее!

Я бросился к столу, схватил револьвер, убедился, что он заряжен, и вернулся к двери.

— Откройте, а то будет поздно!

— А по мне так наоборот — никогда не будет рано,— сердито возразил я, снимая цепочку.

Крокодил влетел в квартиру и остановился, тяжело переводя дыхание. Я заметил, что у него была с собой большая кожаная сумка, а когда я увидел, что из кармана пиджака выглядывает фиолетовый платок, то чуть сознания не лишился от такой безвкусицы.

— Спасибо,— поблагодарил крокодил, падая на диван и вытирая пот своим ужасным платком.— Клянусь, вы не пожалеете, что помогли мне. Наша компания очень сильна и никогда не забывает оказанные ей услуги.

— Так вы не один? — невольно содрогнулся я.— Уж не хотите ли вы сказать, что все нильские крокодилы явились в Италию с моим адресом в кармане?

— Я не с Нила, уважаемый синьор. Я прибыл с планеты Дзерба.

— Понимаю, понимаю. Вы, значит, своего рода космический крокодил.

— Конечно, вам это кажется очень странным. Ведь у вас тут крокодилы влачат жалкое, бессмысленное существование в реках или сидят всю жизнь в зоопарках, ни о чем не беспокоясь. На планете Дзерба, напротив, мы, крокодилы, за многие тысячелетия создали высочайшую цивилизацию.

— А люди?

— Подобных четвероногих у нас там нет. Планету населяем только мы.

— Рад за вас,— сухо произнес я.— Вижу, у вас там выпускают превосходные зеленые галстуки...

— Мы выпускаем их всех цветов,— заявил дзержбинский крокодил.— Однако я, например, ношу только зеленые. Это цвет моей фирмы.

— А, так вы, значит, занимаетесь коммерцией?

— Я работаю в фирме «Дзёру», которая выпускает знаменитый стиральный порошок для домашних стиральных машин. Наш девиз: «Где только «Дзёру» применяют,

там о грязи забывают!» И на Землю я прилетел в специальную командировку, чтобы изучить возможности сбыта здесь нашей продукции. Командировка — разведка, понимаете? Нужно изучить местные товары, продукцию конкурирующих фирм, цены и так далее.

— Теперь я действительно начинаю кое-что понимать,— перебил я.— Очевидно, за вами охотятся представители наших земных фирм, выпускающих стиральные порошки. Наверное, хотят воспользоваться вашим, извините, видом и посадить вас в зоопарк. Да, трудные настали времена, дорогой синьор, трудные! Тяжелая конкурентная борьба идет не на жизнь, а на смерть!

— Нет, нет, вы ошибаетесь. Подобной опасности, во всяком случае сейчас, еще нет. Я материализовался, прибыв с планеты Дзерба, всего каких-нибудь полчаса назад, на крыше этого дома. И вы первый землянин, с которым я вступил в контакт. По чистой случайности, должен признаться, не только по крайней необходимости. Опасность исходит для меня совсем с другой стороны — с планеты Морва, что значит мор.

Я вскочил с кресла так, словно сел на кнопку.

— Неужели еще одна планета, населенная крокодилами?

— К сожалению, нет, синьор. Морва населена чудовищными существами. Но самое ужасное, что морвиане тоже выпускают стиральный порошок. Причем он не идет ни в какое сравнение с нашим. Уж мне-то вы можете поверить — я ведь занимаюсь этим делом уже четверть века. И вся беда в том, что морвиане тоже, как говорится, положили глаз на вашу Землю.

— Должно быть, мы прославились во Вселенной как страшные грязнули и неряхи,— заметил я.

Дзербианец не поддержал мою шутку. Он пояснил, что несколько минут назад едва не попался в лапы двум морвианам.

— Если они схватят меня, я исчезну, и Земля, можно сказать, пропадет.

— Для вашей фирмы, вы хотите сказать?

— Пропадет, пропадет, синьор. Вы, земляне, еще не знаете морвиан! По-плохому или по-хорошему они заставят вас покупать огромное количество их стирального порошка. Ваша экономика придет в упадок. Начнутся голод, нищета, войны и революции.

— Забавный вы, однако, тип! — прервал я его.— У нас отличные земные стиральные порошки, их вполне

достаточно, и нам вовсе ни к чему, чтобы являлись сюда всякие дзерббианские крокодилы или морвианские... Кстати, а какие животные живут на Морве?

— Там живут...

Требовательный звон колокольчика украл у меня его ответ.

— Это они,— прошептал крокодил и в волнении вскочил с дивана.— Ради бога, спрячьте меня!

— Но это может быть почтальон или сантехник...

— Это они! Я узнаю их по запаху. Ради всего святого, спрячьте меня в какой-нибудь шкаф!

— У меня есть предложение получше. Раздевайтесь поскорее, и я посажу вас в ванну. Она как раз наполнена теплой водой, потому что я собирался принять ванну, как делаю это каждое утро. И я скажу, что вы мой личный крокодил. Сейчас многие держат дома крокодилов. Никакие законы не запрещают этого. Ну, давайте живее! Все равно другого выхода нет!

Крокодил покраснел.

— Мне неудобно... Раздеваться перед незнакомым человеком...

— О господи, нашли время думать о таких пустяках!

Колокольчик между тем продолжал упорно звенеть. Я затолкнул дзерббианца в ванную и постарался притвориться заспанным. Затем открыл дверь и широко зевнул, будто только что проснулся:

— Что вам угодно?

На лестничной площадке стояли два индюка. Я сразу понял, что это именно индюки, несмотря на красные фраки, в которые они были одеты, и желтые цилиндры, которые они приподняли, приветствуя меня.

— Вы, судя по всему, привыкли встречаться с индюками? — не без лукавства спросил один из них.

— Я встречаюсь с ними обычно за праздничным столом в новогодний вечер,— ответил я,— при этом они всегда хорошо зажарены, окружены гарниром из картофеля, и в качестве приправы я предпочитаю кремонскую горчицу.

— Остроумно,— заметил морвианин,— но неправдоподобно! Впрочем, тот факт, что вы несколько не удивлены нашим появлением, все сразу упрощает. Совершенно ясно, что вы ждали нас и, значит, все знаете. Ясно также, что коммерческий разведчик фирмы «Дзйру» находится в вашем доме. Выдайте нам его. И без всяких фокусов.

Имейте в виду — попытаетесь помешать нам, будете иметь неприятности.

— Какие еще неприятности? — спросил я, притворяясь, будто подавляю зевоту.

Морвианин номер два, не отвечая мне, прошел в прихожую и принялся осматривать квартиру.

— Эй, послушайте! — возмутился я. — Кто дал вам право вторгаться в чужой дом? У вас есть ордер на обыск?

Морвианин номер один тоже вошел в квартиру, потянул два-три раза носом и решительно направился к ванной.

— Кто там? — спросил он, пытаясь открыть дверь, которую осторожный дзербиянец закрыл изнутри.

— Там купается мой крокодил. К вам это не имеет никакого отношения.

— Ваш крокодил, не так ли? Прекрасно. А с каких это пор крокодилы, купаясь, запираются в ванной?

— Он всегда так делает. Он не любит, чтобы его беспокоили, когда моется. Это очень скромное, застенчивое существо.

Морвианин бросил на меня уничтожающий взгляд своим левым глазом. Затем ткнул клювом в дверь, и та рассыпалась в прах. Если уж быть точным до конца, от нее осталось не больше чайной ложечки дымящегося пепла.

— Час от часу не легче! — вскричал я. — Врываются в мой дом, сжигают двери... Да за такие дела полагается каторга!

Я бы, наверное, высказал еще множество других соображений, но тут меня сразило совершенно необыкновенное зрелище — удобно устроившись в моей ванне, спокойно тер себе спину розовый слоненок, причем делал это щеткой с длинной ручкой, которую обычно употребляю для этой операции я. Слоненок радостно затрубил в знак приветствия, а затем окатил морвиан из хобота парой ведер мыльной воды.

— И это, по-вашему, крокодил? — спросил морвианин номер один, вытирая глаза цилиндром.

— Это слон, — пробормотал я, — но зовут его Крокодил. Его могли бы также звать Джумбо, Дум-Дум или Верчинджеторидже... А вам разве не все равно?

— Все равно заберем его, — сказал морвианин номер два. — Уж очень это все подозрительно!

— Не стоит, — сказал первый. — Нам некогда возить-

ся тут со всякими слонами. Этот проклятый дзербианец все-таки провел нас, но он не мог уйти далеко!

— А моя дверь? — возмутился я, следуя за ними к выходу. — Кто мне заплатит за дверь?

— Отправьте счет фирме «Дзіру», — ответил морвианин номер один.

За подобное внезапное остроумие я готов был задуть его. Расставшись с индюками, я бросился в ванную. Зеркало отразило мое лицо — с открытым от удивления ртом оно выглядело на редкость идиотским. А розовый слоненок исчез.

Я вздрогнул, потому что снова зазвонил колокольчик.

— Что еще стряслось? — заорал я в совершеннейшем бешенстве. — Меня нет дома ни для крокодилов, ни для индюков, ни для слонов, ни для носорогов!

И все же я пошел и открыл дверь. В квартиру влетел дзербианский крокодил.

— Извините, — воскликнул он, — я забыл у вас свою сумку!

— Пойдите! — сказал я, придерживая его за рукав. — Вы же должны были сидеть в ванне?

— Только этого еще не хватало! — ответил он, передернувшись. — Они поймали бы меня! Я вылез из окна и забрался на крышу.

— А розовый слоненок?

— Какой еще слоненок?

— Ну тот, что сидел в ванне вместо вас и что без разрешения воспользовался моей щеткой!

Крокодил упал на пол и забился в рыданиях.

— Это конец! — застонал он. — Я не посмею теперь вернуться домой!

— Простите, но в чем дело? Объясните наконец. Имею же я право знать, что происходит в моей ванне!

— Этот слон — агент с планеты Цокка, он работает на фирму «Песс». Если бы вы только знали, какие это негодяи! Они выжидают, пока мы сделаем всю черновую работу, пока отыщем рынки сбыта, подготовим почву, а затем заявляются и продают свой стиральный порошок за полцены, подрывая все наши планы.

Крокодил безутешно рыдал. И вдруг я в ужасе заметил, что он льет свои слезы на персидский ковер, которым так дорожит моя жена.

— Несчастный! Посмотрите, что вы наделали! Уходите, и чтоб чешуи вашей тут не было больше!

Он ушел, утирая слезы своим ужасным фиолетовым платком.

Когда он уже спускался по лестнице, я нагнал его и спросил, почему же морвианские индюки не узнали цоккианского слона.

— Да потому что он переоделся, разве не понимаете?

— Нет, совершенно ничего не понимаю!

— Цоккианцы — не слоны. Это леопарды! И только мне одному известны все их трюки. Да что толку! Прощайте, сеньор, прощайте.

Вот так-то. Потом было опубликовано много разных сообщений по этому поводу, но никто лучше меня не знает истинную причину наших несчастий. Все началось у меня дома, именно так, как я рассказал.

Остальное, к сожалению, уже всем известно. Морвиане, дзербянцы и цоккианцы сговорились и поделили между собой нашу планету, так что теперь нашу старушку Землю и не узнать!

Дзербианцы получили право на монопольную торговлю в Европе и Африке. Видите, во что они превратили Альпы? И следа не осталось от гор Монблан и Червино. Исчезла и Мармолада. И вместо горного хребта, высоких, укрытых ледниками вершин, вместо прекрасных долин на многие километры растянулась высеченная на остатках альпийского хребта гигантская надпись: «Где только «Дзіру» применяют, там о грязи забывают!» Ночью, подсвеченная гигантскими прожекторами, она хорошо видна с Луны. Ничего не поделаешь — межпланетная реклама! Новинка для нашей Галактики.

Морвиане и дзербианцы то же самое сделали с континентами и океанами, которые достались их фирмам. Так что Земля вертится теперь в космическом пространстве простым рекламным шариком.

А звезды на небосводе располагаются ночью так, что образуют рекламу крупной фирмы «Дзер-Мо-Цок», которая была создана недавно предпринимателями трех прежде соперничавших планет. Сейчас эта фирма «выбросила» на Землю новую мастику для паркета. Навсегда изуродован прекрасный рисунок Большой Медведицы, расколоты и другие созвездия, разбит на куски Млечный Путь. И всего лишь маленькой деталькой в буквах «и» светятся звезды Арктур, Антарес и Сириус. По всему небосводу без конца повторяется теперь по вечерам все одна и та же назойливая реклама: «Мастика «Билибонц» блесит, как сотня солнц!»

Мотти и Пакетик

Портрет синьора Корнелиуса

Мотти был умным вором. Инспектор Джеронимо всегда говорил это своему помощнику Де Доминичису:

— Де Доминичис, знаете, что я вам скажу?

— Да, да, слушаю, инспектор.

— Этот Мотти не похож на других воров. У него есть воображение, вот что его отличает. Он изобрел больше трюков, чем Гульельмо Маркони ¹. Вот я и хотел бы знать, что он теперь задумал. Ведь уже больше года, как он не дает о себе знать — ни разу не попадался. А о Пакетике что-нибудь слышно?

¹ Знаменитый итальянский ученый и изобретатель.

— Нет, инспектор.

— Вот-вот. А ведь он всегда работает с Мотти. Это его тень.

— Интересно, почему Мотти, такой умный, связывается с этим Пакетиком, таким глупым?

— Чтобы голова отдыхала. Гению всегда нужен более или менее глупый помощник, чтобы он мог передохнуть, пока тот говорит или слушает. Ведь невозможно все время думать только о чересчур умных вещах.

В это время на другом конце города Мотти показывал Пакетику свое новое изобретение. Разница в характерах и способностях отражалась в их именах. Мотти — это настоящее имя, а Пакетик — всего лишь прозвище. Вориска получил его однажды, когда, ограбив ювелирный магазин, вместо того чтобы сунуть добычу в карман и поскорее смыться, принялся упаковывать часы, кольца и драгоценные камни в пакетик и перевязывать его шелковой ленточкой. Так что полиция смогла сразу же без труда задержать его.

— Не пройдет и двух месяцев, как благодаря этой штуке мы станем богачами,— сказал Мотти, показывая какой-то аппарат.

— Но это, конечно, не фотоаппарат? — спросил Пакетик.

— А что же, по-твоему?

— Очень похоже, но я бы все-таки не стал утверждать, чтобы не ошибиться.

— Можешь утверждать, Пакетик, без всякого опасения. Это действительно фотоаппарат. И сейчас ты увидишь, как он работает. Встань вон там и подумай о чем-нибудь.

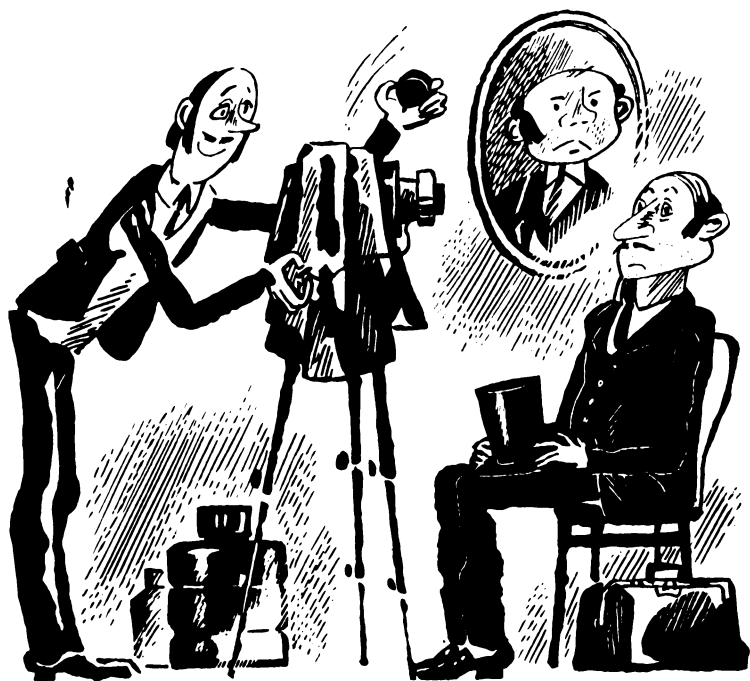
Пакетик послушно встал в позу и постарался подумать о чем-нибудь умном. К сожалению, на ум ему пришла только колбаса, которую он видел однажды в одном колбасном магазине и которая поразила его своей длиной.

Мотти щелкнул затвором, удалился ненадолго в темную комнату, вернулся со снимком и принялся изучать его с помощью лупы.

— Наверное, я плохо вышел,— сказал Пакетик. Интересно, почему у меня на снимках всегда такой глупый вид?

— Колбаса зато вышла очень хорошо,— сказал Мотти.

— Что? Мотти, не уверяй меня, что с помощью этой машины ты можешь фотографировать мысли!

— И все же дело обстоит именно так. Посмотри сам. Пакетик взял лупу, присмотрелся и увидел колбасу. В его голове она тоже была такой длинной, что занимала весь мозг от уха до уха.

— Ты просто молодец, Мотти! Тебе хорошо заплатят, если ты запатентуешь эту штуку.

— Очнись, Пакетик! Есть другой способ заработать деньги побыстрее.

Система Мотти оказалась исключительно простой и продуктивной, как, впрочем, и все другие его изобретения. Дня через два в городе начались прямо-таки фантастические кражи. Один богатый человек, который никогда никому не доверял секрет своего сейфа, обнаружил, что тот пуст. И инспектор Джеронимо не нашел ни малейших следов взлома. А по ночам банки, казалось, сами открывались, чтобы пропустить воров. Один старый скупец, который прятал свои деньги на балконе в горшке с геранью и никогда ни одной душе не говорил об этом, чуть не сошел с ума от огорчения, когда горшок исчез.

— Это работа Мотти,— сказал инспектор Джеронимо, когда зафиксировали уже двадцатую кражу.— Пойдем-ка навестим его.

Пошли, он и Де Доминичис. И обнаружили, что Мотти и Пакетик занялись честнейшим делом. Они стали фотографами. Пакетик снимал клиентов в ателье. Мотти ходил по городу и снимал на улицах.

— Новый год — новая жизнь! — улыбнулся Пакетик, с поклоном встречая гостей.

— Новый год? Но ведь у нас сейчас август!

— Никогда не поздно начать честную жизнь,— возразил Мотти, появляясь из темной комнаты с пленкой в руках.

Когда полицейские ушли, Мотти подмигнул Пакетику и показал ему свою новую жертву. Он незаметно снял синьора Корнелиуса, самого богатого человека в городе, и в его мыслях можно было легко, как в книге, прочитать, что тот собирается на следующий день уехать в Париж и взять с собой в черной кожаной сумке сто миллионов. Когда он уезжал, Мотти и Пакетик тоже были на вокзале, и сумка исчезла.

Сто миллионов это не сто орешков. Мотти и Пакетик разделили их по-братски, закрыли фотоателье и удалились от дел.

— Эти двое обвели меня,— проворчал инспектор Джеронимо, узнав об этом.— Нужны, однако, доказательства. Мотти так хитер, что, если мы арестуем его без улик, он может высмеять нас на суде. Давай сначала заглянем к Пакетику.

Пошли он и Де Доминичис. Пакетик жил в скромном домике на окраине города. Он принял их в огороде, в домашней одежде, потому что окучивал клубнику.

— Мое почтение, инспектор,— радостно улыбнулся он,— приветствую вас, бригадир Де Доминичис. Не хотите ли пройти в дом?

А там инспектор Джеронимо увидел над комодом фотографию, вставленную в красивую серебряную рамку.

— Это мой дядя Густав,— объяснил Пакетик.— Очень хороший человек! Оставил мне небольшое наследство, поэтому я и бросил дело.

— Твой дядя Густав почему-то как две капли воды похож на синьора Корнелиуса,— заметил инспектор.

— Ну что вы! Они даже незнакомы. Корнелиус... Надо же! Ах, будь у меня его миллионы...

— Кто знает,— заметил инспектор Джеронимо.— Может статься, они именно у тебя.

Он снял портрет со стены и просто так, по привычке, словно его интересуют отпечатки пальцев, принялся рассматривать его с помощью лупы, с которой никогда не расставался. Ну и, разумеется, поскольку зрение у него было хорошее, он увидел то, что нужно было. Он увидел в голове синьора Корнелиуса мысль о черной сумке со ста миллионами и даже время отхода поезда.

— Вот, значит, что изобрел Мотти! — воскликнул он не без восхищения.

Пакетик побледнел и проклял про себя тот день, когда решил выразить признательность синьору Корнелиусу, повесив на стене его портрет — тот самый фотопортрет, который Мотти так советовал сжечь.

Мотти и Пакетик оказались в одной камере, что, впрочем, вполне справедливо. Пакетик поначалу со страхом ожидал упреков от своего руководителя. Но Мотти был истинным джентльменом — он никогда не опускался до грубых слов.

— Идея Мотти была гениальна,— комментировал позднее инспектор.— Ведь в самом деле большинство людей только и думает, что о своих деньгах, хотя можно думать о стольких других прекрасных вещах. Не так ли, Де Доминичис?

— Совершенно с вами согласен, инспектор.

Заколдованная пластинка

Пакетик был большим любителем современной эстрадной музыки. Он целые дни проводил в магазинах грампластинок и с увлечением слушал там разные песенки. Вечером он возвращался с горящими глазами, возбужденный, и ноги его танцевали сами собой даже в кровати.

— Сегодня слушал такую пластинку!.. Чуть с ума не сошел! — рассказывал он Мотти.

— Вижу,— отвечал Мотти, отрываясь от рассказа в картинках, который он рассматривал, чтобы пополнить свое образование.

— Каким образом, Мотти, дорогой мой?

— Ты же знаешь, я хорошо разбираюсь в людях.

— И что же ты еще увидел, Мотти, в своем драгоценном Пакетике?

— Я заметил, что с некоторых пор ты очень часто употребляешь выражение «сойти с ума».

— Это опасно? Может быть, мне следует показаться какому-нибудь врачу или специалисту по грамматике?

— Думаю, что выражение «сходить с ума» принесет нам именно то, что нужно.

— Нужно, Мотти? Но ведь нам ничего не нужно. У тебя еще гора рассказов в картинках, а у меня — еще двести магазинов грампластинок, в которых надо побывать.

— Нужно что-то отложить и на старость, Пакетик. И нам придется самим позаботиться об этом, потому что правительство, к сожалению, пока еще не установило пенсию для воров.

— Я не умею думать, Мотти, ты ведь прекрасно знаешь это. Последний раз после того, как я думал, у меня две недели болела голова.

Мотти подумал, подумал, а потом недели две что-то делал. Ходил в какие-то лаборатории... Принес домой множество странных приборов... Он забросил рассказы в картинках и читал труды по электронике, от страха перед которыми у Пакетика мурашки пробегали по коже.

— Оставь ты все это, Мотти,— советовал он.— У меня голова кружится от одного вида этих книг.

Однажды вечером Мотти вернулся домой с квадратным конвертом.

— Постой, Мотти,— сказал Пакетик,— на этот раз я точно знаю, что ты купил. Пластинку!

— Я не покупал ее.

— Но это же пластинка. Как это мило с твоей стороны! Ты знаешь, что я обожаю музыку...

— Успокойся, Пакетик. Сядь и послушай.

— Хорошо, Мотти, сажусь и слушаю.

Он действительно приготовился слушать — сидел весь внимание. А через секунду он уже сходил с ума в диком, безудержном танце — вскакивал на стол, прыгал на стульям, размахивал как безумный руками, тряс головой и издавал такие вопли, что стекла дрожали.

— Что такое, Мотти? Что случилось? — удивился он, отирая пот со лба, когда музыка умолкла.— Почему не ставишь пластинку?

— Я поставил ее.

— Так что же, она беззвучная, что ли? Или это какой-нибудь шутка?

— Это заколдованная пластинка, Пакетик. Пластинка, которая сводит с ума. Ты танцевал все время, пока она звучала, и даже не помнишь этого.

— А ты? Ты тоже танцевал? Я не видел. Ты все время сидел за столом, Мотти.

Мотти вынул из ушей два больших ватных тампона.

— У меня было вот это,— объяснил он.

— Ради бога, Мотти, объясни мне, что происходит? Что ты изобрел на этот раз?

— Пластинку, которая сводит с ума. В буквальном смысле, а не в переносном. Слишком долго было бы объяснять, как я это сделал, какие использовал акустические законы и так далее. Достаточно сказать, что эта пластинка действует на нервную систему. Тот, кто слушает ее, не может не танцевать. И пока танцует, так захвачен танцем, что ничего не замечает. А когда музыка умолкает, тут же обо всем забывает.

Пакетик подумал немного, рискуя вызвать головную боль.

— Не понимаю,— сказал он затем,— если я ничего не замечаю — какое же это развлечение?

Мотти объяснил ему — терпеливо и старательно подбирая самые простые и ясные слова, чтобы Пакетик не очень пострадал от них,— в чем состоит развлечение. К концу объяснения Пакетик так широко открыл глаза, что даже не мог закрыть их и в ту ночь ему пришлось спать и видеть сны с открытыми глазами.

Утром Мотти и Пакетик вместе вышли из дома.

Выбрали магазин грампластинок, где было особенно много народу.

Прежде чем войти, хорошенько заткнули себе уши ватой.

— Смотри, Пакетик, горе тебе, если вздумаешь вынуть вату. Забудь свою любовь к музыке. На повестке дня стоят более важные вопросы.

— Я скорее отрежу себе уши, чем выну вату, Мотти.

На этот раз Пакетик сдержал слово. Он устоял перед всеми соблазнами, не вынул вату и вел себя как настоящий, вполне сложившийся вор, каким он в сущности и был. Все прошло великолепно. Мотти попросил у продавца какую-то пластинку, прошел в кабину для прослушивания, поставил на проигрыватель заколдованную пластинку, которую принес с собой, и, не сомневаясь в успехе, распахнул дверь кабины...

Стоило музыке зазвучать на весь магазин, как начался конец света. Затанцевали даже продавцы и продавщицы — они прыгали по прилавкам, забирались на самые высокие шкафы и, словно обезьяны, цеплялись за люстры.

Покупатели вели себя точно так же. Солидные мужчины, которые пришли в магазин, чтобы купить Девятую симфонию Бетховена в исполнении оркестра под управлением Тосканини, танцевали, как студенты-первокурсники на карнавале. Элегантные дамы средних лет, которые минуту назад еще колебались, не зная, что же выбрать — танго Бьянки или романс Тости, плясали, как девчонки в джинсах на концерте Битлзов. Все буквально сошли с ума.

Пакетик, вежливый и спокойный, ходил между танцующими и не упустил никого.

— Позвольте! Я только на минуту возьму ваш бумажник. Благодарю, все в порядке. Можете продолжать танец, приятного развлечения! Синьора, будьте добры, вашу сумочку. Спасибо, вы очень любезны! Молодой человек, можно вас на минутку? Мне нужно осмотреть ваши карманы. Вот и все. Вы свободны! Танцуйте, танцуйте!

В три минуты он наполнил баул, который принес с собой, бумажниками, дамскими сумочками, кошельками и разной мелочью. Когда же ему показалось, что работа закончена, он подмигнул Мотти и вышел из магазина.

А Мотти спокойно дождался, пока пластинка доиграет до конца. Он снял ее, положил в большой карман, который был у него на подкладке пальто, протиснулся сквозь толпу покупателей, которые уже вернулись в прежнее состояние и совершенно не помнили, что с ними только что было, вернул продавцу пластинку, сказал, что зайдет в другой раз, поблагодарил, попрощался и ушел, насвистывая веселую песенку.

Минуту спустя в магазине грампластинок снова начался конец света, только теперь уже совсем другого свойства. Синьор, который решил купить Девятую симфонию, обнаружил, что у него нет бумажника. То же самое произошло и со всеми остальными.

— Моя сумочка!

— Мои деньги!

— У меня все украли!

Кассирша упала в обморок — Пакетик не забыл прихватить и всю утреннюю выручку.

Комиссар Джеронимо, прибывший на место происшествия по вызову хозяина магазина, ничего не понимал. Карманник может украсть один бумажник, может украсть три. Но каким образом этот вор, который побывал тут, смог обчистить десятки и десятки карманов, да еще так, что этого никто не заметил?

— Знаете, мы слушали музыку...— попыталась объяснить одна синьора.

— И все были в невероятном экстазе, не так ли? — с иронией подхватил комиссар.— Ну-ка, Де Доминичис, соберите показания. Пока нам не остается ничего другого.

Бригадир Де Доминичис составил протокол допроса на двенадцати страницах. У него рука заболела — столько он писал. К великому огорчению, часа через три ему снова пришлось поработать шариковой ручкой — таинственный карманник побывал еще в одном магазине грампластинок.

А в это время Мотти и Пакетик в спокойной домашней обстановке составляли опись награбленного. Пакетик разложил на столе в строгом порядке тридцать семь бумажников, двадцать пять сумочек и разные другие емкости для денег: конверты, сложенные вдвое открытки и даже один завязанный узелком платочек.

— Находятся же еще люди, которые носят деньги в платочке! — недовольно проворчал он.— Это же просто оскорбление для фирм, которые выпускают кожгалантерею. Интересно...

— Что тебе интересно, мой славный Пакетик?

— Интересно, у кого я взял этот узелок? Там, во втором магазине, была одна старушка... Совсем седая старушка! Очень похожа — теперь я вспоминаю — на мою бедную маму. Может, она выбирала пластинку для внука, в подарок ко дню рождения. Ай-ай-ай...

— Что еще, Пакетик?

— А вдруг он болен?

— Кто?

— Этот мальчик. Тот, которому старушка хотела подарить пластинку. Представляешь, Мотти, а вдруг у него краснуха? И он должен лежать в постели, все время один,— ведь детей к нему не пускают. Ты же знаешь, Мотти, что больных краснухой изолируют! Бедный малыш!

— Прости, но с чего ты взял, что он болен?

— Я чувствую это, Мотти. Мне говорит об этом какой-то голос... Мотти, дорогой, он болен! И его бабушка, совсем седая бабуленька, достала из комода свои сбережения, завязала их в узелок и пошла покупать пластинку, чтобы внуку было не так скучно... И вместо этого...

— Пакетик, ты хочешь, чтобы я прослезился?

— Нет, Мотти, не надо плакать. Я сам уже плачу, видишь... Не знаю, что со мной творится. Это все из-за платочка. Он напомнил мне мою бедную маму. Мотти, дорогой, а нельзя было бы хотя бы этот платочек...

— Что, Пакетик? Объясни же наконец толком, а то действуешь на нервы.

— Не сердись, Мотти. Я подумал, что хотя бы раз... Ну что нам стоит отказаться от этой горсти монет в узелке? Там и двух тысяч лир¹ не наберется...

— Ладно, Пакетик. Договорились. Завтра утром вернешься в магазин и сделаешь вид, будто нашел этот узелочек на полу.

— Ну, а как они узнают, что он принадлежит старушке? Ах, Мотти, Мотти, если б ты мог вернуть его ей. Ты такой умный, Мотти! Ты бы просто осчастливил меня.

Пакетик горестно рыдал, вспоминая свою бедную маму, платочек, старушку, краснуху...

Мотти пришлось довольно долго думать, чтобы найти способ осушить эти слезы.

— Пакетик,— сказал он, поразмыслив.— Что было в магазинах, после того как мы ушли?

— По-моему, Мотти, ничего особенного. Вызвали полицию, полиция опросила присутствующих и составила список ограбленных. Вот и все, Мотти, больше ничего, уверяю тебя.

— Значит, в полиции есть и адрес старушки.

— О господи, Мотти! Ну конечно!

— Так вот, если мы вернем только платочек, это вызовет подозрение, и старушка будет иметь неприятности.

— О нет, только не это, Мотти! Ни за что на свете!

— Тогда нужно вернуть все, Пакетик! И не только во второй, но и в первый магазин. Полиция совсем прекратит следствие, и старушку оставят в покое. Ты ведь знаешь этого несчастного комиссара Джеронимо — дай ему хоть какой-нибудь след, дай ему старушку, даже самую маленькую, и он доведет дело до конца. Ну как, решено?

— Решено, Мотти. Ты просто ангел!

На следующее утро владельцы обоих магазинов нашли возле дверей узлы с бумажниками, сумочками и тому подобным.

¹ Тысяча лир — примерно один рубль.

С помощью списков, составленных бригадиром Де Доминичисом, быстро отыскивали пострадавших и вернули им все, что было украдено. И старушке тоже вернули узелочек, хотя у нее не было никаких внуков — ни больных, ни здоровых, она просто любила музыку и экономила на ужине, чтобы купить пластинку с прелюдиями Шопена.

— Поистине загадочный случай, комиссар,— заявил Де Доминичис.

Комиссар Джеронимо не ответил. Он подумал, что никогда не угадаешь, что творится в душе человека, даже если этот человек вор, и закрыл дело.

Кукла на транзисторах

— Ну и что же? — спросил синьор Фульвио у синьоры Лизы, своей жены, и синьора Ремо, своего шурина.— Что же мы подарим Энрике на Новый год?

— Красивый барабан! — с готовностью предложил синьор Ремо.

— Что?!

— Ну да, большой барабан. С палочками, чтобы бить в него! Бам! Бум! Бам! Бум!

— Ну что ты, Ремо! — удивилась синьора Лиза, которой он приходился братом.— Такой барабан занимает слишком много места. И потом, что скажет жена мясника?!

— Я уверен,— продолжал синьор Ремо,— что Энрике очень понравилась бы пепельница из цветной керамики в виде лошади, а вокруг нее много других маленьких пепельниц, тоже из цветной керамики, только в виде головки сыра качкавала.

— Энрика не курит,— строго заметил синьор Фульвио.— Ей всего семь лет.

— Ну тогда серебряный череп,— снова нашел выход из положения синьор Ремо.— Или медный ящичек для ищириц, а можно еще открывалку для черепаш или пульверизатор для фасоли в виде зонтика...

— Ну, что ты, Ремо,— возразила синьора Лиза,— мы же серьезно говорим.

— Ладно. Буду серьезен. Два барабана. Один, настроенный на до, другой — на соль.

— Я знаю,— перебила его синьора Лиза,— что понравится Энрике! Хорошая электронная кукла на транзисторах, исполняющая множество команд. Знаете, из тех кукол, которые умеют ходить, говорить, петь, записывать телефонные разговоры, ловить стереофонические радиопередачи и ковырять в носу.

— Согласен! — заявил синьор Фульвио со всей категоричностью отца семейства.

— Ну, а мне все равно. Покупайте что хотите. Я пошел спать,— сказал синьор Ремо.

Прошло несколько дней, и наступил Новый год со множеством ярких игрушек, украшающих витрины всех магазинов, со множеством пепельниц в виде маленького флорентийского писца, выставленных повсюду, где только можно, и со множеством волынщиков — подлинных и поддельных, со снегом на альпийских вершинах и туманом в Поданской долине.

Новая кукла уже сидела под новогодней елкой и ждала Энрику. Дядя Ремо — это все тот же синьор Ремо, который синьору Фульвио приходился шурином, синьоре Лизе — братом, а для дворника был просто счетовод, для продавца в газетном киоске — покупатель, для городского стражника — пешеход, а для Энрики — дяди (как же много разных людей может соединиться в одном человеке!), так вот, этот дядя Ремо с насмешкой посмотрел на куклу. Надобно вам сказать, что потихоньку от всех он очень серьезно изучал колдовство и мог, к примеру, одним только взглядом расколоть мраморную пепельницу. А теперь он прикоснулся к кукле в нескольких местах, передвинул кое-какие транзисторы, снова усмехнулся и ушел в кафе. Тут в комнату вбежала Энрика и испустила радостный крик, который родители с наслаждением подслушали из-за двери.

— Какая красивая! Какая чудесная кукла! — в совершеннейшем восторге вскричала Энрика.— Я сейчас же приготовлю тебе завтрак!

Она принялась торопливо рыться в углу, где лежали игрушки, отыскивала там большие чашки для кофе, блюдца, стаканы, вазочки, бутылочки и так далее и расставила все это на кукольном столике. Затем велела новой кукле пойти на свое место, позвать несколько раз «маму» и «папу», наконец, повязала ей на шею салфетку и собралась кормить ее. Но кукла, едва девочка отвернулась на минутку, хорошим пинком отшвырнула накрытый стол. Блюдца разбились, чашки покатались по полу и, ударив

шись о батарее, тоже раскололись, и от них остались одни черепки...

Тут, разумеется, прибежала синьора Лиза. Она испугалась, что Энрика ударились или поранилась. Прибежала и, не разобравшись, в чем дело, тут же накричала на дочь, назвав ее «плохой, противной девчонкой», и добавила:

— Вот какая ты нехорошая! Обязательно в Новый год надо что-то натворить. Смотри, будь осторожна, а то заберу у тебя куклу, и ты больше не увидишь ее!

И ушла в ванную комнату.

А Энрика, оставшись одна, схватила куклу, отшлепала ее как следует, назвала ее «плохой, противной девчонкой» и упрекнула в том, что она устраивает неприятности как раз в Новый год:

— Смотри, води себя хорошо, а то запру в шкаф и не выпущу больше оттуда!

— Почему? — спросила кукла.

— Потому что ты разбила блюдца.

— А я вовсе не хочу играть с ними, — заявила кукла. — Я хочу играть с машинками.

— Я тебе покажу машинки! — рассердилась Энрика и шлепнула ее еще разок. Кукла не растерялась и вцепилась ей в волосы.

— Ой! Что ты делаешь? Почему ты бьешь меня?

— Законная самозащита, — ответила кукла. — Ты же сама научила меня драться! Ты первая ударила. Я и не шала, как это делается.

— Ну ладно, — ответила Энрика, желая сменить тему разговора. — Будем играть в школу! Я буду учительницей, а ты — ученицей. Вот твоя тетрадь. Я вижу, ты сделала в диктанте много ошибок, и я ставлю тебе двойку!

— А при чем здесь эта цифра «два»?

— При том, разумеется. Так делает в школе учительница. А кто пишет без ошибок, тому она ставит пять.

— Почему?

— Потому что так учатся!

— Ну и насмешила ты меня!

Я?!

А кто же! — ответила кукла. — Ну подумай сама — ты умеешь ездить на велосипеде?

Конечно!

А когда училась и падала с него, тебе кто-нибудь ставил двойку или кол?

Энрика в смущении замолчала. А кукла продолжала:

— Вот подумай: когда ты только еще училась ходить и вдруг ни с того ни с сего садилась на пол, твоя мама ставила тебе на попку двойку?

— Нет...

— Но ходить ты все равно научилась? И говорить научилась, и пить, и есть, и пуговицы застегивать, и шнурки завязывать, и зубы чистить, и уши мыть, и открывать и закрывать двери, и звонить по телефону, и включать проигрыватель и телевизор, и спускаться и подниматься по лестнице, и бросать и ловить мяч, и отличать своего дядю от незнакомого человека, собаку от кошки, холодильник от пепельницы, ружье от штопора, сыр пармезан от горгонзолы, правду от лжи, воду от огня. И все это без каких бы то ни было отметок, плохих или хороших. Не так ли?

Энрика притворилась, будто не заметила вопросительного знака, и предложила:

— Давай я вымою тебе голову!

— Ты с ума сошла? В Новый год...

— Но я очень люблю мыть куклам голову!

— А я очень не люблю, когда мне мыло попадает в глаза!

— Ну знаешь! Ты — моя кукла, и я могу делать с тобой что захочу. Ясно?

Это «ясно?» было из словаря синьора Фульвио. И синьора Лиза тоже нередко завершала свои разговоры этим выразительным «ясно?». Теперь настала ее, Энрики, очередь заставить уважать свои родительские права. Но кукла, похоже, даже не обратила внимания на это веское слово. Она забралась на самую верхушку елки, разбив по пути несколько цветных лампочек, и стала раскачиваться, как на качелях.

Энрика, чтобы не ругаться с нею, отошла к окну. Во дворе мальчишки играли с мячом, катались на самокате, на велосипеде, пускали стрелы из лука, играли в кегли.

— Почему ты не пойдешь во двор поиграть с ребятами? — спросила кукла, засунув палец в нос, чтобы подчеркнуть свою независимость.

— Там одни мальчишки, — ответила Энрика. — Они играют в мальчишеские игры. А девочки должны играть в куклы. Они должны учиться быть хорошими мамами и хозяйками, должны уметь накрывать на стол, стирать, чистить обувь для всей семьи. Моя мама всегда чистит ботинки папе. И сверху и снизу.

— Бедняжка!

— Кто?

— Твой папа! У него, значит, нет рук...

Энрика решила, что настал самый подходящий момент дать кукле пару хороших пощечин. Чтобы добраться до нее, надо было залезть на елку. Ну а елка, разумеется, не растерялась и тут же воспользовалась случаем, чтобы свалиться на пол. Вдребезги разбились лампочки и стеклянные игрушки — ужас! А кукла оказалась под столом и решила, что в этой ситуации лучше всего захныкать. Однако она первая забеспокоилась и бросилась к Энрике:

— Ты не ушиблась?

— Я не хочу с тобой разговаривать! — заявила Энрика. — Это ты во всем виновата! Ты невоспитанная кукла. Уходи! Ты не нужна мне больше!

— Наконец-то! — воскликнула кукла. — Теперь-то ты наконец поиграешь с машинками!

— И не подумаю! — возразила Энрика. — Возьму мою старую тряпичную куклу и буду играть с ней.

— Ах, вот как! — вскричала новая кукла. Она осмотрелась, нашла тряпичную куклу, схватила ее и вышвырнула в окно — сквозь стекла, даже не открывая его.

— Я буду играть с моим плюшевым мишкой! — заявила Энрика.

Новая кукла отыскала плюшевого мишку и забросила его в мусорный бак. Энрика расплакалась. Родители услышали ее плач и прибежали как раз вовремя, чтобы увидеть, что новая кукла завладела ножницами и напропалую кромсает наряды из кукольного гардероба.

— Что это за безобразие! — вскричал синьор Фульвио.

— Ох я несчастная! — вскричала синьора Лиза. — Думала, что купила куклу, а оказывается, принесла в дом ведьму!

Папа и мама бросились к маленькой Энрике, подхватили ее на руки, стали ласкать, жалеть, целовать.

— Паф! — сказала кукла с самого верха шкафа, куда она забралась, чтобы подрезать свои волосы, которые, по ее мнению, были слишком длинными.

Ты слышала? — испугался синьор Фульвио. — Она сказала «паф!» Этому ее мог научить только твой брат!

Синьор Ремо появился в дверях, словно его кто-то позвал. Ему достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что происходит.

Кукла подмигнула ему.

— Что случилось? — спросил дядя, притворившись, будто с неба свалился.

— Она не хочет быть куклой, — захныкала бедная Энрика. — Бог знает, что о себе возомнила!

— Я хочу пойти во двор и играть в кегли! — заявила кукла, посыпая сверху пряди волос. — Я хочу барабан! Хочу и лес, на луг, в горы! Хочу кататься на самокате! Хочу стать физиком-атомщиком, железнодорожницей, педиатром. И еще сантехником! И если у меня будет дочь, я пошлю ее в спортивный лагерь. И если она вздумает мне сказать: «Мама, и хочу быть домашней хозяйкой, как ты, и чистить

обувь своему мужу. Сверху и снизу», — я отправлю ее и наказание в бассейн, а затем поведу в театр.

— Да она с ума сошла! — сказал синьор Фульвио.

Наверное, у нее испортился какой-нибудь транзистор.

— Ну-ка, Ремо, — попросила синьора Лиза, — взгляни, в чем там дело. Ты ведь разбираешься в этом.

Синьор Ремо не заставил себя долго упрашивать. И кукла тоже. Она прыгнула ему на голову и стала делать сальто-мортале. Синьор Ремо прикоснулся к кукле в нескольких местах, что-то повернул, что-то подкрутил, и кукла превратилась в микроскоп.

— Ты ошибся, — заметила синьора Лиза.

Синьор Ремо снова что-то подкрутил. Кукла преври-

тилась в диапроектор, в телескоп, в роликовые коньки, в стол для игры в пинг-понг.

— Но что ты делаешь? — удивился синьор Фульвио. — Ты сейчас совсем испортишь ее! И где ты видел куклу, которая походила бы на стол?

Синьор Ремо вздохнул и еще что-то покрутил. Кукла опять стала нормальной говорящей куклой с длинными волосами.

— Мама, — сказала она на этот раз кукольным голосом, — я хочу устроить стирку.

— О, наконец-то! — воскликнула синьора Лиза. — Вот это другой разговор. Ну-ка, Энрика, поиграй со своей куклой. Еще успеешь провести хорошую стирку до обеда.

Но Энрика, на глазах у которой происходили все эти превращения, похоже, была в чем-то неуверена. Она посмотрела на куклу, на дядю Ремо, на родителей и наконец с глубоким вздохом произнесла:

— Нет, я хочу пойти во двор и играть там с ребятами в кегли. И может быть, даже стану делать сальто-мортале.

Зеленое яйцо

Старый Омобоно жил в маленьком домике на окраине села совсем один. Жена его давно умерла, а детей у него не было. Так что компанию ему составляли куры в курятнике, боров в свинарнике да осел в хлеву. Осел помогал обрабатывать землю. Боров ни в чем не помогал. Однако Омобоно знал, что кормит его не напрасно, — рано или поздно он обернется ветчиной, колбасой и сосисками. Ну а куры несли ему яйца.

И вот однажды утром Омобоно сходил в курятник за свежими яйцами и, вернувшись в дом, вдруг обнаружил в корзине среди белых яиц одно зеленое.

— Такого я еще никогда не видел, — проворчал он. Старики, известное дело, нередко разговаривают сами с собой вслух. — Зеленое яйцо! Готов спорить, что его снесла Пимпа. Эта курица уже давно стала какой-то странной, будто кто-то запугал ее. Зеленое яйцо! Прямо хоть пиши об этом в газету.

Он взял яйцо и поднес к уху.

— Надо же! Вот так новости! Яйцо, а гудит, как машина. Словно там мотор вместо желтка.

Старик положил белые яйца в буфет, а зеленое — на стол и принялся разглядывать его. Гула вроде не было, но

стоило Омобоно приложить яйцо к уху, как он снова слышал его.

Тогда Омобоно взял ложечку, осторожно разбил скорлупу и отколупнул два или три кусочка, чтобы заглянуть внутрь, но испугался и положил яйцо на стол. И тут из отверстия в скорлупе вдруг один за другим начали выскакивать крохотные, ростом не больше ногтя, человечки. Омобоно насчитал сначала десять человечков, потом еще десять и еще... И каждый что-то нес на спине или тащил за собой на невидимой веревочке, только непонятно было, что именно. В одно мгновение человечки разбежались во все стороны. Кто спешил сюда, кто — туда. Некоторые как будто что-то забивали молоточками, другие пилили. А все вместе — работали дружно, быстро, старательно и совершенно бесшумно. Но когда Омобоно наклонился к столу и прислушался, ему показалось, что он слышит удары топора, скрип, скрежет и даже чьи-то повелительные голоса.

«Это, наверное, какие-нибудь начальники», — решил Омобоно.

А минут через десять человечки уже построили что-то очень похожее на железную дорогу, которая вышла из яйца и очертила вокруг него исключительно ровную окружность радиусом в пятьдесят сантиметров. Затем из яйца выехал поезд, состоящий из двадцати вагонов, каждый из которых был не длиннее спички. Локомотив (это был, наверное, электровоз, потому что он не дымил) был короче, но довольно массивный. Поезд бежал по рельсам, точно игрушечный. Он часто останавливался, и человечки что-то выгружали из вагонов. Тут Омобоно вспомнил, что у него где-то есть лупа. Он отыскал ее в ящике буфета и увидел с ее помощью, что они выгружали автомобили, велосипеды, тракторы, подъемные краны, строительные конструкции, детали домов, двери, окна, разного рода мебель и машины, много машин, бесконечное множество легковых машин. Разгрузив вагоны, человечки тут же принялись разносить вещи во все стороны, словно у них в голове был четкий план. Впрочем, план этот скоро стал ясен и Омобоно.

— Да ведь они строят у меня на столе целый город. И как отлично все делают!

Поезд, совершив круг, возвращался к яйцу, въезжал в него и спустя немного выезжал с новым грузом. А кроме того, из яйца беспрестанно появлялись все новые и новые человечки. Омобоно насчитал их сначала по

сколько десятков, затем несколько сотен, а потом и считать перестал — ясно, что их было теперь уже не меньше десяти тысяч. А из яйца все выбегали и выбегали новые — парами, группами, в одиночку. И казалось, они уже хорошо знают, куда именно им надо идти, потому что сразу же без колебания направлялись в тот или иной квартал города... Да, да, уже появились кварталы, улицы, и по ним проносились туда и сюда машины, куда-то спешили пешеходы, работали магазины, из окон домов выглядывали люди, во дворах играли дети...

— Ай да молодцы! — подивился Омобоно, рассматривая сквозь лупу то один, то другой уголок города.

А потом вдруг из яйца вынесся целый табун лошадей, а за ними выбежали собаки, кошки, вылетели птички — маленькие, еле видимые, меньше самой малюсенькой мошки — и полетели над крышами домов, а некоторые даже принялись строить гнезда.

От удивления Омобоно даже выронил лупу. К счастью, она упала рядом с городом, иначе наверное убила бы кого-нибудь. И тут человечки вдруг замерли. Очевидно, удар лупы о стол показался им оглушительным раскатом грома. Затем, как будто кто-то успокоил их, они снова принялись за работу.

— Жаль, что не слышно о чем они говорят, — огорчился Омобоно. — Интересно, что же все это значит...

И тут ему пришла в голову одна мысль. Он вышел из дома, осторожно закрыв двери на ключ, и отправился на поиски того, что ему понадобилось.

Продавец в магазине очень удивился:

— Усилитель? Динамик? Микрофон? Зачем вам все это?

— Хочу послушать, о чем говорят муравьи, — отрезал Омобоно. — Какое вам дело? Скажите, сколько это стоит, и до свидания.

— Ладно, не сердитесь. В конце концов мое дело продавать, а не интересоваться, кто и зачем покупает эти вещи.

— Вот и отлично. Сколько?

Омобоно уплатил, попросил объяснить, как пользоваться этими устройствами, и вернулся домой, не обращая внимания на людей, которые оборачивались ему вслед, потому что привыкли видеть его с лопатой или мотыгой на плече.

А дома Омобоно ожидал новый сюрприз.

— Черт возьми, готов поклясться, что человечки выросли, а город стал больше и дома выше. Не резиновые же они, чтобы так раздуться.

Город занимал теперь почти весь стол, а человечки были уже в два раза выше ростом.

— Ну-ка посмотрим,— решил Омобоно,— что из этого выйдет?

Он расположил приборы так, как ему объяснили в магазине, надел наушники, как у телеграфиста, поправил держатели и стал слушать. Теперь звуки слышны были громко и отчетливо: шум двигателей, тарахтенье моторов, крики детей, голоса на стройплощадке, шум поезда, который без усталы ездит в яйцо и обратно.

— Алло, алло! — услышал он вдруг голос, перекрывший все остальные звуки.

И тут умолкли все другие голоса, машины остановились, и город замер в полной тишине.

— Внимание, внимание! Выходим на связь с землянином! Нам неизвестны его намерения, поэтому объявляется Малая Тревога!

— Вот это да! — удивился Омобоно. — Они хотят говорить со мной... Надо полагать, именно со мной, ведь единственный землянин тут — это я... Гм, а они? Разве они не земляне? Ведь их же снесла моя курица!

— Алло, алло! — снова раздалось в наушниках. — Мы обращаемся к землянину, который слушает нас. Вам хорошо слышно?

— Да куда уж лучше! — ответил Омобоно. — Только объясните мне, кто же вы такие и что делали в яйце моей курицы? Да, и долго ли собираетесь занимать мой стол?

— Прежде всего,— услышал он в ответ,— предупреждаем вас, что вы лишены возможности причинить нам какой-нибудь вред. То обстоятельство, что мы пока еще такие маленькие, не должно вводить вас в заблуждение. Мы способны спастись от любого нападения. К тому же мы его не провоцируем.

— Хорошенькое дело,— ответил Омобоно. — Послушаем, что вы еще расскажете.

— Да будет вам известно, что мы прибыли с очень далекой и совершенно не известной вам планеты. К сожалению, в последние века условия жизни там стали совершенно невыносимыми. Наше солнце начало остывать, вся растительность погибла, ледяной панцирь покрыл один за другим все наши города. Спасть можно было,

только покинув планету и переселив всех ее обитателей в другие миры Вселенной. Вы меня слышите?

— Слышу, слышу и даже записываю ваш рассказ на магнитофон.

— Мы делаем то же самое. Наш Комитет общественного спасения после тщательного изучения проблемы предложил следующее. Все население планеты и животные, которые еще не погибли, а также города, фабрики, заводы и вообще вся техника, созданная нашей цивилизацией, все с помощью особой системы, которую я не стану вам объяснять, потому что вы все равно ее не поймете...

— Вот уж спасибо!

— ...одним словом, все и вся было уменьшено до ультрамикроскопических размеров и помещено в семечко тыквы, которое с помощью специальной системы передачи на расстояние было сброшено на вашу Землю.

— Вернее, ко мне во двор... А моя курица склевала его... И снесла яйцо... И вы вышли из него...

— Да, именно так все и было.

— Сколько же вас всего?

— Очень мало, к сожалению. Не более тридцати миллионов.

— Тридцати — чего?

— Миллионов.

— И что же вы от меня хотите? Чтобы я держал в доме тридцать миллионов гостей? Думаете, я в силах вас всех прокормить? Дорогие мои, я начинаю думать, что вам было бы лучше вернуться внутрь яйца... Эй, что случилось? Что такое? Куда вы делись?

Город, машины, человечки, железная дорога — все вдруг исчезло, словно по мановению волшебной палочки. На столе лежало только зеленое яйцо с дырочкой на боку.

— Вы там, что ли, внутри? — спросил Омобоно.

Никто не ответил. Но из яйца теперь, как и прежде, снова доносился гул. А затем все повторилось сначала: выбрались человечки ростом не больше ногтя... Построили железную дорогу... Появились дома, машины... Город был восстановлен в мгновение ока. Не прошло и часа, как весь стол снова был занят человечками и в наушниках снова раздался голос:

— Алло, алло!

— Слушаю! — ответил Омобоно. — Куда вы делись?

— Сами того не желая,— услышал он в ответ объяснение,— вы объявили Большую Тревогу.

— Я? Каким образом? Я же не сказал ничего особенного.

— Выслушайте нас, и ради бога в следующий раз будьте осторожны! Дело в том, что мы изобрели особую систему сигнализации. Она, как вы видели, совершенно безотказна, но и опасна. Стоит произнести слова: «Внутрь яйца!» — как наш рост прекращается, и мы все немедленно возвращаемся в яйцо.

— Удобно,— заметил Омобоно.

— Не совсем. Нам ведь приходится делать все заново... К сожалению, теперь мы в ваших руках. Послушайте, что мы вам предлагаем. Нам известно, что на вашей планете есть совершенно необитаемые пустыни, например, Сахара, Гоби и другие. Отдайте нам одну из этих пустынь, с помощью нашей техники мы сделаем ее обитаемой и будем жить там, нисколько не беспокоя землян.

— Минутку,— сказал Омобоно,— вы что-то говорили о росте. А на сколько вы еще можете вырасти?

— Наш нормальный рост — пять метров, но мы приспособимся к земным меркам и во всем станем походить на людей.

— А кто поручится, что вы не вздумаете завладеть всей нашей планетой?

— Вы же в любую минуту можете вернуть нас в яйцо. Вы же знаете сигнал Большой Тревоги.

Омобоно задумался, разглядывая зеленое яйцо.

— А знаете,— сказал он наконец,— я хочу произвести небольшой опыт.

Он осмотрелся, остановил взгляд на шапке, висевшей на гвозде у двери, и воскликнул:

— Шапка, внутрь яйца!

Шапка тут же исчезла. Омобоно заглянул в яйцо и с помощью лупы разглядел, что она лежит там — крохотная, не больше точки. И тогда он засмеялся:

— А вот этого вы мне не сказали!

— Что не сказали? Мы все объяснили вам.

— Но вы умолчали о том, что яйцо «забирает» и другие вещи, не только вас.

— Но мы и сами этого не знали! Это вы только что показали нам.

— Ладно, ладно. Вполне возможно, что один крестьянин хитрее тридцати миллионов космических пришель-

цев. Вполне возможно. Только яйцо, с вашего позволения, я заберу себе.

А человечки между тем продолжали расти. Теперь они были уже больше мизинца Омобоно, а из яйца один за другим выходили все новые и новые пришельцы.

— Надо, пожалуй, поскорее предупредить власти,— решил Омобоно,— а то вы еще взорвете мой дом. И вот что еще я думаю. Ведь переправить тридцать миллионов человек в Сахару — это не шутка. Не лучше ли вам всем вернуться на некоторое время туда... обратно?

Человечки посоветовались, и затем голос в наушниках со вздохом произнес:

— Вы правы. Мы вернемся в яйцо...

— Тогда до свидания,— сказал Омобоно.

— До свидания. Народ Азима, внутрь яйца!

В то же мгновение со стола все исчезло, и на нем осталось только зеленое яйцо.

Омобоно взял его, сел на свой мотоцикл и поехал в город.

Не будем рассказывать о том, как он докладывал обо всем случившемся правительству, как велел человечкам выйти из яйца еще раз, чтобы доказать, что он ничего не сочиняет, а затем вернул их обратно в яйцо, как потом вместе с членами правительства полетел на самолете в Сахару и передал пустыню народу Азима и оставался с ними до тех пор, пока они не стали ростом с землян, а затем вернулся к себе в деревню с зеленым яйцом, которое держал в красивой овальной шкатулке.

«Оно еще не раз позабавит меня»,— решил про себя Омобоно.

И действительно, однажды он достал яйцо и отправил в него то, что ему не нравилось больше всего. Он приказал:

— Все пушки, какие только есть на свете,— внутрь яйца!

И войны прекратились как по волшебству.

В другой раз он сказал:

— Все комары — внутрь яйца!

И никто уже не мог найти ни одного комара на всей земле — от Южного полюса до Северного.

А плохого Омобоно никому ничего не сделал, потому что он был хорошим человеком, ведь даже имя его означает Добрый Человек. Незадолго до смерти он разбил зеленое яйцо, растолок скорлупу в ступке, растер ее в

порошок и развеял на своем поле, чтобы никто не мог использовать яйцо с каким-нибудь злым умыслом.

Я мог бы рассказать вам и о том, как однажды, когда яйцо еще было цело, он и сам попробовал войти в него.

— Омобоно, внутрь яйца! — приказал он сам себе.

Но сидеть там внутри, в темноте, оказалось так скучно, что он поспешил выбраться оттуда.

Неопознанный самолет

— Синьор начальник, неопознанный самолет просит разрешения на посадку.

— Неопознанный самолет? А как он сюда попал?

— Не знаю, синьор начальник. У нас не было с ним раньше никакой связи. Он говорит, что у него кончается горючее и он сядет, даже если мы будем против. Станный какой-то тип, однако.

— Станный?

— Чудак, по-моему. Я слышал сейчас, как он посмеивался в микрофон: «Тем более что все равно никто не может остановить меня...»

— Так или иначе, пусть лучше сядет, а то еще натворит каких-нибудь бед.

Самолет приземлился на маленьком летном поле на окраине Столицы ровно в 23 часа 27 минут. До полуночи оставалось 33 минуты. Притом это была не обычная, а самая важная в году полночь. Это было 31 декабря. И на всем континенте миллионы людей ожидали наступления Нового года.

Никому не известный летчик выпрыгнул из кабины на землю и сразу же распорядился:

— Выгрузите мой багаж! Там двенадцать баулов, не забудьте ни одного! И вызовите три такси, иначе их не перевезти! Может кто-нибудь позвонить по телефону от моего имени?

— Не знаю, не знаю, — уклончиво ответил синьор начальник. — Сначала надо прояснить кое-какие детали, вам не кажется?

— Не вижу никакой необходимости! — улыбнулся летчик.

— А я, однако, вижу! — возразил синьор начальник. — И прошу вас предъявить документы и бортжурнал.

— Простите, но я не стану этого делать.

Он заявил это так категорично, что синьор начальник чуть не взорвался от возмущения.

— Как угодно,— сказал он,— а пока, будьте любезны, пройдите сюда!

Летчик ответил легким поклоном. И начальнику показалось, что поклон этот был слишком вежливым. «Уж не насмехается ли он надо мной? — подумал он.— Во всяком случае, из моего аэропорта он выйдет с совсем другой миной».

— Имейте в виду,— продолжал между тем загадочный путешественник,— что меня ждут. Очень, очень ждут.

— И должно быть, к полуночи, чтобы отпраздновать Новый год?

— Совершенно верно, дражайший!

— А я, как видите, нахожусь при исполнении служебных обязанностей и всю новогоднюю ночь проведу здесь, в аэропорту. И вам, если будете упорствовать и не пожелаете предъявить документы, придется составить мне компанию.

Незнакомец (тем временем они вошли в кабинет начальника) спокойно расположился в кресле, закурил трубку и с интересом осмотрелся вокруг.

— Документы? Но ведь они уже у вас, синьор начальник.

— В самом деле? Выходит, вы, как фокусник, сумели засунуть мне их в карман? И сейчас еще достанете у меня из носа яйцо и из уха часы?

Вместо ответа незнакомец указал на новый красочный календарь, висевший на стене у письменного стола.

— Вот мои документы. Я — Время. В моих двенадцати баулах находятся двенадцать месяцев, которые должны начаться через ... Ну-ка, посмотрим... Через двадцать девять минут.

— Если вы — Время, — невозмутимо ответил синьор начальник, — то я в таком случае реактивный самолет. Я вижу, вы шутник. Отлично! Значит, мне не придется скучать. И все же я включу, если не возражаете, телевизор. Не хотелось бы пропустить начало Нового года.

— Включайте, включайте! Только не будет никакого Нового года, пока вы меня держите тут.

По телевизору передавали праздничный концерт. Время от времени красивая дикторша, посмотрев на большие часы, висевшие на сцене за оркестром, прямо над головой ударника, напоминала:

— До Нового года осталось двадцать пять минут... Осталось двадцать две минуты...

Неизвестный пилот, казалось, от души развлекался телевизионным зрелищем. Он подпевал певцу, отбивал такт ногой вместе с оркестром и весело смеялся над шутками клоунов.

— До полуночи осталась одна минута,— улыбнулся синьор начальник.— Очень жаль, что не могу предложить вам бокал шампанского. На службе я никогда не пью.

— Спасибо, но в шампанском уже нет нужды. Время остановилось. Посмотрите на свои часы.

Синьор начальник невольно перевел взгляд на циферблат своих наручных часов и поднес их к уху. «Странно,— подумал он,— они тикают, но секундная стрелка стоит на месте — видимо испортилась».

И он стал отсчитывать секунды. Отсчитал шестьдесят и обнаружил, что минутная стрелка тоже не двигается и по-прежнему показывает без одной минуты двенадцать. И на больших часах на экране телевизора она тоже замерла.

— Должно быть, возникла какая-то маленькая неисправность...— смущенно объяснила дикторша.

Музыканты, певцы, клоуны, зрители, находившиеся в телестудии,— все словно по команде принялись изучать свои часы, трести их и с удивлением прислушиваться к ним. И вскоре все убедились, что стрелки и в самом деле больше не двигаются.

— Ха-ха! Время остановилось! — со смехом крикнул кто-то.— Наверное, выпило слишком много шампанского и уснуло, не дождавшись полуночи.

Начальник аэропорта бросил тревожный взгляд на странного незнакомца, и тот снова вежливо улыбнулся ему:

— Видели? Это вы виноваты!

— Как это я?.. При чем здесь я?

— Вы все еще не верите, что я — Время? Взгляните на эту розу...

На письменном столе красовалась в вазе свежая роза — начальник любил, чтобы у него были цветы в кабинете.

— Хотите посмотреть, что с нею станет, если я прикоснусь к ней?

Незнакомец подошел к столу и легонько дунул на цветок. Лепестки тут же сморщились, высохли, опали

и рассыпались в прах. От прекрасной розы осталась лишь горстка пыли...

Синьор начальник вскочил и бросился к телефону.

Были времена, когда новости развозили по свету на лошадях, и немало проходило времени, пока они объезжали весь мир. Скажем, известие о том, что началась война в Бризговии, приходило в Брисландию, когда бои уже закончились и солдаты — те, что остались в живых, — уже были дома.

В наши дни радио и телевидение опутывают всю землю гигантской невидимой сетью. Новости ловятся в эту сеть, словно рыбки, и в несколько мгновений переносятся от одного полюса к другому.

Спустя несколько минут после звонка синьора начальника министру, уже всюду — и в Америке, и в Сингапуре, и в Танзании, и в Новосибирске — знали, что Время задержано в каком-то маленьком аэропорту из-за отсутствия документов. Миллионы людей, ожидавших наступления Нового года, тут же открыли бутылки шампанского, наполнили бокалы и стали обмениваться радостными тостами. Праздничные шествия двинулись по улицам Милана, Парижа, Женевы, Лондона И Т. Д. Написав «и так далее» с большой буквы, мы имеем в виду и все другие города, которые невозможно перечислить тут все подряд.

— Ура! — кричали люди на всех языках планеты. — Время остановилось! Мы не будем больше стареть! И никогда не умрем!

В кабинете синьора начальника аэродрома беспрестанно звонил телефон. Начальника вызывали со всех концов земли и требовали:

- Держите Время крепче!
- Наденьте на него наручники!
- Сверните ему шею!
- Подсыпьте ему снотворного!
- Какое там снотворное — крысиный яд нужен!

Премьер-министр сообщил о случившемся своим коллегам. Срочно собрался Совет Министров. На повестке дня был только один вопрос: какие нужно принять меры? Превратить задержание Времени в арест или же освободить его?

Министр внутренних дел гремел:

— Освободить? Никогда этому не бывать! Стоит только позволить людям разгуливать повсюду без всяких документов, и мы пропадем! Этот синьор должен

сообщить нам свое имя, отчество, фамилию, место рождения, место прописки, место жительства, гражданство, национальность, номер паспорта, размер обуви, номер шляпы. Он должен предъявить справку о прививках, свидетельство о благонамеренности, диплом об окончании начальной школы, квитанцию об уплате налогов. К тому же у него целых двенадцать баулов! А таможенный сбор он уплатил? Он отказывается открывать их! А если у него там бомбы?

Министру было семьдесят два года, так что вы понимаете, конечно, как он был заинтересован в том, чтобы часы стояли...

Совет Министров решил узнать мнение Организации Объединенных Наций. А там в ту пору был только швейцар, потому что все члены ООН разъехались по домам встречать Новый год.

— Сколько времени понадобится, чтобы созвать Ассамблею?

— Недели две... Хотя, если Время остановилось, две недели не пройдут, так что Ассамблею не собрать.

Эта новость тоже облетела весь мир, вызвав повсюду еще большую радость.

А спустя немного...

Впрочем, эту фразу я не вправе писать: если Время остановилось, слова «спустя немного» уже не имеют смысла.

Короче говоря, один мальчик, разбуженный шумом, узнал, в чем дело, быстро сосчитал, сколько будет два плюс два, и возмущился:

— Что? Всегда будет СЕЙЧАС? Выходит, я никогда не вырасту? И всю жизнь буду получать подзатыльники от отца? Всю жизнь должен решать задачу про колбасника, который покупает оливковое масло, а мы, бедные школьники, вынуждены считать, сколько он потратил денег и сколько у него осталось? Ну нет, спасибо вам большое! Я против!

Он тоже схватился за телефон и принялся бить тревогу — звонить друзьям. У его друзей тоже были, естественно, друзья, братья, двоюродные сестры, всякие другие родственники. Телефону пришлось немало поработать, соединяя их друг с другом.

Ребята и слышать ни о чем не хотели. Они накинули пальто поверх пижам, вышли на улицы и тоже устроили демонстрацию. Но их требования и лозунги сильно отличались от тех, с которыми шли взрослые.

— Освободите Время! — кричали ребята. — Не хотим всю жизнь оставаться малышами!

— Хотим расти!

— Хочу стать инженером!

— Хочу, чтобы наступило лето!

— Хочу купаться в море!

— Несмышлениши! — вздохнул какой-то прохожий. —

В такой исторический момент они думают о море!

— Однако, — заметил другой прохожий, — в одном они, пожалуй, правы. Если Время не будет идти, то всегда будет 31 декабря!

— Всегда будет зима...

— Всегда будет без одной минуты полночь! И мы никогда не увидим восхода солнца!

— Мой муж в отъезде, — забеспокоилась какая-то синьора. — Как же он вернется домой, если не пройдет Время?

Больной, что лежал в постели, стал жаловаться:

— Ай-ай... Надо же было Времени остановиться как раз в тот момент, когда у меня болит голова! Значит, теперь у меня всегда будет головная боль, всегда, раз и навсегда?

Заключенный, ухватившись за оконную решетку в своей камере, тоже негодовал:

— Значит, я никогда не выйду на свободу?

И крестьяне встревожились:

— И так урожай все хуже и хуже... Если не пройдет Время и не наступит весна, все погибнет... Нам нечего будет есть!

Словом, у начальника аэровокзала вскоре стали раздаваться совсем другие звонки:

— Ну так вы отпустите его наконец? Я жду почтовый перевод. Или, может, вы мне сами его пришлете, если не отпустите Время?

— Синьор начальник, пожалуйста, освободите Время! У нас кран испортился, и если завтра не наступит завтра, мы не сможем вызвать сантехника...

А синьор Время отдыхал в удобном кресле и, улыбаясь, курил свою трубку.

— Что же мне делать? — растерялся синьор начальник. — Один говорит одно, другой — другое... Я умываю руки! Я отпускаю вас...

— Молодец, спасибо.

— Но... Без приказа свыше... Вы же понимаете, я рискую своим положением...

— Тогда не отпускайте. Мне и тут очень неплохо!
Затем раздался еще один звонок:

— Вспыхнул пожар! Если не пройдет Время, не придут пожарные! Все сгорит! Мы все сгорим! Тут старики и дети... Неужели вы ничего не можете сделать, синьор начальник?

И тут начальник стукнул кулаком по столу:

— Ладно. Будь что будет! Беру на себя эту ответственность. Идите. Вы свободны!

Синьор Время сразу поднялся:

— Позвольте, синьор начальник, я пожму вам руку. Вы добрый человек!

Синьор начальник открыл перед ним дверь:

— Уходите. Быстро. А то еще передумаю.

И синьор Время вышел из кабинета. Стрелки на часах вновь задвигались. Спустя шестьдесят секунд часы пробили полночь, и повсюду вспыхнули бенгальские огни. Новый год начался.

Римские фантазии

Как Марко и Мирко ловили бандитов

Марко и Мирко — близнецы. Но их легко было отличить друг от друга, потому что Марко всегда ходил с молотком, у которого ручка белая, а Мирко — с молотком, у которого ручка черная. Братья никогда не расставались со своими молотками. Никогда, даже если мыло попадало в глаза.

Их родителей — синьора Аугусто и синьору Эменду — тоже нетрудно было различить, потому что у синьора Аугусто был магазин бытовых электроприборов, а у синьоры Эменды — магазин одежды для собак. Утром, уходя, они ласково сказали детям:

— Марко и Мирко, пожалуйста, никому не открывайте дверь! Повсюду бродят эти ужасные бандиты, которые воруют тальк.

— Хорошо, мама! Хорошо, папа!

Разумеется, едва родители исчезли с горизонта, близнецы тут же побежали и открыли дверь в сильной надежде увидеть хотя бы одного бандита, прячущегося на площадке. Но их ожидало

разочарование. Бандитов не было. Тогда они вышли на балкон и принялись тренировать свои молотки — учили их вести себя подобно бумерангу и разным другим игрушкам. Запущенные высоко в небо, молотки пикировали на улицу, трижды облетали шляпу какого-нибудь прохожего и затем, негромко посвистывая, возвращались на балкон.

— Посвистывают,— заметил Марко.— Но еще не свистят по-настоящему.

— Научатся! — заверил Мирко.

Вдруг в доме напротив распахнулось окно, и какая-то синьора, в ужасе схватившись за голову, закричала страшным голосом:

— На помощь! На помощь! Украла тальк!

— Седьмая! — констатировал Марко, который вел счет кражам в их квартале.

— На помощь! На помощь! Помогите! — продолжала кричать женщина.

— У той синьоры, которую обокрали вчера,— заметил Мирко,— зубы были белее.

Но тут другая картина привлекла внимание близнецов. Из-за ограды дома напротив вышел какой-то человек в маске. Он был явно подозрителен. Тем более что нес, прижимая к груди, коробочки с тальком и явно собирался поскорее удалиться куда-нибудь.

— Вот случай, которого мы так ждали! — вскричал Марко.

— Он самый! — согласился Мирко.

В ту же минуту братья запустили свои молотки. И теперь они уже издавали в полете нечто похожее на вой сирены. Человек в маске посмотрел вверх... Лучше бы он посмотрел себе на ноги! Потому что молоток с белой ручкой нацелился на его левый ботинок, а молоток с черной ручкой — на правый. От удивления человек в маске уронил коробочки с тальком и тоже закричал:

— На помощь! Спасите!

Молотки с головокружительной скоростью вертелись вокруг его ног и не давали ему шагнуть.

— Хватит! — взмолился человек в маске.— Сдаюсь!

— Слишком быстро,— недовольно заметил Марко.

— Сначала нам нужно ваше полное и чистосердечное признание,— уточнил Мирко.— Кто вы такой, почему воруете тальк, кто ваши сообщники, кто ими руководит, как звать жену главаря, сколько ей лет и так далее.

— Меня зовут Человек-в-маске. А ворую я для известного преступника Эм-Эм, по его указанию. Больше ничего не знаю. Все.

— Адрес Эм-Эм?

— Проспект Гарибальди, 3567 с половиной, корпус два, стучать четыре раза, напевая песенку «Сердце красавицы».

Марко и Мирко отпустили человека в маске под честное слово. Молотки с радостным свистом и с сознанием выполненного долга вернулись на балкон, но им сразу же пришлось снова спуститься вниз. Правда, теперь уже другим путем — в карманах близнецов, которые отправились с визитом к знаменитому преступнику Эм-Эм.

Братья пришли по указанному адресу, постучали четыре раза. Никто не ответил. Они снова постучали четыре раза.

— Не то! — раздался голос из-за двери. — Вы должны еще спеть песенку «Сердце красавицы», иначе не открою!

— Ах да, песенку!

Марко и Мирко запели «Гимн Гарибальди», но Эм-Эм сердито прервал их:

— Все не так! Сначала!

Тут Марко и Мирко пустили в ход молотки, и дверь сразу же открылась.

— Нам очень жаль, — объяснили они, — но песенку «Сердце красавицы» мы забыли.

— Вы же сломали мне дверь! — возмутился Эм-Эм.

— Извините, пожалуйста. И все-таки расскажите нам всю правду о бандитах, которые воруют тальк.

— Зачем? Вам нужно написать сочинение для школы?

Эм-Эм, сам того не зная, нечаянно затронул самое болезненное место. При слове «школа» близнецы закачались, а молотки, чтобы их не отобрала учительница, сделались совсем крохотными. Эм-Эм удачно поставил точку, но к сожалению, не заметил этого.

— Вы убежали из дома, чтобы записаться в иностранный легион? Хотите пойти юнгами на торговое судно?

Он хотел высказать еще несколько предположений, но не успел, потому что близнецы перешли в наступление — их молотки уже принялись изучать его нервные рефлексы на коленках.

— Ай! Ой! Тюремщики! Что вам от меня надо? Я ведь только скромный организатор! Двадцать семь человек под моим началом воруют тальк и приносят ко мне на склад. Каждое утро приезжает Лысый и увозит этот

тальк на зеленом грузовичке. Он платит мне за него на вес золота и серебра. Жду его и сегодня.

— Когда?

— Ровно через две минуты. Спрячьтесь, и вы все увидите.

Две минуты прошли не спеша, можно даже сказать, равнодушно. Затем приехал зеленый грузовичок, которым управлял какой-то лысый человек. Эм-Эм нагрузил в него мешки с тальком и протянул руку за деньгами. Но лысый человек плюнул в нее и сказал:

— Последнюю партию можно оплатить и таким образом!

Он хотел уехать, но не тут-то было. Молоток Марко пригвоздил его левую руку к рулю, а молоток Мирко — его правую руку к рычагу скоростей.

— Ну разве так бьют? Предательски и без предупреждения! — обиделся Лысый.

— Заплатите этому честному специалисту! — предложили Марко и Мирко.

Эм-Эм получил несколько слитков золота, вымыл руки и уехал в Ливан.

Марко и Мирко вскочили в грузовичок.

— Поехали! — обрадовался Лысый. — Поехали в зоопарк! Я куплю вам по пакетику орешков, и вы угостите обезьян.

— Никаких зоопарков! Едем к главарию!

— Ах нет! — взмолился Лысый. — Только не к нему! Лучше уж кофе без сахара!

Молотки быстро вынудили его изменить свое мнение и двинуться в путь. По дороге Лысый открыл Марко и Мирко свое сердце:

— Главарь — это профессор Дьяволус!

— Кто? Знаменитый дьявольский ученый?

— Ужасный человек! Стоит хоть чуточку послушаться, как от одного его взгляда сразу начинает болеть живот. Знаете, как он заставил меня стать его ассистентом?

— Нет, никто никогда не рассказывал нам об этом.

— Он сделал так, что я увидел во сне своего дедушку, и тот всю ночь бил меня по щекам. Я проснулся в холодном поту. А ведь мое любимое занятие — созерцать платаны.

— А как это делается?

— Выбираете какой-нибудь платан, ставите рядом шезлонг, садитесь в него и рассматриваете дерево. Мож-

но сделать интереснейшие наблюдения. Кстати, меня зовут Второй.

— Вернемся к тальку. Что с ним делает профессор Дьяволус?

— Он нужен ему для Ансельмика. Это робот, обладающий сверхинтеллектом. Дьяволус построил его после нескольких лет научных исследований и назвал так в честь своего дяди Ансельмо.

— А зачем Ансельмику тальк?

— Он ест его. По центнеру в день. Он только и делает, что ест тальк и думает.

— О чем же он думает, синьор Второй?

— Он говорит это только профессору Дьяволусу. Когда они разговаривают, меня всегда выгоняют. По-сылают колоть дрова. Ну вот, приехали! Видите, вон тот небольшой дом — белый в голубой горошек?

Марко и Мирко посмотрели туда, куда указал Второй. Вот так сюрприз! Это же их дом! Они живут тут на втором этаже вместе со своими родителями и своими молотками.

— Лаборатория находится в подвале, — объяснял Лысый. — Дьяволус выходит из дома только под видом торговца сантехническим оборудованием.

— Синьор Джачинто! — сразу догадались Марко и Мирко. — Тот, который часто дарит нам старые водопроводные краники. Надо же!

Синьор Джачинто — в костюме дьявольского ученого — очень рассердился на Второго, когда увидел, что тот привел с собой близнецов. А робот Ансельмик при виде талька даже затанцевал от радости:

— Бебимикс! Бебимикс! Ура!

Он повязал себе салфетку на шею, схватил большую ложку и принялся жадно есть. А профессор Дьяволус тем временем попытался своим дьявольским взглядом вызвать боль в животе у Марко и Мирко, чтобы избавиться от них. Но ему не удалось сконцентрировать свои усилия, потому что молотки с улюлюканием завертелись вокруг его ушей и вызвали у него морскую болезнь.

— Не сопротивляйтесь, синьор Джачинто-Дьяволус! Вы окружены!

— Хватит, хватит! — со слезами взмолился ученый. Я во всем вам признаюсь!

Но все-таки он не смог этого сделать, по крайней мере в тот момент, потому что Ансельмик, оторвавшись от еды, испустил радостный вопль:

— Нашел! Нашел! Послушай, хозяин! «Тальк «Никсон» даже крадут!» Какой тонкий намек, а?

Профессор Дьяволус огорчился еще больше и заговорил чуть не плача:

— Нет, это уж слишком! Как раз сегодня, когда я решил отказаться от своей затеи, потому что это очень сложно, Ансельмик вдруг заработал! Но опоздал на две минуты! Потому что вы нашли меня и разоблачили! Сколько совпадений сразу! Ведь я чуть было не достиг цели моей жизни...

— Какой цели, профессор Дьяволус?

— Найти удачную фразу для рекламы талька «Никсон» в телевизионной рекламной передаче «Карусель». Надо вам сказать, что десять лет назад фирма «Никсон» взяла меня на службу с этой секретнейшей целью. Я построил поразительного робота! Он весь целиком сделан из монеток в пять копеек... Можете убедиться! Ансельмик со своим сверхинтеллектом и должен был сочинить эту фразу. Для этого я и кормил его тальком. И продолжал кормить его и тогда, когда фирма перестала снабжать меня кормом. Пришлось заняться воровством. А теперь вы разоблачите меня как главаря банды, которая ворует тальк... Меня приговорят к каторжным работам. А вдруг я окажусь в камере с четным номером? Это я-то!.. Я же так люблю нечетные числа!.. Трагедия!

Ансельмик между тем продолжал прыгать по комнате, распевая во всех тональностях: «Тальк «Никсон» так хорош, что его даже крадут!»

— Хватит! — приказал ему Марко.

— Тальк «Никсон» — дрянь! — строго добавил Мирко.

— В самом деле? — удивился Ансельмик. — А я и не знал!

И он тоже расплакался.

— Ну-ну, не плачь! — успокоили его Марко и Мирко. — Не мыло же тебе попало в глаз! Сделаем так. Мы никого не будем разоблачать. Но при условии. Первое. Профессор Дьяволус подаст в отставку и целиком посвятит себя торговле водопроводными кранами. И возвратит украденный тальк его владельцам по почте.

— Но как? Я же не знаю их адреса!

— Найдете в телефонном справочнике. Второе условие. Синьор Второй целиком посвятит себя созерцанию платанов.

— Ура! Бегу покупать шезлонг!

— Третье условие. Ансельмика запрут в шкаф, и он будет выходить оттуда только для того, чтобы сделать уроки за нас и наших друзей. Для этого его будут кормить учебниками.

— Ура! — в восторге закричал Ансельмик. — Школьные учебники так хороши, что их даже крадут!

И побежал сам себя запирать в шкаф. Затем открыл дверцу и выглянул оттуда:

— Начнем сегодня же?

— Нет, после каникул.

— Буду с нетерпением ждать, когда они окончатся!

Что еще оставалось сделать? Больше ничего. Марко и Мирко попрощались с синьором Джачинто и вернулись домой. Как раз вовремя, потому что вскоре пришли их родители — синьор Аугусто и синьора Эменда. Они были очень довольны, что их дети живы и здоровы и весь день просидели дома, избежав опасностей большого города.

— Вы были умницами! — сказала синьора Эменда. В награду за это я устрою вам сегодня головомойку, иначе говоря — вымою вам головы.

Марко и Мирко предпочли бы пару хороших оплеух. Но гордость не позволила им признаться в этом. Уны, не все в жизни так же увлекательно и приятно, как поиски бандитов, которые воруют тальк.

Карлино, Карло, Карлино, или Как отучить ребят от плохих привычек

— Вот ваш Карлино,— сказала акушерка синьору Альфио, показывая ему младенца, которого только что привезли из родильного дома.

«Ну что значит — Карлино! — тут же услышал синьор Альфио громкий детский крик.— Кончайте с этими уменьшительными именами! Зовите меня Карло, Паоло или Верчиндженторидже, зовите хоть Леопардом, но пусть это будет нормальное, полное имя! Вы меня поняли?»

Синьор Альфио с изумлением посмотрел на младенца, который еще даже рта не открывал. Но его слова каким-то образом возникли прямо у него в сознании. И акушерка тоже поняла, что он сказал.

— Надо же,— удивился синьор Альфио,— такой маленький, а уже передает мысли на расстоянии!

«Умница,— заметил мальчик,— правильно понял! Я же не могу говорить с помощью голосовых связок, которых у меня еще нет».

— Давайте положим его пока в кроватку,— предложил синьор Альфио, совсем растерявшись.— А дальше видно будет.

Они положили его в кроватку рядом со спящей матерью. Синьор Альфио вышел на минутку из комнаты. Он хотел сказать своей старшей дочери, чтобы она выключила радио, потому что оно мешает малышу. Но малыш успел остановить его:

«Папа, ну что ты еще придумал! Дай же мне дослушать эту сонату Шуберта для арпеджоне...»

— Арпеджоне? — изумился синьор Альфио.— По моему, это звучит виолончель...

«Разумеется, виолончель! Теперь только на ней исполняют это сочинение, которое Шуберт написал в 1824 году. В ля миноре, если уж быть точным до конца. Но писал он ее именно для арпеджоне — большой шестиструнной гитары, которую годом раньше изобрел венский мастер Иоганн Георг Штауфер. Этот инструмент называли еще гитарой любви или гитарой-виолончелью. Он, однако, не получил распространения и жил недолго. А соната очень мила».

— Прости, пожалуйста,— пробормотал синьор Альфио,— но откуда ты все это знаешь?

«О боже! — ответил все тем же телепатическим способом новорожденный. — Ты ставишь передо мной тут в шкафу великолепный музыкальный словарь и вдруг удивляешься, почему я вижу, что на восемьдесят второй странице первого тома говорится как раз об арпеджоне?»

Синьор Альфио сделал из этого вывод, что его сын не только способен передавать мысли на расстоянии, но и умеет читать закрытые книги. Даже не выучившись еще грамоте.

Когда мама проснулась, ей крайне осторожно сообщили о происшедших событиях, но она все равно расплакалась. К тому же у нее не оказалось под рукой носового платка, чтобы утереть слезы. Но тут она увидела, как один из ящиков комода вдруг открылся сам по себе, без всякого шума, и из него выпорхнул, оставаясь аккуратно сложенным, белоснежный платочек, выстиранный с помощью «Бронка» — любимого стирального порошка прачки королевы Елизаветы. Платочек лег на подушку рядом с синьорой Аделе, и маленький Карло подмигнул ей при этом из своей кровати.

«Понравилось?» — мысленно спросил он у присутствующих. Акушерка бросилась из комнаты, воздев руки к потолку. Синьора Аделе, хоть и лежала в постели, все равно упала в обморок. Синьор Альфио закурил сигарету, но тут же погасил ее — он не это хотел сделать.

— Сын мой, — сказал он затем, — у тебя появились дурные манеры, которые никак не вяжутся с общепринятыми правилами поведения. С каких это пор воспитанные дети открывают мамины комоды, не спросив ни то разрешения?

Тут в комнату вошла старшая дочь Антония, или, как ее еще называли — Чиччи, в возрасте пятнадцати лет и пяти месяцев. Она радостно приветствовала брата:

— Чао! Как поживаешь?

«Вообще-то неплохо. Разволновался немножко. Впрочем, это понятно — я ведь первый раз родился».

— Черт возьми! Ты разговариваешь телепатически? Молодец! Объясни мне, как это делается?

«Да это же совсем просто! Хочешь что-нибудь скрывать, не открывай рот, а закрой его — вот и все. Это и тому же гигиеничнее».

— Карло! — воскликнул синьор Альфио, очень рассердившись. — Не начинай, пожалуйста, сразу же дурно влиять на свою сестру, такую воспитанную девочку

— Господи! — вздохнула синьора Аделе, придя в себя. — Что-то скажет привратница, что скажет мой отец, банковский служащий старой закалки и строгих нравов, последний потомок целой плеяды кавалерийских полковников!

— Ну, — сказала Чиччи, — пока! Я пошла делать уроки. Мне осталась математика.

«Математика? — задумчиво переспросил Карло. — А, понял! Эвклид, Гаусс и все прочее. Но если ты пользуешься этим учебником, что у тебя в руках, то имей в виду, что ответ на задачу № 118 неверен. Икс равняется не одной трети, а двум сорока третьим».

— Нет, вы только подумайте! Он уже позволяет себе, подобно левым газетам, критиковать школьные учебники! — с горечью произнес синьор Альфио.

На другой день он сидел в кабинете у врача и подробно рассказывал ему обо всем, что происходит с его сыном, а в приемной за дверью синьора Аделе с трудом удерживала маленького Карло.

— Да, — вздохнул доктор Фойетти, — уже не осталось ничего святого! Что-то будет дальше со всеми этими забастовками! Домработницу найти невозможно! Полиции запрещено стрелять! Крестьяне не хотят разводить кроликов! А попробуйте вызвать сантехника, и вы увидите... Да, так покажите ребенка.

Едва оказавшись в кабинете, Карло сразу же по каким-то одному ему понятным приметам догадался, что синьор Фойетти несколько лет жил в Загребе. Поэтому он обратился к нему на хорватском языке (мысленно, понятное дело): «Доктор, врло тешко пробавлям, често осьекам кисели укус, особито нека йела не могу пробавити».

(Перевод: «Доктор, у меня плохо работает желудок, часто бывает изжога, и некоторые вещи я совсем не могу есть»).

Доктор от неожиданности ответил ему на том же языке:

— Изволите лечи на постелю, молим вас... (Лягте, пожалуйста, на кушетку...)

Затем он схватился за голову и принялся за работу. Полное обследование младенца длилось два дня и тридцать шесть часов. Оно показало, что маленький Карло в возрасте сорока семи дней от роду может:

— прочесть в голове доктора Фойетти имена всех его родственников вплоть до кузенов в четвертом колене, а также усвоить все научные, литературные, философ-

ские и футбольные знания, которые отложились в ней, начиная с раннего детства;

— отыскать марку Гватемалы, спрятанную под восемнадцать килограммами книг по медицине;

— перемещать как угодно одним только взглядом стрелку на весах, на которых медсестра взвешивает больных;

— принимать и передавать радиопередачи, в том числе коротковолновые и стереофонические;

— проецировать на стену телепередачи, не скрывая при этом некоторой неприязни к викторине «Рискуй всем»;

— зашить дыру на рубашке доктора наложением рук;

— посмотрев на фотографию больного, установить у него острую боль в животе и безошибочно определить аппендицит;

— сварить на расстоянии и без огня манную кашу.

Кроме того, он может подняться над землей на высоту пять метров и девятнадцать сантиметров, одной только силой мысли извлечь медаль из коробки для сигар, заклеенной тремя роликами скоча, убрать со стены картину Джулио Туркано, материализовать черепаху в шкафчике с медицинскими инструментами и барсука в ванне, магнетизировать вянущие хризантемы, вернув им свежесть и яркость красок; потрогав уральский камень, подробно, со множеством цитат изложить историю русской литературы XIX века; мумифицировать рыб и мертвых птиц; остановить брожение вина и так далее.

— Это опасно? — спросила потрясенная синьора Аделе.

— Почти безнадежный случай, — ответил доктор Фойетти. — Если он способен на такое в сорок семь дней, представляете, что он сможет сделать, когда ему будет сорок семь месяцев!

— А в сорок семь лет?

— О, к этому времени он уже давно будет на каторге.

— Какой позор для его прадедушки! — воскликнули синьора Аделе.

— И ничего нельзя сделать? — спросил синьор Альфио.

— Прежде всего его надо унести отсюда, — ответил доктор, — и дать ему подшивку «Официальной газеты». Он займется ею и не будет слушать наш разговор. Во всяком случае, можно надеяться, что не будет.

— А теперь что делать? — снова спросил синьор

Альфио после того, как операция «Официальная газета» была закончена.

Доктор Фойетти минут десять шептал ему что-то прямо в правое ухо, очевидно давая самые прямые указания и самые необходимые инструкции, которые синьор Альфио так же прямо передал синьоре Аделе в левое ухо.

— Но это же Колумбово яйцо! — радостно воскликнул синьор Альфио.

«Какого Колумба? — телепатически спросил Карло из-за двери. — Кристофора или Эмилио? Надо быть точным в своих формулировках».

Доктор подмигнул синьору Альфио и синьоре Аделе. Все улыбнулись и промолчали.

«Я спросил, о каком Колумбе идет речь!» — рассердился малыш, силой своего проницательного разума делая в стене дырку.

А они опять промолчали, как вареные рыбы. Тогда Карло, чтобы его услышали, вынужден был прибегнуть к другим средствам коммуникации и жалобно заплакал:

— Уа, уа, уа!

— Действует! — в восторге шепнул синьор Альфио.

Синьора Аделе схватила руку доктора Фойетти и поцеловала ее, воскликнув:

— Спасибо, целитель вы наш! Я запишу ваше имя в своем дневнике!

— Уа, уа! — настаивал маленький Карло.

— Действует! — радовался синьор Альфио, закружившись в вальсе.

Вполне естественно. Секрет очень прост — стоит пригвориться, будто не воспринимаете его мысли, и Карло вынужден будет вести себя, как все нормальные дети, и говорить, как последний из неграмотных.

Дети быстро усваивают все и так же быстро могут забыть то, чему научились. Спустя полгода, маленький Карло уже не помнил, что превосходил своими способностями транзисторный приемник.

А из дома тем временем исчезли все книги, в том числе энциклопедии. Не имея больше возможности практиковаться в чтении закрытых книг, малыш утратил эту способность под аплодисменты присутствующих. Он было выучил наизусть «Божественную комедию» Данте, но забыл. Выздоровев от своих недугов, он стал гораздо спокойнее для окружающих.

Года два или три еще он развлекался, поднимая стулья одним взглядом или заставляя кукол танцевать, не при-

касаясь к ним, снимал на расстоянии кожуру с мандаринов, менял пластинки на проигрывателе простым засовыванием пальца в нос, но затем богу было угодно, чтобы он пошел наконец в детский сад, где впервые, чтобы позабавить друзей, показал, как нужно ходить по потолку вниз головой. Но за это его наказали — поставили в угол. Карло так огорчился, что поклялся увлечься вышиванием бабочек, втыкая иголку в точки, специально для него намеченные заботливой воспитательницей на кусочке ткани.

В семь лет он пошел в начальную школу и материализовал на столе учительницы великолепный экземпляр лягушки. Но учительница, вместо того чтобы воспользоваться случаем и объяснить детям, что собой представляют прыгающие амфибии и как они хороши в бульоне, позвала дежурного и отправила Карло к директору. А этот синьор объяснил мальчику, что лягушки — это несерьезные животные, и пригрозил исключить его из всех школ страны и Солнечной системы, если он еще раз позволит себе подобную шутку.

— А можно хотя бы убивать микробов? — спросил Карло.

— Нет! Для этого есть доктора.

Размышляя над этим важным замечанием, Карло по рассеянности материализовал в корзине для бумаг цветущую розу. К счастью, он вовремя успел аннигилировать ее, и директор ничего не заметил.

— Иди,— торжественно произнес директор, указывая на дверь указательным пальцем (жест совершенно излишний, потому что в комнате имелась только одна дверь и было крайне трудно спутать ее с окном),— иди, будь послушным ребенком, и ты станешь утешением своих родителей.

Карло ушел. Пришел домой и стал делать уроки, и все сделал неверно.

— Ну какой же ты глупый! — сказала Чиччи, заглянув к нему в тетрадь.

— В самом деле? — воскликнул Карло, и у него чуть сердце не выпрыгнуло из груди от восторга.— Неужели я и в самом деле поглупел?

На радостях он материализовал на столе белку, но сразу же сделал ее невидимой, чтобы не вызвать подозрений у Чиччи. Когда же Чиччи ушла в свою комнату, он снова попробовал материализовать белку, но ничего не получилось. Тогда он попробовал материализовать

морскую свинку, навозного жука, блоху. И опять ничего не вышло.

— Тем лучше,— вздохнул Карло,— значит, я уже совсем отучился от дурных привычек.

И действительно, теперь его снова зовут Карлино, и он даже не помнит, что когда-то возражал против этого.

Венецию надо спасать, или Как просто стать рыбой

— Однако,— сказал однажды синьор Тодаро, страховой агент, синьоре Дзанце, своей жене,— ты только посмотри, что пишут в газетах! «По мнению профессора Со Хио Со Хио из Токийского университета в 1990 году Венеция вся целиком уйдет под воду. Из лагун будет торчать только верхушка колокольни Сан-Марко». До 1990 года осталось немного. Не пора ли искать убежище?

— И где же ты думаешь спрятаться, дорогой мой? Может, поедem к моей сестре в Каварцере?

— Бежать из Венеции? — удивился синьор Тодаро. — Нет, лучше давай превратимся в рыб! Тогда сможем жить здесь и под водой! И еще сэкономим на обуви. Ну-ка, труби скорей сбор!

Синьора Дзанце протрубила сбор, и сразу же прибежали дети — Бепи, Нане и Нина, они играли на площади Сан-Паоло. Затем пришла племянница Рина (дочка той самой сестры, что жила в Каварцере) — она проводила время у ворот, высматривая жениха.

— Так, мол, и так,— объяснил синьор Тодаро,— давайте превратимся в рыб и благополучно перенесем экологическую катастрофу.

— Я не люблю рыбу,— сказал Бепи.— Мне больше нравится кура с рисом!

— Однако,— возразил синьор Тодаро,— это не имеет никакого значения! — И скорчил сынишке гримасу.

— Но это означает,— ответил Бепи,— что ты слишком любишь командовать!

— Ладно, в рыбу так в рыбу,— согласился Нане.— Но в какую?

— Я хочу превратиться в кита! — заявила Нина.

— Двойка тебе с минусом! — воскликнул синьор Тодаро.— Разве ты не знаешь, что кит — не рыба? Ну ладно, не будем углубляться в скучные споры о классификации.

— Как это понимать? — спросила синьора Дзанце.

— А так — примемся за работу! Недаром говорят: «Начало — половина дела!», «Время не ждет!» и «Пожи-
вем — увидим!» Пошли!

— Но куда, дорогой мой? — удивилась синьора Дзанце. — Уже поздно. Все порядочные венецианские семьи наслаждаются уютом домашнего очага, и мамы — ангелы-хранители этого очага — включают телевизор.

— Однако, — прервал ее синьор Тодаро, — сейчас самое подходящее время. Быстро! Один за другим! Построились! Животы подтянуть! Грудь колесом! Вперед, шагом марш! Минутку, я только захвачу шляпу.

Они вышли на берег канала, вошли в воду и стали превращаться в рыб.

— Сначала, я советую, позаботьтесь о плавниках, — поучал синьор Тодаро. — Надо вырастить один на правой руке, другой — на левой.

— А чешуя? Какого цвета мне выбрать чешую? — спросила племянница Рина. — Может быть, фиолетовую, поскольку я блондинка?

Синьоре Дзанце захотелось сделать себе красный хвост, но она вспомнила о другом и спросила мужа:

— Однако, Тодаро, а дети завтра пойдут в школу?

— Не отвлекайся, Дзанце, сосредоточься!

Но ребята уже обрадовались. Перспектива неожиданных каникул засверкала перед ними, словно канал Гранде вечером во время какой-нибудь исторической регаты. Они удвоили усилия и в несколько мгновений сделали себе великолепные боковые плавники, которые вылезли наружу, продырявив свитера.

— Однако что стало с вашими новыми свитерами! — огорчилась синьора Дзанце.

— Молодцы! Молодцы! — похвалил синьор Тодаро.

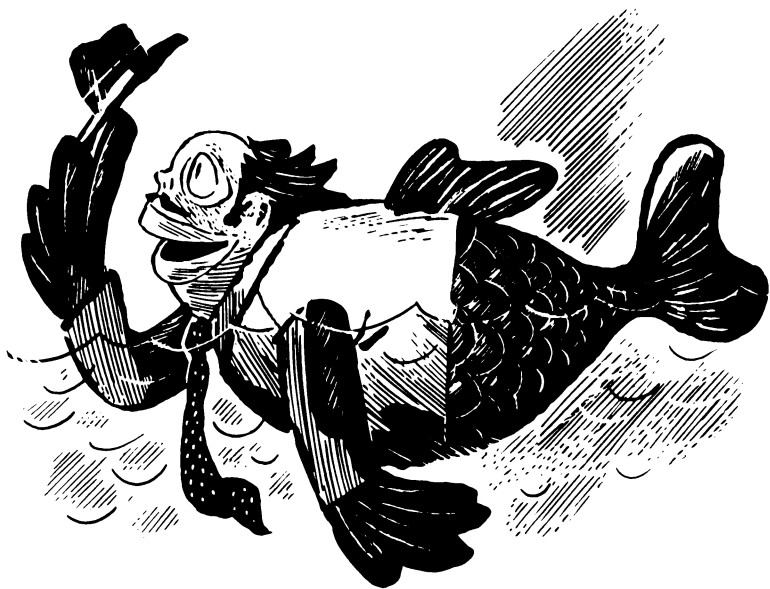
Впрочем, он тоже вошел в воду в пиджаке, и теперь плавники выглядывали у него из рукавов.

— А вдруг мы станем маленькими рыбками? — испугалась Нина. — Тогда большие рыбы сразу съедят нас...

— Не бойся, — успокоила Рина. — Мы станем самыми крупными рыбами в лагуне и сами съедим всех!

— Я предпочитаю куру с рисом, — снова напомнил Бепи, держась на всякий случай подальше от отца.

Утро на канале Гранде было туманным. Туда-сюда сновали речные трамвайчики, в самых разных направлe-

ниях двигались гондолы и моторные лодки. Синьор Рокко вел свою большую лодку с грузом горчицы, как вдруг увидел в воде крупную рыбину, которая вежливо приподняла шляпу, приветствуя его:

— Так вы будете страховаться или нет? Смотрите, какой туман! Столкнетесь ненароком с кем-нибудь и оставите тут и деньги и горчицу! Подумайте о своих детях, однако!

— Синьор Тодаро... Неужели это вы? Бедняга, не завидую вам, если вас увидят городские стражники! Вы же знаете, что в канале Гранде запрещено купаться!

— Я не купальщик. Я страховой агент.

Люди на пароходиках, в гондолах и моторных лодках с любопытством оборачивались, стараясь рассмотреть говорящую рыбу. Только один английский турист отвернулся и недовольно проворчал:

Господи, что я вижу! При сером костюме... коричневая шляпа! С ума сойти можно!

Молодой человек по имени Себастиано Морозини — родом из Падуи, студент факультета изящных искусств, а также наследник виллы, украшенной фрес-

ками знаменитого Тьеполо, и четырех ферм, где делали знаменитые итальянские сыры «речото» и «амароне» — стоял на мосту у Академии и печально смотрел на след, который оставляла позади себя большая лодка с грузом черничного варенья. Молодой Себастьяно был влюблен в графиню Новеллу, но графиня предпочла ему доктора экономических и коммерческих наук из Козенцы, с которым и уехала в Египет. Они встретят Новый год на вершине пирамиды. Молодой Себастьяно размышлял, стоит ли покончить жизнь самоубийством сразу, тут же бросившись с моста, или лучше сначала съездить в круиз на Галапагосские острова, чтобы хотя бы раз в жизни посмотреть на игуан, живущих на воле.

Вдруг — сон это или явь? — он увидел грациозно изгибавшуюся в воде Рину из Каварцере, дочь сестры жены синьора Тодаро, особенно привлекательную в этой своей фиолетовой чешуе, которая так замечательно контрастировала с ее золотистыми волосами. Померкло — при сравнении — воспоминание о графине Новелле, у которой волосы были выкрашены перекисью водорода, а нос, по правде говоря, был уж очень длинный.

— Синьорина,— обратился к Рине молодой Себастьяно, охваченный волнением,— позвольте проводить вас?

Рина заметила, что у молодого человека голубые глаза и интуитивно догадалась, что он наследник виллы, расписанной знаменитым Тьеполо. Она улыбнулась ему, давая понять, что его общество не будет ей безразлично. Молодой Себастьяно, не колеблясь, бросился в воду, превратился в рыбу и стал прогуливаться с красавицей Риной по каналу, описывая ей одну за другой все четыре свои фермы. Он рассказал ей также о своей несчастной любви к графине и изложил некоторые свои планы на будущее, как, например: нарисовать воду лагуны белой в понедельник, желтой — во вторник, красной — в среду и так далее, объединить Италию, Австрию и Югославию в одно государство со столицей в Венеции, написать роман в тысячу страниц, каждая из которых будет состоять только из точек и запятых, без единого слова, и так далее.

Красавица Рина слушала его и была счастлива.

Между тем синьора Дзанце приплыла вместе с Бепи, Нане и Ниной в район Каннареджо. И многие местные ребяташки, воспылав азартом здорового соревнования,

тоже попрыгали в воду и стали учиться у детей синьора Тодаро, как превращаться в рыб. Те же немногие, кто не сумел научиться, вернулись на берег и пошли домой переодеваться. Остальные радовались и помахивали новенькими плавниками.

Но тут на беду их увидела со своего балкончика одна старая учительница-пенсионерка. Вместо того чтобы думать о своих делах, эта настырная синьора, вдова отличного игрока в деревянные шары, подумала о детях: «Жаль, что так много ребят превращается в рыб! Они же останутся без школы, без чтения, которое так любят, без дополнительных материалов по истории, географии и другим предметам, которые обожают, без тех замечательных диктантов, сочинений и изложений, в которых они души не чают».

И чем больше она думала об этом, тем больше огорчалась. В конце концов она не выдержала, надела свою старую добрую униформу учительницы, поцеловала фотографию покойного чемпиона деревянных шаров, бросилась в канал и превратилась в рыбу-учительницу.

— Дети! Идите сюда! — приказала она, хлопая плавниками.

Детям-рыбам очень хотелось уплыть куда-нибудь подальше — к острову Мурано, к острову Бурано и даже к Торчилло. Но в то же время, будучи учениками, они не могли не повиноваться повелительному призыву учительницы. Правда, они тут же принялись толкать друг друга, ябедничать, показывать язык и упражняться в десятичной системе.

Больше всех огорчились Бепи, Нане и Нина, которые ожидали, что в новых условиях у них будут вечные каникулы. Синьора Дзанце, напротив, была очень довольна, потому что, пока учительница занималась с ребятами, она могла поболтать с приятельницами, которые сидели на берегу и чистили зеленый горошек. Ее красный хвост произвел на них неотразимое впечатление.

Примечательные события произошли и в других районах города. Синьор Тодаро, используя любопытство окружающих, сумел заключить немало договоров о страховании жизни на случай пожара, на случай отравления плохой рыбой и так далее. Однако он, пожалуй, уж слишком был на виду у всех. Слух о том, что в канале плавает большая рыба, которая, приподнимая шляпу, приветствует знакомых, привлек внимание разных бездельни-

ков, в том числе и хозяина дома, в котором снимал квартиру синьор Тодаро.

— Однако,— удивился этот хозяин,— вот, значит, какой ты придумал способ не платить мне за квартиру. Хитро! Но ты от меня не отвертись!

Он тут же бросился в воду, превратился в рыбу и поплыл за синьором Тодаро, требуя ответа:

— Так когда же ты заплатишь мне эти сорок тысяч лир? Когда? Сорок тысяч лир!

Услышав, что речь идет о деньгах, продавец бытовых электроприборов внезапно вспомнил, что синьор Тодаро еще не уплатил ему очередной взнос за телевизор. И он тоже прыгнул с мостика...

В другом конце канала один священник увидел, как прогуливаются увлеченные своими разговорами красавица Рина и молодой Себастиано. Будучи человеком прозорливым и деятельным, он сразу же понял, что влюбленные, ставшие рыбами, не смогут обвенчаться в церкви и им нужна помощь. И он немедленно принял решение стать рыбой-священником, чтобы оказывать поддержку всем новым рыбам. Сказано — сделано. И вот он уже поплыл с двумя плавниками, похожими на крылья архангела. Словом, лагуна заселялась.

Маленький Бепи не любил десятичную метрическую систему исчисления. Миллиметры ничего не говорили ему. Гектолитры тоже оставляли совершенно равнодушным. Ему больше нравилась, как мы уже знаем, кура с рисом. Вот почему он решил покинуть школьные воды и уйти на дно, чтобы поразмышлять там в гордом одиночестве. И что же он там обнаружил? Что лагуна совершенно засорена. Там, где должны были быть мягкий песок и теплый ил, лежали глиняные черепки и водоросли, выросли горы не получивших хода прошений. Они были заключены в тяжелейшие контейнеры, вес которых можно было измерить только тысячами кубических метров, центнерами тонн и бесконечным количеством мегатонн.

«Однако,— подумал Бепи,— вот где скопилось все зло десятичной метрической системы. Понятно теперь, почему так поднялся уровень воды. Хотел бы я посмотреть, что стало бы с их умывальниками, бросай они туда столько бумаги!»

Не совсем ясно, кого он имел при этом в виду, но это не касается. Бепи, впрочем, уже побежал бить трено-

гу. Он остановил катер пожарных и с жаром рассказывал им о своем открытии:

— Так, мол, и так. Во всем виноваты бюрократические препоны! Устраните их, и все станет на свои места!

— Однако,— воскликнул начальник пожарной команды,— а рыбий паспорт у тебя есть?

Он спросил так, разумеется, только потому, что, будучи венецианцем, не мог не пошутить. Но потом он уже больше не терял времени даже на вопрос, кто отец Бепи. Он собрал стражей огня и воды и сразу же начал прочищать каналы, устраняя вышеназванные бюрократические препоны. И через несколько часов уже стали заметны первые положительные результаты операции. Дно освободилось от этих чудовищных тяжестей и уровень воды в лагуне понизился. Острова, фундаменты зданий, мосты и вообще вся суша как бы выплыла наверх и заняла нормальное положение по отношению к поверхности лагуны. Венеция была спасена!

«Дин-дон! Дин-дон!» — празднично зазвонили колокола города.

Синьор Тодаро созвал семью, дал отбой тревоги и вывел своих близких на сушу.

— Больше нет нужды оставаться рыбами. Теперь мы можем снова стать венецианцами. Молодец, Бепи! Сегодня же вечером отпразднуем это событие жареными раками и кальмарами.

— Нет! — возразил Бепи, рассердившись. — Хочу куру с рисом!

Мама, брат и сестра поддержали его. Не возражали против куры с рисом и красавица Рина с молодым Себастиано, которые завтра поженятся и уедут в свадебное путешествие в Местре — в ту часть Венеции, что находится за лагуной, на суше.

— Ну ладно,— согласился синьор Тодаро,— пусть будет кура с рисом!

И ускорил шаги, чтобы оторваться от кредиторов.

Как Марко и Мирко играли с чертом

Марко и Мирко, как я уже дважды сказал (и больше уже не повторяю), совершенно одинаковые близнецы-братья. Но их легко различали, потому что Марко всегда носил с собой молоток с белой ручкой, а Мирко — молоток с черной ручкой.

Однажды Марко и Мирко остались дома одни и сели делать уроки. Им надо было написать сочинение на тему «Что вы знаете о черте?».

Они старательно вывели в тетрадах слово «Сочинение» и задумались.

— Ну и что же мы можем сказать о черте? — спросил Марко.

— Скажем, что он дурак! — предложил Мирко.

— Идет! — одобрил Марко. — Только надо объяснить почему.

— Он дурак, — объяснил Мирко, — потому что делает сковородки без крышек.

Они принялись записывать эту умную фразу, забыв поставить запятую перед словом «потому», но тут из кухни донесся какой-то странный звук — словно кто-то постучал молотком по железу: «Тук-тук-тук!».

Ребята немедленно отправились на разведку. И увидели черта, занятого своим делом.

— Вот теперь я вам покажу! — воскликнул черт. — Видите, я уже сделал сковородку, а теперь делаю к ней крышку. Так что вам придется перестать писать эти глупости!

Это был небольшой чертик, вернее, не очень большой, но, судя по тому, как дымились его рога и как сильно стучал по полу хвост, очень сердитый.

— Вот на эту сковородку я и посажу вас, — продолжал черт, — накрою крышкой и поджарю!

— Ничего не выйдет, — ответил Марко.

— Конечно, — поддержал Мирко. — Сегодня же забастовка газовщиков, и газ не горит.

— А мне наплевать на газовщиков! — заявил черт. — Если мне понадобится огонь, он у меня будет!

— Выходит, ты еще и штрейкбрехер! — с негодованием воскликнули близнецы.

— Ну вот и все! — сказал черт. — И сковородка и крышка готовы!

— Проверим, — предложил Марко и запустил свой молоток. Крышка звякнула: «Дзинь!» — и скатилась в раковину.

— Она должна была звякнуть по-другому: «Дзень!», а не «Дзинь!» — возмутился Мирко. — Сразу видно, что ты использовал второсортный материал. Послушаем, как звучит сковородка.

Он запустил свой молоток, сковородка произнесла: «Дзань!» — и свалилась в мусорное ведро.

— Все неверно! — сказал Марко. — Она звякнула: «Дзань!», а не «Дзинь!» С ума сойти можно! Мы никогда не позволим жарить себя на такой фальшивой и притворной сковородке!

— А это мы еще увидим! — заявил черт, поднимая крышку и сковородку.

— Что увидим? — спросил Мирко.

Тем временем молотки, выполнив свой долг, быстренько вернулись в руки к близнецам, потому что это были дрессированные молотки — подражать бумерангу было для них сущим пустяком.

— Увидим, как я вас поджарю на ней! — сказал черт и сразу же понял, что солгал, потому что увидел совсем другое — увидел, как из глаз у него посыпались искры: молотки так застучали по его рогам, словно решили вогнать их внутрь навсегда.

— Ой, ой, ой! — завопил черт.

— Хорошо сказано! — одобрили Марко и Мирко.

— Так не играют! Вы должны были задрожать, как осиновый лист, броситься на колени и, проливая горькие слезы, просить у меня прощения. Да бросьте вы, наконец, эти молотки, а то у меня уже голова разболелась! Ай, ай, ай!

— Сдаешься?

— Сдаюсь!

— Как тебя звать?

— Вильям.

— Вот и иди ко всем чертям!

Черт ужасно рассердился, топнул ногой и исчез. Марко и Мирко успели только увидеть какое-то легкое облачко, которое ушло в щель между кафельными плитками пола, словно сороконожка, убегающая от метлы.

Черт явился к своему начальству и доложил:

— Так, мол, и так, близнецы Марко и Мирко не питают ни малейшего уважения к чертям.

Начальник вскипел от возмущения. Чертей у него было — что волос на голове. Он вырвал один из них, явился другой черт и получил командировку на Землю — улица такая-то, номер такой-то — проучить как следует этих плутов.

Марко и Мирко тем временем продолжали писать сочинение.

— Ну а теперь что напишем? — спросил Марко.

— Чистую правду, — предложил Мирко, — то, что видели, — у черта клетчатые штаны!

Не успели они записать эту историческую фразу, как в дверь кто-то постучал — тук-тук-тук!

— Кто там?

— Это я, черт!

— Тот же самый или другой?

Вместо ответа черт со свистом влетел в замочную скважину. Сначала он был тонюсеньким, как волосок, но едва коснулся пола, как превратился в огромную овчарку с дымящимися ушами. Полаяв, он обернулся совой с огненными глазами. Уселся на люстру — все лампочки погасли, и светились только его глаза.

— Ну и что дальше? — спросили Марко и Мирко.

— Неужели не страшно?

— Нисколько! Потому что ты не вспомнил про буку.

Сова слетела на пол и превратилась в дракона, с длинными, острыми клыками, из которых вылетали искры.

— Опять не испугались?

— Ни капельки! Ты опять забыл про буку. А ведь мы тебе только что подсказали! Зубы у тебя длинные, а память короткая!

— Короче, — заявил черт, — я сейчас посажу вас и мешок и унесу.

— Ничего не выйдет! — ответил Марко. — Мама не велела нам выходить из дома, а мы дети послушные.

— Поэтому сейчас, — добавил Мирко, — мы займем ся твоими зубами.

Молотки немедленно отправились в нужном направлении и принялись за работу. Клыки дракона рассыпались на кусочки, упали на пол и звякнули: «Динь-динь!» А потом с легким шипением растаяли, будто масло на сковородке. Черт превратился в муху и уселся на оконное стекло.

— Тут уж вы ничего со мной не сделаете! — сказал он. — Не станете же вы бить своими молотками стекла!

— Наш дядя — стекольщик, — объяснил Марко.

— И он вставит нам стекла бесплатно, — уточнил Мирко.

— Дядя — стекольщик?! Это уже слишком! — заявил черт, стукнул лапкой по стеклу и исчез, оставив черную точку, как это делает настоящая муха.

Черт явился к начальству, доложил обо всем, и тот от злости чуть не разорвал его на части.

— Вы все предатели! — загремел он, изрыгая дым из ноздрей и ногтей. — Теперь я сам отправлюсь туда! Я покажу вам, как надо действовать, недоумки!

Марко и Мирко продолжали делать уроки. Они писали в тетрадах левой рукой (потому что в правой держали молотки): «Черт очень боится детей!»

Черт-начальник явился к ним прямо в тетрадь — в виде маленького рисунка. Станный, однако, это был рисунок — он подмигивал, пахнул серой и громко свистел. Затем он выскочил из тетради и превратился в огромного трехметроворостого черта, широкого, как диван. Одной рукой он схватил Марко, другой — Мирко, и у него еще остался хвост, чтобы лишить их молотков.

— Как невоспитанно, — сказали в один голос близнецы, — разве можно входить в чужой дом без разрешения?! Мы скажем папе.

Черт держал их на весу и поднес поближе, чтобы рассмотреть получше.

— У вас красные глаза, — сказал Марко. — Вам не мешал бы альбуцид!

— А я могу посоветовать хороший дезодорант, — добавил Мирко. — А еще лучше, просто почаще принимать душ. Уж очень от вас паленым пахнет.

Черт захохотал:

— Послушаем, какие вы мне еще дадите советы, когда я зажарю вас на медленном огне!

В это время в замочной скважине повернулся ключ, дверь открылась, и замогильный голос произнес:

— Бука пришла!

Черт испугался и выпустил Марко и Мирко вместе с их молотками.

Кто же это? Не может быть! Да это же синьора Де Маджистрис, услужливая соседка, которую родители Марко и Мирко просили присматривать за их сокровищами. Она пришла узнать, не надо ли им что-нибудь, не слишком ли они много перебили тарелок и не сломали ли какой-нибудь шкаф.

Синьора Де Маджистрис увидела черта, прятавшегося за диваном, и схватилась за метлу:

— А вы кто такой? Выходите оттуда немедленно!

Черт, увидев метлу, очень обрадовался. Он решил, что синьора Де Маджистрис ведьма. Вышел из своего укрытия и попытался вновь захватить поле боя. Но молотки тут же безжалостно остановили его: тот, что с белой ручкой, принялся стучать по хвосту, а тот, который с черной, — по рогам.

— Синьора! — взмолился черт, кривясь от боли. — Образумьте их наконец!

— Ну, ну, дети! — сказала синьора Де Маджистрис. Оставьте в покое этого несчастного черта! По-моему, он не замышляет ничего дурного. И вообще нельзя так обращаться с теми, кто просит пощады. В таких случаях в виде милостыни всегда нужно давать им объедки, а можно еще и фальшивую монетку, чтобы им хотя бы казалось, что вы хотите помочь.

— Молодец, синьора, — сказал черт, — правильно!

Марко и Мирко дали черту передышку, и он тут же исчез. Синьора Де Маджистрис даже не заметила этого, потому что ушла в кухню за объедками для черта. А когда вернулась с куриной требухой, удивилась:

— Ушел? Вы прогнали его? Мне показалось, это милый черт! Ну ничего, я сейчас утешу вас — расскажу сказку о Красной Шапочке.

Марко и Мирко побледнели. И вздрогнули от ужаса, словно их ударило электрическим током.

— Нет! — запротестовали они. — Ради бога не надо! Только не Красную Шапочку!

— Но почему? — удивилась синьора Де Маджистрис. — Такая хорошая сказка. Я очень любила ее, когда была маленькая. Итак, жила-была одна девочка...

Марко и Мирко в ужасе прижались друг к другу. Они уже сто раз слышали эту сказку про Красную Шапочку, но всякий раз — как впервые. Даже больше боялись, чем в первый раз. Потому что тогда они еще не знали, когда на сцене появится плохой волк... А теперь знали... Точно знали, когда именно появится этот ужасный волк... И они пугались при одной только мысли об этом. Они испытывали прямо-таки дьявольский страх.

А синьора Де Маджистрис неумолимо продолжала рассказывать сказку. Вот Красная Шапочка попрощалась с мамой, вот она бежит по тропинке, входит в темный лес... И вот из-за куста... Так и есть — плохой волк! Марко и Мирко бросились под диван, стуча от страха зубами и умоляя о пощаде. Они обнялись там и затаили дыхание. А молотки их валялись на полу, словно забытые вещи.

— Хватит! Хватит! — взмолились братья.

Но синьора Де Маджистрис не слышала их, потому что слушала только собственный голос. И не видела их, потому что смотрела только на свои спицы. Так и застали ее синьор Аугусто и синьора Эменда, когда вернулись домой. Сначала они заметили не детей, а только их ботинки — все остальное было спрятано под диваном.

— Ах, вот вы где, мои милые чертенята! — ласково сказала синьора Эменда.

— Ну-ка вылезайте, вылезайте, плутишки! — весело добавил синьор Аугусто.

Марко и Мирко поспешно вылезли из-под дивана и крепко уцепились за мамину мини-юбку — теперь они спасены! А мама улыбнулась и сказала:

— Ах вы, милые мои молотки!

Почтальон из Чивитавеккья

Чивитавеккья — городок возле Рима — почти город, поскольку он почти большой и даже портовый — пароходы уходят отсюда в Сардинию. Естественно, что почтальонов в нем хоть отбавляй: их там более двенадцати. И самый молодой — почтальон Грилло, что значит Кузнецик. Вообще-то его зовут Анджелони Джан Готтардо, но в почтовых кругах он известен как Троттино, потому что он всегда «тротта», то есть бежит трусцой. А горожане называли его Грилло, потому что это прозвище имел еще его дед.

Грилло был так молод, что даже был еще не женат. Правда, у него была невеста по имени Анджела, девчонка прехорошенькая, спортсменка. Грилло болел за команду из Тернаны, поскольку его отец был оттуда родом. А девушка вообще не любила футбол. Она любила только Грилло.

— Ты лучший почтальон в Чивитавеккья! — говорила она. — Да что там — на всем Тирренском побережье! Попробовал бы кто-нибудь таскать такую тяжелую сумку, как ты. А когда ты несешь телеграмму, то вручаешь ее так быстро, что адресат получает ее за сутки до того, как она была отправлена.

Анджела любила Грилло так сильно, что, когда он попадал под дождь, даже высушивала феном его зонтик.

Грилло работал главным образом в отделе посылок. А что для него посылка? Пустяк! Он взваливал на себя сразу две дюжины ящиков и шутя разносил их по городу, даже не вспотев при этом нисколько. Так что носовой платок его всегда был чист, а это — экономия на мыле!

Однажды утром вместо посылки ему поручили доставить бочку вина. Очень тяжелую! Судите сами: вино было крепостью в 14 градусов! Грилло водрузил бочку на руль своего мопеда и помчался. В пути кончился бензин. Мопед остановился. Подумаешь! Грилло подцепил бочку большим пальцем и отнес адресату.

Вернулся на почту, и начальник тут же позвал его к себе:

— Так, мол, и так. Что же это получается! Носишь бочку одним пальцем, и смотри, он у тебя даже не погнулся?

— Но ведь это только одна бочка, начальник. А я привык к настоящим трудностям. На моей шее висит целая семья, огромная, как голод, — мать, бабушка, две тетушки — обе старые девы — и семеро братьев: Ромул, Рем, Помпилий, Туллий, Тарквиний...

— Достаточно! Разве это не имена римских императоров?

— Конечно. Рим — как-никак столица. А мой отец был хорошим патриотом.

— Послушай, — продолжал начальник, — почему бы тебе не заняться тяжелой атлетикой? Ты бы стал чемпионом мира.

— Думаете?

— Я всегда думаю. А ты когда подумаешь?

— Сегодня вечером, в девятнадцать тридцать.

В девятнадцать тридцать Грилло встретился с Анджели, и она, сама спортсменка, с восторгом заявила, что теперь будет болеть за тяжелоатлетов.

— Однако надо все сохранить в тайне,— посоветовала она.— И тренироваться ночью. Ты станешь сюрпризом спортивной арены! Неожиданно всех победишь и сразу же прославишься. Тебя будут интервьюировать на радио, и ты скажешь, что у тебя есть невеста и ее зовут Анджела!

Так они и решили. Едва стемнело, и все жители Чивитавеккья заперлись по домам и прильнули к телевизорам (так поступают повсюду: в Милане, Нью-Йорке и Форт-Лимпополи), Грилло начал тренироваться. Сначала он поднял чей-то японский мотоцикл весом в два центнера, потом — малолитражный автомобиль, затем — огромный «кадиллак» и наконец — целый автофургон с прицепом.

— Ты сильнее Мачисте! — заявила Анджела, очень довольная.

Мачисте — портовый грузчик, который одной рукой поднимал ящик с болтами. И при этом у него не сидела на шее бабушка, а братьев было всего двое. Семейой он был не обременен.

На следующее утро начальник снова вызвал Грилло:

— Подумал?

— Да. От девятнадцати тридцати до одиннадцати пятнадцати. Но пока все держу в секрете. Хотите, приходите в полночь, увидите.

— В полночь, говоря по правде, ничего не разглядишь.

— Моя невеста захватит карманный фонарик.

В полночь они отправились в порт и взяли лодку. Анджела настояла на том, чтобы самой сесть за весла — Грилло необходимо беречь силы.

Начальник проворчал:

— Подумаешь... Не китов же мы едем искать, чтобы поднимать их?

Грилло в одних трусах прыгнул в воду и подплыл к грузовому пароходу под турецким флагом водоизмещением 1500 тонн.

— Але-оп! — скомандовал он и приподнял корабль над водой настолько, что обнажился винт.

На борту кто-то что-то прокричал по-турецки, но Грилло по-турецки не понимал ни слова и поэтому ничего не ответил.

— Вы видели, синьор начальник?! — воскликнула Анджела и погасила карманный фонарик.

От восторга начальник прямо в одежде бухнулся в воду, обнял Грилло и чуть было не утопил. К счастью, Андже́ла захватила с собой портативный фен на полупроводниках и быстро обсушила обоих, а также всю одежду начальника, в том числе и белый платочек в нагрудном кармане пиджака.

— Ты станешь гордостью всех почт и телеграфов! — воскликнул начальник. — Только советую набрать в рот воды. Никто не должен ничего знать вплоть до самого последнего дня, когда ты внезапно станешь чемпионом. Тебя будут интервьюировать на радио, спросят, кто открыл тебя, и ты ответишь: мой начальник доктор Такой-то!

— И скажешь, что у тебя есть невеста, которую зовут Андже́ла! — добавила Андже́ла.

— Можно мне это сказать? — уточнил Грилло, обращаясь к начальнику.

— Разумеется, можно! — ответила Андже́ла.

На следующую ночь, сделав вид, будто едут в Гроссето, они приехали в Рим, чтобы тайком потренироваться в столице. Грилло поднял Колизей, оторвав его от фундамента, а потом бережно поставил на место.

— Слишком торопишься, — недовольно заметил начальник. — Я просто не успел увидеть. Слишком уж ты проворен.

— Эх, начальник, будешь тут проворным, когда у тебя на шее — мать, бабушка, две тетушки — обе старые де-вы — и семеро братьев.

— А кроме того, — добавила Андже́ла, — он ведь собирается жениться.

— А вот это мне совсем непонятно, — зашептал Андже́ле начальник, пока Грилло мыл руки у фонтана. — Такая красивая девушка, ростом один метр, семьдесят три сантиметра, весом пятьдесят четыре килограмма, с такими чудесными зелеными глазами, с такими волосами, и вдруг влюбилась в какого-то жалкого почтальон-ишку, да еще с такой огромной семьей на шее!

— Имейте в виду, — ответила ему Андже́ла, — что и тоже занимаюсь тяжелой атлетикой. Если вы еще раз скажете что-либо подобное, я усажу вас на арку Констан-тина, и тогда посмотрим, что будет дальше...

— Будем считать, что я ничего не говорил! — тут же согласился начальник. — Давайте думать о нашем чемпионе. Через две недели начнется чемпионат мира. Я финансирую участие Грилло.

Будущий чемпион потренировался еще немного. Под

бадриваемый невестой и начальником, он стал подряд поднимать одно за другим — этрусские гробницы, развалины канала в Монтерано, остров на озере Больсена, гору Соратте, государственный винный склад в Черветери, ну и тому подобное. Словом, потренировался как следует и решил ждать начала мирового чемпионата, который должен был проходить в Александрии.

Начальник оплатил проезд и Анджеке тоже. На корабле она так сразила всех своей фигурой, что не было ни одного моряка, кто не поинтересовался бы, нет ли у нее сестры, на которой можно жениться.

Грилло слегка нервничал. Он чувствовал себя точно так же, как в тот день, когда доставил телеграмму за сутки до того, как она была отправлена.

— Успокойся, — посоветовал начальник, — ты самый сильный тяжелоатлет во всей Солнечной системе. Только не испорти все своей вечной поспешностью.

— Хорошо, синьор начальник, — пробормотал Грилло, — просто я не привык зря тратить время, а этот корабль, похоже, не собирается идти в Египет.

Но корабль в Египет все же пришел, спортсмены высадились в Александрии и отправились в гостиницу.

Начальник и Анджека сказали Грилло:

— Тебе надо немножко поспать, чтобы успокоить нервы. А мы тем временем заглянем в спортзал, проверим, все ли там в порядке, нет ли каких подвохов...

И Грилло пошел спать. Но во сне он так торопился, что проснулся... вчера. Посмотрел на календарь и убедился, что сегодня еще понедельник, хотя в Александрию они прибыли во вторник.

— Так и знал, — подумал он, — теперь надо спать вдвое медленнее, чтобы проснуться вовремя.

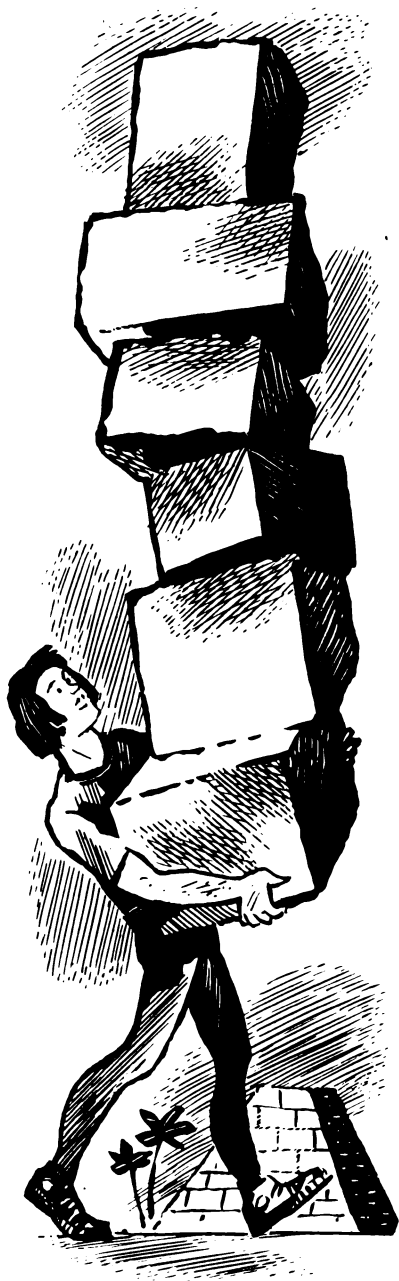
Он снова уснул, но спал еще поспешнее и проснулся за три или четыре тысячелетия до нашей эры. Проснулся в пустыне, потому что гостиницы в те времена на этом месте еще не было, и увидел перед собой человека в древнеегипетском одеянии. Тот спросил Грилло:

— Квик, квек, квак и квок?

— Ничего не понимаю, — вежливо ответил Грилло. — Мы в Чивитавеккья говорим на другом языке.

Человек повторил еще несколько раз: «Квик! Квек!» — потом позвал двух рабов, те подняли Грилло, отнесли в лодку, полную людей в древнеегипетских одеждах, и сунули в руки весло.

— Квик! — приказал хозяин лодки.

— Это я понял,— проговорил Грилло,—это значит: греби!

И едва он начал грести, как все опустили весла — в них просто не было надобности. Достаточно было усилий одного Грилло, чтобы лодка стрелой полетела вниз по Нилу. Крокодилы в испуге шарахались кто куда, а хозяин так ликовал, что от радости сошел с ума, и его пришлось связать.

Грилло между тем догадался, что его везут на строительство египетских пирамид. Чтобы помочь немного. И он не ошибся. Вскоре в пустыне показалась недостроенная пирамида, а вокруг — тысячи рабов, которые с трудом волочили огромные камни. Тут же оказался и фараон. Он кричал своим секретарям все то же: «Квик! Квек!» Но было совершенно ясно, что фараон сердится, потому что работы идут ужасно медленно. Его секретари со страху спрятались кто куда — боялись потерять голову, а заодно и уши.

«Я, конечно, могу помочь,— подумал Грилло,— мне это нетрудно. Но только до обеда. А потом — премного благодарен, и арри ведерчи».

Он поднимал эти чудовищные камни, даже натянув потуже пояс. Каж

дой рукой — по дюжине. Народ обступил его, и все кричали: «Ойле! Квек! Квек!» А фараон от изумления упал в обморок, и к его носу пришлось поднести дохлого кота, чтобы тот очнулся (таков фараонский обычай).

Не прошло и двух-трех часов, как пирамида была закончена. Конечно, сразу же — обед для начальства, тосты, речи, поздравления... Фараон захотел поближе посмотреть на чужеземного раба, так удивившего его. С помощью пальцев и некоторых иностранных слов, он попытался объяснить с ним и спросил, откуда он родом.

— Вавилония?

— Нет, ваше величество, Чивитавеккья.

— Содом и Гоморра?

— Я же сказал вам, многоуважаемый, — Чивитавеккья.

Фараону надоело расспрашивать, и он сказал что-то вроде этого: ну и катись туда, откуда явился. Грилло из осторожности помалкивал: когда расспрашивают, всегда лучше говорить поменьше. Он поел, когда дали есть, попил, когда дали пить, а потом ему знаками объяснили, что он может отдохнуть под пальмой.

«Тем лучше, — подумал Грилло, — теперь постараюсь спать медленно-медленно, как можно дольше, чтобы вернуться в наши дни».

Поначалу он не торопясь отсчитывал во сне века, тысячелетия, но привычка спешить все же взяла свое, и он начал беспокоиться, не пора ли просыпаться, не проспал ли.

Он проснулся как раз в тот момент, когда его помощь была совершенно необходима, чтобы закончить Суэцкий канал. Тут, к счастью, Грилло встретил земляка из Чивитавеккья. Звали его Анджелони Мартино. Он оказался школьным товарищем его пра-прадедушки. На радостях Грилло даже заплатил за него, когда они немного выпили.

Засыпая снова, Грилло решил быть умнее и совсем не торопиться. Но перестарался. Он проснулся в гостинице, в Александрии, когда чемпионат мира уже закончился и победили все, кроме участников из Чивитавеккья. Начальник почты улетел в Италию первым же самолетом. А Анджела сидела рядом и помешивала ложечкой кофе.

— Выпей, — сказала она, — уже остыл. Его принесли еще три дня назад. Видимо, тебя обманули, чтобы ты никого не победил. Подсыпали сильное снотворное. Начальник грозит, что подаст в суд. Ну, ничего, в будущем

году состоятся Олимпийские игры, и ты непременно победишь и станешь чемпионом!

— Нет,— ответил Грилло,— больше я не хочу побеждать. С таким грузом на шее, как у меня, нет смысла носиться по свету и поднимать тяжести.

— Постой, а на мне не женишься?

— На тебе я женюсь тотчас же, даже на прошлой неделе.

— О нет, меня вполне устраивает завтра.

Прежде чем вернуться в Чивитавеккья, чтобы пожениться, они побывали у пирамид. Грилло сразу же узнал свою работу — труды своих почтово-телеграфных рук. Но он ничего не сказал. Великие чемпионы обычно очень скромны. А самые великие — скромнее всех. Такие скромные, что их имена навсегда остаются неизвестными. Каждый день они поднимают невероятные тяжести, но никому не приходит в голову взять у них интервью.

Коровы из Випетено

Однажды корова из Випетено съела радугу. Вообще-то коровы едят траву, сено и всякую прочую растительность. Но в тот вечер на закате после сильной грозы, когда немецкие туристы восхищались радугой, перекинувшейся от одной горы к другой, а по лугу бродили коровы, не думая о завтрашнем дне, потому что они, как известно, всеми четырьмя ногами стоят в настоящем, случилось то, чего не было и тысячу лет.

Кто-то из туристов вдруг воскликнул:

— Смотрите, радуга уходит в землю!

— Придумал тоже! Всем известно, что радуга — оптический обман!

— Не верите? Посмотрите сами!

Все посмотрели и убедились — так оно и было. У одной горы радуга поднималась вверх, будто ее медленно, с трудом выдергивали из-под земли, а у другой горы уходила, словно кинжал в ножны, прямо в почву. В том месте был отличный луг — чудесное зеленое пастбище, на котором паслись коровы. Именно там радуга, можно сказать, исчезала со всеми своими семью цветами.

Немецкие туристы смотрели как замороженные — им впервые в жизни довелось видеть подобное зрелище.

— Пойдемте посмотрим поближе! — решили они.

— Зачем? — удивился все тот же скептик. — Неужели вы думаете, что найдете там дырку, а в ней какого-нибудь сторожа от природы, которому поручено затаскивать туда радугу, после того как она покрасуется в небе?

Но остальные не стали его слушать и отправились на экскурсию. И ничего, разумеется, не увидели — ни дырки, ни сторожа радуги. Луг был самый обыкновенный, и ни один его квадратный сантиметр ничем не отличался от другого. Коровы тоже были как коровы. Облака на небе окрасились последними лучами заходящего солнца, которое выглянуло ненадолго после грозы, чтобы посмотреть, какой оно нанесло ущерб.

— И все же!.. — заметил кто-то из туристов.

— И все-таки!.. — сказал кто-то другой.

— Тем не менее!.. — произнес еще кто-то. Подобных выражений в немецком, как, впрочем, и в других языках, предостаточно. Наконец все сошлись на том, что это был обман зрения, и возвратились в гостиницу, вспоминая, какие радуги они видели в Гонконге, Ванкувере, Сиднее — в Австралии — в Чезенатико и Романье. Коровы тоже вернулись в свой хлев, с ними вместе и та, что съела радугу.

А это была, надо вам сказать, довольно привередливая корова. Она с удовольствием ела синие цветы, но терпеть не могла желтые, охотно жевала клевер, но пренебрегала даже укропом. В тот вечер, когда перед ее носом оказалась радуга, вернее, основание этого великолепного разноцветного моста, от которого ей, по правде говоря, было ни жарко, ни холодно, поскольку она не отличалась сентиментальностью и не питала особого пристрастия к пейзажам, она — ап, ап, ап! — принялась вместе с травой поедать и большие куски радуги. Это не вызвало у нее неприятных вкусовых ощущений, и вообще она нисколько не удивилась, разве только чуть-чуть растерялась, но, будучи скромным рогатым скотом, простым млекопитающим, непритязательным парнокопытным, дальше этого «чуть-чуть» не пошла и продолжала заглатывать внушительные порции цвета, причем желтый, красный, голубой и фиолетовый были для нее совершенно одинаковыми. Она была жвачным животным и жевала столько, сколько ей было необходимо. Желудок ее спокойно воспринимал и переваривал радугу вместе с другой пищей. Ему не было до нее никакого дела.

Словом, корова вернулась в хлев, как делала это каждый вечер, и получила, как всегда, полагавшийся ей дружеский шлепок, которым хозяин приветствовал своих коров, обращаясь к ним по имени. Корову, которая съела радугу, звали «Вах!», причем восклицательный знак тоже был составной частью ее имени. На этот раз ее опять называли Вах!, и она ответила ласковым ударом хвоста. Словом, вечер был как вечер, ничем не отличался от других.

Синьор Вальтер принялся доить одну за другой пять своих коров, и молоко Вах! было, как всегда и как у ее подруг, белым, так что у синьора Вальтера не было никаких причин для беспокойства. Он спокойно уснул и видел во сне, что едет верхом на лошади по берегу моря.

Вечером следующего дня его привычное спокойствие было нарушено, когда из сосков коровы Вах! вдруг брызнуло такое синее молоко, какого синьор Вальтер не видел даже во сне.

Синьор Вальтер посмотрел на свои руки — они были чистые, хотя и не слишком. Никаких пятен, ни синих, ни оранжевых, на них не было. Ведро же он, как всегда, по привычке едва сполоснул. Он снова принялся доить, и опять полилось синее молоко такого прекраснейшего си-

него цвета, который неизменно используется в песнях, если нужна рифма к «инею» или «линии».

Не в характере синьора Вальтера было менять свои планы, и тем более из-за какого-то там цвета. Он должен был доить, и он доил. Он должен был продать свой товар, и он попытался продать молоко и коровы Вах!

Но красавица Эльза, которая объезжала долину, забирала бидоны с молоком для кооператива, и слышать не захотела о нем.

— Синего молока мне не надо! Масло из него не выйдет! Может, процедите его, и оно побелеет?

— Эльза, красавица Эльза, ты смеешься надо мной, а у меня самые серьезные намерения. Ты уже выросла и тебе пора замуж.

— Чтобы угостить вас синими конфетами? Нет, спасибо!

— А с молоком что же мне делать?

— Мама ничего мне не сказала на этот случай.— Красавица Эльза нажала на газ, и ее фургончик двинулся дальше.

«Вот так история!» — подумал синьор Вальтер.

Но на следующий вечер дела пошли еще хуже — корова Вах! дала ему зеленое, желтое, красное, темно-синее и фиолетовое молоко.

— Такая радуга внушает подозрение. Уж не отравил ли кто мою корову, чтобы я разорился и не смог жениться на красавице Эльзе? Пожалуй, надо пригласить ветеринара.

Пришел ветеринар, пришли крестьяне и владельцы коров со всей округи, потому что слух о цветном молоке распространился моментально, каждый хотел сам убедиться в этом и сам высказать все, что думает по этому поводу.

— Тяжелый случай, — признался ветеринар.

— Все цвета радуги! — с восторгом воскликнул какой-то крестьянин.

— Но моя корова ест ту же траву, что и другие, — оправдывался синьор Вальтер.

— Все дело в пищеварении, дорогой коллега. Наши коровы тоже едят синие, красные и желтые цветы, но, переварив их, дают белое молоко. А твоя, наверное, имеет рассеивающий пищеварительный аппарат — скорее аналитический, чем синтезирующий, и потому не смешивает цвета.

— Я читал, что прежде некоторые художники делали так же. Они накладывали краску на полотно маленькими разноцветными точечками. Их называли пуантелистами (от французского слова «пуант» — точка). И коровы у них получались, как...

— Стоп! Без намека, пожалуйста. Моя корова ходит не по картинным галереям, а по лугам. И если бы я приметил, что она разговаривает с каким-нибудь художником, я быстро сумел бы выбить из нее художественные наклонности.

Спор был долгим и оживленным. Были сказаны и повторены самые невероятные глупости. И только быстро опустившаяся ночь положила всему этому конец. Но это была, к сожалению, лишь временная передышка. В следующие дни не только Вах!, но и другие коровы, которые паслись в долине, стали давать цветное молоко.

Дело было летом — в самый сезон гроз и радуг. Вах! гуляла по лугам вместе с другими коровами, и контакт с ней был, очевидно, заразителен, потому что каждый раз, как только на небе появлялась радуга, непременно находилась еще какая-нибудь корова, которая — ап, ап, ап! — начинала жевать ее. Случалось порой, что коровы оказывались у противоположных концов радужной арки, и каждая — ап, ап, ап! — принималась уплетать свой конец. Тогда радуга ломалась пополам, и туристы, всегда готовые восхищаться красотами природы, ужасно огорчались.

— Это безобразие! Это провокация! — возмущались они. И с подозрением смотрели на хозяйни гостиницы.

Между тем коровы, начиная опять же с Вах!, которая во всем шла впереди своих подруг, вдруг с головы до хвоста окрасились в самые разные цвета. Появились коровы в голубой горошек, коровы в крупную шотландскую клетку и в совсем мелкую клеточку, и крапинку и в полосочку — всех семи цветов, опустившихся с неба. Люди не знали, что сказать и что сделать, только хватались за голову. Синьор ветеринар, чтобы не ударить в грязь лицом, взял отпуск и уехал в Линьяно Саббьядоро — на курорт «Золотые пески».

Угадала, в чем дело, и сказала об этом синьору Вальтеру красавица Эльза.

— Коровы едят радугу? — с изумлением переспро

сил он.— Я верю тебе, красавица Эльза, потому что, как я уже говорил, у меня серьезные брачные намерения в отношении тебя. Но не говори больше никому об этом, а то люди решат, что ты сошла с ума, и престиж кооператива сильно пострадает.

— Ты не веришь мне, дорогой Вальтер, потому что я женщина, а все важные открытия, как известно, делают мужчины.

— С тех пор, как существует этот мир, всегда были грозы, радуги и коровы, но между ними никогда не было никакой путаницы.

— Но всегда же что-то случается в первый раз,— заметила красавица Эльза.— Понаблюдай при случае за своей Вах!, а потом скажешь мне.

Два дня спустя разразилась великолепная гроза. Синьор Вальтер захватил зеленый зонтик и отправился на луг, где Вах! спокойно стояла под ливнем и, как видно, совсем не собиралась линять.

— Надо бы действительно посмотреть, что тут происходит,— решил синьор Вальтер. Но ему пришлось порядком подождать, пока громы и молнии ушли в другую долину, и в облаках блеснул еще совсем мокрый первый луч солнца.

— Сейчас, конечно, появится радуга, и посмотрим, что будет делать Вах!.

Но радуга, которая, очевидно, не была заинтересована в эксперименте, не появлялась. Впрочем, ее появление после грозы вовсе не обязательно. Иногда она бывает, а иногда — нет. Тут нет никаких правил. Природа поступает, как ей вздумается. И не всегда разумно.

Синьор Вальтер открыл зонт и, не спуская глаз с Вах!, стал терпеливо ждать, уже почти не сомневаясь, вернее, уже будучи почти уверенным, что красавица Эльза посмеялась над ним. Но вдруг...

Вдруг Вах! подняла голову и замычала, словно приветствуя солнце, которое величественно выплыло из-за туч. Затем что-то появилось у нее изо рта — то ли пена, то ли какая-то нить, то ли облачко... Да, да, это было цветное облачко, нечто вроде знамени, которое стало подниматься все выше и выше в небо. Вах! как ни в чем не бывало попросту выплевывала радугу, и та уходила в небо, раскидывая свою дугу прямо перед синьором Вальтером по направлению к солнцу. И почти сразу же после этого все коровы

в долине тоже выпустили в небо великолепные радуги, каждая свою. И пока они стояли так, открыв рты, то есть пасти, чтобы выпустить все цвета, их шкуры полиняли и вновь обрели нормальный цвет — не стало горошков, клеточек, полосок, ромбов, квадратов.

— Вальтер, Вальтер! — Красавица Эльза звала его и бежала навстречу. — Я же говорила тебе! Смотри, какое чудо!

— Вообще-то ты говорила, что коровы едят радугу, а не выпускают ее в небо...

— Ладно, не придирайся! Смотри лучше, какая красота!

На небо смотрели все — красавица Эльза, синьор Вальтер, односельчане, широко раскрыв глаза, смотрели туристы. Среди них был профессор Бломберг из Гейдельбергского университета. Поучительным тоном он сказал:

— То, что вы видите, дамы и господа, невероятно, попросту смехотворно! Объяснение этого природного явления впервые сделал монсиньор Де Доминис из Спалато в 1590 году; затем Картезио в 1637 году и Ньютон в 1704 году. Радуга — это результат преломления, отражения и дифракции света в каплях дождя. Она наблюдается, когда солнце освещает завесу дождя, расположенную на противоположной от него стороне неба, и исключает какое бы то ни было активное вмешательство рогатого скота. И я призываю вас, господа, из уважения к монсиньору Де Доминису, Картезио и Ньютону не верить своим глазам и не поддаваться влиянию таких глупых и не имеющих никаких академических титулов животных, как коровы из Випетено.

Закончив свою речь, профессор Бломберг грозно по смотрел вокруг, словно готов был немедленно поставить плохую оценку по поведению любому туристу, который посмеет послушаться его. Между тем коровы продолжали посылать в небо свои радуги, и в нем возникло невероятное переплетение фантастических мостов, красочный геометрический лабиринт — ну прямо улада для глаз!

— Какая красота! — не уставала восхищаться красавица Эльза. Она разволновалась и стала еще красивее.

Синьор Вальтер подумал про себя: «Сейчас или никогда!»

— Эльза, красавица Эльза, выйдешь за меня замуж?

— Выйду, — ответила Эльза наконец, — выйду, если поведешь меня погулять по радуге. Но, может быть, только при этом условии.

Мистер Каппа и «Обрученные»

Было десять часов утра. Шел урок литературы. Со старым учителем Ферретти ученики обычно вполне разумно использовали эти драгоценные пятьдесят минут. Они обменивались через парты и даже через ряды парт записками самых различных размеров на самые животрепещущие темы. Например, о немецком кино в период между двумя войнами, о футболе, о бурном росте числа мотоциклистов на японских островах, о любви, о деньгах (заключая пари на мороженое или сдобную булочку), о книжках-картинках, сигаретах и так далее. Но все сильно изменилось с тех пор, как старого учителя сменил новый — синьор Феррини. Он сразу дал понять, что для него литература — это действительно урок литературы, а сама литература — это прежде всего «Обрученные»¹. И вот теперь они сидели и пыхтели над изложением по этому роману.

Синьор Феррини, вооружившись девятихвостой плеткой, ходил по классу и заглядывал в тетради, желая убедиться, что в каждой найдет изложение двенадцатой главы бессмертного романа и что ученики не списывают друг у друга, иначе все изложения будут похожи, как зеркальные отражения.

Ученик Де Паолис дрожал мелкой дрожью — он пересказал только первый и последний абзацы главы, а промежуток между ними заполнил образцом газетной прозы, который наугад выхватил из передовой статьи газеты «Паэзе сера»². Так что при внимательном чтении его изложение прозвучало бы так: «В этой главе Автор вспоминает, что урожай зерна в 1628 году оказался еще более жалким, чем в предыдущий год. Но только упорная борьба за перемены как в области политики, так и в социальной структуре общества может вновь открыть социалистам возможность войти в правительство, при условии, что...»

Убедившись, что слово Автор написано, как и полагается, с заглавной буквы, синьор Феррини хотел пройти дальше, но вдруг вскричал от ужаса — он обнаружил, что ученик Де Паолис, экономя бумагу и чернила, исправил шловокок предыдущего изложения — «Глава одиннадца-

¹ Известный исторический роман выдающегося итальянского писателя Алессандро Мандзони.

² «Паэзе сера» — газета итальянских социалистов.

тая» на «Глава двенадцатая». Незадачливый ученик тут же понес наказание — получил семь ударов плеткой по брюкам. И надо отдать ему должное, даже не пикнул.

А потом суровое лицо синьора Феррини осветилось радостной улыбкой.

— Я вновь хочу воздать хвалу ученице Де Паолоттис,— торжественно заявил он,— за ее безупречное изложение, написанное, как всегда, изящным слогом. Де Паолоттис проявила себя тонким наблюдателем и аналитиком, глубоко раскрыла содержание главы, работа ее превосходна, а пунктуация безошибочна! Вы же, господа, хорошо знаете, какое большое значение придавал Мандзони пунктуации.

Ученица Де Паолоттис скромно опустила глаза и очки и потеревила косу в знак легкого смущения. Мальчики и девочки поздравили ее, преподнесли ей букеты цветов и коробки шоколадных конфет с брелком внутри, на котором выделялся знак Зодиака — созвездие Девы. Хорошо придумано, ничего не скажешь!

Когда же синьор Феррини вернулся к учительскому столу, все увидели, как он внезапно вытаращил от ужаса глаза и побледнел от отвращения, словно притронулся к сколопендре. Он нервно скомкал листок бумаги, лежавший на столе, и сунул его в карман. Потом сказал, что у него начался приступ полиневрита, выбежал из класса, а потом и из школы, поймал такси и велел водителю ехать к мистеру Каппа, самому знаменитому и высокооплачиваемому частному детективу во всей области Лацио.

Мистер Каппа не дал ему и слова выговорить.

— Подождите! — приказал он. — Садитесь вот сюда! Шляпа — коричневая, галстук — черный... Учитель, не так ли? Нет, нет, молчите! Все вопросы только ко мне. Учитель литературы, верно? Судя по вашим тупоносым ботинкам, речь пойдет, видимо, об «Обрученных», не так ли?

— Как вы угадали?

— Я не угадал. А понял это по вашей нервозности. Итак, рассказывайте.

— Я получил анонимное письмо, в котором лучшим ученица класса Де Паолоттис обвиняется в том, что списывает изложение бессмертного романа из какой-то тайной тетради. Я в это не верю, но...

— Вполне понятно. Истина превыше всего! Надо провести расследование. Сто пятьдесят тысяч лир в ки

честве аванса и по сто тысяч в день на мелкие расходы. Вас это устраивает?

Синьор Феррини покачулся. При его-то заработке... да при нынешних ценах на ветчину... Ему придется продать даже шляпу, чтобы уплатить по счету. Но неважно — истина превыше всего. Истина любой ценой!

— Согласен! Я оплачу также и кофе, который вы будете пить.

— Благодарю вас. Встретимся через семьдесят два часа в это же время. Давайте сверим часы.

Синьор Феррини, выйдя из дома детектива, упал от волнения с лестницы и сломал зонтик, а мистер Каппа немедленно принялся за дело. Он переоделся продавцом детских энциклопедий в рассрочку и отправился к ученице Де Паолоттис, у которой как раз был брат девяти с половиной лет. Объясняя членам семьи Де Паолоттис достоинства «Малой научной библиотеки» в трехстах четырех томах и девяносто восьми словарях, детектив незаметно спрятал в цветочном горшке телекамеру, портативный магнитофон пристроил под телефоном, а счетно-решающее устройство на батарейках засунул за портрет дедушки в форме лейтенанта-берсальера. Затем он предоставил семейству Де Паолоттис восемь дней на раздумье, покупать энциклопедию или не покупать, и спрятался в подвале в котле парового отопления (он обладал исключительной способностью легко переносить высокую температуру). Благодаря этим инструментам и вышеописанной хитрости, мистер Каппа за несколько часов узнал:

первое, что ученица Де Паолоттис время от времени действительно переписывает изложение из тайной тетради, которую старательно прячет в том ящике комода, где лежат колготки;

второе, что эта тетрадь была ей подарена в день рождения двоюродной сестрой, которая живет в Верхнем Бергамо в холодную погоду и в Нижнем Бергамо в теплое время года;

третье, что двоюродную сестру зовут Роберта, ей двенадцать лет, она блондинка, рост ее 170 сантиметров, и глаза у нее зеленые. Как раз такой тип девушек, какой особенно нравится мистеру Каппа.

Не теряя времени даром, мистер Каппа на своем личном боевом самолете немедленно поспешил в Бергамо, представился синьорине Роберте, влюбил ее в себя и в обмен на обручальное кольцо добился полного признания:

— Изложение по «Обрученным»? Ну конечно, дорогой! Я обменяла эту тетрадь много лет назад на блок американских сигарет у одного паренька, который одолжил ее у своей тетушки, но так и не вернул.

— Имя!

— Да разве вспомнить! Может быть, Дамиано, а может, и Теофрасто.

— Да нет же! Как звать его тетушку?

— Анджелина Педретти. Она живет в Бусто Арсицио, проспект Мандзони, номер 3456, квартира 789. Куда ты, дорогой?

— У меня тут одно срочное дельце. Я вернусь завтра, чтобы жениться на тебе. Давай сверим наши часы.

Пренебрегая густым туманом, мистер Каппа полетел в Бусто Арсицио. Он отыскал дом Анджелины Педретти, ловко расспросил привратницу и выяснил, что «синьорина Анджелина» умерла несколько месяцев назад, отравившись грибами.

Что делать? Мистер Каппа купил газету и стал лихорадочно листать ее, отыскивая объявления. Наконец он нашел то, что искал: «М.М.М. МЕДИУМ высшей категории. Связь с потусторонним миром гарантируется. Вексели в оплату не принимаются».

Медиум жила в Бризигелле, в Романье, и любила сладости. За сто килограммов анисовой карамели она немедленно провела спиритический сеанс, во время которого вызвала сначала дух вождя галлов Верчинджето ридже и Карла Великого. Но они несколько не интересовали мистера Каппа. Наконец появилась синьорина Анджелина Педретти. Это она раскачивала столик. Похоже, она не прочь была пооткровенничать. Столик прямо дрожал от нетерпения. Муж женщины-медиум переводил разговор.

— «Обрученные»? Нет, я их не читала.

— Разве вы не проходили этот роман в школе?

— Вот поэтому-то я и не стала его читать.

— Но разве не вы одолжили тетрадь с изложениями вашему племяннику... то ли Дамиано, то ли Теофрасто?

— Нет, нет, совсем не Теофрасто. Его звать Габриелло.

— Так, значит, это вы писали изложения?

— Боже упаси! Эту тетрадь я получила в наследство от моей бедной бабушки.

— А, понятно. Значит, их писала ваша бабушка!

— Вовсе нет! Ей тоже подарили эту тетрадь.

— Да кто же, черт возьми!

— Один гарибальдиец, который был почти что женихом бабушки до того, как она вышла замуж за дедушку. Он воевал вместе с Гарибальди, и бабушка говорила, что это был очень красивый парень. Только дедушка был еще красивее, и к тому же у него был обувной магазин в Виджевано. Поэтому она и вышла замуж за него, а не за гарибальдийца.

Мистер Каппа не ожидал столь патриотического рассказа, но терпеливо дослушал до конца и сказал женщине-медиуму:

— Спросите-ка у синьорины Анджелины, не поможет ли она нам отыскать этого гарибальдийца и привести его сюда в качестве свидетеля.

— Попробую,— ответила синьорина Анджелина.— Но на это потребуется время. Нас тут так много и все так перемешалось... Дайте мне хотя бы пять минут.

Мистер Каппа и женщина-медиум закурили, но не успели докурить свои сигареты, как медиум снова впала в транс и заговорила:

— Кто-то там есть, кто-то есть...

— Синьорина Анджелина, это вы? — спросил мистер Каппа.

— Нет,— отчетливо произнес чей-то баритон.

— Чудеса! — воскликнул муж женщины-медиума.— Даже столик не нужен. Духи сами говорят!

— Ты гарибальдиец? — спросила медиум.

— Я личный секретарь сенатора Алессандро Мандзони,— ответил баритон.

— Бессмертного создателя «Обрученных»! — воскликнул мистер Каппа, уронив от волнения пепел на свой жилет.

— Чудеса! — повторил муж женщины-медиума.— Оказывается, он был сенатором!

— Его превосходительство,— продолжал голос,— поручил мне передать вам, что эти изложения написал он сам, собственноручно, чтобы помочь племяннику своей жены, который был не в ладах с учителем литературы.

— Выходит,— поспешил заключить мистер Каппа с присущей ему остротой мышления,— тайная тетрадь, которую гарибальдиец подарил бабушке синьорины Анджелины и которая сейчас находится у синьорины Де Пиолоттис, это не что иное, как бесценный автограф великого Мандзони?

— Ничего подобного, — ответил личный секретарь, — это лишь простая копия. Его превосходительство велел племяннику жены сделать двенадцать экземпляров изложений, а сам оригинал сжечь. Племянник подарил двенадцать копий своим лучшим друзьям, каждый из которых согласно воле дона Алессандро Мандзони сделал еще двенадцать копий. И так далее...

— Чудеса! — опять воскликнул муж женщины-медиума. — Выходит, это синьор Мандзони изобрел непрерывную цепочку.

Мистер Каппа погрузился в долгое размышление и наконец обратился к духу:

— Если я не ошибаюсь, то сейчас в Италии должно быть по меньшей мере шестьдесят две тысячи восемьсот двадцать девять копий знаменитой тетради?

— Совершенно точно, — подтвердил дух. — Но все это должно остаться тайной. Ни слова школьному начальству и журналистам. Таково повеление Алессандро Мандзони. Договорились? Чао!

Мистер Каппа бессильно опустил на пол. Техническая сторона дела выяснена. Но факты оказались куда более серьезными, чем это следовало из анонимного письма, и затрагивали интересы куда более важных лиц, чем скромная ученица Де Паолоттис. В душе мистери Каппа шла смертельная борьба двух противоположных начал: чувства профессионального долга перед клиентом, который платит ему, и чувства уважения к пожеланию великого писателя, который требовал хранить гробовое молчание. От столь тяжелых переживаний у него закружилась голова и начались такие боли, что даже буйвол обезумел бы от них. Тогда он принял две таблетки аспирина, и головная боль прошла.

Он расплатился с женщиной-медиумом, полетел в Бергамо и женился на Роберте, отвез ее на личном свадебном самолете в Рим и примчался в свою контору за три минуты до назначенной заранее встречи с синьором Феррини. В течение ста восьмидесяти секунд ожидания мистер Каппа непрестанно задавал себе один и тот же вопрос: «Что же я теперь скажу ему?»

Минуту спустя в дверь постучали... Но вошел не синьор Феррини, а посыльный. Он принес письмо от учителя. В письме говорилось: «Глубокоуважаемый мистер Каппа, прошу вас прекратить расследование. Ученица Де Паолоттис в порыве благородства чистосердечно призналась мне в невинном обмане. Но я не смог наказать ее, потому

что накануне ночью мне явился во сне Джузеппе Гарибальди и сурово сказал: «Как ты можешь требовать, чтобы обыкновенный ученик в нескольких строках рассказал обо всем том, о чем великий писатель смог рассказать лишь на многих страницах?» По-моему, Герой двух континентов был, как всегда, прав. Аванс, так и быть, оставьте себе. Ваш покорный слуга Гвидоберто Феррини».

Роза и хлыст

Синьор Мамбретти, владелец фабрики запчастей для штопоров, о котором мы уже не раз говорили, купил себе сад со множеством фруктовых деревьев. Садовником он взял к себе Фортунينو.

— Что за дурацкое имя дал тебе отец? — спросил синьор Мамбретти, едва услышав, как его зовут.

— В честь маэстро Верди, синьор.

— Но Верди, кажется, звали Джузеппе?

— Джузеппе — это точно. А второе его имя было Фортунино. И третье — Франческо.

— Ну, ладно, ладно, — сказал синьор Мамбретти. — Лучше поговорим о грушах. Завтра у меня обедают синьор Мамбрини и синьор Мамбрилло, и я хочу угостить их плодами из моего сада. Так что подай к столу вазу с самыми красивыми грушами.

Фортунино побледнел:

— Синьор, но сейчас еще нет никаких груш!

Мамбретти посмотрел на него с удивлением.

— Но как же так? — сказал он. — Грушевое дерево, по-моему, крепкое, здоровое...

— Это верно. Я хорошо ухаживал за ним — подкормка, инсектициды, окучивание и так далее. По всем правилам.

— Молодчина! Тогда что же это дерево делает в моем саду? Надо отколотить его как следует палкой. Пробовал? А двойку ему поставил в регистрационном журнале?

— В каком журнале, синьор?

— Значит, у тебя даже нет журнала? А еще говоришь — по всем правилам! Дорогой Фортунино, с растениями надо быть строгим. Дисциплина и порядок — прежде всего! Вот смотри!

Синьор Мамбретти взял палку, спрятал ее за спиной и направился к грушевому дереву, которое, если б могло, наверное, запело бы: «Слышу шаги Командора...»

— Ну и что же это получается? — спросил синьор Мамбретти. — Капризничаем, значит? Вбили себе в голову всякую блажь?

— Но, синьор... — перебил его Фортунينو.

— Молчать! Кто здесь хозяин?

— Синьор Мамбретти.

— Так-то! Молодчина! Ну и как хозяин я воспользуюсь палкой.

И он принялся колотить палкой по стволу дерева, которое тут же обронило от страха все свои цветы.

— Для первого раза, пожалуй, хватит, — сказал синьор Мамбретти, отбросил палку и вытер пот со лба. — Всё хорошо в меру. Нужно быть справедливым. Вот увидишь, какие замечательные груши появятся завтра на этом дереве!

Бедный Фортунينو хотел было возразить, что теперь это дерево уже не даст больше плодов ни завтра, ни через полгода, потому что оно осталось без цветов. Но так как говорить он был не мастер, то еще раньше, чем открыл рот, синьор Мамбретти скрылся в доме.

— Господи, — прошептал Фортунينو, — что же будет завтра? Я почти уверен, что хозяин рассердится, и груше достанется новая порция палочных ударов.

Он думал об этом целый день и наконец придумал, как спасти несчастное дерево. Он пошел домой, открыл свою копилку и поспешил в город — в магазин, где продаются самые ранние фрукты и овощи и где груши бывают в любое время года. Он купил два килограмма, подождал, пока стемнеет, вернулся в сад и повесил эти прекраснейшие груши на ветки дерева одну за другой, но не как попало, а покрасивее. Один плод, сияющий своей красотой, тут, два других, совершенно одинаковых, там, а на ветке повыше сразу три груши — две крупные и одну маленькую — ну прямо счастливое семейство на прогулке!

Настало утро, и синьор Мамбретти пришел посмотреть, что происходит в саду. Он увидел на дереве груши и потер руки от удовольствия:

— Ты видел? Видел? Дорогой Фортунينو, это самые прекрасные плоды, какие давало когда-либо грушевое дерево на юг от Вероны и на север от Пистойи! И это все потому, что тут поработала палка. Собери их и отнеси моей жене. И запомни, что с деревьями незачем деликатничать. От них нужно требовать слепого, полного,

абсолютного подчинения! И если они не вытягиваются в струнку, наказывать. Ты меня понял?

Славный Фортунино покраснел и опустил голову. Он не мог сказать правду, а врать ему совесть не позволяла. И он решил промолчать. Впрочем, сегодня хозяин был доволен, а завтра видно будет.

На следующее утро синьор Мамбретти снова пришел в сад и сказал, что ему нужны розы.

— И обязательно белые! — объяснил он Фортунино. — Потому что для моей сестры, а ее зовут Бьянка. Это же значит белая. Понял, как тонко задумано?

— Понял, синьор, — ответил садовник. — Только, видите ли, белые розы еще не распустились.

— Не распустились? А почему это они себе позволяют такое? Разве они не знают, что хозяин здесь я?

— Видите ли, синьор...

— Я ничего не вижу! И ничего не слышу. И ничего не хочу знать. Принеси-ка мне хлыст!

— Не хотите же вы... отхлестать это несчастное растение?

— Растение растению рознь. Это уже достаточно взрослое, чтобы понимать свои обязанности. Упрямство надо ломать в молодости! Когда любят, наказывают! Дай-ка сюда...

— О я несчастный...

— А при чем здесь ты? Я же не тебя собираюсь бить, вот еще! Я хочу только показать тебе, как можно заставить розу расцвести, когда это нужно хозяину, а не сообразно ее капризам и причудам.

Пока синьор Мамбретти хлестал розу, Фортунино стоял, прикрыв глаза. Он слышал как-то поговорку: глаз не видит, сердце не болит. Но сердце у него все равно билело.

— Ну вот, все в порядке! Вот увидишь, как прекрасно расцветет завтра утром эта милая синьорина. Тут нужна сила! Понятно, Фортунино? Твердая рука! Железная хватка!

Оставшись один, Фортунино стал утешать розу, говоря ей разные ласковые слова, не сомневаясь, что она его понимает. И даже положил к ее корням пару таблеток аспирина — может быть, ей не так будет больно. Но потом опять заволновался.

А что будет завтра?

Вся беда в том, что у него не было другой копилки, которую можно было бы открыть, и ему пришлось сесть

на велосипед и поехать к свояку, чтобы одолжить у него пять тысяч лир.

— Мне очень жаль,— сказал свояк Филиппо,— но как раз сегодня утром я заплатил очередной взнос за телевизор. У меня осталась только тысяча лир. Если это тебя устроит...

— Спасибо,— вздохнул Фортунино.

Чтобы собрать пять тысяч лир, ему пришлось навестить одного за другим свояка Риккардо, свояка Радамеси (которого называли так в честь маэстро Джузеппе Верди, автора оперы «Аида»), свояченицу Бертолину, которая прочитала ему лекцию о язве желудка, тетушку Бенедетту, которая долго расспрашивала его о разнице между хреном и редькой (ведь хрен редьки не слаще), а также тетушку Энеа (которую так называли по ошибке — ее отец думал, что Энеа — женское имя). Он едва успел в цветочный магазин, чтобы купить пять роз, доставленных с юга. Когда стемнело, он пошел в сад, подвязал розы к кусту и прошептал:

— Хоть бы ему хватило этих роз! Больше я не смогу купить для тебя. Ты же знаешь, как растут сейчас цены. Синьор Мамбретти тоже повысил цену на запчасти для штопоров.

Но хозяину пяти роз оказалось мало.

— Я же сказал — две дюжины!

— Да нет же, вы не говорили этого, синьор!

— Что? Ты еще начинаешь спорить со мной! Забываешь свое место! А ну-ка дай сюда хлыст!

— Нет, ради бога, только не хлыст!

— Именно хлыст!

Синьор Мамбретти сам пошел за ним и начал расправляться с розой. А потом заодно, раз уж он был в саду, наказал тую за то, что она пожелтела с одной стороны, отколотил палкой кипарис за то, что у него скривилась ветка, а кедр за то, что у него слишком высоко растут шишки — их не достать даже с лестницы.

— А эта плакучая ива почему не плачет? А эта ель почему совсем не растет? А этот ливанский кедр даст наконец кедровые орешки или нет?

— Хватит, хватит! — умолял его Фортунино со слезами на глазах.

— Хватит? — вскипел синьор Мамбретти. — Действительно хватит возиться с тобой и твоим маэстро Верди! Ты уволен! Можешь получить деньги в конторе.

Теперь вместо плакучей ивы плакал Фортунино. И он

было очень некстати, потому что слезы застилали ему глаза, и он не видел, куда надо идти за деньгами, все время попадал не в ту дверь, и его отовсюду выгоняли.

— Завтра я приду посмотреть на вас! — крикнул синьор Мамбретти, обращаясь к деревьям, кустарникам и цветам своего сада. — И горе вам, если вы не возьметесь за ум! Всем поставлю двойки по поведению!

Настал вечер. Пришла почь (как раз в тот момент, когда ей и положено, — ни минутой раньше, ни минутой позже). Сад укрылся в темноте и замкнулся в тишине. Но под землей, где корни, переплетаясь, уходили на разную глубину, возник таинственный сговор. Растения договорились приступить к действиям. Не надо думать, что они — существа неодушевленные. Они очень даже могут постоять за себя.

Всю ночь переговаривались под землей корни, и им не мешали ни беготня мышей, ни кроты, ни черви.

Утром синьор Мамбретти пришел в сад, полный самых твердых намерений, гордо осмотрелся и прежде всего направился конечно к розе.

Ни одного цветка, — отметил он. — Отлично.

Так и должно быть. А я, выходит, дурак, способный только болтать языком. Или, может быть, я говорю по-турецки? Так вот, ты ошиблась, дорогая! Еще никто никогда не мог устоять передо мной.

Говоря так, синьор Мамбретти угрожающе взмахнул своим хлыстом и двинулся к розе, собираясь проучить ее. Но едва он сделал шаг, как запнулся о корень, который выставила в этот момент из-под земли ива. Чтобы не упасть, он ухватился за розовый куст, и тот всадил в него длинный, как кинжал, шип, который глубоко процарапал ему руку. Ель, даже не обращаясь за помощью к ветру, стала сильно раскачивать верхние ветки и сбросила на него свою самую тяжелую — с полкилограмма — шишку. Она раскололась, орешки высыпались на землю, тут же прибежала белочка и собрала их.

Синьор Мамбретти упал и сердито закричал на ель: — Бессовестная! Вот погоди, я тебе еще покажу!

Тогда ель сбросила ему на голову другую шишку. Затем третью. Четвертую — еще больше. Синьор Мамбретти пустился наутек. И этим тотчас же воспользовался кипарис. Своей самой низкой веткой он подставил ему ножку. Мамбретти снова оказался на земле, теперь уже на лопатках. Грушевое дерево, не имея возможности сделать что-то другое, метнуло ему в глаза дохлую цикаду.

— Так это, выходит, заговор! — вскричал синьор Мамбретти. — Вооруженное восстание! Бунт!

Вместо ответа сосна зашвырнула ему в рот горсть иголок. И синьор Мамбретти долго выплевывал их.

— Я еще покажу вам! — снова закричал он, как только смог произнести хоть слово. — Я искореню вас, как пырей! Раскромсаю на мелкие кусочки и сожгу на костре! От вас не останется даже семян!

Тут акация протянула свои ветки и схватила его за горло, словно хотела задушить, но ограничилась тем, что заставила его замолчать и не отпускала, пока мимо за щеконала его под носом.

Наконец синьор Мамбретти вырвался из ее объятий и убежал, крича:

— На помощь! На помощь! Фортунино!

— Меня здесь нет! — ответил Фортунино, который любовался спектаклем, сидя верхом на ограде. — Неужели вы не помните, что уволили меня? Так что я сейчас иду в кино.

Синьор Мамбретти вернулся домой и как следует запер двери. Потом подбежал к окну. Сад был спокоен, как

никогда. Деревья как ни в чем не бывало стояли на своих местах.

— Ну и фарисеи! — проворчал синьор Мамбретти. Потом он пошел в ванную и наклеил себе по меньшей мере дюжину пластырей.

Рыболов с моста Гарибальди

Синьор Альберто, по прозвищу Альбертоне, был заядлым городским рыболовом. Он ловил рыбу в Тибре с моста Гарибальди и с других римских мостов всегда одной и той же удочкой, но не всегда на одну и ту же наживку. Потому что одни рыбы любят сушеные фиги, другим больше нравятся сверчки, а третьи предпочитают простых червячков. Но вот беда — самого Альбертоне рыбы нисколько не любили! На его приманку они не клевали ни зимой, ни летом. А ведь он просиживал на мосту целыми днями и все ждал, вдруг клюнет лещ или сжалится над его поплавком какая-нибудь скромная плотвичка и рванет его наконец с такой силой, что утащит под воду заодно и сердце упрямого рыболова. Если вам доводилось проезжать по мосту Гарибальди рано утром и возвращаться той же дорогой на закате, если ваши друзья по вашей просьбе заглядывали на мост в самое разное время дня, то вы, конечно, уже убедились, что он сидит там всегда. Его нетрудно узнать по сутулой спине. К вечеру от огорчения, что так и не удалось ничего поймать, он горбится еще больше, но это все он — заядлый рыболов Альбертоне.

В трех метрах от него сидел какой-то человек, который на вид не имел ничего общего с настоящим рыболовом и, казалось, самое большее, на что он способен, это продавать в рассрочку энциклопедии. Но едва он успевал размотать леску и забросить в воду удочку со свинцовыми грузиками, как на крючок сразу же попадался какой-нибудь голец, да еще хвостом вилял от радости, что его вытащили из воды со всеми его серебристыми отблесками. Длинной он был сорок сантиметров и весил два килограмма. Но разве кто-нибудь поверит в такое!

Удачливый рыболов совал рыбу в корзину, цеплял на крючок какого-нибудь жалкого червячка, и не проходило и минуты, как он уже вытаскивал усаца, тоже килограмма на два весом, и тот счастливо улыбался себе в усы.

— Этого типа рыбы, можно сказать, просто на руках носят,— пробормотал Альбертоне.

Сосед его тоже что-то бормотал всякий раз, как закидывал удочку. Альбертоне подошел поближе и услышал:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

И рыба сразу же клевала. Альбертоне не выдержал.

— Простите, синьор Джузеппино,— сказал он,— я не хочу совать нос в ваши дела, но, может быть, вы мне все-таки объясните, как это у вас получается?

— О, это очень просто,— улыбнулся Джузеппино.— Вот посмотрите.— Он снова быстро забросил удочку и снова быстро проговорил заклинание:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

И сразу же на крючок попался угорь, который в этой части Тибра вообще и не водится.

— Здорово у вас получается! — сказал потрясенный Альбертоне.— А можно, я попробую?

— Пожалуйста! — ответил удачливый рыбак.

И Альбертоне попробовал, но у него почему-то ничего не вышло.

— Ах да, я же забыл! — сказал удачливый рыбак.— Вас тоже зовут Джорджо?

— Нет, а что?

— А то, что меня зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Поэтому-то рыбы и откликаются. Знаете, с заклинаниями надо быть во всем очень точным.

Альбертоне собрал свои вещи и побежал на виа Биссолати, где находится Хроно-Тур, туристское агентство, которое организывает экскурсии в прошлое. Он объяснил дежурному, в чем дело. Тот что-то посчитал на ЭВМ, проверил расчеты на конторских счетах, запрограммировал машину времени и сказал:

— Ну вот, все в порядке! Садитесь в это кресло, и счастливого вам пути!... Минутку! А вы заплатили?

— Разумеется. Вот чек.

Дежурный нажал кнопку, и Альбертоне оказался в 1895 году — в том самом, когда родился его отец. Сам Альбертоне превратился в подкидыша, которого поместили в приют. Прошло несколько поистине адских лет, прежде чем он выбрался оттуда и отправился работать на шахту, где трудился и его отец. Вскоре они стали друзьями. Когда его отец женился и у него родился сын, Альбертоне посоветовал ему:

— Назови его Джорджо, по прозвищу Джузеппино! Вот увидишь, это принесет ему счастье!

Отец сначала не соглашался:

— Вообще-то своего первенца я хотел назвать Альберто. Ну да ладно, сделаю, как ты советуешь.

Словом, мальчика называли Джорджо, по прозвищу Джузеппино. Он пошел в детский сад, в школу и так далее. В общем, в точности повторил жизненный путь Альберто, только под другим именем. Альбертоне, которого теперь звали Джорджо, по прозвищу Джузеппино, по правде говоря, очень надоело повторять все сначала. Но ему ведь нужно было добраться до сорока пяти лет и пяти месяцев, чтобы вернуться на мост Гарибальди в настоящее время. И он утешался тем, что теперь рыбы волей-неволей будут повиноваться ему.

Настал наконец тот день и час — прежний час, когда он встретился с удачливым рыболовом. И бывший Альбертоне прибежал на мост, размотал леску, насадил наживку, забросил удочку и прерывающимся от волнения голосом прошептал:

Рыбка-синьорина, плыви к Джузеппино!

Поплавок не шелохнулся.

Он подождал еще немного.

По-прежнему никакого результата.

Джузеппино опять подождал немного.

И опять ничего. Рыбы самым бессовестным образом не обращали на него никакого внимания. А в трех метрах от Альбертоне-Джорджо-Джузеппино по-прежнему сидел тот, другой рыболов и варил на спиртовке кукурузу. Потом насаживал хорошо разваренное зернышко на крючок, закидывал удочку и вытаскивал... двенадцатикилограммового карпа с покрасневшими от радости плавниками.

— Так не пойдет! — вскричал бывший Альбертоне. — Меня тоже теперь зовут Джорджо, по прозвищу Джузеппино! А почему рыбы плывут только к вам? Это чудовищно несправедливо, и я подам на вас в суд!

— Как!?! — воскликнул удачливый рыболов. — Разве вы не знаете, что пароль изменился? Слушайте внимательно!

Он нацепил наживу, забросил удочку и, пока крючок опускался ко дну, весело произнес:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

И все в порядке. Он опять вынул из реки карпа, должно быть родного брата первого. И если он весил не двенадцать килограммов, то двенадцать раз по сто граммов — это уж точно!

— Да кто такой этот Филиппино?

— Мой брат,— объяснил удачливый рыбак.— Он физик-атомщик, и ему некогда заниматься рыбной ловлей. А у меня времени сколько угодно, потому что я безработный.

«Черт возьми! — подумал Альбертоне.— Где бы найти брата по имени Филиппино? У меня только сестра, да и ту звать Витториа Эмануэла. Что делать?»

Он вернулся в агентство Хроно-Тур и рассказал о своей беде дежурному специалисту. Тот немного подумал, посоветовался с вычислительной машиной, позвонил своей тетушке и сказал:

— Идите платить в кассу.

На этот раз Альбертоне надо было вернуться во времени назад на многие века и стать близким другом пра-пра-пра-прадедушки своего пра-пра-пра-прадедушки, отправиться вместе с ним паломником в монастырь и остановиться по пути в одной остерии. Когда пра-пра-пра-прадедушка уснул, он сделал ему незаметно укол, и в результате их родственные взаимоотношения несколько изменились, но произошло это совсем незаметно, и к тому времени, когда должна была родиться Витториа Эмануэла, родился мальчик, которого называли Филиппо, или попросту Филиппино. На все это ушло немало времени, но когда Альбертоне вернулся в наши дни, у него зато оказался брат Филиппино, тридцати шести лет, который работал поваром на океанском лайнере. И все еще был не женат.

Альбертоне схватил удочку, помчался на мост Гарибальди и забросил ее так ловко и красиво, что водитель троллейбуса № 43 крикнул ему из своей кабины:

— Bravo!

Ну а он тем временем произносил новый пароль:

Рыбка-синьорина, плыви к Филиппино!

Да какое там! Все равно что со стеной разговаривать. А тот, другой, опять выловил плотвичку, но даже не снял ее с крючка. Подержал чуть-чуть в воде и на живую приманку клюнул великолепный окунь, который вообще-то водится только к северу от Энельской плотины, и тут, в Тибре, оказался, по-видимому, лишь для того, чтобы до-

ставить особое удовольствие удачливому рыболову.

— Это нечестно! — закричал Альбертоне так громко, что на площади Арджентина образовалась автомобильная пробка. — Меня зовут Джузеппино, как и вас. У меня есть брат Филиппино, как и у вас. И между прочим, чтоб заполучить его, мне пришлось пожертвовать моей любимой сестрой. А рыбы по-прежнему избегают меня так, будто у меня скарлатина. И не уверяйте меня, будто опять изменился пароль!

— Ну конечно изменился! Теперь надо говорить: «Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартино!»

— А это кто еще такой — фра Мартино?

— Мой кузен, монах-францисканец, и ему некогда заниматься рыбной ловлей, потому что он собирает жертвоприношения.

— Я сейчас покажу вам жертвоприношения!

Он схватил удачливого рыболова, поднял его над перилами моста и сбросил

сил в Тибр, хотя его и упрекнула за это какая-то учительница-пенсионерка, которая видела все из окна троллейбуса № 75.

— Молодой человек, чему только вас учили в школе? — возмутилась она.

Альбертоне не слышал ее. И даже не видел. Он видел только, что внизу под мостом сотни рыб подхватили удачливого рыболова и понесли его к берегу, заботясь о том, чтобы даже пиджак его не намок. К сожалению, волна все-таки окатила его брюки, но какая-то рыбка сразу же высушила их феном на батарейках (в Тибре нет штепселей). Синьор Джорджо-Джузеппино поднялся по лестнице на мост как раз вовремя, чтобы освободить Альбертоне из рук полицейских, которые хотели арестовать его за бросание с моста рыболовов.

— Ничего, ничего! — сказал синьор Джорджо-Джузеппино. — Это была просто шутка, довольно грубая правда. Детская шалость, понимаете?

— Но этот человек хотел утопить вас!

— Какое там утопить! Не надо преувеличивать! Я ручаюсь за синьора Альбертоне и даже готов организовать складчину, чтобы купить ему новую удочку, потому что старая упала в реку.

И в самом деле, Альбертоне в гневе швырнул свою удочку рыбам, которые принялись играть поплавком.

Короче говоря, все обошлось. Полицейские отправились в кино, прохожие разошлись в разные стороны, машины двинулись дальше, навстречу судьбе, и пока Альбертоне стоял, молча уставившись на пуговицы своего жилета, синьор Джорджо-Джузеппино снова принялся ловить рыбу.

Рыбка-синьорина, плыви к фра Мартино!

Рыбы так и повалили к нему. Теперь они уже плыли даже из Фьюмичино, лишь бы только попасться ему на крючок. Приплывали даже из моря — кефали и краснобродки, сольоле и вырезубы, золотые рыбки и окуни, омбрины и тунцы. Они толкались, били друг друга головами и хвостами, лишь бы первыми попасть на крючок. Чтобы вытащить из воды одного здорового тунца, синьору Джорджо-Джузеппино пришлось позвать на помощь двух водителей троллейбуса № 66 и двух барменов с площади Соннино. Однако, когда из-за острова Тиберино, выходящая праздничные фонтаны, появился небольшой кит, весьма похожий на Моби-Дика, синьор Джорджо-Джузеппино замахал руками и отказался ловить его.

— Никаких млекопитающих! Только рыбы! — заявил он.

Альбертоне смотрел на все это и молчал. Он сошел с ума, но никому не сказал об этом — иначе его отправили бы в сумасшедший дом. Его всегда можно видеть то на одном мосту, то на другом, днем или ночью, потому что он по-прежнему продолжает терпеливо изучать воды Тибра. И если вы подойдете поближе, то услышите, как он бормочет:

— Рыбка-синьорина, плыви к Робертино... Рыбка-синьорина, плыви к Дженнарино... Плыви к Эрнестино... К Гоффредино... К Джокондино... К Катерино... Терезино... Аввеллино... К битве под Бородино...

Он ищет пароль, повинуюсь которому стали бы приплывать к нему эти вечно ускользающие рыбы. Он не чувствует жаркого летнего солнца. Зимой не замечает холодного северного ветра, дующего с Тибрской долины и прочищающего все мосты. А ведь даже гольцы в своих ледяных водах не отказались бы от хорошей шубы и шапки-ушанки. Он в отчаянии ищет нужное слово. Но не всегда тот, кто ищет, находит.

Волшебники на стадионе

Президент футбольного клуба «Барбарано» был в отчаянии. Его команда, несмотря на то что в ее состав входили такие безусловно выдающиеся футболисты, как Брокко I и Брокко II, и такие молодые, многообещающие игроки, как Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого болельщики называли «Золотая бутса»), проигрывала каждое воскресенье и во все другие выходные дни. Посоветовавшись со своими консультантами, придворными и мажордомами, президент обнародовал в своем царстве такое заявление: «Отдам, — говорилось в этом заявлении, которое все газеты напечатали на первых страницах, — мою дочь в жены и Замок Любимой Куклы в приданое тому, кто спасет «Барбарано» от поражения».

На следующий день к президенту явилось множество молодых людей, исполненных самых радужных надежд. Некоторые из них были тайно влюблены в Лауретту, неотразимую дочь президента футбольного клуба, — ростом она была метр семьдесят пять, глаза — зеленые, готовилась в олимпийские чемпионки и училась пользоваться проигрывателем. Молодые люди предлагали самые разнообразные, надежнейшие системы одержать победу.

Например, переманить лучших игроков из других клубов: Риву, Риверу, Нетцера и Беккенбауера; угостить противников отравленными грибами; предложить судье разрешение на охоту на кабанов. Но, чтобы купить Беккенбауера, нужно было сначала изучить немецкий язык. Это сложно. Так что все эти способы оказались не очень практичными.

А вечером пришел последний претендент на руку Лауретты — некий Рокко из Пишарелли, которого все знали как торговца кроличьим мехом. Прежде всего, он потребовал фотографию Лауретты, внимательно изучил ее и вроде бы остался доволен.

— Какое отношение вы имеете к футболу? — спросил президент.

— Ну, видите ли, мое второе имя Элениум, — объяснил Рокко.

— Что ж, это уже рекомендация. А дальше?

— А дальше сделаем так, — предложил Рокко. — В следующее воскресенье, когда начнется игра, посадите меня на скамью рядом с тренером, и, если результат вам понравится, продолжим разговор при свидетелях.

— Согласен, — ответил президент.

В воскресенье должна была состояться встреча с командой «Формелло» — той самой, которая играет в белых майках в белую полоску. Рокко вышел на поле и прошел к скамье, где сидел тренер — человек, давно разочарованный в жизни, печальный, словно песня без слов, и распространявший вокруг себя аромат увядших хризантем. Судья, как обычно, дал свисток к началу, и в первые же пятнадцать минут «Формелло» забила три гола, а еще десять не засчитали, потому что они были забиты из офсайта.

Во время перерыва Рокко прошел в раздевалку и, переходя от одного игрока к другому, что-то шепнул каждому на ухо. Президент вслед за ним тоже обошел всех игроков и спросил, что он им говорил.

— Мне он сказал: «Трижды девять — двадцать семь!» — сообщил Брокко I.

— А мне: «Шестью четыре — двадцать четыре!» — признался Брокко II.

— Таблицу умножения он знает, — задумчиво произнес президент. — Ну что ж, посмотрим.

Начался второй тайм. И уже через минуту Брокко I забил гол головой. Две минуты спустя гол забил Брокко II слева. Затем справа один за другим били прямо по воротам Брокко III, Брокко IV и Брокко V (которого

болельщики зовут «Золотая бутса»). Брокко VI забил гол коленом. Брокко VII забил гол ухом. «Барбарано» победила со счетом 12 : 3. От волнения президент упал в обморок и даже не заметил, как болельщики подняли его на руки, и потому не сумел извлечь из этого никакой пользы.

Придя в себя, он тут же послал за Рокко, а тот уже садился на мотоцикл, чтобы уехать к себе в Пишарелли. Президент пригласил его в команду новым тренером. Прежнего отправил в изгнание в Опорто, в Португалию.

— А теперь,— попросил президент,— скажи мне, в чем твой секрет.

— Никакого секрета нет,— объяснил Рокко.— Дело в том, что торговля кроличьим мехом оставляет мне много свободного времени, так что я смог изучить парапсихологию и стал футбольным волшебником. Я могу послать мяч куда угодно одной только силой мысли. Могу запугать игроков противника, вызвав у них страшнейшие галлюцинации. Все это очень просто, как видите.

— Согласен. Однако лучше, чтобы печать об этом не знала.

— Я вполне удовольствуюсь славой,— сказал Рокко.— И Замком Любимой Куклы. Кстати, ваша дочь любит рыбу под майонезом?

— Да, а что?

— Да, нет, просто для сведения. Собирать информацию — мое хобби.

В несколько недель «Барбарано» поднялась к вершине футбольной таблицы и стала победителем чемпионата. Рокко и Лауретта поженились, стали жить в Замке Любимой Куклы и раз в неделю ели рыбу под майонезом.

В ближайшие годы «Барбарано» перешла в лигу А, выиграла первенство, завоевала кубок чемпионов, кубок кубков, победила в ночном чемпионате в Тольфе и так далее. Она стала самой знаменитой командой всех времен и народов, а Рокко — самым знаменитым в мире тренером.

— Вы, наверное, даже козу можете научить забивать голы? — пошутил однажды какой-то журналист.

— Разумеется,— ответил Рокко. Он велел привезти козу, поставил в воротах локоть к локтю двенадцать вратарей из лиги А. И когда коза ударила по мячу, они все полетели вверх тормашками. Гол! Дело в том, что двенадцать вратарей вместо мяча увидели несущийся прямо на них рояль. Однако им было стыдно признаться в этом,

потому что мгновение спустя они уже сомневались, был ли это рояль или электронный орган.

Один только раз за многие годы Рокко потерял спокойствие. Какой-то судья отметил, что Брокко V (которого болельщики зовут «Золотая бутса») оказался «вне игры», хотя на самом деле это было не так. Мгновение спустя этот судья в черных гольфах вдруг полез по штанге ворот и забрался на перекладину.

— Рокко, что ты делаешь?! — занервничал президент «Барбарано».

Рокко понял, что перестарался и злоупотребил своей парапсихологической мощностью, рискуя вызвать подозрение в некоторых сомневающихся умах. Он дал судье слезть с ворот и довольствовался тем, что вызвал у него галлюцинацию анаконды: судья бежал по полю и ему все время казалось, что он вот-вот наступит на змею длиной десять метров и пятьдесят сантиметров, и, чтобы не наступить на нее, он делал совершенно изумительные прыжки. Публика с восторгом аплодировала ему. «Барбарано» победила со счетом 47 : 0, и все ее игроки стали кавалерами Ордена Любимой Куклы.

А затем вдруг распространился слух, что где-то там, в Англо-Пруссии, появилась другая команда, которая тоже всегда побеждает со счетом 40 или 50 : 0, что она одолела даже команду ФРГ, и Беккенбауер от огорчения расстался с футболом и стал владельцем банка.

Рокко переоделся текстильным промышленником и, притворившись, будто едет в инспекционную поездку, отправился посмотреть встречу команды «Робур» из Англо-Пруссии и команды «Ветралло». Ему достаточно было одного взгляда, чтобы сразу же узнать в тренере знаменитого тибетского волшебника, замаскированного под бризговийца. Чтобы проверить это, он сконцентрировался, сосредоточился, собрал всю свою сверхвласть и превратил правого крайнего нападающего англо-прусской команды в кузнечика, который непрерывно стрекотал от страха, что его вот-вот раздавят. Но прошло три минуты, и кузнечик вновь превратился в правого крайнего, получил передачу и забил гол. Перемещая мяч силой мысли, Рокко сумел забить «Ветралло» еще пару голов, но третий уже не удался — мысль тибетского волшебника, очевидно, оказалась сильнее. Не потому ли, что он думал по-тибетски на древнем языке волшебников?

Рокко разволновался, и у него даже вскочил ячмень на глазу. Конечно же, он знал, что рано или поздно, а может

быть даже еще раньше, две лучшие футбольные команды мира встретятся. Чтобы подготовиться к этому исключительному событию, Рокко принялся изучать тибетский язык. В три дня и три ночи он запомнил сорок тысяч слов и решил, что этого достаточно. Однако, чтобы подготовиться еще лучше, он изучил между прочим языки китайский и хинди, а также десяток диалектов племени банту.

И вот настал день суперматча. Игра должна была состояться на Олимпийском стадионе в Риме. Радиотелевизь была установлена со ста восемнадцатью странами. Присутствовало двадцать тысяч журналистов, многие из которых были с супругами или приятельницами. На трибунах было полно всяких министров, архиепископов, торговцев кроличьими шкурками, обнищавших аристократов, временно находившихся на свободе воров, разного рода лауреатов, лысых, левшей. Оба тренера, прежде чем пройти на свои места, пожали друг другу руки и сказали: «Пусть победит сильнейший!» Разумеется, они сказали это на языке арамаико, чтобы скрыть свои истинные чувства. Во время рукопожатия пальцы тибетского волшебника превратились в змей со смертельным укусом. Рокко незамедлительно нанес ответный удар, превратив свои пальцы в дикобразов, которые, как известно, являются лучшими пожирателями змей. Разумеется, никто ничего не заметил, и фотографы делали свои снимки, тоже ничего не подозревая.

Сразу же после свистка судьи Рокко послал на поле целое стадо динозавров, но англо-пруссы, обученные своим волшебником, не сдались.

«Выходите, гигантские спруты!» — мысленно приказал Рокко. Не видимые для всех других, кроме игроков «Робура», на футбольном поле появились одиннадцать гигантских спрутов — по одному на каждого игрока. Своими щупальцами длиной в двадцать четыре метра они могли бы скрутить и кита, могли утащить под воду трансатлантический лайнер и разломать на куски, как она того и заслуживает, атомную подводную лодку. Но англо-прусские игроки, подготовленные своим волшебником, показали спрутам язык, и те, ужасно обидевшись, ушли в ничто.

В этот момент Брокко I увидел вдруг... Белоснежку.

— Извините, вам не повстречались тут мои гномики? — обратилась она к нему.

Брокко I невероятно изумился и потратил на ответ драгоценное время.

— Нет, синьорина, — сказал он, — мне очень жаль, но я их не видел. Только будьте осторожны, здесь нельзя находиться — тут идет футбольный матч тысячелетия!

— Что вы говорите? А я и не знала! — ответила Белоснежка. — Тогда будьте добры, объясните мне, почему все бьют ногами этот несчастный мяч, который не сделал никому ничего плохого...

Пока Брокко I объяснял Белоснежке, что такое футбол, англо-пруссы отняли у него мяч и начали стремительную атаку на ворота «Барбарано». Вратарь готов был парировать удар, как вдруг увидел, что навстречу ему бежит, запыхавшись, Золушка.

— Синьорина, — крикнул ей вратарь, — вы потеряли туфельку!

— Пустяки, — ответила Золушка, — у меня еще есть одна!

Тем временем центральный нападающий англо-прусов так мощно пробил по воротам, что мяч мог бы расколоть и стену Колизея. К счастью, собрав всю свою волю, Рокко удалось силой мысли отклонить мяч и направить в штангу.

«Вот, значит, какова твоя тактика,— подумал Рокко, мысленно обращаясь к тибетскому волшебнику.— Прекрасно! Я отвечу сказкой на сказку!»

Минуту спустя англо-пруссы увидели, что на поле появилась Красная Шапочка и за нею гонится злой Волк. Самые благородные чувства вынудили их помочь бедной девочке — они бросились на Волка. «Барбарано» воспользовалась этим и забила гол. 1 : 0! Семь тысяч двести восемнадцать болельщиков упали от волнения в обморок и их унесли на носилках.

Тибетский волшебник ответил Девочкой с голубыми волосами, которую вот-вот схватит Карабас-Барабас. Игроки «Барбарано» отвлеклись, спасая ей жизнь, и англо-пруссы сравняли счет. 1 : 1! Упали в обморок еще четыре тысячи болельщиков и триста полицейских.

С этого момента волшебники уже перестали сдерживать себя, и футбольное поле заполнилось колдуньями, ведьмами, драконами, чертями, домовыми, мачехами, падчерицами, феями, принцессами на горошине, блуждающими огоньками, говорящими лошадьми, ворами, разбойниками, бременскими музыкантами, верблюдами с погонщиками — короче говоря, чудовищами минувших столетий и наших дней — прежде всего персонажами мультфильмов, и даже героями будущего. Но зрители ничего этого не заметили. Они видели только, что двадцать два футболиста и судья как безумные мечутся по полю, а мяч лежит себе в сторонке, забытый и всеми покинутый. Вся беда была в том, что обоим волшебникам никак не удавалось убрать с поля эти призраки, вызванные силой их мысли. На поле стало уже невероятно тесно, негде было бегать. И футболисты уселись на землю, чтобы перевести дыхание. Стадион взорвался возмущенными криками и свистом.

И вдруг произошло что-то странное. Рокко и тибетский волшебник одновременно подумали о дудочнике Гаммелине, причем подумали с такой силой, что тот не только появился в центре поля, но даже стал видимым для всех зрителей, а также для министров, журналистов и лысых.

Что же сделал этот дудочник, оказавшийся в центре внимания?

Наступила необыкновенная тишина, и, будь на стадионе деревья, слышно было бы, как опадают с них листья; будь, конечно, еще и холодный ветер, который обрывал бы эти листья. Но слышно было совсем другое... Слышно было, как дудочник заиграл на своей дудочке... И что же

он заиграл? Невероятно! Но все услышали шутиливую мелодию из знаменитой оркестровой сюиты Иоганна Себастьяна Баха!

Дудочник сыграл партию флейты семнадцать раз. Дело в том, что она довольно короткая и, чтобы получить от нее удовольствие, мало прослушать ее только шестнадцать раз.

Закончив играть, дудочник направился к выходу. Футболисты спокойно последовали за ним. И судья тоже пошел за ним. И оба волшебника тоже двинулись следом. И зрители — тоже. Все разошлись по домам, забыв про футбольный матч тысячелетия, забыв про футбол (только на три месяца), и принялись учиться играть на флейте.

Коллекционер

— Вы коллекционируете клавиши роялей? — с живым интересом переспросил меня сосед по купе. Поезд Милан—Лавено мчал нас на берег озера Лаго Маджоре. — Но, простите, как именно? Какой у вас метод? Вы собираете их до или после концерта?

Чтоб избежать дальнейшего вопроса, пришлось признаться, что я пошутил. Он довольно спокойно воспринял мое признание.

— Простите за излишнее любопытство, — сказал он. — Дело в том, что я тоже коллекционер, причем у меня это не просто хобби, а скорее, семейная традиция, нечто вроде наследственной болезни.

— И кто же, если не секрет, был первым бациллоносителем?

— Мой дед по отцовской линии. Вам не доводилось, случайно, бывать в Асколи Пичено?

— К сожалению, очень редко. Славный городок, эксцентричный, хотя и несколько провинциальный.

— Что вы! С теперешними автострадами от него рукой подать до любой столицы. Во всяком случае, если окажетесь проездом, заходите, и я охотно покажу вам баул, в котором хранится коллекция дедушки.

— Надеюсь, это не клавиши роялей?

— Железнодорожные билеты. Дедушка коллекционировал станции. Еще мальчиком он задался целью побывать на всех железнодорожных станциях Италии — больших и маленьких, на всех линиях — главных и второстепенных, государственных и частных. На каждой стан

ции он покупал билет до следующей и отправлялся дальше с первым же поездом. Сорок пять лет каждый день своего отпуска, каждый государственный или религиозный праздник он посвящал пополнению своей коллекции. Билеты, хранящиеся в бауле, свидетельствуют о том, что дедушка не пропустил ни одной станции.

— Он, наверное, стал специалистом по вокзальной архитектуре?

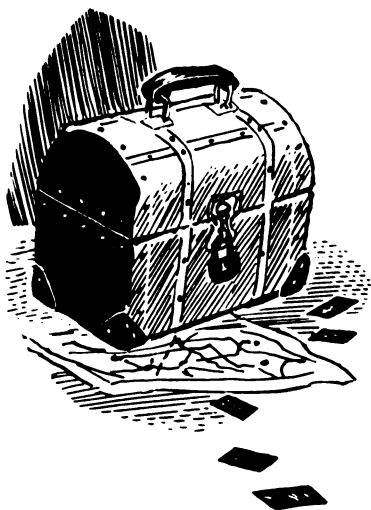
— Что вы! Он меньше всего интересовался архитектурой. Ему же не надо было рассматривать вокзал, чтобы пополнить свою коллекцию. Да и в зал ожидания он заходил только, когда у него не было денег на гостиницу. Ему достаточно было лишь побывать у окошечка билетной кассы. В лучшем случае, взглянуть на название станции, чтобы сравнить его с тем, что написано на билете.

— Сорок пять лет... Какая преданность национальной сети железных дорог!

— В шестьдесят девять лет, будучи уже четыре года на пенсии, он приобрел последний билет на станции, которой у него еще не было. Это Крочикье на линии Рим — Витербо. Подумать только, он был там однажды двадцать семь лет назад — но проездом, потому что на предыдущей станции, то есть в Ангуилларе сел на поезд, который в Крочикье не останавливался.

— Представляю, как он был рад, когда смог положить в карман этот последний прямоугольный кусочек картона!

— Вы совершенно правы. В тот день он даже пропустил следующий поезд и отдохнул в местной остерии, позволив себе немного белого вина с сельтерской. Затем он вернулся в свой Асколи, положил билет в баул и, прежде чем навсегда закрыть его, записал в своем дневнике по-немецки: «Терпение и труд всё перетрут!» Не помню, сказал ли я вам, что в промежутках между поездками

от станции к станции дедушка преподавал немецкий язык и литературу в технических школах.

Мой попутчик посмотрел в окно, наверное чтобы отвести взгляд и скрыть набежавшую слезу.

— Приезжайте ко мне в гости,— сказал он, успокоившись.— И постарайтесь сделать это во время карнавала на масленицу. Вы не представляете, что такое карнавал в Асколи! Взгляните,— добавил он, доставая из бумажника фотографию и протягивая ее мне с дружеской улыбкой.

— Карнавал в Асколи? — спросил я, еще не успев взглянуть на снимок.

— Ну что вы! Это моя бабушка.

— Жена профессора?

— Его, можно сказать, вторая половинка.

Я увидел на снимке миловидную женщину, одетую по моде 1910 года. Ничего особенного в ней не было, разве что лукавые, насмешливые глаза. Не зная, что сказать, я кивнул в знак одобрения.

— Обратите внимание на эту сумочку, что у нее в руках.

— Великовата, пожалуй, но элегантна.

— Это уж точно. Бабушка была самой элегантной дамой в Асколи. Но дело не в этом. При переезде грузчики потеряли эту сумочку. Как ни искали, какие вознаграждения ни сулили, так и не удалось найти ее.

— Я вижу, вы придаете этой сумочке большое значение! — заметил я.

— А как же, дорогой синьор! Ведь именно в ней бабушка хранила свою коллекцию.

— Вот оно что! Попробую-ка угадать, что это за коллекция. Судя по величине сумочки, это не могли быть слишком громоздкие вещи, такие, например, как мебель и стиле барокко, сельскохозяйственные орудия, музыкальные инструменты, зонтики и тому подобное. Так что речь, очевидно, может идти о каких-то небольших вещах. Редкие марки?

— Холодно, холодно.

— Бриллианты?

— Холодно, совсем холодно.

— Граммофонные иголки? Кнопки? Микробы?

— Просто сильный мороз! Придется подсказать вам. До моего дедушки ее руки домогалось по крайней мере сто пятнадцать молодых людей из лучших семей Асколи и окрестностей.

— Должно быть, ваша бабушка хранила в сумке письма с предложением руки и сердца?

— Холодно, холодно. Добавлю, что многие из отвергнутых молодых людей мужественно снесли поражение и потом женились, сделали карьеру, состарились в достатке, снискав уважение сограждан, в том числе и бабушки. Других, должно быть более слабых духом или, быть может, сильнее любивших бабушку, охватило довольно странное безумие. Вы когда-нибудь слышали о стилитах?

— Стилиторы? Ах, да! Это древневосточные отшельники, которые выбирали себе местом уединения вершину какой-нибудь колонны, уходили туда от людей и вели там аскетический образ жизни. Да, я слышал о них. Но как-то трудно поверить, что такие люди были. Хотя бы потому, например, что невозможно представить, как они справляли некоторые нужды, не спускаясь вниз и не шокируя окружающих. Так молодые асколане?..

— Да, они тоже стали стилитами. Двадцать семь человек. Они уединились в долину Тронто, воздвигли там колонны из травертина или кирпича кому где нравилось — в лесу, у излучины реки, у озера — и забрались на них.

— А чем же питались эти современные анахореты любви?

— Об этом, изобретая разные способы, заботились их близкие. Некоторые молодые стилиторы согласились держать у себя наверху корзинку с веревкой, которую опускали, когда слуга приносил провизию. Ну а к тем же, кто отказался от корзины, дотягивались длинными шестами, наколол на них жареных цыплят, сосиски, ветчину и, в зависимости от времени года, груши или персики... Я понятно рассказываю?

— И все же бедняги страдали от непогоды.

— И не говорите! Лишь один из них согласился взять большой зеленый пастушеский зонт.

— Представляю, сколько там было бронхитов!

— Не скажите! Все они были крепкими, здоровыми, спортивной закалки людьми. И даже на вершине колонны продолжали заниматься гимнастикой. Некоторые даже в совершенстве овладели техникой йоги. Но в конце концов, года через два или три все они один за другим поддались на уговоры и спустились на землю. Однако не вернулись в родной город. Кто уехал в Турин, кто в Гватемалу, другие стали моряками и ушли в плавание, третьи

занялись торговлей с восточными странами, всюду прославляя доброе имя нашего прекрасного Асколи.

— Очень рад за них и их близких,— отозвался я.— Но не вижу, какая связь между этой историей и коллекцией вашей бабушки. Если б молодые люди покончили с собой, она могла бы коллекционировать разбитые сердца, но...

— Бедная бабушка! Вы делаете из нее чудовище! А она была таким чутким и отзывчивым человеком, хотя, честно говоря, любила и пококетничать. Когда охваченные отчаянием молодые люди избрали себе трудную участь стилитов, она тайком послала вслед за ними надежного человека, которому поручила незаметно сфотографировать их сидящими, скрестив ноги, на своих высоких капителях. В сумочке бабушки хранилось двадцать семь фотографий всех молодых стилитов двадцатого века. Исторический документ, уважаемый синьор, исключительного значения!

— Жаль, что коллекция потерялась.

— ...и что вы мне не верите.

— Да нет же,— возразил я,— верю, очень даже верю!

— Благодарю,— улыбнулся пассажир,— вы говорите это только из вежливости. Но еще прежде, чем пропоет петух, вы расскажете об этом жене или друзьям и добавите соответствующий комментарий, что вот, мол, какие люди встречаются в поездах — разъезжают от нечего делать и рассказывают всякие небылицы. Ну а их слушают, хотя и не верят, только для того, чтобы убить время.

— Уверю вас...

Пассажир улыбнулся и махнул на эту тему рукой, словно отогнал муху.

— Если б вы оказались во время карнавала в Асколи,— снова заговорил он,— то заметили бы в шумном маскарадном шествии, которое движется по улицам и площадям города, и среди зевак, собравшихся со всей округи, высокую колонну, вернее, человека, замаскированного под колонну. Я хочу сказать, что он закутался в длинную простыню, а на голову себе поставил белую пластмассовую колонну, увенчанную красивой капителью. Внизу колонны были две дырочки для глаз. И всем, кто спрашивал у него, что означает этот костюм, он отвечал: «Разве не видите? Я кардинал Колонна». На самом же деле эта необычная маска была создана в честь асколианских стилитов. И бабушки, разумеется, тоже. Это я сам оделся кардиналом Колонна.

Последовало краткое молчание, которое я прервал, обратившись к моему спутнику:

— А отец ваш тоже был коллекционером?

— Естественно. Я ведь уже сказал, что речь идет о своего рода наследственной болезни. Железнодорожные станции дедушки, разбитые сердца бабушки... У меня свое хобби, если позволите употребить это некрасивое, но удобное слово.

— Какое же, если не секрет?

— Не все сразу. Сначала я расскажу вам об отце. Это был известный асколанский адвокат. Он слыл веселым человеком. Между прочим, как никто, любил хорошую шутку. Многие асколанские карнавалы прославились благодаря его выдумкам. Я расскажу вам об этом подробнее, когда вы приедете ко мне.

— Можете не сомневаться, я сделаю все возможное, чтобы воспользоваться вашим приглашением.

— Спасибо. Вот тогда и увидите необыкновенную коллекцию отца, которая хранится в нескольких шкафах его библиотеки.

— А, так это книги?

— Холодно, холодно. Ну-ка еще попробуйте.

— Нет, сдаюсь. Угадать, что коллекционирует ваша семья, невозможно!

— Надобно вам сказать,— продолжал мой попутчик,— что у отца были в детстве удивительно красивые белокурые волосы, отчего он очень походил на хорошенькую девочку. К сожалению, в те времена было принято коротко стричь мальчиков. Бабушке пришлось смириться с тем, что семейный Фигаро время от времени срезал эти белокурые шелковые локоны. Но она не могла допустить, чтобы их сжигали, и потому бережно поднимала их с пола, подхватывала прямо из-под ножниц, складывала в конверт, помечала на нем дату и хранила среди самых дорогих своих реликвий. Мальчик был так поражен этим, что задался одной целью, и всю жизнь...

— Насколько я понимаю...

— Ну да, всю свою жизнь он собирал свои волосы. Каждый раз, уходя от парикмахера, а его услугами он пользовался тридцать семь лет, он собирал свои волосы, клал их в конверт и отмечал на нем дату, когда они были срезаны, и разные другие обстоятельства, сопутствующие этому событию. Так, например: «Острижены, когда я отправлялся на свадьбу дяди Филиппа». Или: «Подкорочены по случаю обручения моего друга Л. М.» и так

далее. Не буду утомлять вас другими подробностями. Вы только представьте — вся жизнь человека отражена в этих волосах, сначала белокурых, потом каштановых, наконец, седых. И каждая прядь волос таит бог знает сколько историй. Тут и болезни, и всевозможные волнения, и события личной, может быть, даже национальной или международной жизни. Оказалось, например, что мой отец остригся в тот день, когда Италия вступила во вторую мировую войну. Как, по-вашему, неужели в остатках его шевелюры никак не отразилась драматичность этого дня?

— Может быть, ученые могли бы...

— С научной и благотворительной целью я не раз предлагал коллекцию моего отца разным университетам, но они не проявили к ней достаточного интереса.

— Кстати,— прервал я его,— вы сказали, что он собирал свои волосы тридцать семь лет. Значит, ваш отец перестал собирать свою коллекцию еще довольно молодым человеком?

Мой попутчик вздохнул.

— В сорок два года,— сказал он,— мой отец стал совершенно лысым. Ничто на свете не могло утешить его — так он был сражен этой жестокой насмешкой судьбы, которая, видимо, время от времени развлекается, убивая в людях дух коллекционирования. Вскоре он заболел и умер. И теперь мне надлежит продолжать семейную традицию.

— Значит, вы тоже коллекционируете свои волосы?

Мой спутник не ответил. Он уже не раз с тревогой поглядывал в окно и теперь был явно чем-то обеспокоен. Поезд, который до сих пор мчался, как резвый жеребенок, замедлил ход.

— О господи! — воскликнул пассажир.— Мы уже в Традате. А я-то думал, что мы еще в Саронно! Извините, я сейчас вернусь!

И он рванулся к выходу.

— Вы забыли свой чемодан! — крикнул я ему вслед.

— Нет, нет! Я же сказал, что сейчас вернусь.

Возле станции поезд, как всегда, заскрежетал тормозами. Из вокзала вышел начальник станции в фуражке с красным околышком, помахивая двухцветным жезлом. Я видел, как он обменялся несколькими словами с контролером, подошел к паровозу, из окошка которого высунулся машинист, вытиравший ветошью руки. Обычная сцена, если не считать, что по платформе бежал, слоном догоняя поезд, мой попутчик. Он подлетел к начальнику

станции и перевел дух. Затем он что-то сказал ему, и тот отрицательно покачал головой. Мой попутчик продолжал на чем-то настаивать, и вскоре разговор превратился в бурную дискуссию, а затем в ссору с яростной, угрожающей жестикуляцией. Казалось, они вот-вот перейдут врукопашную. И действительно, я увидел, что мой спутник схватил своего собеседника за грудки и принялся иступленно, что было сил трясти его. И тот, естественно, закричал: «На помощь!» Прибежал полицейский, схватил моего попутчика за руку, оторвал его от начальника станции, и тот, обретя свободу, тут же воспользовался этим и дал сигнал к отправлению поезда.

Мой приятель покорно последовал за полицейским. Смущенная улыбка блуждала на его симпатичном лице.

— Синьор,— крикнул я, высовываясь из окна, когда они поравнялись с моим вагоном,— а как же ваш чемодан?

— А, спасибо! Давайте его сюда.

— Но что случилось?

— Ничего страшного. Маленькая неудача в работе. Все обойдется без особых потерь, и я, наверное, все же завладею тем, что хочу.

— Ничего не понимаю, но все равно желаю вам удачи!

— Не понимаете? Но это же так просто. Я собираю свистки начальников станций. Я обещал себе собрать по свистку со всех станций, где побывал мой бедный дедушка. И собрал почти все. Не хватает только свистка со станции Традате. Но я заполучу его, будьте уверены! А вы, если окажетесь в Асколи Пичено, разыщите меня, спросите доктора...

Резкий свисток набиравшего скорость паровоза помешал мне расслышать его имя. Так что мне трудно будет узнать, чем кончилась эта история.

Вся жизнь — этологии!

Это интервью, которое я сейчас изложу вам, профессор Бергман из Упсальского университета в Швеции давал мне, сидя за столиком возле кафе на одной из площадей Флоренции, напротив знаменитой колокольни Джотто.

— Присаживайтесь,— любезно предложил он мне, опуская на стол кружку с пивом,— простите, что принимаю вас здесь, на улице. Тут, конечно, довольно шумно и разговаривать не совсем удобно. Но вы же понимаете,

я не могу покинуть свой наблюдательный пост в рабочее время. А в другое время я не работаю. Из принципа, а также по рекомендации моего профсоюза. Итак...

Я ответил, что столик на тротуаре у кафе меня вполне устраивает, уличный шум не смущает, а пиво — великолепное. Я вкратце повторил ему то, что уже сказал по телефону, а именно, что интерес публики к его необычайной карьере и к его научным, скромно говоря, революционным исследованиям полностью оправдывает мое журналистское любопытство.

— Спасибо,— сказал профессор Бергман и добавил: — Надеюсь, интервью будет оплачено?

— Двадцать семь тысяч долларов вас устроят?

— Минуточку, переведем в шведские кроны... Согласен. Но, между прочим, любопытно, почему именно двадцать семь тысяч?

— Сегодня у нас двадцать седьмое,— кратко объяснил я.

— Этого я не учел. О'кей, как говорят у нас в Швеции. С чего же вы предлагаете начать?

— С начала, профессор.

— Начало относится к 1957 году. Мне было в то время тринадцать лет, и я безумно любил кошек. Мне довелось тогда прочитать в какой-то газете, что среди множества других наук есть и такая, как этология — наука, изучающая нравы и обычаи животных. Я решил, что, когда вырасту, стану этологом и буду изучать кошачьи повадки.

— И остались верны этому намерению?

— Безусловно. Я окончил Упсальский университет и теперь преподаю там в звании доцента сравнительную многоразмерную этологию...

— В каком смысле многоразмерную?

— В буквальном смысле, во многих смыслах. Сразу же после банкета по случаю получения диплома я занялся изучением этих маленьких, изящных и коварных представителей отряда кошачьих, которые так почитались еще в далекой древности. Вы знаете, конечно, что пророк Магомет отсек край своего роскошного плаща, лишь бы не будить кошку, которая уснула на нем? (См. Иллюстрированную энциклопедию животных. Издательство «Феллтринелли», том 2, страница 24).

— Да у меня вертелось это на языке, но я не решился...

— А известно ли вам, что в средние века дикие, суеверные народы считали кошку существом высшим,

мистическим, способным навлечь болезни, несчастья и проклятья своими волшебными и даже дьявольскими чарами?

— Этот раздел, профессор, я плохо изучил.

— Жаль. Много потеряли. Короче, я заметил одну соседскую кошку и принялся старательно наблюдать за ней. Каждый ученый ведь начинает с наблюдения. Эта кошка, однако, чертовски любила бродяжничать и повсюду носиться. Мне приходилось следовать за ней в самые темные подвалы, где она охотилась за мышами, или забираться вслед за ней на крыши, где она, видимо, собиралась ловить на лету воробьев. У нас в Швеции ночи холодные и дождливые. После двух или трех таких ночных эскапад я схватил бронхит, который оказался моим спасением.

— Вы, наверное, хотели сказать — несчастьем?

— Нет, спасением, молодой человек, именно спасением. Потому что в больнице я познакомился с медсестрой, шведкой разумеется, которая одним только взглядом своим способна была вылечить самый безнадежный паралич. Это была взаимная любовь с первого взгляда, укрепленная тем возникшим через несколько недель обстоятельством, что мне пришлось вернуться в ту же больницу из-за множества переломов, которые я получил во время падения с другой крыши.

— Вы забрались туда тоже вслед за кошкой?

— Не совсем. Я залез туда прежде всего для того, чтобы посигналить моей медсестре. Это здание находилось напротив больницы. Короче, мы поженились и были счастливы и довольны.

— Ваша супруга тоже интересуется этологией?

— Да, весьма. Больше того, это она убедила меня оставить кошек и заняться каким-нибудь другим, менее акробатическим объектом исследований. Я предложил ей самой сделать выбор. После долгих размышлений она сказала, что кошкам явно предпочитает пихты. Вам известно, конечно, что этология занимается также изучением нравов и обычаев растений?

— Признаться, я предполагал, но не решался высказать эту мысль, боясь ошибиться. Помешала, знаете ли, столь свойственная нам, журналистам, робость.

— Мы с женой переехали в Швейцарию, где университет снял для нас прелестную виллу-шале в горах. Я не говорил вам, что все мои исследования, с самого начала и до сих пор, финансируются этим знаменитым универ-

ситетом? Администрация приобрела для нас также два отличных шезлонга, которые мы поместили в тени, на южной стороне, чтобы не страдать от северного ветра, возле двух прекрасных экземпляров европейской пихты высотой примерно сорок метров и три сантиметра. Их стволы были должным образом отделаны сероватой корой с трещинками. Ветви почти горизонтальные, с тенденцией кверху. Веточки тройные, листья гладкие, довольно узкие у черенка — не знаю, ясно ли я изъясняюсь, — и тупые (обижаться тут, разумеется, не на что) снизу, по обе стороны нерватуры шли две белые выпуклые полосы. Шишки, по нашим длительным (подкрепленным холодным пивом) наблюдениям, цилиндрической формы, длиной пятнадцать сантиметров днем (ночью мы никогда не наблюдали их, к сожалению), с осыпающейся чешуей и треугольными крылатыми семенами. Понимаете? Крылатыми! Поразительно.

— И к тому же треугольными...

— Ну да! В Швейцарии мы пробыли семь месяцев, используя за это время три пары шезлонгов и выпив изрядное количество ящиков пива. Моя жена, однако, решила, что наша жизнь становится чересчур оседлой. Ей захотелось путешествовать. Мы переехали в Африку и принялись изучать баобаб, тень которого покрывает окружность диаметром в пятьдесят метров. Это очень удобно, потому что не приходится без конца передвигать шезлонг, чтобы уйти от солнца, а то ведь можно и солнечный удар получить. Сами знаете, какое в тропиках солнце. Шезлонги и пиво нам регулярно присылали из Швеции. Климат, однако, не совсем устраивал мою жену. Знаете, сухой воздух саванны... И потом еще эти насекомые, которые то и дело лезут в пиво и тонут в нем... Моя жена пожелала вернуться в Европу. В общем, это она подтолкнула меня в том направлении, где я сделал свое главное открытие, по сравнению с которым весь предыдущий мой опыт оказался лишь серией простеньких начальных упражнений, необходимых только для того, чтобы набить руку, — словно гаммы для начинающего учиться игре на рояле. Это жена обратила мое внимание на то, что этология может изучать не только животный и растительный мир, но и выбирать себе при этом разные другие, не только менее акробатические и не столь опасные объекты, как кошки, но и менее трудоемкие, чем баобаб, а также менее назойливые, чем тропические насекомые.

— Выходит, именно так вы и пришли к изучению нравов и обычаев колокольни Джотто?

— Именно так, и не иначе. Речь идет, само собой разумеется, об исследованиях, субсидируемых соответственно Упсальским университетом, которому покровительствует его величество король Швеции.

— Не могли бы вы рассказать о вашей научной работе?

— Во-первых, важно, чтобы объект наблюдения не знал, что за ним наблюдают. Когда речь идет о животных, вы ставите в лесу палатку и притворяетесь туристом. Когда речь идет о деревьях, вы изображаете человека, который расположился под деревом, чтобы отдохнуть в его тени. Но все это нужно делать таким образом, разумеется, чтобы застать объект наблюдения в момент самых непосредственных проявлений его сущности. Когда же речь зашла о колокольне Джотто, я решил, что лучше всего притвориться посетителем этого кафе, где пиво подают отличное, а кресла очень удобные. Я усаживаюсь здесь. Колокольня ничего не подозревает. И я спокойно наблюдаю за ней. Чтобы контролировать свои наблюдения, я, как видите, раздобыл хороший путеводитель по Флоренции.

— Чрезвычайно интересно. И это, наверное, первый случай в истории науки, когда этолог посвящает себя изучению нравов и обычаев колокольни?

— Конечно, уважаемый, первый за всю историю. Но в науке после общих наблюдений переходят, как известно, к эксперименту. Вы, конечно, знаете, что если чайке подчеркнуть, усилить окраску вокруг глаз, ее сородичи перестанут воспринимать ее как члена своего сообщества. Я же задался таким вопросом: если изменить окраску среднего яруса колокольни Джотто, воспримут ли ее другие колокольни как члена своего клана?

— Потрясающе! И каков результат эксперимента?

— Никакого, потому что он не состоялся. Мэр Флоренции запретил окрашивать средний ярус колокольни Джотто. А еще говорят, что коммунисты за развитие науки... Но ничего. Я перешел тогда (перешел, разумеется, в переносном смысле слова, потому что на самом деле и по-прежнему сижу тут и пью пиво) к изучению игр. Игры неотделимы от жизни животных. Именно в игре котенок учится ловить мышей, тигр — пожирать охотников, скорпион — сражать своим ядовитым хвостом.

— Простите, профессор, вы хотите сказать, что колокольня Джотто тоже... играет? Ловит мышей?

— Вообще-то, как мне говорили, не обошлось и без этого. Мыши водятся в ее подвалах. Во всяком случае, так мне сообщил один служитель. К сожалению, как вы знаете, колокольня Джотто уже несколько веков. Возможно, она играла прежде, в детстве, и, видимо, действительно ловила мышей. Должно быть, это их потомки бегают в наши дни у нее под лестницей. Но теперь она уже больше не играет. Во всяком случае, не так. Как вы знаете, старики тоже любят играть в карты, в домино, в лото. Занимается ли чем-нибудь подобным колокольня

Джотто? Или она живет в полном уединении? А может, она решает кроссворды в часы досуга?

Профессор Бергман взглянул на меня так, словно ожидал ответа на свои вопросы. И я, чтобы избежать вопроса, притворился, что закурываю сигарету. Он продолжал, словно разговаривая с самим собой:

— Я выясню это. Даже если для этого мне придется провести во Флоренции десять лет. За счет Упсальского университета, разумеется. Я узнаю, какие игры радуют это выдающееся произведение искусства в глубокой старости. Следующая задача — определить ее отношение к репродукции. Этот вопрос самый существенный для этологии.

— Не уверен, удалось ли мне ухватить смысл...

— Представляете себе светлячка? Он превращается в маленького фонарщика только для того, чтобы послать сигнал представительнице другого пола. А возьмите койота. Когда он воет на луну, он ищет подругу. Бабочка сатурния павония источает запах, который самцы улавливают на расстоянии километра.

— А что, колокольня Джотто тоже источает запах?

— Я в этом еще не уверен, молодой человек. Но я сижу тут, задрав нос повыше, и все время принохиваюсь. И в тот день, когда она испустит запах, он не ускользнет от меня. Пока же я аккуратно фиксирую с помощью специальных «звукограмм» звонкие звуковые сигналы, которые колокольня рассылает каждый день с помощью своих колоколов.

— Чтобы призвать самку?

— Минуточку, молодой человек, не торопитесь. Почему поет соловей? Не просто для того, чтобы призвать самку, но и для того, чтобы утвердить себя хозяином всего

того пространства, на которое распространяется звук его голоса. Это называется территориальное поведение.

Тонкое и умное лицо профессора Бергмана осветилось бледной улыбкой:

— Вы, должно быть, слышите иногда, какая идет война колоколов в небе Флоренции? Каждая колокольня звонит, чтобы утвердить свое господство над окружающей ее средой. Но в воздухе нет границ, нет барьеров, которые были бы непреодолимы для звука. И когда звуки, выпускаемые разными колокольнями, встречаются, сталкиваются словно соперники, возникает контрапункт, рождается гармония. С этого моего места наблюдения я различаю звуки двадцати семи колоколов во всех интервалах натуральной гаммы. Представляете, какой концерт я бы услышал, если бы мог заглушить все другие звуки, заткнуть кляпом все другие источники шума! Вот тогда нам, безусловно, легко удалось бы прочитать эти послания, расшифровать язык колоколен.

Профессор на мгновение умолк, затем улыбнулся, чуть оживившись, и продолжал:

— Может быть, в один прекрасный день мы узнаем, что этот замечательный концерт колоколов являет собой пример социального содружества. Понимаете, что я имею в виду? Возьмите дельфинов. Когда один из них ранен, другие, подталкивая, выносят его на поверхность моря, чтобы он мог дышать. Как помогают друг другу колокольни Флоренции?

— Как, профессор?

— Может быть, одна из них ранена или тяжело больна и другие помогают ей и заботятся о ней своими звуковыми волнами? Эти волны способны на все. Вам известно, что с их помощью можно даже варить яйца?

Я пропустил этот вопрос мимо ушей и задал свой:

— Профессор, а ваша супруга?

— Благодарю, она здорова.

— Она не участвует в ваших исследованиях?

— Она сама может рассказать вам об этом. Вон она, там.

«Там» — означало на другой стороне площади, где находилось другое кафе, столики которого тоже были вынесены на тротуар. За одним из них сидела молодая женщина, бесспорно шведка по национальности, и энергично махала нам рукой в знак того, что видит нас.

— У меня другая программа, — сообщила она мне с улыбкой после того, как я подошел к ней, представился и мне подали в соответствии с ее указанием холодный чай, — меня финансирует не Упсальский, а Гетеборгский университет. Я изучаю поведение этологов, которые изучают поведение колоколен.

— А разве, кроме вашего мужа, еще кто-нибудь занимается этим?

— Что вы! Только он. Этого более чем достаточно. Я нахожу, что эта научная работа очень интересна и благотворна для здоровья. Вы же видите — я сижу здесь, пью холодный чай и делаю заметки.

Говоря это, она показала мне записную книжку, в которой я прочитал: «10.00 — профессор заказывает кружку пива. 10.30 — закуривает сигарету. 11.00 — заказывает вторую кружку пива. 11.30 — закуривает вторую сигарету».

— А он знает, что за ним наблюдают?

— Конечно нет. Иначе наблюдение не имело бы смысла. Не знает, нет. И он, естественно, не спросит у меня,

что я тут делаю. Он очень скромен, мой муж. А теперь, если не возражаете, пойдемте. Наше рабочее время заканчивается в 13.00. Затем обед, прогулка по окрестностям или кино, вечером мы бываем в гостях или ужинаем в ресторане. Нет, не надо, плачу я. Вернее, Гетеборгский университет. До свидания.

И я спрашиваю себя, не возьмется ли какой-нибудь университет субсидировать меня, если я захочу изучать поведение жен этологов, которые изучают поведение колоколен.

Десять килограммов Луны

Помню ли я первых людей, высадившихся на Луну? Еще бы! Прекрасно помню. Вернее, я не могу сказать, в каком году это было и в каком месяце, но отлично помню, что во вторник утром в квартиру ко мне позвонили, я открыл дверь и увидел перед собой крайне взволнованного командора Ципа.

— Невероятное дело! — воскликнул он и рухнул на диван.

Командор Цип весил не меньше центнера, и пружины дивана жалобно застонали.

— Что случилось? — встревожился я.

— Неслыханное дело! Самое грандиозное за всю историю! Сколько книг в вашей библиотеке? Две тысячи. Считайте, что у вас две тысячи томов крупных банкнот. Я сразу же побежал к вам, как только узнал об этом. И не только потому, что мы соседи, и не потому, что вы одолжили мне градусник, когда мой сын заболел корью, а потому, что вы умный человек. А это дело исключительно для умных людей. Дуракам тут вход воспрещен, ясно?

— Не мучайте меня, командор, объясните же наконец, в чем дело?

Командор надел на себя маску таинственности, подозрительно осмотрелся, заглянул под письменный стол, убедился, что никого нет и никто не подслушивает, выглянул в окно — непонятно зачем, ведь я живу на четвертом этаже и за многие годы в это окно только однажды влетела чья-то потерявшаяся канарейка, которую я тут же передал привратнице.

Наконец командор Цип снова уселся на диван и крайне осторожно извлек из кармана пиджака какой-то паке-

тик из простой оберточной бумаги, перевязанный шпагатом.

— Я ношу его так,— сказал он со вздохом,— чтобы все думали, будто тут пара сосисок или бифштекс — одним словом, завтрак. А знаете, что это?

— Нет, командор. Но уже сгораю от желания узнать.

— Вот — смотрите и судите сами. Вы ведь умный человек — умный!

В пакете лежало что-то очень похожее на кусок мела или глины размером не больше кулака. Я хотел было рассмотреть этот предмет получше, но командор уже забрал пакетик и спрятал в карман.

— Видали?

— Нет.

— Как нет? Что у вас глаз нет, что ли?

— Ну, положим, видел. Только не понял.

— Жаль. А я думал, что умные люди могут обойтись без лишних слов. То, что я вам показал, друг мой, не что иное, как... **КУСОК ЛУНЫ!**

Говоря это, командор Цип невольно повысил голос, но тут же спохватился и предупредил меня:

— Тс-с! Молчите, ради бога! Все это под строжайшим секретом. Я получил этот образец от одного очень надежного человека — двоюродного брата зятя второго при-
вратника в доме, где живет полковник Ноп.

— Космонавт? Первый человек, высадившийся на Луну?

— Именно. И никто не знает, что он привез из своего необыкновенного путешествия целых десять килограммов лунной породы — десять килограммов Луны. Вы меня поняли? И он готов недорого продать все это. Вы понимаете, ему же неудобно самому заниматься торговлей и вести все дело.

— Понимаю, что неудобно, но не понимаю, о каком деле идет речь.

— В таком случае, у вас нет не только глаз, но и никакого воображения. Вы когда-нибудь бывали в Пизе?

Этот вопрос подействовал на меня словно удар кулака в челюсть — скажу честно, я не ожидал его.

— Вы видели когда-нибудь,— продолжал он допытывать меня,— с какой жадностью туристы набрасываются на сувениры, изображающие Пизанскую башню? Их ценят на вес золота! Хотя стоит эта ерунда гроши. А теперь представьте себе, что будет, если мы выбросим на рынок лунные сувениры — маленькие полулуния весом

всего в два-три грамма, не больше, но сделанные из настоящего лунного камня и со стопроцентной гарантией...

— Двоюродного зятя второго брата привратника?

— Нет, уж, пожалуйста, не путайте! Речь идет о двоюродном брате зятя, а не наоборот. Вот посмотрите, почитайте! Это заключение профессора Рапа, известного во всем мире английского астронома. Здесь подтверждается, что проданный мне образец действительно состоит из породы, взятой с лунной поверхности... А вот справка доктора Брека, американского геолога... Это письмо профессора Проппа из Московской Академии наук... Все эти господа, лучшие умы планеты, заверяют, что это **КУСОК ЛУНЫ!**

И командор Цип швырнул мне на колени все эти бумаги с печатями, гербовыми марками, математическими и химическими формулами. Но тут же быстро собрал их, сунул в карман, торжествующе посмотрел на меня и сказал:

— Десять миллионов, и весь кусок наш! По миллиону за килограмм Луны. Да ведь это же просто даром, вы не считаете? Я уже отдал задаток в двести тысяч лир. И знаете ли, я не дурак — я получил взамен этот образец. И вот послушайте, что я подсчитал. Продавая сувениры по двадцать тысяч лир за штуку, мы сможем получить сто миллионов лир. Чистая прибыль составит девяносто миллионов. Совсем маленький кусочек Луны за двадцать тысяч лир... Да эти сувениры пойдут нарасхват, уверяю вас! А пока не будем терять связи с...

— Привратником второго зятя брата...

— Пожалуйста, постарайтесь запомнить: речь идет о двоюродном брате зятя второго привратника. А если понадобится, то свяжемся и с самим полковником Нопом, предложим ему проценты, он обеспечит нам новые поставки, и у нас будет полная монополия, понимаете! Мы сможем продавать Луну центнерами, и вам придется выбросить все эти книги, чтобы освободить место для денег, вы меня хорошо поняли?

И он еще долго продолжал в таком духе, рисуя дело во всех подробностях. «Лунные сувениры» будут продаваться во всех книжных магазинах, на всех вокзалах, а также в аптеках и даже у входа на кладбище. Люди будут выстраиваться за ними в очередь. К каждому сувениру будет приложена копия свидетельств, писем и заверений, подписанных Рапом, Бреком и Проппом.

— Ладно,— прервал я его,— но я-то чем могу быть вам полезен?

Командор Цип с изумлением вытаращил глаза.

— Друг мой,— сказал он,— я очень люблю вас, но позвольте вам сказать, что как нет у вас глаз, чтобы видеть, точно так же нет и ушей, чтобы слышать! Разве я не сказал вам, что у меня, к сожалению, сейчас довольно затруднительное положение с деньгами?

— Нет, командор, об этом вы ничего не сказали мне.

— Возможно, возможно. Так или иначе, я говорю вам об этом теперь. Я могу собрать только пять миллионов. Другие пять должны дать вы. Тогда у нас все будет делиться поровну. Я охотно уступил бы вам и большую долю, но вы же понимаете, мне надо думать о детях, о семье. Пять миллионов даю я, пять — вы.

Я поостерегся признаться, что у меня нет не только пяти миллионов, но и пяти тысяч лир. Как раз в это утро я уплатил за квартиру, отдав последние остатки семейного бюджета. Мне пришла в голову другая мысль, но и тут я решил воздержаться от каких бы то ни было заявлений, а просто предложил:

— Пойдемте к привратнику брата...

— Пойдемте! — подхватил командор Цип, вскакивая с дивана.

На радостях он даже не заметил, что я опять что-то перепутал.

— Он ждет нас ровно в час у Траянской колонны.

— Прекрасное место для свиданий!

— Правда? Мы будем походить на обычных туристов. И никто, посмотрев на нас, не догадается, что у одного из нас лежит в кармане кусок Луны.

Было двенадцать пятьдесят, когда мы добрались до знаменитого монумента. Десять минут ожидания показались командору Ципу долгими, как десять столетий. Он буквально танцевал от нетерпения, и пакетик с лунной породой вдруг выскользнул у него из кармана и упал ему прямо на ногу.

— Ой! — невольно вскричал он, но тут же поправился.— Надо же, как удачно упал! Просто повезло!

— Браво! Я вижу, вам нипочем даже такой удар камнем.

— Да что вы! Ведь упали он на землю... Он ведь разбился бы!

— Все равно, чтобы сделать сувениры, его придется разбить,— сказал я.

Но командор Цип уже не слушал меня.

— Вот наш человек! — воскликнул он, указывая на кого-то в толпе прохожих.

Навстречу нам шел представительный синьор в нарядном костюме. Широкие поля соломенной шляпы закрывали его лоб, а глаза были скрыты за стеклами больших темных очков. Издали его можно было принять за адвоката, которому захотелось немного пройтись пешком, или за служащего префектуры, который шел в кафе выпить чашечку кофе. Он мог ввести в заблуждение кого угодно, только не меня. По той простой причине, что я его хорошо знал.

— Здравствуйте! — радостно приветствовал его командор Цип.

— Добрый день, добрый день, — церемонно ответил этот субъект, протягивая для приветствия обе руки. — Итак, все в порядке?

— В полном порядке! — ответил Цип. — Я привел своего друга. Он в курсе дела. Позвольте, я представлю вам его — доктор...

— Не надо, командор, — перебил я его, — мы уже знакомы.

— В самом деле? — удивился синьор в темных очках и почему-то вдруг забеспокоился. — По правде говоря, я что-то не припоминаю, чтобы имел честь...

— Не припоминаете? Впрочем, это понятно — вы же так заняты... У вас так много разных дел...

— Ну, значит, все в порядке! — обрадовался командор Цип, преисполненный энтузиазма. — Раз вы уже знакомы, можно считать, что дело сделано.

— Да, — ответил я, — дело завершено. И синьор вернет вам сейчас ваши двести тысяч лир...

— Как? Что? — изумился командор Цип. — Что вы такое говорите?

— А то, что этот синьор не далее как полгода назад и мне предлагал превосходнейшую сделку. Представляет, командор, он предлагал купить у него за сущие пустяки — всего за каких-нибудь полмиллиона — подкову коня императора Калигулы. Знаете, того самого коня, которого хозяин ввел в сенат и сделал сенатором... Синьор показал мне одну из ее подков и дюжину разного рода документов, подписанных немецкими, французскими, чехословацкими и норвежскими учеными. Синьор, наверное, довольно близорук, потому что спустя два месяца он снова подошел ко мне и предложил купить у него

мотыгу, которой Ромул, мир праху его, при известных обстоятельствах разбил голову своему брату Рему. Так что, как видите, этот синьор — крупный специалист по продаже разного рода сенсационных редкостей. И я нисколько не удивлюсь, если он сейчас достанет из кармана яблоко, которым Ева соблазнила Адама, и предложит купить его по дешевке.

Синьор в темных очках повернулся и хотел было удалиться, но я успел ухватить его за рукав.

— Ну а теперь, — сказал я, — будьте благоразумны — верните деньги командору. И заберите этот кусок известки, который вы ему всучили.

Командор Цип выбрал именно этот момент для того, чтобы упасть в обморок. Видимо, слишком много волнений досталось пожилому человеку в это утро.

Мы наклонились, чтобы поднять командора, и пока он потихоньку приходил в себя, продавец Луны — в общем-то, наверное, добрый малый — объяснил мне:

— Я ведь только хотел пошутить! Клянусь вам, я пошутил. Ну можно ли верить первому встречному, что он продает кусок Луны? А он поверил! Вот я и догадался, что он такой же командор, как я. Никогда не встречал таких... таких наивных командоров.

— А он вовсе и не командор, — объяснил я. — Просто его так стали называть, потому что он очень толстый, вот кличка и приклеилась.

— Так, значит, он тоже из тех, кто торгует лунной породой! Ну, держите, вот его деньги. Тысячи лир не хватает. Я истратил их час назад на обед.

И я оставил ему еще тысячу — на ужин.

Могущество пустых банок

Семейство Дзербини провело выходной день в горах и собралось возвращаться в город по дороге через Чивитавеккья. Синьор Дзербини, большой любитель природы и порядка, посоветовал остальным Дзербини — супруге Оттавии, сыновьям Анджело и Пьеро, дочери Розелле, а также ее жениху Пьерлуиджи — не оставлять после себя мусора:

— Только не сгребайте в кучу, как обычно, а аккуратно разложите его повсюду. Посмотрите на этот куст, вы не оставили возле него ни одного бумажного стаканчика! Да, да, пусть каждое дерево получит свое! Не будем

пристрастны. Грязные бумажные салфетки положите вон туда, под тот дуб. А пустые бутылки — под этот каштан. Вот так! Прекрасно получилось!

Пустых бутылок было три — из-под пива, из-под оранжада и из-под минеральной воды. Возле каштана они составили чудесный натюрморт. Анджело и Пьеро охотно поиграли бы в тир, кидая в них камнями, но, к сожалению, уже не было времени. Нужно было садиться в машину, не забыть при этом приемник, громкими гудками попрощаться с лесом и двигаться в путь. И они поехали. Вскоре стали спускаться с горы. Анджело и Пьеро сидели сзади и, глядя в окошко, строили рожицы едущим за ними шоферам, как вдруг с изумлением обнаружили, что бутылка из-под пива вовсе не осталась под каштаном, а ловко скачет за их машиной по шоссе, совсем рядом с бампером.

— Смотри, папа! — дружно воскликнули братья. — Бутылка из-под пива бежит за нами!

— Я посмотрю, в чем дело, — сказала синьора Оттавиа мужу. — Не отвлекайся от руля.

Она обернулась и увидела, что к пустой бутылке из-под пива присоединились бутылки из-под оранжада и минеральной воды. Это милое трио прыгало, пританцовывало и старалось не отстать от машины.

— Ну прямо как собачки, — заметила Розелла, и жених согласился с ней.

— Ну-ка, папа, прибавь газу! Давай оторвемся от них! — предложили Анджело и Пьеро.

Но синьор Дзербини не мог прибавить скорость, потому что впереди шла машина, за которой тоже, постукивая по асфальту, бежала пустая бутылка из-под пива. И с нею за компанию спешили банки из-под мясных консервов и персикового компота. Пустые, разумеется. А следом за великолепной машиной самой последней марки, которая только что обогнала скромную малолитражку синьора Дзербини, презрительно фыркнув на нее выхлопной трубой, прихрамывая и перекатываясь, подскакивая и кувыркаясь, неслось сразу несколько бутылок из-под шампанского и минеральной воды, а также банки из-под сардин и черной икры, дюжина пластмассовых тарелок и тому подобное. Все вместе они производили чудовищный грохот — не хуже группы ударников!

— Видите, — заметил синьор Дзербини, — за всеми бегут, не только за нами. Однако, если б полетела шина, я думаю, было бы хуже.

По виа Аурелиа тянулась уже целая вереница машин в сопровождении пустых пластмассовых и стеклянных бутылок и жестяных консервных банок — каждая со своим особым стуком и ритмом. Одни бежали совсем мелкими шажками, другие делали огромные прыжки, и всех сильно заносило на поворотах. В целом получалось довольно забавное зрелище, и синьор Дзербини даже вспомнил, что мальчиком играл на медных тарелках в «джазе оглашенных», в том самом, в котором еще раньше играл на мусорном ведре и на печной трубе его дядя.

Теперь Анджело и Пьеро попросили отца замедлить ход. Им хотелось посмотреть на пролетавшие мимо роскошные гоночные машины, за которыми мчались, не утрачивая своей элегантности, небольшие оплетенные соломкой бутылки, огромные пяти- и десятилитровые бутылки и разные другие достойные внимания сосуды.

Некоторое затруднение возникло дома — у лифта. Пустые бутылки, принадлежавшие семейству Дзербини, первыми прошли в кабину, не пропустив вперед даже синьору Оттавию, и пока поднимались вверх, ни минуты не стояли спокойно. Они отдавили ноги ребятам, порвали колготки Розелле, залезли в отвороты брюк Пьерлуиджи. Словом, ясно было, что прогулкой они остались недовольны. Войдя в квартиру, бутылки принялись носиться по коридору, а затем забрались в спальню.

Пивная бутылка залезла под подушку синьора Дзербини, бутылка из-под оранжада устроилась под ковриком на полу, а бутылка из-под минеральной воды ушла в ванную. О вкусах, как говорится, не спорят.

Ребят все это очень забавляло. Взрослых уже не очень. Розелла немного успокоилась после разговора по телефону с Пьерлуиджи. Он позвонил ей, чтобы пожелать спокойной ночи, и заодно сообщил:

— Знаешь, в моей постели оказалась банка из-под очищенных помидоров! А ведь я никогда не ем макароны с томатным соусом!

Банки и бутылки заснули быстро. Спали не толкаясь и не храпели. Словом, никому не мешали. Утром они раньше всех пошли в ванную и не бросили полотенца где попало, а повесили на место. Вскоре взрослые и дети разошлись по своим делам — кто в школу, кто на работу. А синьора Оттавиа отправилась на рынок. Бутылки остались дома. Только теперь пустых емкостей было уже четыре, потому что из мусорного ведра выскочила банка из-под молотого кофе, с новенькой этикеткой, и сразу же

принялась наводить порядок в раковине. Она с грохотом переставляла тарелки и стаканы, но ничего не разбила.

«Пожалуй, сегодня я не буду покупать продукты в банках и бутылках», — решила синьора Оттавиа.

По дороге ей то и дело встречались пустые банки и бутылки, которые шли по своим делам, строго соблюдая правила уличного движения: улицу они переходили только на зеленый свет. Вдруг синьора Оттавиа увидела, что какой-то синьор сунул в урну коробку из-под обуви. Но едва он отвернулся, как коробка выскочила из урны и — топ-топ-топ! — поспешила следом за ним.

— Слава богу, хоть тут ни для кого нет привилегий! — облегченно вздохнула синьора Оттавиа.

Во время обеда три бутылки и кофейная банка семейства Дзербини сидели на балконе — дышали свежим воздухом.

— Интересно, что они собираются делать дальше? — спросила синьора Оттавиа.

— По-моему, толстеть, — ответил синьор Дзербини.

— То есть?

— А ты посмотри! Видишь, бутылка из-под пива стала двухлитровой бутылкой. Сколько кофе было в этой банке?

— Полкило...

— Ну вот! А теперь в нее уместится пять кило, если не больше.

— Отчего же они так растут? Чем они питаются? — удивились Анджело и Пьеро, проявив научный интерес к проблеме.

— Очевидно, пустотой. Ведь они же пустые! — объяснил синьор Дзербини.

Вечерние газеты подтвердили его догадку. Они привели заявление профессора Банки-Банкини, специалиста по таре и упаковке, доцента коробководения и консервологии, в котором говорилось:

«Речь идет о совершенно нормальном явлении. По причине, которая нам неведома и которую мы называем «причиной икс», пустые сосуды определенно стремятся стать еще более пустыми. Для этого они, разумеется, должны увеличиться в объеме. Нас крайне интересует, лопнут они в конце концов или нет».

— О боже! — воскликнула синьора Оттавиа, заметив, что бутылка из-под минеральной воды стала сзади нее и, заглядывая через плечо, читает газету.

А к вечеру эта бутылка стала больше холодильника. Две другие почти догнали ее в росте. Банка из-под кофе

раздулась, как шкаф, и заполнила собой половину детской комнаты, куда заглянула из любопытства.

— Профессор сказал, что это совершенно нормальное явление,— успокоил жену синьор Дзербини.— Иными словами, нефеноменальный феномен, ясно? Впрочем, ты ведь не разбираешься в феноменологии.

— Я не разбираюсь, спору нет,— вздохнула синьора Оттавиа.— Но ты зато отлично разбираешься. Вот и скажи мне, где мы будем спать сегодня ночью?

Говоря это, синьора Оттавиа повела мужа в спальню и показала на кровать. На ней удобно устроились бутылки из-под пива и оранжада — словно две горы, накрытые одеялом, а на подушках сладко спали два горла без голов, вернее — без пробок.

— Ничего, ничего,— опять успокоил жену глава семьи.— В тесноте, да не в обиде! Тут и для нас места хватит. Нельзя же, в конце концов, думать только о себе.

За неделю банка из-под кофе так растолстела, что заняла всю детскую комнату. Пришлось прямо в нее поставить кровати и тумбочки. Анджело и Пьеро забавлялись игрой в консервированный зеленый горошек.

В комнате Розеллы вырос такой большой тюбик из-под крема, что в нем легко уместились диван-кровать, трюмо, многотомное издание «Мастера живописи», три большие вазы с цветами, рекламная афиша «Битлзы», проигрыватель, восточные туфельки, которые жених привез Розелле из Сараева, а также большая корзина, где хранились куклы и иногда спал кот.

На кухне бутылки из-под минеральной воды хватило ума расти невширь, а только в длину, и теперь она торчала из окна, словно пушечное дуло. Из многих окон соседних домов тоже торчали такие стеклянные дула, так что удивляться не приходилось.

Бутылки, спавшие в постели супругов Дзербини, тоже росли в горизонтальном направлении и нисколько не мешали им двигаться по комнате. Кроме того, в этом оказалось и свое преимущество — каждый мог теперь спать в своей бутылке. Синьора Оттавиа выбрала, разумеется, бутылку из-под оранжада — она терпеть не могла запах пива. Очень интересно было бы посмотреть на них ночью, когда они лежали в своих бутылках, словно модели парусников, сделанные каким-нибудь старым морским волком или каторжником, трудившимся над ними с бесконечным терпением. Но посмотреть нельзя — ведь на ночь они гасят свет.

Нечто подобное происходило во всех домах в городе. Люди быстро научились залезать в бутылки и вылезать из них, а также из банок, в которых прежде было варенье или свежемороженые фрукты. Адвокаты принимали теперь клиентов, сидя в коробках из-под обуви или в книжных футлярах. В каждой семье нашлись свои пустые емкости, и каждая пустая емкость имела свою семью. Жить в банке или в коробке оказалось вполне удобно.

Емкости, которым не нашлось места в домах, что вполне понятно при нынешнем жилищном кризисе, расположились на площадях, улицах, в садах и скверах, заняли окрестные холмы. Огромная банка из-под мясных консервов накрыла памятник Гарибальди. Закрученная консервным ножом крышка этой банки немного мешала движению транспорта. Но городские власти, как всегда, позаботились о людях. Они построили над крышкой легкий деревянный мостик, и машины без труда преодолевали это препятствие. Розелла встречалась теперь со своим женихом в банке из-под соленых грибов — там стояла зеленая скамеечка. Мечтать, как известно, можно где угодно, было бы о чем. А запах грибов даже приятен.

Впрочем, кому какое дело до мелких забот семейства Дзербини? У каждого из ста тысяч жителей города были такие же заботы. Могущество пустых банок ставило другие, куда более важные проблемы. Однажды утром огромная коробка из-под макарон «Мамбретти» («Если они не «Мамбретти», то это уже не спагетти!») одним махом проглотила Колизей. В полдень того же дня купол святого Петра исчез в большой железной банке, на которой даже невооруженным глазом и на большом расстоянии можно было прочитать: «Мармелад». Газеты сообщили, что синьора Сеттимиа Дзерботти родила двух близнецов в банке, и муж на радостях подарил ей золотой консервный нож. Телевидение передавало прямые репортажи о том, как консервные банки заглатывали гору Червино, Эйфелеву башню и Виндзорский замок. Как всегда, превосходно комментировал события Тито Жестянкини.

Тем временем один западногерманский астроном обменивался шифрованными телеграммами со своим американским коллегой. Оба заметили какой-то странный предмет, который, похоже, двигался из глубин космоса по направлению к Земле.

— Не комета ли это, профессор Бокс?

— Не думаю, профессор Шахермахер, хвоста ведь нет!

— Это верно. Однако какая странная форма... Похоже на...

— На что, профессор Шахермахер?

— А, вот на что! На коробку! На очень большую коробку!

— Действительно! Прямо какая-то суперкоробка! В ней уместится, пожалуй, не только Земля, но и Луна!

— Кстати, профессор Бокс, вы получили коробку из-под сигар, которую я вам послал?

— Да, спасибо! В ней очень удобно спать. А вы получили мою банку из-под крабов?

— Ну как же! Я устроил в ней библиотеку и поставил стереопроигрыватель.

— Тогда спокойной ночи, профессор Шахермахер!

— Спокойной ночи, профессор Бокс!

Профессор Угрозный, или Смерть Юлия Цезаря

Сегодня профессор Угрозный был выше своего обычного роста. Такое с ним часто случалось, особенно в те дни, когда он вел опрос. Студенты наловчились уже довольно точно определять его рост на глаз: «Ого! Он вырос по крайней мере на четверть метра!» Даже фиолетовые носки вылезли из-под коричневых брюк, а над носками виднелась белая полоска кожи, которую обычно стыдливо прикрывают.

— Ну вот,— вздохнули студенты,— начинается! Надо было сегодня пропустить занятия...

Профессор Угрозный полистал свои бумаги и объявил:

— Я созвал вас, чтобы вырвать у вас истину, и никому не удастся уйти отсюда ни живым, ни мертвым, пока я не выведаю все. Ясно? Так вот... Посмотрим-ка списки ответчиков... Альбани, Альберти, Альбини, Альбони, Альбуччи... Ну ладно, попрошу сюда Цурлетти.

Студент Цурлетти, последний по алфавитному списку, уцепился за стол, пытаясь отдалить удар судьбы, прикрыл глаза, но старался представить, будто занимается подводной охотой у острова Эльба. Наконец он поднялся — медленно, точно многотонный корабль в шлюзах Панамского канала, и неохотно направился к кафедре, делая шаг вперед и тотчас же два назад. Профессор Угрозный просверлил его убийственным взглядом и осыпал градом ехидных реплик:

— Дорогой Цурлетти, я требую признания в ваших же интересах. И чем быстрее вы ответите, тем скорее обретете свободу. Кроме того, вы же знаете, что у меня достаточно средств, чтобы развязать вам язык. Отвечайте быстро, не утаивая: когда, как, кем, где и почему был убит Юлий Цезарь? Уточните, как был одет в этот момент Брут, какой длины была борода у Кассия и где находился во время убийства Марк Антоний? Не забудьте сказать, какого размера обувь носила супруга диктатора, а также сколько и каких монет она потратила в то утро, покупая на базаре сыр.

От этой лавины вопросов студент Цурлетти закачался... У него задрожали уши... Но Угрозный был неумолим.

— Сознавайтесь! — грозно потребовал он и вырос еще на пять сантиметров.

— Я требую адвоката... — пролепетал Цурлетти.

— Не выйдет! Здесь не квестура и не трибунал. На адвоката у вас такое же право, как на бесплатный билет до Азорских островов. Ну-ка отвечайте незамедлительно, какая была погода в день преступления?

— Не помню...

— Еще бы! Уверен, вы не помните даже, присутствовал ли там Цицерон и запасся ли он зонтиком или слуховой трубкой, прибыл он в коляске или на такси...

— Не помню... — снова пролепетал Цурлетти, но наконец пришел в себя. Он почувствовал поддержку товарищей, которые, видя, какие титанические усилия ему нужны, чтобы выдержать натиск инквизитора, знаками подбадривали его. Он вскинул голову и заявил:

— Вы не выжмете из меня ни слова!

Аудитория взорвалась аплодисментами.

— Тихо! — возмутился Угрозный. — Или я прикажу очистить помещение!

Но тут последние силы покинули Цурлетти, и он упал в обморок. Угрозный велел позвать служителя, и тот вылил на несчастного ведро воды. Цурлетти открыл глаза и жадно слизал капли:

— Господи, вода-то соленая!

Муки его достигли предела.

Профессор Угрозный тем временем вытянулся до самого потолка и набил себе шишку.

— Признавайся, разбойник! Иначе я возьму твою семью в заложники!

— Ах, только не это, только не это...

— Нет, будет именно это! Служитель!

Сейчас же появился служитель. Он втолкнул отца Цурлетти, почтового служащего тридцати восьми лет. Руки у него были связаны за спиной, голова опущена. Едва слышным голосом — его не хватило бы даже, чтобы произнести «Алло!» в телефонную трубку, — он сказал сыну:

— Признайся, дорогой Альдуччо! Сделай это ради отца твоего! Ради матери, что обливается слезами! Ради сестер-монашек...

— Хватит! — загремел профессор Угрозный. — Уходите!

Цурлетти-отец ушел, постарев прямо на глазах. Пряди седых волос бесшумно сыпались с его головы.

Студент Цурлетти громко всхлипнул. Тогда поднялся со своей скамьи великодушный, как всегда, студент Цурлини и твердо заявил:

— Профессор, я согласен отвечать!

— Наконец-то, — облегченно вздохнул профессор. — Наконец-то вы всё скажете мне.

Студенты пришли в ужас от мысли, что вскормили у себя на груди фискала. Они еще не знали, на что способен великодушный Цурлини.

— Юлий Цезарь, — произнес он, притворяясь, будто краснеет от стыда, — скончался, получив двадцать четыре удара кинжалом.

Профессор Угрозный так изумился, что не в силах был даже шевельнуть губами. Его рост мгновенно уменьшился на несколько дециметров.

— Как? — пробормотал он. — Разве их было не двадцать три?

— Двадцать четыре, ваша честь! — не колеблясь, повторил Цурлини.

— Но у меня есть доказательства, — возразил Угрозный. — В моем сейфе хранится ода нашего прославленного Поэта, где он описывает переживания статуи Помпея в тот миг, когда Цезарь упал, сраженный кинжалами заговорщиков. Вот точная цитата, прямо из подлинника:

Недвижный мраморный Помпей
Шептал неслышно: «Ах, злодей!
Он ранен. Боже! Посмотри,
Ты видишь, Цезарь, двадцать три!»

Вы слышите — двадцать три! — повторил профессор. — И нечего наводить тень на плетень своими выдумками!..

Но студенты, сообразив, в чем дело, поддержали Цурлини и хором закричали: «Двадцать четыре, двадцать четыре!..»

Теперь наступила очередь Угрозного испытать муки сомнения. Рост его стремительно уменьшился. Он стал ниже преподавательницы математики. Да что там — его лоб оказался уже на уровне кафедры, и, чтобы видеть студентов, ему пришлось привстать на цыпочки.

Это зрелище не могло не тронуть золотое сердце студента Альберти, о котором все говорили, что в Новый год он получит премию за доброту.

— Профессор,— робко заговорил он.— Показания статуи Помпея можно легко проверить. Достаточно провести учебную экскурсию в Древний Рим, поприсутствовать при убийстве Цезаря и самим сосчитать раны, которые он получит.

Угрозный охотно схватился за якорь спасения. Он немедленно связался по телефону с агентством «Хроно-Тур», и через минуту студенты уже садились в машину времени, а пилот настраивал приборы на март 44 года до нашей эры. Достаточно было всего нескольких минут, чтобы пересечь века, которые не создают никакого трения ни в воздухе, ни в воде. Студенты вместе с профессором оказались в толпе возле Сената, где ожидалось прибытие сенаторов.

— А Юлий Цезарь уже прибыл? — спросил Угрозный какого-то незнакомца, которого звали Кай.

Тот не понял его и сказал своему приятелю:

— Что надо этому чудаку?

Угрозный вспомнил, что в античном Риме говорили на латинском языке, и повторил вопрос по-латыни. Но древние по-прежнему ничего не понимали и только усмехались:

— Интересно, откуда взялись эти дикари? Явились в Рим и даже не потрудились выучить ни одного слова по-римски!

Очевидно, школьная латынь не годилась для общения с античными римлянами и помогала не больше, чем миланский диалект или каракалпакский язык. Студенты откровенно посмеивались. Не все, однако. Цурлини был весьма озабочен. Он солгал, чтобы спасти Цурлетти, а сейчас все узнают, что кинжальных ударов было на самом деле двадцать три. Он будет выглядеть лгуном и обманщиком. Что делать? Вот Угрозный уже нарисовал в блокноте двадцать четыре кружочка и держал карандаш наго-

тове. С каждым ударом он будет зачеркивать кружочек... Мамбретти, известный шутник, надул двадцать четыре воздушных шарика. Он будет прокалывать их по одному с каждым ударом и записывать звук лопающихся шариков на магнитофонную ленту... Зубрилы прихватили с собой японский калькулятор на транзисторах... Брагулья приготовил кинокамеру с двойным фильтром и телеобъективом, чтобы снять происходящее на цветную пленку.

«Что же делать?» — думал Цурлини.

Но тут на сцену ввалилась целая толпа американских туристов. Они очень шумели, жевали резинку и подняли такой гвалт, что заглушили даже сигнал трубы, объявлявший о прибытии Цезаря.

Внезапно возникла группа итальянских телевизионщиков. Они намерены были снимать документальный фильм для рекламы кухонных ножей. Режиссер энергично распоряжался:

— Эй вы, заговорщики, давайте левее!

Переводчик повторял его приказы на древнеримском языке. Сенаторы протискивались вперед, чтобы попасть в кадр, и махали ручкой: «Чао, чао!» Юлию Цезарю все это порядком надоело, но он ничего не мог сделать. Теперь он больше не командовал здесь. Режиссер приказал слегка попудрить его, а то он слишком бликовал. А затем события стали разворачиваться еще стремительнее. Заговорщики выхватили кинжалы и нанесли Цезарю ужасные удары. Но режиссер остался недоволен.

— Стоп! Стоп! Зачем так столпились? Не видно даже, как льется кровь. Все сначала!

— Какая досада! — проворчал Мамбретти. — Напрасно истратил тринадцать шариков.

— Мотор! — раздался голос. — «Смерть Юлия Цезаря». Дубль два.

— Начали! — командовал режиссер.

Заговорщики вновь нанесли удары. И опять все было испорчено, потому что кто-то из американских туристов выплюнул на землю жевательную резинку. Брут поскользнулся на ней, упал у ног какой-то дамы из Филадельфии, и та, испугавшись, уронила сумочку. Все сначала!

«Черт побери, надо же!» — ругался про себя Цурлини.

Но тут его мучениям неожиданно пришел конец. Студенты вновь оказались в машине времени и направились в двадцатый век.

— Предательство! — вскричал профессор Угрозный.

— Ошибаетесь, — ответил пилот. — Контракт был заключен на час, и время истекло. Наша фирма не виновата, если вы не увидели все, что хотели. Требуйте возмещения убытков от телевидения. Так или иначе, у меня есть для вас приятная новость. Фирма «Хроно-Тур» предлагает вам в качестве подарка пятиминутную остановку в средних веках, где вы можете присутствовать при изобретении пуговиц.

— Пуговиц? — удивился Угрозный. — Вы предлагаете мне пуговицы вместо кинжалов? Но какое нам дело до ваших пуговиц?

— Ну как же, это очень нужная вещь, — спокойно объяснил пилот. — Не будь пуговиц, вы потеряли бы свои брюки.

— Хватит! — зарычал Угрозный.— Немедленно доставьте нас в наши дни.

— Что касается меня, так я с большим удовольствием,— ответил пилот.— Раньше освобожусь и успею побриться, прежде чем идти в кино.

— А что вы собираетесь смотреть? — спросили студенты.

— «Фантомас разбушевался».

— Потрясающе! — вскричали студенты.— Профессор, а что, если и нам махнуть вместе с ним?

Профессор Угрозный явно колебался. Что-то в это утро было сделано неверно. Но что именно? Может быть, в таинственной полутьме кинозала он сможет поразмышлять над этим и найдет верный ответ...

— Ладно, идем на Фантомаса,— вздохнул он.

Цурлетти и Цурлини обнялись. Остальные издали восторженные крики.

Альберти, золотое сердце, как раз в этот момент, когда они пересекли границу прошлого века, потихоньку выбросил из машины свой охотничий нож, которым собирался продырявить Цезарю двадцать четвертую рану, чтобы не обнаружилась ложь Цурлини. Замечательный человек, этот Альберти! И если в Новый год ему вручат премию за доброту, это будет очень хорошо, просто прекрасно!

Пришельцы и Пизанская башня

Однажды утром синьор Карлетто Палладино пришел, как всегда, к подножию Пизанской башни продавать сувениры. И вдруг, взглянув случайно наверх, на небо, увидел, что высоко в воздухе висит огромный золотисто-серебристый космический корабль, а от него отделяется какой-то предмет, скорее всего вертолет, и опускается прямо на знаменитую Пизанскую Площадь Чудес.

— Смотрите! — воскликнул синьор Карлетто.— Космические пришельцы!

— Спасайся кто может! — закричали туристы на всех языках.

Но сам синьор Карлетто и не подумал бежать. Как же он может бросить свой лоток, на котором аккуратными рядами стоят десятки миниатюрных копий Падающей башни, сделанных из гипса, мрамора и алебаstra.

— Сувенир! Купите сувенир! — закричал он, предлагая космическим пришельцам свой товар, и они приветли-

во замахали ему сразу двенадцатью руками, хотя из космического корабля вышло всего трое. У каждого, оказывается, было по четыре руки.

— Бегите сюда, синьор Карлетто! — звали его издали другие продавцы сувениров, притворяясь, будто тревожатся за него. На самом же деле они досадовали, что у него, возможно, купят сувениры, а у них нет. Но подойти ближе, чтобы предложить гостям свои статуэтки, они не решались.

— Сувенир! Купите сувенир!

— Ладно, пизанец, подожди! — ответил вдруг ему космический голос. — Сначала надо познакомиться.

— Карлетто Палладино, к вашим услугам.

— Дамы и господа, — продолжал голос с великолепным итальянским произношением. — Просим извинить нас за беспокойство. Мы прилетели с планеты Карп, которая находится от вас на расстоянии тридцати семи световых лет и двадцати семи сантиметров. Мы пробудем здесь всего несколько минут. Не бойтесь нас, потому что мы тут в командировке по торговым делам.

— Я-то сразу это понял, — заметил синьор Карлетто. — Деловые люди всегда быстро находят общий язык.

Усиленный невидимым громкоговорителем космический голос несколько раз повторил обращение, и вскоре туристы, продавцы сувениров, ребятишки и любопытные выглянули из укрытий, куда спрятались поначалу, и постепенно, набираясь храбрости, стали подходить ближе. С воём сирен подлетели машины полиции, карабинеров, пожарных и городских стражников, чтобы поддержать общественный порядок. Прибыл и мэр города — верхом на белой лошади.

— Дорогие гости! — произнес он, после того как трижды протрубили фанфары. — Мы рады приветствовать вас в древнем и прославленном городе Пиза у подножия древней и прославленной колокольни. Если бы мы знали заранее о вашем визите, мы устроили бы вам встречу, достойную древней и прославленной планеты Карп. К сожалению...

— Спасибо, — перебил его один из космических пришельцев, двигая двумя из своих четырех рук. — Вы не беспокойтесь. Дёла у нас самое большее на четверть часа.

— Не хотите ли вымыть руки? — предложил мэр. — Я как раз принес вам несколько гостевых билетов в дневную гостиницу.

Космические пришельцы, не обращая на него никакого внимания, направились к колокольне и, подойдя ближе, потрогали ее, словно проверяя, действительно ли она существует. Потом они заговорили о чем-то между собой на языке, очень напоминающем каракалпакский, но в то же время и не очень отличающемся от кабардино-балкарского. Судя по лицам, видневшимся в скафандрах, гости, как все настоящие карпианцы, очень походили на краснокожих индейцев.

Мэр опять обратился к ним с любезным предложением:

— Не хотите ли встретиться с нашим правительством, с нашими учеными и прессой?

— Зачем? — удивился главный из трех пришельцев. — Зачем мы будем беспокоить столько важных людей? Мы заберем башню и улетим.

— Заберете... что?

— Башню.

— Извините, синьор карпианец, я, наверное, плохо вас понял. Должно быть, вы хотите сказать, что вас интересует башня. Вернее, что вы и ваши друзья хотите подняться наверх, полюбоваться панорамой и заодно, чтобы не терять время, провести несколько научных экспериментов с падением тела?

— Нет, — снова терпеливо разъяснил карпианец, — мы прилетели сюда для того, чтобы ЗАБРАТЬ башню. Нам надо отвезти ее на нашу планету. Видите вон ту синьору? — И он показал на одного из своих спутников. — Это синьора Болл-Болл, которая живет в городе Бульон, в нескольких километрах от столицы Северной Карпианской республики.

Космическая синьора, услышав свое имя, живо обернулась и встала в позу, думая, что ее собираются фотографировать. Мэр извинился, что не умеет фотографировать, и снова заговорил о главном:

— При чем тут синьора Болл-Болл? Речь идет о том, что без разрешения начальника управления по охране памятников искусства вы не смеее даже пальцем тронуть башню, не то что забрать ее!

— Вы не поняли меня, — объяснил главный карпианец, — синьора Болл-Болл выиграла Пизанскую башню в нашем конкурсе покупателей. Постоянно покупая знаменитые бульонные кубики «Брик», она набрала миллион очков, и ей полагается вторая премия, то есть ваша Падающая башня.

— Вот как! — воскликнул мэр. — Неплохо придумано!

— Вообще-то мы немножко иначе выражаем эту мысль. У нас говорят: «Какой шик, этот бульон «Брик»!»

— Д-да... А первая премия что собой представляет?

— Какой-то остров в Средиземном море.

— Ничего себе! У вас, я вижу, особое пристрастие к нашей Земле.

— Да, ваша планета у нас очень популярна. Наши летающие тарелки отсняли ее вдоль и поперек, и многие фирмы, производящие бульонные кубики, намеревались предлагать разные земные вещи в качестве призов на своих конкурсах. Но фирма «Брик» сумела добиться у правительства монополии на это.

— Теперь я вас понял как нельзя лучше! — воскликнул мэр. — Я понял, что Пизанская башня, по вашему мнению, ничья! И ее может взять каждый, кто захочет.

— Синьора Болл-Болл поставит ее у себя в саду. Она будет иметь, конечно, успех, большой успех. К ней станут съезжаться карпианцы со всей планеты, чтобы посмотреть на башню.

— Моя бабушка! — вскричал мэр. — Видите, на этом снимке моя бабушка. Я дарю вам его! Пусть синьора Болл-Болл поместит его в своем саду, чтобы похвастаться перед приятельницами. Но башню трогать нельзя! Вы меня поняли?

— Видите? — спросил глава космических пришельцев, указывая на одну из пуговиц своего костюма. — Вы это видите? Стоит нажать, и вся ваша Пиза, вместе с башней разумеется, взлетит на воздух и больше никогда не вернется на Землю.

Мэр окаменел от изумления. Толпа вокруг тоже замерла в жутком испуге. Слышно было только, как на другом конце площади какая-то женщина звала:

— Джорджина! Ренато! Джорджина! Ренато!

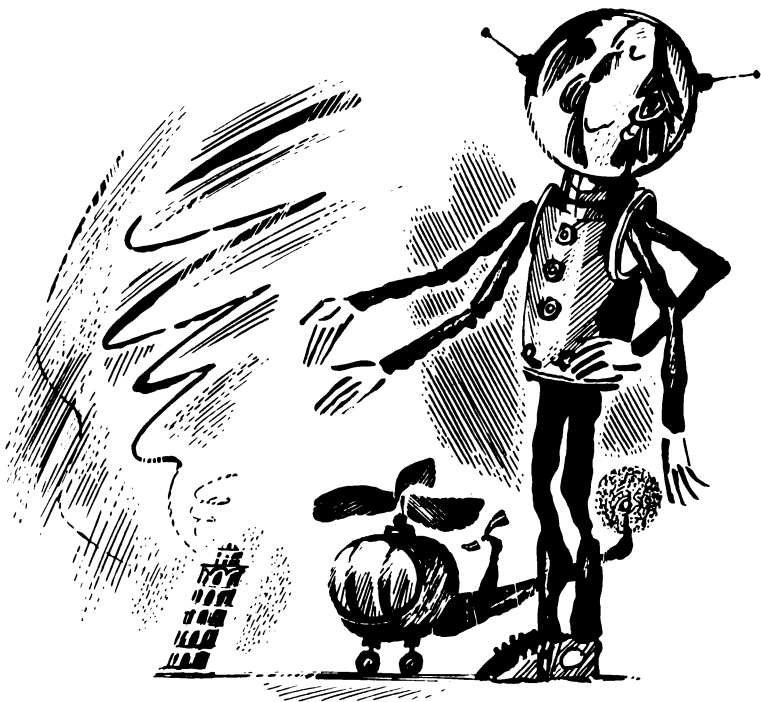
А синьор Карлетто Палладино подумал про себя: «Вот как очень вежливо можно добиться чего угодно!»

Он не успел закончить эту важную мысль, как башня... исчезла, и на ее месте осталась ямка, в которую со свистом устремился воздух.

— Видели? — спросил глава космических пришельцев. — Все очень просто.

— Что вы наделали? — вскричал мэр.

— Да вот же она, — сказал карпианец. — Мы только немного уменьшили ее, чтобы легче было транспортиро-

вать. А потом, когда установим в саду синьоры Болл-Болл, снова увеличим до нормальных размеров.

И действительно, на том месте, где только что выси-
лась Падающая башня, стояла совсем крохотная башен-
ка, совершенно такая же, как на лотке синьора Карлетто
Палладино.

Толпа испустила долгое: «О-о-ох!» И в то же время
с другого конца площади снова донесся голос женщины,
которая звала своих дегей:

— Ренато! Джорджина!

Синьора Болл-Болл наклонилась было, чтобы взять
мини-башню и положить ее в сумочку, но тут кто-то, а
точнее синьор Карлетто Палладино, опередил ее, кинув-
шись на жалкие остатки древнего и прославленного па-
мятника, подобно тому как собаки (во всяком случае,
так говорят) бросаются на могилу хозяина. От неожидан-
ности и удивления карпианцы замерли на мгновение, но
затем всеми своими многочисленными руками легко под-
хватили синьора Карлетто, приподняли и отставили
подальше.

— Ну вот, все в порядке,— сказал глава пришельцев.— Теперь у нас есть башня, а вам остаются многие другие красивые вещи. Дело, по поводу которого мы прилетели сюда в командировку за счет фирмы «Брик», закончено. Нам остается только поблагодарить вас и попрощаться.

— Идите вы к черту! — вскипел мэр.— Пираты! Вы еще пожалеете об этом! Рано или поздно у нас тоже будут летающие тарелки...

— А бульонные кубики и конкурсы покупателей уже есть! — добавил кто-то из толпы.

— Вы еще пожалеете об этом! — повторил мэр.

Громко щелкнул замок сумочки, которую синьора Болл-Болл захлопнула с чисто карпианским темпераментом. Громко заржала лошадь мэра, но неясно было, что она хочет этим сказать. А затем все услышали робкий голос синьора Карлетто:

— Извините, синьор карпианец...

— Ну что еще?

— У меня к вам просьба...

— Прощение? Тогда, пожалуйста, с гербовой маркой.

— Но это совсем пустяк! Поскольку синьора Болл-Болл уже получила свою премию... Может быть, вы...

— Что еще?

— Видите ли, у меня тут есть небольшая модель нашей прекрасной колокольни. Мраморная безделушка, как видите. Вам ведь никакого труда не составит увеличить ее до натуральной величины. А у нас таким образом останется приятное воспоминание о нашей башне.

— Но это же будет подделка, не имеющая никакой историко-художественно-падающей ценности? — удивился глава пришельцев.— Это все равно что пить цикорий вместо кофе.

— И все-таки,— настаивал синьор Карлетто,— нас это устроит.

Глава пришельцев объяснил странную просьбу своему коллеге и синьоре Болл-Болл, и те рассмеялись.

— Что за глупость! — возмутился мэр.— Не нужен нам никакой цикорий!

— Подождите, синьор мэр, подождите! — попросил его синьор Карлетто.

— Ладно,— согласился глава пришельцев,— давай сюда!

Синьор Палладино вручил ему свою модель. Глава пришельцев поставил ее на то место, где прежде высилась

башня, направил на нее пуговицу своего костюма (другую, не ту, которая взрывает) и... Вот она! Готова! Пизанская башня снова оказалась на своем месте.

— Тоже еще! — продолжал возмущаться мэр. — За версту видно, что фальшива, как Иуда. Сегодня же прикажу снести этот позор.

— Как вам угодно, — ответил глава пришельцев. — Ну а мы полетели. До свидания, и привет семье!

Карпианцы сели в свой вертолет, вернулись в золотисто-серебристый космический корабль, и в тот же момент в небе остался лишь одинокий воробышко, который подлетел к башне и уселся на самом верху.

А затем произошла совсем странная вещь. На виду у всей этой огорченной толпы, прямо перед рыдающим мэром синьор Карлетто Палладино затанцевал тарантеллу.

— Бедняжка, — сказал кто-то. — Он сошел с ума от огорчения.

— Это вы сошли с ума! — вскричал синьор Карлетто. — Глупцы и недоумки — вот вы кто! И такие же невнимательные, как лошадь мэра. Вы и не заметили, как я подменил башню под самым носом у карпианцев?

— Но когда?

— Когда упал на маленькую башню, притворившись будто кидаюсь, словно собака, на могилу хозяина. Я подменил ее одним из моих сувениров. В сумочке синьоры Болл-Болл лежит фальшивая башня! А настоящая — вот она! И они даже снова увеличили ее до прежних размеров. И еще посмеялись над этим. Да посмотрите, посмотрите! Почитайте надписи, которые вы нацарапали на ней...

— Это верно! Верно! — закричала какая-то женщина. — Вот имена моих детей — Джорджины и Ренато. Они написали их шариковой ручкой как раз сегодня утром!

— Ай да молодцы! — заявил городской стражник, внимательно осмотрев надпись. — И в самом деле шариковой ручкой. А вы, синьора, штраф уплатите сейчас или счет прислать домой?

Но штраф на этот раз великодушно оплатил из своего кармана синьор мэр. А синьора Карлетто Палладино все стали превозносить до небес. Впрочем, для него это были только пустая трата времени, потому что он терял покупателей, — ведь туристы покупали сувениры у его конкурентов.

Для кого прядут три старушки

Ох и зловредные же были боги в древних мифах! Однажды, например, Зевс обидел Аполлона, просто так, из прихоти. Аполлон не забыл этого и, как только представился случай, отомстил ему — убил нескольких циклопов, одноглазых чудовищ.

Спрашивается, что общего между маслом и железной дорогой и какое отношение имеют циклопы к Зевсу?

Имеют! И самое прямое! Ведь они поставляют ему молнии. Зевс надышаться на них не мог. Ведь не было другой фирмы, которая производила бы молнии такого же отличного качества, как эта. Когда же ему сказали, что из-за Аполлона приостановилось их производство, Зевс не на шутку разгневался и послал ему обвинение в преступлении. Пришлось Аполлону предстать перед Зевсом — все-таки как-никак царь богов.

— Так, мол, и так, — сказал Зевс. — В наказание отправишься в ссылку. На землю. На семь лет. И все это время будешь прислуживать, словно раб, Адмету, королю Фессалии.

Аполлон не стал спорить с Зевсом. Он был парень сильный, здоровый, умел расположить к себе. С Адметом они жили в согласии и даже подружились. А спустя семь лет Аполлон вернулся на Олимп. Идет он домой, а его приветствуют с балкона какие-то старушки, которые сидят там и прядут пряжу.

— Как поживает ваш ревматизм? — вежливо осведомился он.

— Не жалуемся, — ответили три старушки — три Парки.

(Догадались? Ну да, те самые богини, от которых зависит судьба каждого человека на земле — с самого рождения до смерти. Каждому человеку они прядут нить его судьбы, а когда обрезают ее, то человек, значит, уже может писать завещание.)

— Вижу, работа у вас продвинулась, — заметил Аполлон.

— Что верно, то верно. Эту нить мы уже, пожалуй, закончили. А знаешь, кстати, чья она?

— Нет.

— Короля Адмета. Нам осталось пряхть всего два или три дня.

«Черт возьми! — подумал Аполлон. — Вот не повезло

бедняге. Я оставил его в добром здравии, а он, оказывается, вот-вот умрет».

— Послушайте,— сказал он старушкам,— Адмет мой друг. Не могли бы вы дать ему пожить еще несколько лет?

— Каким же это образом? — удивились Парки.— Мы не имеем ничего против него. Прекрасный человек! Но раз пора, значит, пора. Смерть должна взять свое.

— Но ведь он не так уж и стар!

— Дело не в возрасте, сокровище наше! А ты что, очень дружен с ним?

— Ну да, я же сказал вам, что мы большие друзья!

— Пожалуй, мы могли бы сделать так. Мы могли бы оставить его нить на некоторое время в покое и не рвать ее, но при одном условии — если найдется человек, который согласится умереть вместо него. Согласен?

— Еще бы! Спасибо большое!

— Не за что!

Аполлон даже не забежал домой посмотреть почту, а сразу же вернулся на землю и поспешил к Адмету. Тот как раз собирался отправиться в театр.

— Послушай, Адмет,— сказал он.— Так, мол, и так и так далее. Словом, ты был на волосок от смерти, но теперь зато надо устроить другие похороны. Найдешь кого-нибудь, кто согласится лечь вместо тебя в гроб?

— Да уж наверное,— ответил Адмет, наливая себе рюмочку вина покрепче, чтобы прийти в себя от испуга. Король я или не король? Моя жизнь слишком важна для государства! Черт возьми, ты, однако, заставил меня волноваться!

— Что поделаешь! Се ля ви!

— Нет, нет! Тут как раз наоборот...

— Ну ладно, чао!

— Чао, Аполлон, чао! Даже не знаю, как и благодарить тебя. Пошлю тебе ящик того вина, которое так пришло тебе когда-то.

«Черт возьми! — подумал Адмет, едва остался один. Надо же, как получается! Хорошо еще, что у меня есть знакомства в верхах!»

И он велел позвать своего самого верного слугу, расказал ему, как обстоят дела, дружески хлопнул его по плечу и велел приготовиться.

— К чему, ваше величество?

— И ты еще спрашиваешь? К смерти, разумеется! Не откажешь ведь ты мне в этой услуге?! Разве я был

плохим хозяином для тебя? Разве не платил тебе всегда сверхурочные, не давал ссуды и тринадцатую зарплату?

— Конечно, конечно.

— Вот и я так думаю. Так что поторопись, не теряй времени даром. Ты подумай о смерти, а я позабочусь обо всем остальном — похороны по первому разряду, мраморное надгробие, пенсия вдове, стипендия сыну... Согласен?

— Согласен, ваше величество. Завтра утром буду готов.

— Почему завтра утром? Никогда не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня!

— Мне надо написать письма, сделать кое-какие распоряжения...

— Ну ладно, завтра утром. Только пораньше.

— На рассвете, сир, на рассвете.

Однако на рассвете верный слуга был уже далеко в море, на финикийском корабле, который увозил его в Сардинию. И нельзя было даже напечатать его фотографию в газетах под рубрикой «Кто его видел?», потому что газеты тогда еще не были изобретены. И фотография тоже.

Для Адмета это был тяжелый удар. Он даже заплакал. Вот и доверяйся после этого верному слуге в трудную минуту.

Адмет велел подать карету и отправился к родителям, которые жили за городом в прелестной вилле с паровым отоплением и прочими удобствами.

— Что ж, — сказал он, — вы единственные люди, кто по-настоящему любит меня.

— О да, в этом ты можешь не сомневаться!

— Вы единственные, к кому я могу обратиться с любой просьбой!

— Хочешь попробовать эту прекрасную редиску с нашего огорода? — осторожно спросили старики.

Когда же они узнали, что ему нужно, у них начался нервный тик.

— Адметик, — сказали они, — мы дали тебе жизнь, а теперь ты хочешь взамен взять нашу. Вот так благодарность!

— Но вы ведь одной ногой уже стоите в могиле!

— Вот придет наш час, тогда и умрем. А пока еще рано. И тогда мы не станем просить тебя умереть вместо нас.

— Понимаю, понимаю. Очень вы меня любите, конечно, очень...

— И он еще недоволен! Это после того, как мы оставили ему трон и виноградник.

Адмет машинально взял редиску с тарелки, которую мать поставила перед ним, и положил ее в рот. Потом выплюнул ее, вскочил в карету и вернулся в свое королевство.

Одного за другим стал он приглашать своих министров, генералов, адмиралов, придворных, мажордомов, адвокатов, нотариусов, астрологов, драматургов, богословов, музыкантов, поваров, егерей... И все они один за другим отвечали:

— Ваше величество, я бы со всей радостью умер за вас, но у меня три старые тетушки! Что будет с ними!?

— Сир, хоть сию минуту, немедленно! Но я только вчера ушел в отпуск...

— Хозяин, поймите бога ради, я же должен закончить свои воспоминания...

— Подлецы! — вскричал Адмет, топая ногами. — Выходит, все вы так боитесь смерти? Я прикажу отрубить вам головы! Мне это все равно не поможет, потому что только доброволец может спасти меня, зато я, по крайней мере, умру не один... И мы всей компанией отправимся в ад.

Придворные заплакали, застучали от страха зубами. Адмет приказал сунуть всех до одного в самую мрачную камеру, а палачу велел наточить топор. Сам же тем временем пошел к жене выпить апельсинового соку, чтобы утолить жажду.

— Альчести, дорогая, — сказал он ей с обреченным видом, — нам придется проститься раз и навсегда. Так, мол, и так. Парки и так далее. Аполлон — настоящий друг и тому подобное. Все очень любят меня, но никто не соглашается умереть вместо меня.

— И из-за этого ты так расстраиваешься? А у меня ты еще ничего не спросил.

— У тебя?

— Ну конечно! Я умру вместо тебя. Это так просто.

— Ты с ума сошла, Альчести! Я не перенесу этого! Ты не представляешь, как я буду плакать на твоих похоронах!

— Поплачешь, а потом все пройдет.

— Нет, не пройдет.

— Да уж поверь мне, пройдет, и ты еще будешь долго жить, счастливый и довольный.

— Думаешь?

— Уверяю тебя!

— Ну, тогда... Если так... Раз ты так хочешь...

Они расцеловались на прощанье, Альчести ушла в свою комнату и умерла. Королевство огласилось плачем и криками. Адмет рыдал громче всех. Тем не менее выпустил на свободу министров, поваров и всю прочую компанию, велел звонить по усопшей и приспустить флаги, вызвал представителя похоронного бюро и договорился с ним о похоронах. И когда он обсуждал, какие должны быть ручки у гроба, слуга объявил ему, что пришел гость.

— Геракл, друг мой!

— Чао, Адмет. Я тут шел мимо, по пути в сады Гесперид, где мне надо украсть золотые яблоки, и решил заглянуть к тебе ненадолго.

— И прекрасно сделал! Я б тебе не простил, если б ты не зашел ко мне.

— Кстати,— сказал Геракл,— я вижу, у вас траур.

— Да,— ответил Адмет торопливо,— умерла тут одна женщина. Но тебе незачем огорчаться. Гость для нас дороже всего. Я велю приготовить тебе хорошую ванну, а потом мы поужинаем и вспомним старые добрые времена.

Легендарный гигант отправился принимать ванну. Это было весьма кстати. Постоянно совершая свои героические подвиги, убивая чудовищ, чистя Авгиевы конюшни и делая разного рода другие тяжелые и трудные работы, он, конечно, не часто имел возможность принять душ. Он с удовольствием потирал себе спину щеткой и напевал любимую песенку:

О, Геракл,
Мой Геракл,
Ты силен, как Геракл,
Ты...

— Господин,— шепнул ему слуга,— вам бы не следовало петь, ведь умерла наша добрая хозяйка.

— Что? Кто умер?

Словом, Геракл все узнал и очень удивился, что Адмет не сказал ему, как обстоят дела. Бедная Альчести! И бедный Адмет! Он чуть не расплакался, когда подумал...

— А зачем, собственно, плакать! — воскликнул он, выскочив из ванны.— Тут надо действовать, а не плакать! Эй, кто там... Слуга! Где моя палица? Кажется, я оставил ее в прихожей, рядом с зонтиком.

Геракл схватил свою палицу, побежал на кладбище и спрятался у могилы, где должны были похоронить

Альчести. И когда увидел Смерть, бесстрашно набросился на нее и давай дубасить своей палицей. Смерть защищалась ударами косы, но так как она была умна, то быстро поняла, что Геракл сильнее ее, и пошла на попятную.

Геракл радостно рассмеялся и, напевая песенку, вернулся в королевство. Люди неодобрительно смотрели на него: кто же поет, когда в стране траур! Но он знал, что делает.

— Адмет! Адмет! Все в порядке!

— Что в порядке?

— Я прогнал эту старуху с косой! Альчести будет жить!

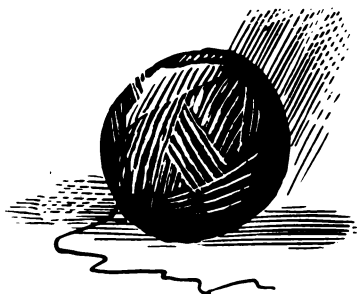
Адмет побледнел так, что белее уже и нельзя быть. И страх вновь обрушился на него. Он услышал чьи-то шаги. Обернулся... Это была Альчести! Живая! Она шла к нему с таким видом, будто хотела попросить прощения...

— Так вы недовольны? — растерялся Геракл. — В чем дело? Давайте же веселиться.

Но где там! Казалось, похороны только начались. Адмет упал в кресло и задрожал так, что на него было жалко смотреть. Альчести стояла, виновато опустив глаза.

— Ну так я же... — сказал Геракл, вытирая со лба пот. — Я же хотел порадовать вас, а выходит вроде наоборот... Да, в наши дни не всегда угадаешь, как вести себя с друзьями! Ну ладно, я, пожалуй, пошел... Пишите, если что...

И он ушел недовольный, помахивая своей палицей. Адмет прислушался. Ему показалось, он слышит какой-то очень далекий шум... Где-то далеко, на своем балконе три старушки прядут... Прядут... Интересно, для кого...

Жил-был дважды
барон Ламберто,
или Чудеса
острова Сан-Джусмо

1

Лежит среди гор озеро Орта. Посреди озера — остров Сан-Джулио. А на острове стоит вилла барона Ламберто, человека очень старого ему девяносто три года, очень богатого — ему принадлежат 24 банка в Италии, Швейцарии, Гонконге, Сингапуре и т. д. — и очень больного. Болезней у него тоже ровно две дюжины. И только его мажордом Ансельмо помнит их все. Они перечислены у него в записной книжечке в алфавитном порядке — астма, атеросклероз, артрит, артроз, бронхит хронический и так далее, до конца алфавита — до хромоты. Рядом с названием болезни Ансельмо указал лекарства и время их приема днем и ночью, отметил, что можно есть и что нельзя, и также записал советы врачей: «Поменьше соли — от нее повышается давление», «Ограничить сахар — вреден при диабете», «Избегать волнений, лестниц, сквозняков, дождя, солнечного и лунного света».

Когда у барона Ламберто начинается где-нибудь что

нибудь болеть, сам он не решается определить, с какой болезнью это связано, и зовет мажордома:

— Ансельмо, у меня болит вот здесь и вот тут. Что это значит?

— Номер семь, синьор барон, двенадцатиперстная кишка.

Или же:

— Ансельмо, у меня опять кружится голова. В чем дело?

— Номер девять, синьор барон. Печень. Но может быть также и номер пятнадцать, щитовидная железа.

Сам барон к тому же путает номера.

— Ансельмо, сегодня у меня очень плохо с двадцать третьим.

— Тонзиллит?

— Нет, панкреатит.

— С вашего разрешения, синьор барон, панкреатит у нас значит под номером одиннадцать.

— Что ты говоришь! Разве номер одиннадцать — это не цистит?

— Цистит — это номер двадцать четыре, синьор барон. Посмотрите сами.

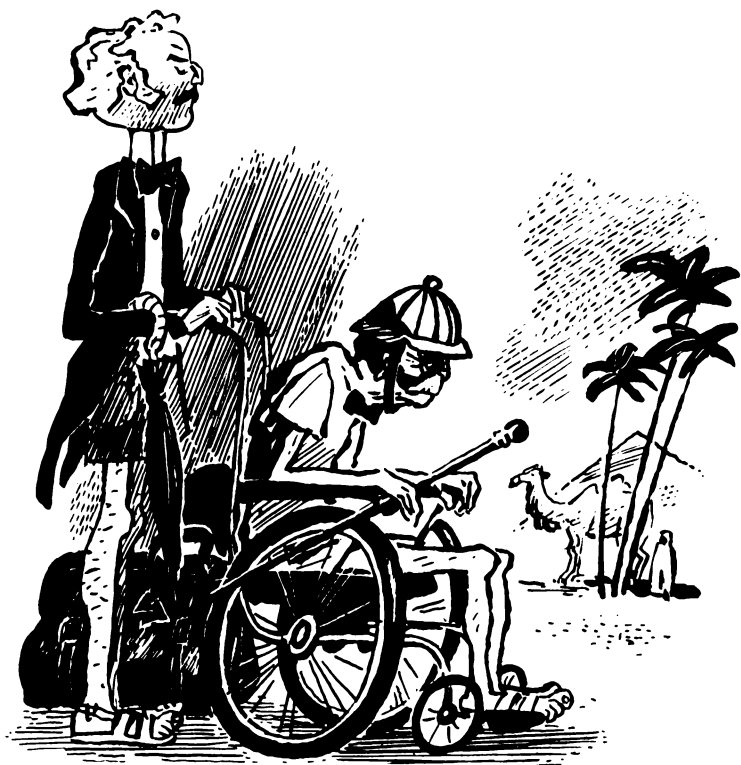
— Ладно, Ансельмо, ладно. Какая сегодня погода?

— Туман, синьор барон. Похолодало. В Альпах выпал снег.

— Пора собираться в Египет, не так ли?

У барона Ламберто есть вилла и в Египте, в двух шагах от пирамид. Есть вилла и в Калифорнии, и на Солнечном берегу в Каталонии, и на Изумрудном берегу в Сардинии. У него есть также хорошо отапливаемые особняки в Риме, Цюрихе и Копенгагене. Однако зимой он чаще всего уезжает в Египет — погреть на солнце свои старые кости, особенно конечности, в частности мизинец на правой ноге, который так важен, потому что является фабрикой красных и белых кровяных шариков.

Так что и в этот раз они едут в Египет. Однако остаются там недолго. Дело в том, что во время путешествия по Нилу они встречают одного арабского святого и некоторое время беседуют с ним. После этого барон Ламберто и мажордом Ансельмо первым же самолетом возвращаются в Италию и уединяются на вилле, что на острове Сан-Джулио, чтобы провести кое-какие эксперименты. Продолжит некоторое время, и на острове появляются новые обитатели. В мансарде под самой крышей виллы сидят

теперь шесть человек, которые день и ночь без устали повторяют имя барона:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Начинает синьорина Дельфина, продолжает синьор Армандо, подхватывает синьор Джакомини, за ним следует синьора Дзанци, далее один за другим синьор Бергамини и синьора Мерло и, наконец, снова наступает очередь синьорины Дельфины. Каждый работает ровно час, ночью — два часа.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Синьорине Дельфине все это кажется очень смешным. Ложась спать, она думает: «Что за дурацкая работа? Какой смысл в ней? Эти богачи просто сумасшедшие люди!»

Другие пятеро не смеются и не задают себе никаких вопросов. Им хорошо платят. Каждый получает, как президент республики, плюс питание, жилье и сколько угодно карамели на выбор. Карамель для того, чтобы...

пересыхало в горле. О чем, спрашивается, им еще думать?

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

И в воскресенье работают. И даже в рождество. И в новогоднюю ночь.

Они не знают, что во всех комнатах мансарды установлено множество крохотных невидимых микрофонов, которые связаны с маленькими динамиками, спрятанными в разных местах по всей вилле. Один лежит даже под подушкой в постели синьора барона, другой спрятан в рояле в музыкальной гостиной. Два других — в ванной комнате барона: в кране с горячей водой и в кране с холодной водой. В любую минуту, где бы он ни находился — в винном погребе или библиотеке, в столовой или туалете, — барон Ламберто может нажать кнопку и услышать:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

И мажордом Ансельмо тоже, по крайней мере, каждые полчаса проверяет, хорошо ли идет работа там, наверху под крышей, нет ли пауз и достаточно ли четко произносится имя барона: надо, чтобы каждый слог звучал громко и ясно, чтобы все шестеро честно зарабатывали свой хлеб и свою карамель.

Синьор барон вообще-то не очень доволен.

— Согласись, Ансельмо, — жалуется он, — заглавная буква ведь не слышна!

— К сожалению, синьор барон, нет никакого способа произносить прописную букву иначе, чем строчную. Есть такой недостаток у разговорного языка, ничего не поделаешь!

— Знаю, но это очень досадно. Заглавное «Л» моего имени звучит совершенно так же, как «л» в словах *лошадь*, *людоед*, *ляжка*. Это просто унижительно. Я не понимаю, как мог великий Наполеон мириться с тем, что «Н» в его императорском имени звучит так же, как в словах *навоз*, *немошь*, *неряха*!

— Намордник, надзиратель, национализация, — добавляет Ансельмо.

— Что это значит — национализация?

— Это когда собственность частных лиц передается во владение государства.

Барон размышляет.

— Они должны, по крайней мере, стараться хотя бы мысленным взором видеть мое имя с прописной буквой «Л».

— Это можно,— говорит Ансельмо.— Мы наклеим на стены их комнат плакаты с вашим именем, написанным крупными печатными буквами, чтобы они видели его, когда произносят.

— Неплохо придумано. Кроме того, надо сказать синьоре Дзанци, чтобы она не растягивала так сильно второй слог и не укорачивала третий, а то у нее получается какое-то бление — бе-е, бе-е, бе-е. Этого непременно следует избегать.

— Будет сделано, синьор барон. Если позволите, я в таком случае попрошу и синьора Бергамини не слишком разделять ваше имя на слоги. А то у него получается, как бы это вам сказать, словно на стадионе во время футбольного матча... Будто кричит болельщик: «Лам-бер-то! Лам-бер-то!...»

— Да уж позаботься, Ансельмо, позаботься. А у них есть какие-нибудь просьбы ко мне?

— Синьора Мерло хотела бы, чтобы вы разрешили ей вязать во время работы.

— Не возражаю, лишь бы только она не вздумала вслух считать петли.

— Синьор Джакомини хотел бы, чтобы вы разрешили ему ловить рыбу из окна комнаты на северной стороне дома, что прямо над водой.

— Но ведь в озере Орта нет никакой рыбы...

— Я тоже сказал ему об этом. Я объяснил, что это мертвое озеро. Он ответил, что для него важно ловить рыбу, а не вылавливать ее, так что мертвое это озеро или живое, для него, настоящего рыболова, не имеет никакого значения.

— Тогда пусть ловит.

Барон встает, опираясь на две палки с массивными золотыми набалдашниками, хромя (номер двадцать три — хромота) делает три шага к ближайшему дивану и тяжело опускается на него. Нажимает другую кнопку и слышит:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Это голос синьорины Дельфины.

— Да, синьор барон.

— Какое красивое произношение. Отчетливо слышна каждая буква имени, а ведь оно, как ты, Ансельмо, конечно, заметил, состоит из восьми различных букв.

— И мое тоже, если синьор барон позволит заметить.

— И твое. И Дельфины. Все имена красивые, если ни одна буква в них не повторяется. Иногда красивые и другие. Бедную маму, например, звали Оттавиа. В ее имени «а» повторено, а «т» удвоено. Поэтому оно тоже звучит очень красиво. И мне так жаль, что моя сестра захотела назвать своего единственного сына Оттавио. Это имя начинается и кончается одной и той же гласной. И эти два «о» создают впечатление, будто имя поставлено в скобки. Имя в скобках — разве это дело! Наверное, поэтому я так не люблю Оттавио. Не думаю, что оставлю его наследником всех моих богатств... К сожалению, других родственников у меня нет...

— Нет, синьор барон.

— Все умерли раньше меня, кроме Оттавио. И он ждет моих похорон, разумеется. Кстати, нет ли каких новостей о дорогом племяннике?

— Нет, синьор барон. Последний раз он просил одолжить двадцать пять миллионов, чтобы уплатить долг. Это было год назад.

— Да, помню. Он проиграл их в кегли. Все такой же легкомысленный, как всегда. Ладно, Ансельмо, приготовь мне настой ромашки.

У барона Ламберто самая большая в мире коллекция сушеной ромашки. У него есть ромашка с Альп и Апеннин, с Кавказа и Пиренеев, с Сьерры и Анд, даже со склонов Гималаев. Каждый вид ромашки хранится в отдельном шкафу, где на табличке указаны место, год и день сбора.

— Сегодня я бы посоветовал вам,— говорит Ансельмо,— ромашку из Римской Кампании, 1945 года.

— Решай сам, Ансельмо, решай сам.

Раз в году вилла открывает свои двери и ворота, и туристы могут осмотреть коллекции барона Ламберто — коллекцию сушеной ромашки, зонтиков и картин голландских художников XVII века... Посмотреть на них приезжают со всех концов света, и лодочники Орты, которые на своих весельных и моторных лодках перевозят посетителей на остров, в этот день просто обогащаются.

2

Идет смена синьорины Дзанци.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Она очень старается не выделять второй слог, чтобы не слышалось это бляение — «бе-е, бе-е, бе-е», за которое

ее упрекнули. Она тоже, как и синьора Мерло, чтобы не скучать, вяжет на спицах и чувствует себя совсем неплохо. Ей даже не приходится считать петли, руки делают это сами.

В другой комнате мансарды молодой Армандо слушает рассуждения синьорины Дельфины.

— Эта работа,— говорит она,— не по мне.

— А я нахожу ее очень легкой,— возражает Армандо.— Представьте, что было бы, если б нам надо было повторять слово «птерозавр».

— А что это значит?

— Доисторический летающий ящер. На прошлой неделе был в кроссворде.

— Но при чем тут птерозавр! Эта работа все равно была бы в высшей степени загадочной, даже если б нам пришлось без конца повторять слова «печка», или «картошка».

— Не вижу ничего загадочного. Барон платит, мы делаем то, что он приказывает. Просто и ясно. Он вкладывает капитал, мы трудимся. Осел останавливается там, где велит хозяин.

— А результат? Я десять лет работала на чулочной фабрике. Хозяин платил (мало, по правде говоря), я работала, и в результате люди имели чулки. А мы что производим?

— Синьорина, не усложняйте дело. Считайте, что вам платят за рекламирование мыла «Пик-Пук». Вам не надо производить это мыло, надо только говорить: «Пик-Пук», «Пик-Пук», «Пик-Пук». И люди бегут покупать это мыло, потому что, когда они моют лицо, им кажется, будто они слышат ваш нежный голосок и видят ваш хорошенький носик.

— Оставим комплименты. Мы не делаем рекламу барону Ламберто,— он ведь не продается. К тому же мы работаем втайне, словно речь идет о чем-то запретном.

— Наверное, это военная тайна.

— Ну что вы...

— Какой-нибудь атомный секрет...

— Да бросьте...

— Синьорина, я подсчитал, что каждый раз, когда я произношу слово «Ламберто», я зарабатываю пятьсот лир. Это, по-вашему, мало? Условия тут отличные. Кухня превосходная. Сегодня, например, синьор Ансельмо подал нам трюфели с рисом и утку по-пекински. Я двенадцать лет работал на заводе, где делают холодильники.

ки, но ел только хлеб с самой дешевой колбасой. Тут же я начинаю толстеть, а когда я попросил от имени всех нас, чтобы одну из комнат переоборудовали в спортивный зал, нашу просьбу выполнили в тот же день. И какой спортивный инвентарь как у миллионеров! Вы ведь тоже с удовольствием будете заниматься гимнастикой. Так в чем же дело, чем вы недовольны?

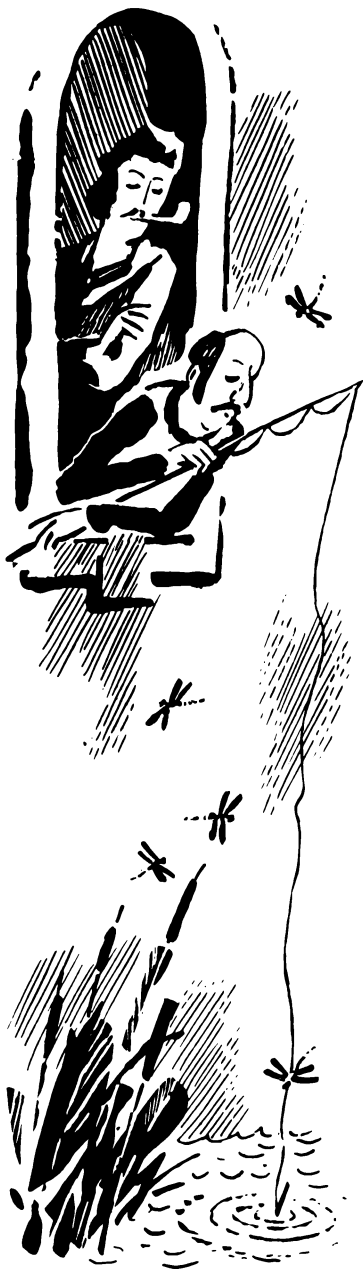
— Я довольна, но я люблю понимать смысл того, что я делаю.

— А когда поймете, что вы с ним, этим смыслом, станете делать? Кофе варить?

Теперь смена синьоры Мерло. В другой комнате спокойно отдыхают синьор Бергамини и синьор Джакомини, который, как обычно, ловит рыбу. Он забросил удочку из окна и ждет. Ловить рыбу умеют все — так, по крайней мере, считает он.

— Это как на Олимпиаде, — объясняет синьор Джакомини. — Важно участвовать, а не побеждать.

Синьор Бергамини стоит рядом и наблюдает. Просто волшебное совпадение оказались вместе настоящий рыболов и настоящий наблюдатель за рыболовом. Из тех, кто не выходит из себя, если рыболов ничего не ловит, а просто стоит, заложив руки в карманы, или курит трубку и спокойно проводит время, не отвлекаясь разговорами.

А если они и разговаривают, то вспоминают прежние рыбалки, в других местах, или обмениваются мнениями по разным поводам.

— Вы заметили,— говорит синьор Джакомини,— что синьор Ансельмо никогда не расстается со своим зонтиком?

— По-моему,— отвечает синьор Бергамини,— он держит его, даже когда принимает душ.

В самом деле, синьор Ансельмо всегда ходит с черным шелковым зонтиком — он висит у него на руке.

— Славный малый, однако.

— Ничего.

Когда наступает смена синьора Джакомини, он укрепляет свою удочку на окне и просит синьора Бергамини посматривать на поплавки. Синьор Бергамини — истинный наблюдатель за рыболовом. Он продолжает наблюдать, даже когда тот уходит.

А теперь давайте послушаем, о чем говорят синьоры Дзанци и Мерло, которые вяжут в гостиной. Синьора Мерло озабочена. У нее есть кузен, которого звать Умберто, и еще один, которого звать Альберто. Когда наступает ее смена, их имена все время приходят ей на память, и уже не раз у нее едва не срывалось с языка «Умберто» или «Альберто» вместо «Ламберто». Дальше все идет хорошо — второй и третий слоги одинаковы во всех трех именах — УМберто, АЛЬберто и ЛАМберто. Но первый всегда дается ей с трудом, всегда приходится с электронной скоростью бороться между мыслью и языком. Каждый раз надо выбирать правильный слог из трех — «Лам», «Ум», «Аль».

— До сих пор, к счастью, я еще ни разу не ошиблась.

— Это, конечно, нелегко,— соглашается синьора Мерло.— А у меня свои трудности. Мне приходят на ум разные другие слова, которые начинаются на «лам», например, «лама», «лампа», «лампсион», «лампада», «лампасы»... Первый слог идет легко, а вот на втором я уже спотыкаюсь. Все это, конечно, дело совести. Мне платят, чтобы я говорила «Ламберто», и если я стану говорить «лампасы», мне будет казаться, что я нечестно зарабатываю свои деньги.

А внизу, в кухне, мажордом Ансельмо тоже время от времени нажимает кнопку и слушает разговоры, которые ведутся в комнатах под крышей. Они развлекают его, пока он готовит рисовый пудинг или булочки с кремом. Он слушает не для того, чтобы шпионить, а просто из любо-

знательности. Он ведь очень образованный человек, этот синьор Ансельмо.

Синьор барон, напротив, никогда не стал бы подслушивать чей-либо разговор. Его бедная мама, когда он был маленьким, объяснила ему, что подслушивать — плохо. Он нажимает кнопку, только чтобы убедиться, что работа выполняется добросовестно.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Эти голоса рождают в нем ощущение уверенности, как если бы где-то рядом всегда стоял на страже часовой, готовый отогнать врагов. Он хорошо понимает, что они повторяют его имя только потому, что им за это платят. Но они делают это так старательно, а иногда и так красиво, что барон не может не подумать: «Видишь, как они тебя любят».

3

Однажды утром барон смотрит в зеркало и обнаруживает, что за ночь на голове у него вырос волос. Светлый, золотистый волос. Вот он колышется над лысым черепом, усыпанным коричневыми пятнами.

— Ансельмо! Скорей! Иди посмотри!

Ансельмо бежит со всех ног и впопыхах даже забывает свой зонтик, так что вынужден вернуться за ним с полдороги.

— Смотри — волос! Вот уже сорок пять лет, как на моей голове не было ничего подобного.

— Минутку, синьор барон.

Ансельмо уходит и тотчас возвращается с большой лупой, которая служит барону, когда он рассматривает коллекцию своих марок. Под лупой волос похож на позолоченное солнечными лучами дерево. Больше того...

— Если синьор барон позволит,— говорит Ансельмо,— то я замечу, что это не простой волос, а волнистый, даже, возможно, вьющийся.

— Когда я был ребенком,— взволнованно шепчет барон,— бедная мама называла меня «мой маленький локон».

Ансельмо молчит. С помощью лупы он внимательно обследует всю поверхность хозяйского черепа. Кожа туго обтягивает это талантливое произведение архитектуры, которое послужило первой натуральной моделью для Пантеона, для Микеланджело, создавшего купол святого Петра в Риме, а также для каски мотоциклиста.

— Или лупа меня обманывает, или я фантазер, или вот тут, где правая теменная кость стыкуется с костью, называемой этмоидальной, пробивается еще один волос. Да, вот он! Ага, прорван кожный покров, уже появляется кончик... Вот он тянется вверх... Медленно, но упорно поднимается...

— Ты мог бы стать неплохим радиорепортером,— замечает барон.

— Нет никакого сомнения — это светлый, золотистый волос. Прямо шелковый! Но... Подождите, подождите...

— Что случилось? Он испугался? Спрятался обратно под кожу?

— Ваши морщины, синьор барон!

Кожа на лице старого синьора покрыта густой паутиной морщин — и мелких, тоненьких, едва различимых, и глубоких, словно рвы, так что очень напоминает физиономию столетней черепахи.

— У меня такое впечатление,— продолжает Ансельмо,— что морщины разглаживаются. Помнится, около этого глаза я насчитывал их более трехсот, а теперь — я готов спорить на мой зонт — их гораздо меньше. Кожа разглаживается прямо на глазах. Из глубины ее поднимаются молодые клетки, полные жизни и силы, они заменяют старые, которые тихо и незаметно исчезают...

— Ансельмо,— прерывает его барон,— не превращайся в поэта. Лицо у меня такое же, как вчера. А два волоска погоды не делают.

На следующее утро, однако, и он вынужден признать, что морщины исчезают. И кожа на ощупь уже не производит того неприятного ощущения, какое бывает, когда коснешься наждачной бумаги. Волосы в разных местах на голове уже образуют волнистые пряди. Глаза, которые еще несколько недель назад были почти совсем скрыты под тяжелыми веками, теперь смотрят живо и молодо. Хорошо видна голубая радужная оболочка, которая окружает

зрачок, подобно тому как озеро Орта окружает остров Сан-Джулио.

— Я бы сказал,— заключает барон, анализируя свои ощущения,— что палочки и колбочки моей сетчатки пробудились после долгого сна, а глазной нерв, прежде пустая бесчувственная трубочка, теперь передает импульсы со сверхзвуковой скоростью. Мне кажется, еще рано трубить победу, но несомненно одно — уже много лет ни один врач и ни одно лекарство не давали мне такого прекрасного самочувствия. Ансельмо, по-моему, я совершенно здоров.

— Проверим,— предлагает мажордом, доставая из кармана свою записную книжечку.

— Давай.

— Номер один, астма.

— Последний приступ был несколько месяцев назад. Мы тогда только что вернулись из Египта.

— Номер два, атеросклероз.

— На той неделе мы отправили кровь на анализ в Милан...

— Вы правы, синьор барон. Ответ получен с утренней почтой. Кровь в норме. Сегодня ваш артрит соответствует возрасту сорокалетнего человека. Номер три, деформирующий артроз.

— Взгляни на мои руки, Ансельмо. Еще никогда эти пятьдесят костей не были так подвижны. Я уж не говорю о кистях — так и хочется проверить их гибкость.

Синьор барон легко встает и подходит к роялю. Его пальцы легко пробегают по клавишам, и вот уже по всей вилле громко разносятся аккорды «Вариаций Бетховена на тему вальса Диабелли». Сорок два года барон Ламберто не прикасался к роялю. Он прерывает игру, поднимает крышку инструмента и нажимает кнопку.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Барон подмигивает мажордому. В мансарде под крышей работа идет безостановочно.

Барон встает, делает два-три шага и вдруг радостно смеется.

— Смотри! — восклицает он. — Я забыл ухватиться за свои палки с золотыми набалдашниками и не падаю! Кости и мускулы опять с прежним усердием выполняют свои обязанности. И я бы даже охотно поплавал сейчас.

— Не будем преувеличивать, синьор барон. Зачеркнем номер двадцать три, хромота, и продолжим контроль.

— Ну давай.

— Номер четыре, бронхит хронический.

— Последний раз я кашлял во время карнавала, потому что поперхнулся.

— Номер двадцать четыре, цистит.

— Цистит, должно быть, отправился на каникулы, дорогой Ансельмо, потому что я не чувствую никаких неприятностей.

Контроль длится несколько дней. Барон Ламберто и его верный мажордом скрупулезно проверяют все составные части организма, ничего не пропуская:

скелет,

мускулатуру (только на это понадобилось два дня, потому что мускулов более шестисот и проверить надо каждый),

нервную систему (такую сложную, что просто действует на нервы),

пищеварительный тракт (теперь барон способен переварить и скорлупу улитки),

кровеносную систему,

лимфатическую систему,

эндокринные железы,

гениталии.

Все в порядке — от нервных окончаний в коже, которые передают в мозг сведения о том, насколько горяча или холодна вода в ванне, до каждого из тридцати трех позвонков, как подвижных, так и неподвижных.

Все части тела, все компоненты этих частей, все элементы этих компонентов исследуются тщательно и придирчиво, чтобы в них не затаилась какая-нибудь болезнь, какое-нибудь повреждение и не скрылась попытка саботажа. Оба исследователя, словно отважные путешественники, пробираются по лабиринтам вен и артерий, заглядывая в желудочки сердца и в предсердия, смешиваясь с толпой эритроцитов и лейкоцитов.

— Синьор барон, ретикулоцитов становится так много, что просто не нарадуешься!

— А что это такое — ретикулоциты?

— Самые молодые красные кровяные шарики.

— В таком случае, вперед, к молодости!

Барон и мажордом проникают в кортиев орган и попадают в уши, высаживаются на островах селезенки, около поджелудочной железы, забираются на Адамово яблоко, блуждают в мальпигиевых клубках, приютившихся в почках, с помощью кислорода и углекислого газа входят в легкие и выходят из них, по мосту Варолио под-

нимаются в мозг, дуют в евстахиеву трубу, играют на органах Гольджи, натягивают сухожилия, отражают рефлексy, упаковывают фагоциты, щекочут ворсинки кишечника и закручивают двойную спираль ДНК. Время от времени они теряют друг друга из виду.

— Синьор барон, где вы там прячетесь?

— Открываю выход из желудка в кишечник. А ты где?

— Тут рядом. Собираю желудочный сок. Сейчас встретимся в двенадцатиперстной кишке.

Ансельмо ведет бортовой журнал путешествия. Во многих случаях, однако, контроль не так уж необходим. Достаточно помощи зеркала. Любой человек, увидев сейчас барона Ламберто, дал бы ему самое большее лет сорок. И отметил бы, что он здоров во всех отношениях.

Несколько недель назад он был дряхлым старцем, державшимся только на лекарствах и на своих знаменитых палках с золотыми набалдашниками, а теперь это полный здоровья, стройный, высокий молодой блондин, прекрасный спортсмен. У него уже давно стало привычкой каждое утро плавать вокруг острова, чтобы держаться в форме. Он безо всякого труда исполняет на рояле самые сложные произведения. Много занимается гимнастикой. Сам колет дрова для камина. Охотно садится за весла и легко управляет парусом, не путая кливер с бизанью. Бесстрашно прыгает с трамплина, а если надо, то и с дерева. Между тем все двадцать четыре его банка аккуратно каждую неделю присылают ему отчеты о доходах. А в мансарде под самой крышей шестеро ничего не ведающих тружеников по-прежнему день и ночь без конца произносят его имя, не зная зачем (только Дельфина все еще задается этим вопросом):

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Старый египтянин был прав,— с удовлетворением говорит барон.— Как он сказал? «Имя должны произносить...». «Имя живет...» Что-то в этом духе, по-моему.

— Я записал его мысль дословно,— говорит Ансельмо, листая свою записную книжечку.— Вот она: «Человек, чье имя произносят, продолжает жить».

— Прекрасно,— соглашается барон.— «Человек, имя которого произносят...» Прекрасно и, судя по результатам, верно. Ах, как мудры эти древние обитатели пустыни!

— Если я правильно понял,— уточняет Ансельмо,— речь идет об одном из секретов фараонов.

Барон задумывается.

— Однако все они умерли. Как же так? Если они знали этот секрет...

— Очевидно, они не верили в него. Думали, должно быть, что это просто старинная поговорка, а не рецепт от всех болезней.

— Возможно,—соглашается барон.—Но какой странный был, однако, этот святой. Я принял его за нищего.

— Да, выглядел он именно так. И хижина, в которой он жил, походила на курятник. Куры чуть ли не на голове у него сидели.

— Наверное, чтобы клевать вшей,—смеется барон. Он опирается руками на рояль и ловко перепрыгивает через него, восклицая: — Оп-ля! Если когда-нибудь я появлюсь на свет заново, то стану выступать в конном цирке.

— Ну что вы, синьор барон! Вы ведь теперь не умерете!

— Да, я об этом не подумал.

Барон нажимает кнопку.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Каждое утро у него появляется новый зуб, старая искусственная челюсть давно уже выброшена в мусорный бак. Теперь он может запросто грызть орехи своими собственными крепкими, молодыми зубами.

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

«Человек, имя которого произносят, продолжает жить...»

4

Если подняться на крышу собора святого Петра в Риме, знаменитого своим куполом, и если знать, в какую сторону смотреть, то можно увидеть красивое здание, окруженное большой террасой. Там сидит под тентом молодой человек лет тридцати пяти и грустно о чем-то размышляет. Это Оттавио, племянник барона Ламберто. Он проиграл в кегли последние остатки состояния, доставшегося ему от бедной мамы. Сегодня хозяин гостиницы пришлет ему счет за газированную воду, которую он выпивает в невероятных количествах и которой щедро угощает друзей. Как он оплатит этот счет?

«Я погиб,—думает Оттавио.—Вся моя надежда — это дядя Ламберто. Может быть, он решит умереть и

оставит мне в наследство свое состояние. Или хотя бы парочку банков... Сейчас ему, наверное, уже лет сто. Хорошо бы показаться ему. Напомнить, что я единственный сын его единственной сестры. Что делать? Ехать или не ехать? Пусть решит эта моя последняя монета в сто лир. Орел или решка? Орел. Еду!»

Пять часов езды на машине, пять минут пути на лодке, пять минут пешком по узким улочкам острова Сан-Джулио, и вот уже Оттавио звонит у подъезда виллы барона.

Ему открывает молодой человек атлетического сложения.

— Добрый день, вам кого? — спрашивает он, улыбаясь.

— Мне нужен барон Ламберто.

Молодой атлет с поклоном удаляется, но тут же возвращается с прежней улыбкой:

— Скажите, пожалуйста, кого вы хотите видеть?

— Да что это, вы смеетесь надо мной? Я же сказал — барона Ламберто. Где он?

— Но он же здесь, перед тобой! Оттавио, племянник мой, единственный сын моей единственной сестры, ты не узнаешь своего любимого дядюшку?

От удивления Оттавио теряет сознание и падает как подкошенный. Придя в себя, он встает и пытается извиниться:

— Слишком велика была моя радость, дядюшка, видеть тебя таким цветущим. Сердцу не прикажешь! Ах, но я действительно очень рад! Как это тебе удалось? Ты нашел какое-нибудь новое лекарство?

— Новое и в то же время древнее,— соглашается барон.

— Нашел секрет,— добавляет мажордом Ансельмо, появившийся в дверях. Он подмигивает хозяину, как бы вежливо напоминая ему об осторожности.

— Китайский секрет? — допытывается Оттавио.

— Холодно, холодно,— говорит Ансельмо.

— Индийский?

— Холодно, холодно.

— Персидский?

— Холодно, синьор Оттавио, холодно.

— Ну ладно,— говорит барон,— я вижу, ты рад. А теперь извини, я отлучусь на минутку. Ансельмо, предложи ему что-нибудь — апельсиновый сок, настой ромашки, что захочет.

— Газированной воды, пожалуйста.

Когда Ансельмо приносит газированную воду, возвращается и барон. Он в костюме для подводного плавания.

— Не хочешь ли прогуляться со мной по подводному царству?

— Спасибо, дядя. От маски у меня болят зубы.

— Тогда располагайся. Ансельмо покажет тебе твою комнату. Увидимся за ужином.

И барон Ламберто убегает, подпрыгивая, как мальчишка. Его белокурые локоны празднично развеваются на ветру.

— Он в прекрасной форме,— говорит Оттавио. Никто не поверит, что ему девяносто три года.

— Завтра в семнадцать двадцать пять ему исполнится девяносто четыре,— уточняет Ансельмо.

«Ситуация трагическая,— думает Оттавио, растянувшись на постели в своей комнате и пересчитывая балки на потолке,— я надеялся увидеть умирающего старика, а передо мной олимпийский чемпион со стальными муску-

лами, крепкими зубами и своими собственными волосами. Наследство отодвигается. Кто же заплатит очередной взнос за мою внесерийную машину? И на какие деньги я буду играть в кегли? Надо что-то предпринимать».

Первое, что он предпринимает после ужина,— крадет на кухне резак, с помощью которого Ансельмо готовит фазана под коньяком, и прячет его у себя под подушкой. Затем он ложится спать, но ставит будильник на двенадцать часов ночи. Будильник — музыкальный. Он не звонит, а исполняет «Гимн Гарибальди»: «Разверзнутся могилы и восстанут мертвые из них...» Дослушав гимн, Оттавио тихо встает и босиком осторожно подходит к спальне дяди Ламберто. Он слышит, как тот громко храпит. Час пробил. Оттавио прокрадывается в комнату, подходит к постели, освещенной ярким лунным светом, льющимся в окно, и серебряным резакom перерезает дядюшке горло. Затем возвращается к себе, ложится в постель и не заводит будильник.

Утром, едва открыв глаза, он слышит, как кто-то громко поет:

«О, как я счастлив этим утром, как я счастлив! Пора пришла поставить парус!»

О небо! Это дядя Ламберто, еще более молодой, чем вчера, в костюме моряка! На шее не видно даже царапины.

— Вставай, Оттавио! Пойдем со мной на яхте!

Оттавио отказывается под предлогом, что на воде у него начинается морская

болезнь, а сам лихорадочно соображает: «Эти современные резакИ не способны разрубить даже бульонный кубик! Попробую чем-нибудь другим, понадежнее».

В эту ночь он намерен убить дядю автоматическим ружьем, взятым в оружейном зале. Он заводит будильник, спит часа два, чтобы к решающему моменту быть спокойным и отдохнувшим, затем, даже не дослушав «Гимн Гарибальди» до конца, опять осторожно пробирается в комнату дяди Ламберто, который храпит, ничего не подозревая, приставляет дуло ружья к тому месту груди, где находится сердце, нажимает на курок и делает семь выстрелов. Вернувшись к себе, он потирает руки: «Ну, на этот раз все в порядке!»

И кто же будит его утром? Опять дядя Ламберто! Бодрый и веселый, он снова поет:

«О, как я счастлив этим утром, как я счастлив! И потому я поплыву сейчас легко!»

Он в купальном костюме. На груди у него нет следа даже от комариного укуса.

— А ну-ка, Оттавио, давай вольным стилем? Два круга по озеру? Даю тебе полкруга форы.

Оттавио отказывается под предлогом, что от озерной воды у него начинается крапивная лихорадка. И остается дома — размышлять. Размышляя, он бродит по комнатам. Шарит в шкафах, роется в комодах, заглядывает под ковры, разыскивая тайное лекарство дяди Ламберто. Наконец заходит в музыкальную гостиную и тут слышит чудесный, нежный голос, который доносится из-под крышки рояля:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Он не верит в призраки и в говорящие рояли, поэтому внимательно обследует инструмент и в конце концов находит скрытый динамик, из которого звучит этот нежный голос, без устали повторяющий:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Оказывается, барон, нажав кнопку, чтобы убедиться, что под крышей работают усердно и в полном соответствии с контрактом, забыл выключить динамик, который и продолжает звучать:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

«Очень интересно, — думает молодой исследователь, — хотя и несколько монотонно. Посмотрим, куда же тянется эта ниточка».

Он продолжает поиски, и ниточка приводит его в конце концов в комнату под самой крышей, где сидит хоро-

шенькая рыжеволосая синьорина с зелеными глазами. Она разглядывает картинки в журнале и чистым, звонким голосом непрерывно повторяет:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Синьорина, а ведь меня зовут Оттавио,— обращается к ней племянник барона.

— Очень остроумно,— отвечает ему молодой Армандо, появляясь в дверях.— Уйдите и не мешайте работать. Моя смена, Дельфина.

Дельфина встает, слегка потягивается, Армандо садится на ее место и продолжает:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Оттавио заинтригован и хотел бы узнать еще кое-что.

— Синьорина,— он следует за девушкой в другую комнату,— почему вас зовут Дельфина?

— Мой отец был великим королем. Королем Франции. Это был очень благородный человек. Он носил парик, сделанный из золотых нитей. Во Франции первенца короля всегда называют Дельфином.

— Почему?

— Потому что король Франции — он же король дельфинов. И когда акушерки увидели, что родилась девочка, а не мальчик, они испугались: «А вдруг король очень рассердится!» Но мой отец все равно очень обрадовался и решил назвать меня Дельфиной. И хорошо сделал. Потому что я, чтобы оправдать это имя, научилась хорошо плавать и нырять.

— Не верю ни одному слову из того, что вы говорите, хотя это и очень красиво.

— И правильно делаете, что не верите. Конечно же, я не дочь короля. Мой отец простой рыбак. Однажды ночью он вышел в Индийский океан ловить рыбу. Когда он ушел уже очень далеко от берега, то заметил, что его настойчиво преследует дельфин. У отца был большой кусок хлеба — запас на несколько дней. Он разломил его пополам и угостил дельфина. Но, оказывается, дельфин этот был вовсе не дельфин, а английский король, превратившийся в дельфина по злой воле какой-то колдуньи. Он был обречен плавать по морям и океанам до тех пор, пока какой-нибудь рыбак не разделит с ним свой последний кусок хлеба. Дельфин съел хлеб, превратился в английского короля, забрался в лодку к моему отцу, вернулся с ним на берег, пошел на станцию, сел в поезд и поехал убивать злую колдунью.

— А как он поблагодарил вашего отца?

— Он подарил ему приятные воспоминания. Когда я родилась, отец в честь этого английского короля и назвал меня Дельфиной.

— Тоже красивая сказка. А теперь, однако, я хотел бы, чтобы вы сказали мне правду. Почему вы сидите тут и без конца повторяете имя моего дяди Ламберто?

— Мы не знаем, зачем это надо.

— А может быть, вы оба просто сошли с ума?

— В таком случае мы все шестеро сошли с ума. Это наша работа. Нам за это платят. Плюс питание, жилье и сколько угодно карамели на выбор.

— Странная работа!

— Бывает еще более странная. Я знала, например, одного человека, который всю жизнь только и делал, что считал чужие деньги.

— Наверное, это был кассир в банке. И давно вы так работаете?

— Вот уже восемь или девять месяцев.

— Понимаю.

— В таком случае вы просто молодец, потому что я, напротив, ничего не понимаю. Я согласилась на эту работу из-за того, что здесь хорошо платят, лучше, чем в других местах. Но, по правде говоря, мне это очень надоело. Мне кажется даже, что я заблеваю. И у моих сменщиков тоже появились разные недомогания, колики то там, то тут, тошнота по утрам, головокружение...

— Наверное, потому, что вы все время сидите в помещении.

— Может быть. До свидания.

— Как до свидания! Куда вы?

— Спать. Я сегодня встала очень рано — так начиналась моя смена.

Оттавио пытается задержать девушку, побольше расспросить ее, но она уходит. На обратном пути Оттавио видит, что молодой Армандо рисует в тетради квадратики. Нет, не рисует, раскрашивает. И не раскрашивает, а замазывает черным один квадратик за другим. И в то же время хорошо поставленным голосом беспрестанно повторяет:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

«Вот тут-то,— думает Оттавио,— как сказали бы наши мудрые предки, и зарыта собака. Тут должен быть, если не ошибаюсь, секрет дяди Ламберто».

Спускаясь по лестнице, он встречает мажордома Ансельмо.

— Где вы были, синьор Оттавио?

— На крыше, любовался панорамой.

Мажордом ничего не говорит ему, но про себя решает, что впредь надо будет последить за молодым бароном.

— Нет ли у вас лодки? Мне надо съездить в Орту.

— В бухте стоят три весельные лодки, три парусные и моторка.

— Я возьму моторку,— говорит Оттавио.— Ведь если мотор бездействует, он ржавеет.

— Золотые слова,— соглашается Ансельмо.

Оттавио пересекает рукав озера, отделяющий остров Сан-Джулио от городка Орта. Он находит врача и говорит ему, что совсем потерял сон, никак не может уснуть.

— А овец пробовали считать?

— Я насчитываю их каждый вечер целый миллион и не засыпаю.

— А «Пьемонт» Джозуэ Кардуччи¹ пробовали читать?

— Без всякого результата. Стараясь вспомнить эти стихи, я только чаще зеваю.

— Попробуйте поучить наизусть «Обрученных» Мандзони.

¹ Выдающийся итальянский поэт и общественный деятель, лауреат Нобелевской премии.

— А не проще ли принять снотворное?

— Прекрасная идея! — воскликнул врач. — Как я об этом не подумал. Сейчас выпишу вам рецепт. Как вас зовут?

— Франческо Петрарка.

— Как странно! Был ведь, кажется, поэт с таким именем.

— Это мой дедушка. Бедный дедушка Франческино.

На всякий случай Оттавио скрывает свое имя. Его план — подсыпать снотворное в ужин всем шестерым, что сидят в мансарде под крышей. Ибо тот, кто спит, рыбу не ловит и уж тем более не может без конца повторять: «Ламберто, Ламберто, Ламберто...»

Оттавио рассуждает так: «Заставим их замолчать и посмотрим, что из этого выйдет. Если все обстоит так, как мне кажется, и я угадал, то у дяди Ламберто по меньшей мере начнется воспаление легких. А потом... Потом все пойдет само собой». И он продолжает свои размышления, этот молодой мыслитель: «Если б не Дельфина, я бы отравил их всех и сослался бы на плохую пищу. Но эта девушка мне нравится. Она слишком хороша, чтобы умирать такой молодой. Я даже готов жениться на ней. Но пока отложим мечты о свадьбе, попробуем сначала обеспечить себя наследством».

Так в его голове один план соединяется с другим. Со снотворным в кармане Оттавио возвращается на берег, садится в моторную лодку и не спеша направляется к острову. Он едет медленно и вскоре его обгоняет лодка, полная голландских туристов, которые спешат на остров посмотреть знаменитую базилику святого Джулио. Их везет лодочник Дуилио, которого все, желая показать свое знание античной мифологии, зовут Хароном. Туристы, смеясь, что-то кричат Оттавио по-голландски. Он ничего не понимает. Они плывут дальше, но затем их лодка, едва причалив к острову, тут же, словно обжегшись, спешит обратно. Харон гребет, как никогда, быстро. Поравнявшись с Оттавио, он что-то кричит ему.

— Что вы сказали?

— На остров не высаживаться. Там вооруженные бандиты.

— Какие бандиты?

— Плывите, если хотите познакомиться с ними. Только не говорите, что я вас предупредил.

По пути к острову Оттавио встречает еще небольшую флотилию. В первой лодке сидят шесть монахинь, шесть

бедных юных монахинь. Во второй, третьей и четвертой несколько солидных синьоров со своими семьями. В пятой — какой-то пожилой господин, одинокий, как собака. И все это люди, которые обычно подолгу живут на острове, — монахини круглый год, другие все летнее время.

Что случилось?

— Возвращайтесь! Бандиты не позволят вам высадиться! Нас, как видите, они выгнали!

Среди беженцев нет дяди Ламберто, нет Ансельмо, нет никого из тех шестерых...

«Я все-таки взгляну, что там происходит»,

решает Оттавио и направляет свою лодку в бухту. У берега его встречает человек в маске и с автоматом.

Добро пожаловать, синьор, говорит он. Вас-то мы и ждем. Причалите лодку. Спасибо. С сегодняшнего дня рогаты отменяются.

А в чем дело? интересуется Оттавио. Началась война?

— Остров оккупирован, синьор. Но вы можете высадиться, потому что вы член семьи. Другие инструкции получите позднее.

Оттавио повинуется. Можно ли спорить с автоматом?

5

Издали остров Сан-Джулио похож на модель, сделанную чьими-то искусными руками или собранную из детского конструктора. Метр за метром, век за веком, поколение за поколением люди, жившие тут, старались придать ему своеобразный, неповторимый облик. Если говорить о природе, о зелени, то от нее тут почти ничего не осталось, разве что небольшие сады кое-где возле вилл. Нет тут ни диких скал, ни утесов. Видны лишь камни, кирпичи, витражи, колонны, крыши. Все это сомкнуто крепко, плотно, как детали в игрушечной головоломке.

В вечернем сумраке контрасты красок исчезают, контуры строений размываются, и остров становится похож на монумент из черного монолита, который сторожит мрачную воду. Кое-где из невидимых окон падает луч света, и кажется, будто это веревка, брошенная, чтобы придержать остров у берега озера.

А там, на берегу, в Орте, люди наблюдают за этими огоньками.

— Это светятся окна виллы барона Ламберто.

— Конечно, ведь только он там и остался.

Известие о том, что остров захвачен вооруженными бандитами, сразу же собрало на берегу множество людей. Тут и жители самой Орты, вышедшие на древние улочки городка из своих пышных особняков и утопающих в садах вилл, и жители горных местечек, спустившиеся вниз, и туристы, бросившие свой ужин на столиках в гостинице. Тут нет только беженцев с острова. Они предпочитают забраться в постели, чтобы прийти в себя от испуга.

В центре всеобщего внимания голландские туристы и лодочник Дуилио, которые первыми забили тревогу. Но голландские туристы говорят по-своему, и их никто не понимает, так что отвечать на вопросы приходится Харону.

— Какие они? Как выглядят?

— Кто?

— Да эти бандиты.

— Они в масках.

— В черных?

— В черных, синих... Кто их разберет? Я больше смотрел на оружие.

— У них ружья или автоматы?

— И ружья, и атоматы, и револьверы. И еще я видел, как двое устанавливали небольшую пушку.

— А откуда ты знаешь, что это была пушка?

— Что я, не отличу пушку от горшка, в котором варят поленту? ¹

— А от бутылки красного отличишь?

Дуилио отворачивается от этого бесстыжего и отвечает двум более любезным синьорам, которые спрашивают его:

— А много их там?

— Много.

— Ну сколько приблизительно?

— Больше двадцати и меньше тридцати.

— Они говорили по-итальянски?

— Конечно. Иначе как бы я понял, что нельзя высаживаться на остров и надо грести обратно. По-итальянски говорили, разумеется.

— А хорошо?

— Я не учитель, чтобы ставить оценки.

— Молодец, Харон! Оценки бандитам! Двойка или пятерка?

— Но теперь даже учителя не ставят оценки в школе.

— Какой-то акцент у них, наверное, все же был. Не знаю только какой — миланский, сицилийский, английский, немецкий...

— Бандитский, — подсказывает какой-то остряк.

Дуилио уже двадцать раз повторил, как все было. Все, кто слышал его, в свою очередь тоже раз двадцать повторили его рассказ тем, кто не слышал. Ведь все время подходят новые люди, которые тоже хотят все узнать из первых рук, чтобы потом в свою очередь рассказать тем, кто еще ничего не знает.

Голландцы продолжают что-то громко обсуждать на своем языке и вокруг них тоже толпятся любопытные. Вдруг кто-то спрашивает толстого голландца, которого другие называют профессором:

— Do you speak English? ²

¹ Кукурузная каша.

² Вы говорите по-английски? (Англ.)

Профессор расплывается в счастливой улыбке и переходит на английский. Но тот, кто спросил, пугается и убеждает. Другие голландцы пытаются заговорить с окружающими по-немецки или по-французски, и в толпе находятся люди, которые работали во Франции или в Германии и понимают эти языки. Так что контакт устанавливается, и туристы на седьмом небе от счастья.

— Один из них отдавал приказания шепотом,— рассказывает Дуилио. И все вокруг тут же повторяют эти слова тем, кому не было слышно: «Кто-то отдавал приказания шепотом».

Эта деталь всем кажется очень важной. Может быть, это был главарь? А может, и нет. Есть о чем поспорить.

Какая-то синьора вдруг круто меняет тему разговора:

— Хотела бы я знать, зачем они заняли остров Сан-Джулио?

Поначалу слышны только неопределенные возгласы:

— Н-да...

— Чего захотела!

— Пойди угадай!

— Хорошо бы, конечно...

Затем начинаются догадки:

— По мне, так это все реклама.

— А чего?

— Откуда я знаю! Зубного порошка или пасхального кулича...

— При чем здесь кулич! Сейчас лето.

— При том, что телевидение рекламирует мороженое и зимой.

— Реклама — душа торговли!

— Может, теперь и острова продаются?

— Не иначе как наш мэр что-нибудь затеял!

— Я тут ни при чем! — возмущается мэр, услышав это.— Подобные клоунады меня не касаются.

— Так это, по-вашему, клоунада? Где вы видели клоунов с пушками?

— Не надо преувеличивать! Пушки...

— Харон видел!

— Харон сказал — маленькая пушка.

— Значит, это реклама бисквитных пушек с кремом.

— Я считаю,— заявляет высокая элегантная синьора, которую все слушают с большим интересом, потому что у нее необыкновенно красивые глаза,— что это просто какой-нибудь фокус барона Ламберто, чтобы ограничить посещение острова туристами.

— А что? Очень может быть, что ему мешает стук деревянных башмаков.

— Может быть, его беспокоит запах голландского сыра?

Все смеются.

— Извините, синьора, барону Ламберто девяносто четыре года, и у него бог весть сколько болезней. Он такой тугоухий, что не услышит и пушечной канонады. И потом, если уж быть справедливым, он никогда не устраивал никаких фокусов.

— Какой молодец!

— И его мажордом — тот, что с зонтиком, — тоже!

— Два молодца! Только уж чересчур он любит все засекречивать. Все эти невидимые слуги, которых они привезли...

— Да, их по крайней мере шесть человек, и никто ни разу не видел, чтобы их отпускали с виллы.

— Говорят, они все время сидят в мансарде под крышей.

— Смотрите, там и сейчас горит свет.

Все поворачиваются и смотрят в сторону острова.

— Если говорить о бандитах, — замечает какой-то миланец, остановившийся в лучшей гостинице города, то я слышал недавно разговор о какой-то группе абстрактных художников из Оменьи, Вербании и Домодоссолы, которые выступили с заявлением протеста против цветных открыток, требуя их уничтожения и угрожая перейти к действиям.

— То есть? Возьмут приступом киоски, где они продаются, что ли?

— Устроят на площади костер и станут сжигать открытки?

— Синьор хочет сказать, что они могли занять остров, чтобы шантажировать всю страну: или будут уничтожены все цветные открытки на полуострове и на всех близлежащих островах или...

— Ну и чем же они могут угрожать?

— Взорвать Сан-Джулио.

— Бум!

— Все это вранье. Я знал многих абстрактных художников. Все они были прекрасными отцами семейства. А один даже был дедушкой.

— А я знал одного абстрактного художника, который был матерью семейства и в то же время тетушкой, потому что у него была замужняя сестра с двумя детьми.

— Я не настаиваю,— бормочет миланец.— Я только говорю то, что слышал.

— Где?

— В поезде.

— Оно и видно! В поездах люди только и делают, что болтают всякую чепуху. Ведь никто не может проверить, правду говоришь или врешь. Я однажды ехал с одним типом, который уверял, что его похищали марсиане.

— Кстати, не исключено, что это НЛО — неопознанный летающий объект.

— То есть?

— Летающие тарелки. Космические. Они приземляются где угодно. Может быть, они опустились и на остров Сан-Джулио?

— В таком случае Харон должен был бы видеть маленьких зеленых человечков с рогами.

Кто-то из подошедших позднее слышит только обрывок фразы и передает своему соседу:

— Говорят, на острове сидят какие-то зеленые человечки с рогами.

— Тогда тут опасно оставаться.

— Я тоже так думаю. Пойдем лучше пить пиво.

Но тут что-то останавливает их. Какое-то волнение пронесется по толпе. Оказывается, от острова отделилась светящаяся точка и движется по направлению к Орте.

— Кто-то едет сюда!

— Марсианин?

Те, у кого есть бинокли, стараются хоть что-то увидеть в темноте, чтобы первыми сообщить, кто же это пересекает невидимую границу между тайной и материком.

— Он слишком глубоко опускает весла.

— Ему, очевидно, дьявольски трудно.

— На руке у него зонтик.

— Так это синьор Ансельмо!

— Что я вам говорил? Все это фокусы барона! Теперь он шлет сюда своего мажордома и будет диктовать условия.

Какой-то грубоватый парень как бы устремляется навстречу гребцу и шутливо подсказывает ему ритм:

— Раз-два! Раз-два!

— Да ты что! — восклицает какой-то специалист по олимпийским регатам.— Разве не видишь — это же «одиночка»! Рулевого на одиночке не бывает.

Синьор Ансельмо, а это именно он — кроме зонтика у него есть и другой опознавательный знак — совершен-

но седая голова, — тяжело дыша, причаливает к пристани.

— Где... Где... мэр?

— Что я вам говорил? Это все мэр виноват!

— Я здесь! Кто меня звал?

Синьор Ансельмо откашливается и поправляет зонтик на руке. Наступает торжественный момент. Все шикают друг на друга, чтобы прекратились разговоры, но тише от этого не становится.

— Синьор мэр, — говорит Ансельмо, — мне поручено передать вам следующее послание: «Первое. Остров Сан-Джулио захвачен вооруженной бандой двадцати четырех „Л“».

— Как вы сказали — «М»?

— Нет, он сказал «Н».

— «Л», как первая буква имени Ламберто, — уточняет Ансельмо. — Можно продолжать?

— Прошу вас, — говорит мэр Орты. — А вы все (к толпе) не перебивайте больше, черт возьми!

— «Второе. Мэру Орты поручено созвать в течение суток генеральных директоров двадцати четырех банков, принадлежащих барону Ламберто». Вот их телефоны, синьор мэр...

— А кто оплатит все эти междугородные и международные звонки? Смотрите... Цюрих, Гонконг, Сингапур... Да я разорюсь!

— «Третье, — продолжает Ансельмо, вытирая платком лоб. — Лодочнику Дуилио поручено каждый день в восемь утра привозить на остров продукты». Где Дуилио?

— Я тут!

— Вот тебе перечень всего необходимого. А в конверте деньги на расходы. Сдачу не надо.

— А если меня тут нет?

— «Четвертое, — продолжает Ансельмо, не отвечая на вопрос. — Если эти распоряжения не будут выполнены, город Орта будет подвергнут обстрелу с острова».

Никто не нарушает наступившую тишину. Дело принимает серьезный оборот.

— «Пятое. Запрещается подходить к острову на лодках или вплавь, под водой или по воздуху. Подпись — «Двадцать четыре „Л“».

Ансельмо закончил. Он как бы откланивается, торопливо бормочет: «До свидания», разворачивает лодку и направляется обратно к острову. Слышны удары весел по воде. Слишком глубоко он их погружает, как уже заметил кто-то.

Теперь, однако, ни у кого нет желания обсуждать событие. Слышны только перешептывания, смущенное покашливание. Мэр бежит в мэрию и хватается за телефон. Он звонит президенту, потом министру внутренних дел и своей жене, которая отдыхает на море в Виа-реджо. Затем, вздохнув, заказывает разговоры по телефонам, список которых ему передал Ансельмо.

Любопытным, которые продолжают наблюдать за островом, теперь кажется, что он стал меньше и темнее. Свет, видневшийся кое-где, погас, и кажется, будто остров, готовясь к *долгой осаде*, порвал все контакты с материком.

— Пойдем-ка спать,— говорит кто-то.

— Да, уж пора.

6

Бандиты пробрались на остров разными путями — небольшими группами, переодетые. Одни взяли лодку напрокат в Паттенаско. Другие, в спортивной форме, притворились, будто приехали из Домодоссолы на прогулку. Третьи еще до зари захватили в Оменье парусную лодку, принадлежащую главному врачу больницы. А в Пелле кто-то видел двух веселых и симпатичных монахов, которые отправились на остров на моторке и, уплатив хозяину лодки, благословили его. Тот еще пошутил с ними:

— А вот святой Джулио обошелся в свое время без моторки. Он расстелил на воде свой плащ, встал на него и переплыл озеро без паруса и без мотора.

— Мы не настолько святые,— ответили монахи.— И потом, как видишь, без плащей — не сезон.

На острове бандиты сначала собрались в старинной церкви, а потом поставили вооруженных автоматами постовых на берегу, на колокольне, и трое из них направились к вилле барона Ламберто.

Они постучали в дверь, и Ансельмо открыл им.

— У вас, что там дождь идет? — спрашивают его.

— Нет, а что?

— Мы видим, ты с зонтом...

— Я очень люблю его. Это память о моем бедном папе, который был родом из Джиньезе и всю жизнь делал зонтики.

— Умница, чтить отца и мать. А теперь запри дверь, давай сюда ключ и зови барона.

— Как доложить о вас?

— Как хочешь вот это пистолет, а это автомат. Ну, живо!

Ансельмо повиновался и поспешил к хозяину, который тренировался с грушей. Тот обрадовался ему:

Посмотри, Ансельмо, ты только посмотри, какой удар! Прямой штосс! А теперь я тебе покажу двойной... И полюбуйся, как я уклоняюсь от удара. Обрати внимание, как работают ноги. Завтра ты стогоняешь в Милан, я дам тебе адрес одного спортивного клуба, и ты найдешь мне какого-нибудь стоящего боксера, который согласится тренировать меня. Надо, наверное, среднего веса, как ты считаешь? Или, может, лучше среднего или первого тяжелого? Предложи ему вдвое больше того, что он запросит, не стоит перебарщивать.

— Синьор барон, позвольте сказать вам...

— Говори, Ансельмо. Да что это с тобой? Отчего так дрожит твой зонтик?

— Там внизу какие-то господа, синьор барон...

— Гони их прочь, я никого не приглашал!

— Нельзя, синьор барон. Они вооружены.

— Вооружены... А как они выглядят?

— Не знаю, синьор барон. Они в масках.

— В масках? Тут какая-то ошибка. Карнавал давно кончился.

— Если синьор барон пожелает укрыться в мансарде под крышей или в подвале, то я скажу этим господам, что вас пока нет, пусть они придут завтра.

— Нет, Ансельмо, так не годится. Ты слишком стар, чтоб подвергать себя такому

рisku. Я сейчас же спущусь к ним. А ты предложи им пока апельсиновый сок, настой ромашки — что захотят.

Ансельмо вернулся к бандитам:

— Синьор барон сейчас придет.

— Отлично. Именно это он и должен сделать.

Барон сменил спортивный костюм на джинсы и шелковую голубую рубашку и вышел к своим гостям с широкой гостеприимной улыбкой.

— Здравствуйте, господа. Чем могу быть полезен?

Главарь подал знак, и двое бандитов отправились осматривать виллу.

— Синьор барон,— сказал главарь,— вы наш пленник.

— Что-то не припоминаю, чтобы я объявлял кому-нибудь войну,— ответил барон,— и не помню, чтобы проигрывал какое-нибудь сражение.

— Ваш ответ,— сказал главарь,— говорит о том, что вы человек мужественный. Это приятно. Терпеть не могу иметь дело с теми, кто, едва увидит оружие, тут же наложит в штаны от страха. Но это не меняет дела. Как бы вы ни были мужественны, вы все равно наш пленник.

— Чей, с вашего позволения? Не хотите же вы, чтобы я сдавался первому встречному! Представьте, представьте мне ваших друзей, а дальше видно будет.

— Вы,— ответил главарь,— пленник «Двадцати четырех „Л“».

— Как вы сказали — «М»?

— Нет, «Л», синьор барон. «Л», как в слове «Ламберто».

— Какое совпадение! Это же мое имя!

— И наше тоже, синьор барон. Нас двадцать четыре, и всех нас зовут Ламберто.

— Очень приятно,— ответил барон.— Больше того — в двадцать четыре раза приятнее. Не думал, что мое имя так распространено. Я знал еще только трех Ламберто — одного в Милане, другого в Венеции и третьего в Константинополе, он, однако, был родом из Форли, а в Турции оказался по делам. Он торговал мармеладом. Помню, я спросил у него на улице, который час. И знаете, что он ответил? Он ответил мне так: «Самое время пить пиво! Идемте?» Так мы познакомились. Кстати, о пиве. Ансельмо, ты еще ничего не предложил этим господам?

— Спасибо, позднее,— перебил его главарь.— Сначала вы должны внимательно выслушать меня. Пусть

вас не волнует оружие, у нас нет намерений причинить вам зло, если вы примете наши условия.

— Там все в порядке (вернулись те двое, что осматривали виллу, и один из них, человек совершенно невоспитанный, прервал разговор). Только наверху, в мансарде, сидят какие-то странные люди. Говорят, что они служащие барона и что им велено повторять день и ночь его имя. Один из них сидит за столом и без конца говорит: «Ламберто, Ламберто, Ламберто...» Он не замолчал даже при виде пистолета.

— Это, наверное, синьор Бергамини,— пояснил барон,— человек выдержанный и очень добросовестный.

— Как все это понимать? — спросил главарь.

— Развлечение,— ответил барон,— каприз миллиардера. Мне приятно сознавать, что мое имя все время у кого-то на устах. Это приносит мне удовлетворение, как бывает, например, когда почешешь там, где чешется. Словом, хобби. У вас есть возражения?

— И быть не может,— заверил главарь,— потому что это не связано с нашими планами.

— Я рад,— заметил барон, подмигивая несчастному Ансельмо, бледному, точно призрак.— Впрочем, я им хорошо плачу. Надеюсь, вы не станете мешать их профессиональной работе?

— Я уже сказал вам — нет,— повторил главарь.— Больше того, это приятно и нам, потому что мы все тоже Ламберто.

— Вот это меня и удивляет! Ни одного, кого бы звали Джузеппе, Реджинальдо или Станислао? Как вам удалось собрать вместе двадцать четыре тезки?

— С помощью объявления в газете,— объяснил главарь.— А теперь — хватит болтать! Перейдем к делу!

— Говорят еще — перейдем к сути,— поправил барон.

— А суть в том, что этот остров захвачен, ваша вилла отрезана от всего мира и от Млечного Пути, и вы, синьор барон, наш пленник. Чтобы обрести свободу, вы должны вручить нам по миллиарду из каждого вашего банка. Всего, следовательно, двадцать четыре миллиарда.

— А также облигации? — спокойно поинтересовался барон.— И гербовые марки?..

Что ответил главарь, никто не слышал, потому что как раз в этот момент вошел племянник барона Оттавио в сопровождении бандита, который встретил его на бе-

регу, когда он вернулся из Орты с полными карманами снотворного.

— Дорогой дядюшка, что здесь происходит?

— Ничего, Оттавио. Вернее, много шума из ничего.

— О, да за такую остроту я почти готов вернуть вам свободу, — заметил главарь.

— По-вашему, я похож на человека, который способен торговаться? — удивился барон Ламберто. И, не ожидая ответа, встал, заявил, что намерен продолжать тренировку с грушей и вышел из комнаты. Двое бандитов последовали за ним с оружием в руках.

— А вы сегодня же вечером, — обратился главарь к мажордому Ансельмо, — возьмете лодку и отправитесь в Орту...

— Но я не умею грести! — взмолился Ансельмо.

— Научитесь по дороге, — успокоил его главарь.

Так началась оккупация острова Сан-Джулио.

Когда стемнело, Ансельмо сел в лодку, чтобы выполнить свою миссию. Он был так взволнован, что даже уронил в воду зонтик. Как раз в это время синьор Джакомино вытягивал из окна своей мансарды удочку и

подцепил зонтик. Синьор Ансельмо категорически отказался ехать без него. Одному из бандитов пришлось сбегать за зонтиком наверх.

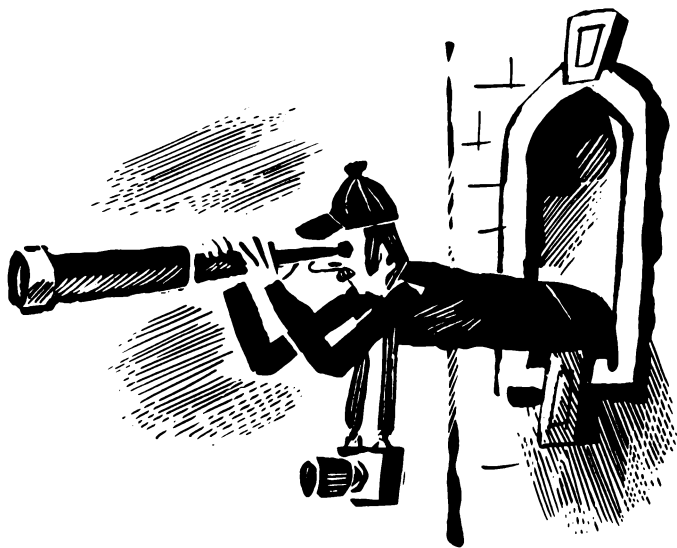
— Он весь мокрый, — сокрушался Ансельмо, — подождите, пока я высушу его.

Он сходил за феном и высушил зонтик изнутри и снаружи. И только тогда отправился в Орту. Остальное вам уже известно.

7

Теперь спектакль в Орте идет круглосуточно. Остров окружен цепочкой всевозможных плавучих средств, в которых сидят полицейские, призванные наблюдать за бандитами. Вторым кругом стоят лодки, полные просто любопытных, а также специальных корреспондентов, которые наблюдают за полицией. По всему озеру в любую погоду шныряют туда и сюда моторки с профессионалами или дилетантами осведомителями. Многие также охотно пользуются удобным случаем позаниматься парусным спортом. Ночью на лодках включают фары, карманные или ацетиленовые фонарики, зажигают свечи и факелы, а фейерверка нет только потому, что это все-таки не праздник святого Джулио.

Старинный городок переполнен туристами, предпочитающими отдыхать там, где происходит что-нибудь любопытное, а не там, где слишком спокойно. В гостиницах Кузио, Вельбано и Оссола нет ни одного свободного места. А в лесах и предгорных долинах палаточные городки растут, как грибы. Журналисты, радио- и теле-репортеры прибыли сюда со всех пяти континентов, потому что барон Ламберто известен своими банками повсюду — от Южного до Северного полюса. Так что не только итальянцы, но также швейцарцы, немцы, марсельцы, американцы, афро-азиаты — все хотят во всех подробностях знать все, что касается его. Некоторые хроникеры приютились под портиками на площади, другие устроились на балконах или крышах. Подзорные трубы и телескопы наведены на остров с каждого поворота каждой дороги на западном и восточном склонах прибрежных гор. Мощные телеобъективы постоянно нацелены на остров с колоколен в селеньях Поньо, Сан-Маурицио д'Опальо, Альцо, Пелла, Корконио, Лорталло и Ваччаго. Но, разумеется, не с самого шпиля колоколен, а из окон и смотровых щелей башен.

Другие, наиболее переполненные представителями печати пункты наблюдения:

смотровая площадка в Кварте, где пиво всегда холодное,

церковь Мадонны дель Сассо, стоящая над самым озером,

остерия в Вальстроне, откуда ничего не видно, но где подают отличную поленту с кроликом,

башня Буччоне, построенная в двенадцатом веке, но все еще крепкая,

монастырь на горе Месма, где монахи изобретательно собирают дождевую воду, но угощают гостей вкусным винцом,

церковь Мадонны в Боччоле

и, естественно, самая высокая точка мыса в самой Орте.

Во время грозы здесь по крайней мере можно сразу же укрыться в капеллах, где раскрашенные терракотовые статуи, покрытые пылью и потрескавшиеся от времени, молчаливо повествуют о жизни святого Франциска.

Японские фотографы занимают две самые высокие точки в окрестностях, а именно:

альпийскую вершину Куаджоне (1150 метров над уровнем моря),

хребет Моттароне (1491 метр над уровнем моря).

И, несмотря на это, они недовольны, потому что отсюда, с этих точек, озеро видно только с севера на юг — из Оменьи в Гоццано, и нет такой же высокой точки, откуда была бы видна панорама всего озера с юга на север. Такой вид, правда, открывается с уже упомянутой башни Буччоне, но она занята силами мексиканского телевидения.

Один английский журналист раскинул свою палатку в лесу над Амено и каждое утро любит видеть отсюда вид горы Монте Роза — освещенная солнцем, она величественно выплывает из облаков, когда все остальные вершины еще покрыты голубоватым туманом и лишь постепенно появляются одна за другой, по очереди располагаясь на своих местах в прекрасном горном пейзаже, пока не заполняют все пространство под небом.

Журналист с восторгом описал это зрелище в статье, которую его редактор тут же выбросил в корзину и немедленно продиктовал срочную телеграмму: «Оставь в покое пейзаж, людей интересует не то, что делается на Монте Розе, а то, что делает барон Ламберто».

Каждое утро, полюбовавшись неповторимым пейзажем, английский журналист спускается на мотоцикле в Орту. Обычно он всегда успевает к началу пресс-конференции лодочника Дуилио.

— Что вы купили сегодня?

— Двенадцать кур, семь кроликов, макароны, рис, сыр пяти сортов, тридцать килограммов фруктов, кофе, сахар, соль.

— Сколько соли?

— Два пакета мелкой и два крупной.

Когда Дуилио усаживается в лодку, чтобы отвезти продукты на остров, его провожают аплодисментами, а фотографы кричат:

— Посмотри сюда, Дуилио! Улыбнись! Подними повыше эту связку бананов!

Фотографы ко всем обращаются на «ты».

Когда Дуилио возвращается, его сопровождают лодки, переполненные репортерами, которые засыпают его вопросами:

— Что сказали бандиты?

— Видели барона?

— А синьора Ансельмо?

— Вы служили в армии?

— В каком возрасте вы женились?

— Сколько у вас детей?

— Сколько литров вина вы выпиваете за день?

И так далее, самые разные вопросы. Только журналисты в отличие от фотографов всегда обращаются на «вы».

Мальчишки провожают лодку вплавь и к острову, и обратно. На берегу кто-то продает неизвестно почему виды Колизея. И кто-то даже покупает их. Всегда ведь находится кто-то, кто что-нибудь покупает в любую погоду.

Бары, кафе и магазины открыты всю ночь, потому что все это множество людей не может найти пристанища, не знает, куда деться, и продолжает бродить по улицам или располагается на ночлег где попало, жуя бутерброды и запивая их пивом. Ночью на берегу собирается также народ из Гоццано, Боргоманеро, Оменьи и Гравеллоны. Днем этим людям некогда — они работают. Зато теперь им удастся узнать все самое главное — сколько кур купил Дуилио и сколько литров вина он выпил. В субботу и воскресенье съезжаются сюда на всех видах транспорта миланцы, туринцы и промышленники из Бусто Арсицио.

Иногда Дуилио провожает в его путешествие на захваченный остров жена, которая сокрушается так, словно тот уезжает на войну.

— Не езди, Харон! (Она тоже так ласково зовет его.) Они убьют тебя! При чем тут ты? Какое тебе дело до барона Ламберто! Подумай о своих детях, которые могут остаться сиротами.

— Да они уже взрослые, у них свои семьи!

— Подумай о внуках!

— А чего о них особенно беспокоиться?

У причала всегда находятся мальчишки, ныряющие в воду. Журналисты выуживают их за волосы и тоже интервьюируют перед телекамерой:

— Кто тебе больше нравится — Зорро или Фантомас?

— А тебе что лучше дается — кибернетика или структурная антропология?

— Сколько будет трижды восемь?

Словом, кино не кончается. Торговцы носят мэра на руках, словно все это его личная заслуга. В местном банке открыли дополнительно три окошечка для финансовых операций.

Журналистам тоже работы хватает. Все время есть о чем рассказать: то какой-то миланский адвокат организовал соревнования по ночному футболу, то какой-то

бродячий продавец устраивает демонстрацию своего товара — пробковытаскивателей. Они совершенно необходимы тем, у кого есть бутылки, в которые провалились пробки. Кроме того, в программе дня концерты клавишембало или духовых инструментов, выступления хоровых ансамблей, бег в мешках...

Местные крестьяне просят телерепортеров:

— Позвольте нам сказать пару добрых слов о наших винах — Гаттинара, Гемме, Сиццано, Фара...

На третий день в Орту приезжает автобус с кондиционером. По специальному разрешению местного регулировщика уличного движения, пораженного содержанием этого автобуса, шофер ставит его на площади, где обычно могут находиться только пешеходы. На номерном знаке стоят буквы «МИ», что значит Милан. Первыми из него выходят двадцать четыре синьора в темно-серых костюмах. Затем выходят еще двадцать четыре, помоложе, в синих костюмах. Одним словом, сорок восемь белых рубашек и сорок восемь галстуков. Все вместе они производят исключительный эффект. Кто же это такие? Это двадцать четыре генеральных директора банков, принадлежащих барону Ламберто, каждый со своим секретарем, который должен делать записи, звонить по телефону и носить портфель с документами.

Толпа затаила дыхание. Разве кто-нибудь видел когда-либо сразу две дюжины генеральных директоров банков? Живые, во плоти, в блестящих ботинках, некоторые в очках, и все, как один, с непроницаемыми лицами.

— Дорогу, дорогу,— говорят секретари.

В толпе с трудом образуется узкий проход, по которому двадцать четыре директора, а затем еще двадцать четыре секретаря гуськом направляются к берегу на виду у острова. Вот они снимают в знак почтения все сорок восемь шляп. Надевают. И некоторое время недвижно стоят, глядя на остров.

Печать и другие средства массовой информации устремляются на приступ, стреляя вопросами по крайней мере на двадцати различных языках, но получают ответ только от одного из двадцати четырех секретарей, который был выбран пресс-атташе. Со своей стороны он отвечает только одно:

— No comment ¹.

¹ Ничего (англ.).

Спустя несколько минут двадцать четыре банкира и двадцать четыре их секретаря направляются в мэрию, входят в кабинет мэра, и тот вручает им послание барона Ламберто, которое тайно передал ему Дуилио. Послание гласит:

«Любезные господа,

благодарю вас за заботу обо мне. Надеюсь, вы все здоровы. Я чувствую себя прекрасно. Два часа в день занятий гимнастикой — это для меня слишком мало. Поэтому я попросил бы вас достать мне штанги, необходимые для занятий тяжелой атлетикой. Это единственный вид спорта, который разрешен мне в данной ситуации. Желаю вам приятного пребывания на прекрасном берегу Орты.

**Любящий вас
Ламберто».**

После подписи барона главарь бандитов крупными печатными буквами приписал:

«ПОСТСКРИПТУМ. В ОБМЕН НА БАРОНА ЛАМБЕРТО, НАШЕГО ПЛЕННИКА, ТРЕБУЕМ ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИЛЛИАРДА, ПО ОДНОМУ ИЗ КАЖДОГО ЕГО БАНКА. ЧЕКИ, ОБЛИГАЦИИ, ВЕКСЕЛЯ И ТЕЛЕФОННЫЕ ЖЕТОНЫ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ».

Двадцать четыре генеральных директора переглядываются, и то же самое делают двадцать четыре секретаря. Они не знают, возмущаться ли требованием выдать двадцать четыре миллиарда или огорчаться по поводу штанги для занятий тяжелой атлетикой. Легкое покашливание выдает их смущение. Более сильное покашливание говорит об их полной растерянности. Один из секретарей шепчет на ухо своему соседу:

— Барон, бедняжка, наверное, сошел от страха с ума.

— И что же вы ответите на это? — спрашивает мэр.

— Ответа не будет, — заявляют генеральные директора. Они встают все сразу, как один, прощаются и, преследуемые двадцатью четырьмя своими тенями и двадцатью четырьмя секретарями, выходят на площадь и садятся в автобус. Автобус быстро отвозит их в Миазино, где для них приготовлена вилла XVII века с фресками XVIII века, картинами XIX века и бытовыми электроприборами XX века.

Здесь они проводят ночь, укрывшись от внезапной грозы, которая обрушилась на несчастных, застигнутых

врасплох в широкой долине, безжалостно пронизываемой молниями. Но одному человеку не спится в эту ночь по другой причине. Это самый молодой из двадцати четырех секретарей. Взяв напрокат машину, он едет в Милан, чтобы раздобыть то, что просит барон. Двадцать четыре генеральных директора долго обсуждают за ужином этот деликатный вопрос. В конце концов двадцатью четырьмя голосами решают слепо повиноваться непонятным приказам хозяина.

— Очевидно, у него свои планы.

— Может быть, он готовит ловушку? Мы не должны мешать ему.

На следующее утро, когда Дуилио собирается отправиться на остров с грузом продуктов, самый молодой секретарь успевает вручить ему спортивный инвентарь, приобретенный на вес золота в одном из спортивных клубов ломбардской столицы, который открыт и ночью.

— Что в этих пакетах? — спрашивают полицейские, которые обязаны проверять груз.

— Спортивный инвентарь, маршалло.

— А может быть, пистолеты, пушки, атомные бомбы? Откройте, откройте, покажите!

На глазах у тысячи любопытных развязывается веревка, разворачивается бумага, и появляются штанги и диски. Бригадир, в прошлом чемпион по поднятию

тяжестей, официально удостоверяет, что веса верны.

— Кому все это нужно?

— Синьору барону, маршалло. Он занимается тяжелой атлетикой.

— Сколько лет синьору барону? — спрашивает маршалло.

— Девяносто четыре.

Маршалло в сомнении. Но в конце концов решает, что «никогда не поздно», и ставит штамп на подозрительный товар.

Орта и все окрестности получают прекрасную тему для обсуждения на целое утро. Передаваемая из уст в уста новость, конечно, претерпевает некоторые изменения. В полдень в Стрезе, по другую сторону гор, официант в гостинице сообщает своему шефу, что барон Ламберто участвует в будущей Олимпиаде на соревнованиях по бросанию молота. В 2.30 в Лавено, на берегу Лагоо Маджоре, продавец мороженого сообщает своему покупателю, немецкому туристу, что барон Ламберто тайно побил мировой рекорд по прыжкам с шестом.

— О, йа, йа! — говорит немец и откусывает мороженое.

8

Двадцать четыре генеральных директора банка вместе с двадцатью четырьмя своими секретарями расположились в мэрии и ведут отсюда переговоры с бандитами. Мэрия занимает старинный особняк XVI века, который, как уверяют путеводители, «покоится на четырех пилястрах, чередующихся с мощными гранитными колоннами». Короче, внизу галерея, где можно переждать дождь, а на втором этаже — зал, в который надо подниматься по наружной лестнице. Это очень удобно, так как позволяет наблюдать шествие чиновников вверх и вниз, а также смотреть на посыльных из кафе, которые время от времени — в соответствии с расписанием — доставляют наверх аперитивы или прохладительные напитки. Обычно сразу сорок восемь заказов — неплохой куш! Чтобы никому не было обидно, мэр отправляет заказы на напитки то в один бар, то в другой. Оплата наличными по доставке. Двадцать четыре генеральных директора платят по очереди, и телевидение имеет возможность показать непосредственно ассигнации то банка Ламберто в Гонконге, то банка Ламберто в Монте-Карло, то в Монтевидео.

Труднее всего приходится Дуилио, который должен перевозить послания на остров и обратно. Бандиты выставили ультиматум:

«Если в течение суток мы не получим выкуп, начнем посылать вам барона Ламберто по кускам: сначала ухо, потом палец и так далее, пока от него ничего не останется».

Банкиры отвечают, что им нужен приказ барона Ламберто, причем письменный, иначе они не уполномочены выплачивать деньги ни в лирах, ни в сольдо.

Главарь банды сообщает об этом барону Ламберто и предлагает ему написать соответствующее распоряжение.

— Сию же минуто,— отвечает барон Ламберто и пишет по-английски:

«Любезные господа!

Что вы скажете, если я предложу вам прошвырнуться немного и покататься на карусели? Жду вас в Вене, в «Пратере», в будущее рождество».

— Почему вы пишете по-английски? — спрашивает главарь, который не изучал этого языка.

— С этими господами я всегда объясняюсь только по-английски. Этикет!

— Я вижу тут слово Вена. При чем здесь этот город?

— Я приказал перевести фонды из моего венского банка, в котором сейчас скопилось особенно много мелких итальянских банкнот.

Двадцать четыре генеральных директора долго обсуждают послание.

— Почерк безусловно синьора барона

— Да, но стиль совсем не его!

— Вы правы, коллега. Я не помню, чтобы барон употреблял когда-либо слово «карусель».

— И потом это вульгарное выражение «прошвырнуться» вместо «погулять» совершенно не в его духе. Ему абсолютно не свойственны фривольность и уменьшительные суффиксы!

— Послание,— замечает другой директор банка,— содержит также ошибку, которая никак не вяжется с ясностью и точностью мысли барона. Вы же знаете, что когда имеют в виду венский «Пратер», всегда говорят «Большое колесо», а не просто карусель.

— Конечно, карусель — это понятие, которое подходит скорее для какой-нибудь ярмарки в Крусиналло, чем для Вены.

Ассамблея единодушно решает отвергнуть послание и требует нового — на немецком языке.

— Почему на немецком? — удивляется главарь бандитов, показывая барону ответ.

— Очевидно, директор моего венского банка, а именно он должен выплатить деньги наличными, хочет быть уверен, что правильно понял меня.

— Ну так пишите!

— А ручка?

— Вот же она!

— Нет, извините, этой ручкой я писал предыдущее письмо. Я никогда не использую ручку больше одного раза. Ансельмо, принеси-ка мне новую ручку.

Ансельмо повинуется, и барон пишет по-немецки:

«Любезные господа!

Этим письмом я приказываю, чтобы из всех моих банков были немедленно уволены все служащие, которые не умеют танцевать танго. Ламберто».

— При чем тут танго? — спрашивает главарь «Двадцати четырех „Л“», указывая на единственное в письме слово, которое ему удалось понять.

— Это шифр. Означает — миллиард. Не думаете же вы, что я стану писать о деньгах в открытую. А если эта записка попадет в руки какому-нибудь шпиону?

— Более чем справедливо, — сочувственно соглашается главарь.

Послание доставляется по назначению. Двадцать четыре генеральных директора громко читают его вслух, и начинается обсуждение.

— Опять то же самое — почерк несомненно барона Ламберто. И подпись его. Могу доказать.

Говоря так, оратор демонстрирует почтовую открытку, которую барон прислал ему в прошлом году из Майами, во Флориде. Открытка переходит из рук в руки. Все рассматривают ее и сверяют подпись на ней с той, что на записке.

— Стиль, однако, выявляет характер весьма отличный от того, который знаком нам.

— Это верно. Синьор барон не любит танго.

— Возможно, он не любит его теперь, потому что ему девяносто четыре года, а в молодости, может быть, и любил.

— Это исключено. Синьор барон с незапамятных времен всегда любил только активный баланс, проценты с доходов, чековые книжки и золотые слитки.

Присутствующие аплодируют. Двадцать четыре секретаря тоже на минуту отрываются от своих записей, чтобы похлопать в ладоши.

Ассамблея единодушно решает, что записки недостаточно и что теперь необходимо достоверное доказательство, что барон Ламберто еще жив. Бандиты должны прислать его теперешнюю фотографию.

— Ну что ж, пошлем фотографию,— вздыхает главарь банды.

— Ансельмо,— зовет барон,— возьми из моей коллекции фотоаппаратов тот, который делает моментальные снимки, и сделай все что надо.

Ансельмо снимает барона, пережидает секунду-другую и вынимает из аппарата готовый снимок. Барон Ламберто вышел прекрасно. Ну прямо кинозвезда! Улыбается так, что видны все зубы. На лоб спадает золотистый локон.

— Теперь,— говорит главарь,— у них есть все, что они хотят. Если они не выложат денежки, то, как я вам ни сочувствую, следующая глава будет намного болезненней.

— Не беспокойтесь,— отвечает барон Ламберто,— всему свое время.

Еще одно путешествие Дуилио с острова Сан-Джулио в особняк мэрии. Двадцать четыре генеральных директора передают друг другу фотографию. Их лица непроницаемы. Они ждут, пока лодочник выйдет из зала. И едва он уходит, раздражается буря:

— Предательство, это не барон Ламберто!

— Мошенничество! Грубое мошенничество!

— Этот человек — самозванец!

— Он слишком красив, чтобы можно было поверить!

— Хорошо, что мы потребовали снимок!

Постепенно буря утихает и начинается более спокойное обсуждение вопроса.

— Вообще-то, если присмотреться,— говорит кто-то,— некоторое сходство с бароном есть.

— В чем?

— Ну вот, например, уши.

— Настоящий барон гораздо старше. Посмотрите!

И, говоря это, оратор достает из бумажника фотографию, на которой он изображен вместе с бароном Ламберто на балконе гостиницы в Лугано. Барон Ламберто опирается на две палки, лицом похож на черепаху,

глаз не видно вообще — они похоронены под тяжелыми веками. Он скорее мертвый, чем живой.

Все сразу же начинают доставать из бумажников свои фотографии, на которых они тоже сняты вместе с бароном, но на них барон тоже нигде не похож на молодого спортсмена с непослушным локоном на лбу, а всюду выглядит стариком, который держится на ногах лишь потому, что не дуют муссоны.

— Посмотрите внимательно. Разве у барона Ламберто были когда-нибудь такие волосы?

— Может быть, он надел парик...— робко вставляет кто-то.

— А морщины? Куда делись его морщины?

— Грим,— поясняет тот же голос,— грим может сделать чудеса! Я знал одного тенора, оперного певца, которому было семьдесят лет, но выглядел он на двадцать пять.

— Барон не тенор!

— Но он любит хорошую музыку.

— Что верно, то верно...

После целого часа обсуждения ассамблея решает затребовать еще одну фотографию, на которой барон Ламберто должен быть изображен не в фас, а в профиль.

— Почему в профиль? — недоумевает главарь банды, прочитав ответное послание.

— Единственное, что действительно красиво на моем лице,— мягко объясняет барон Ламберто,— это мой нос. Наверное, на том снимке он был плохо виден.

— Возможно,— заключает главарь,— но я не позволю водить меня за нос! Сейчас мы сфотографируем вас в профиль, но отправим этот снимок вместе с ухом.

— С каким ухом? — спрашивает барон Ламберто.

— Одним из ваших. Будьте спокойны, у нас свой хирург. Он сделает операцию по всем правилам искусства. Вам нисколько не будет больно.

— Спасибо, это очень любезно с вашей стороны!

Главарь не шутит. И бандитский врач тоже. Он так правит бритву на кожаном ремне, что не остается никаких сомнений относительно его истинной профессии.

— Извините,— говорит барон Ламберто,— вы случайно не парикмахер?

— К вашим услугам, синьор барон!

— А, ну тогда все в порядке — вы не испортите мне усы!

Барон Ламберто совершенно спокоен. Он подмигивает бедному Ансельмо, который не падает в обморок лишь потому, что опирается на зонтик.

— Как поживает Дельфина?

— Спасибо, хорошо, синьор барон.

— А остальная компания?

— Прекрасно, синьор барон.

Убедившись, что работа в мансарде под крышей идет нормально, барон становится еще спокойнее и даже позволяет себе пошутить.

— Доктор,— говорит он,— посмотрите, не надо ли удалить заодно и серную пробку?

— Будет сделано, синьор барон!

Когда бандитский врач начинает операцию, Ансельмо отворачивается. Но вскоре, не услышав ни возгласа, ни шума, оглядывается и видит, что доктор уже забинтовывает барону голову. А главарь бандитов кладет отрезанное ухо в конверт.

— Совсем тепленьким получат! — говорит он.

Вместе с фотографией барона в профиль двадцать четыре генеральных директора получают так же его правое ухо и записку, в которой главарь двадцати четырех Ламберто сообщает: «Это первый кусок. Завтра — или деньги, или второй».

Девять генеральных директоров падают в обморок, другие девять бегут обливать себе лицо холодной водой, а оставшиеся шестеро теряют дар речи. Двадцать четыре секретаря делают записи о происходящем, не смея позволить себе проявление личных чувств.

Фотография в профиль вызывает противоречивые мнения. Нос несомненно барона Ламберто. Но шея? Такая плотная, гладкая, загорелая, она несколько не походит на дряблую кожу, которая свисает на галстук, если взглянуть на снимки, имеющиеся у досточтимых директоров. Для экспертизы уха приглашают врача.

— Хорошо отрезано,— говорит он.— Профессиональная работа! Можно было бы пришить на место за несколько минут, и даже следа не осталось бы.

— Что еще вы можете сказать?

— Ну что... По-моему, это ухо принадлежит здоровому человеку, который много времени проводит на воздухе и много двигается. Возраст? Где-то между тридцатью пятью и сорока пятью.

— Вы уверены?

— Готов сунуть руку в огонь!

— А ногу — в кипящее масло?

— Не колеблясь!

— В таком случае, это ухо не барона. Это ухо какого-то самозванца.

— А это меня уже не касается,— говорит врач.— Я сделал, что от меня требовалось.

— Какая-то загадка! — говорят друг другу двадцать четыре генеральных директора.— У нас есть все основания полагать, что самозванец занял место барона Ламберто. Его выдает фотография, его выдает ухо! Но какого черта этот самозванец соглашается подвергать себя такой мучительной операции? Зачем притворяться бароном, когда уже нет никакого смысла это делать и все потеряно?

Понаставив множество вопросительных знаков и повторяя поговорку о том, что ночь приносит мудрый совет, все отправляются спать на виллу в Миазино.

На следующее утро выясняется: кому-то снились белые кони, кому-то — Тихий океан, кто-то вообще ничего не видел во сне, а кто-то не помнит, что ему снилось. Так что старая пословица опять не сдержала своего обещания — никому не подсказала совет, который пришелся бы кстати.

— Получим второй кусок,— предлагает самый осторожный из генеральных директоров,— тогда и решим.

Второй кусок — это указательный палец правой руки. Главарь «Двадцати четырех „Л“», не получив положительного ответа на свое послание, присоединенное к уху, извиняется перед бароном:

— Ваши служащие не слишком-то беспокоятся по поводу целостности вашего тела. Кто из нас более жесток — я, когда отрезаю вам ухо, или ваши двадцать четыре директора, когда не считаются с этим фактом?

— По-моему,— говорит барон,— вы сыграли 1 : 1.

— За дело, доктор! — командует главарь.

Бандитский врач с улыбкой подходит к барону и берется за свои инструменты.

— Другое ухо? — спрашивает он.

Главарь объясняет новый план действий, и врач выполняет задание. А барон еще успевает подсказать:

— Смотрите, не ошибитесь пальцем! Указательный вот этот — между большим и средним.

Ансельмо опять отворачивается, чтобы не страдать, и видит в зеркало, как барон подмигивает ему.

— Как поживает Дельфина, Ансельмо?

— Она в хорошей форме, синьор барон,— лепечет мажордом.

— А остальные члены семьи?

— Все время трудятся, синьор барон. Сами знаете, когда надо заработать на жизнь...

Ансельмо поворачивается — операция окончена. Главарь банды облизывает края конверта, в который вложен отрезанный палец, а бандитский врач, перевязав барону руку, собирается сменить ему повязку на голове.

— Пусть меня хватит удар! — вдруг восклицает он.— Смотрите!

Барон изображает испуг:

— Что — плохо?

— Вот это да! Расскажи мне кто-нибудь такое в поезде, ни за что бы не поверил!

— Да в чем дело? — спрашивает барон.— Что случилось?

— А то, что у вас выросло новое ухо! — объясняет бандитский врач.— Если б я его не отрезал сам, своими собственными руками...

— Если б я сам не вложил его в конверт...— добавляет в растерянности главарь.

— А я,— говорит барон,— просто не понимаю, чему вы так удивляетесь! У ящерицы тоже отрастает хвост. Подрежьте сучья дерева, и его ветви начнут расти еще лучше. Осенью листья опадают, а весной распускаются вновь. Солнце вечером заходит на западе, а утром появляется на востоке. Все это старо, как мир.

— Возможно, возможно...— соглашается бандитский врач.— Но я впервые вижу, чтобы заново отросло ухо! Может быть, вы проводили недавно какое-нибудь специальное лечение?

— Да, я занимался восстановлением волос. Совсем, знаете ли, облысел, и один мой хороший приятель раздобыл мне какой-то восточный рецепт.

— А, эти китайцы всегда что-нибудь придумают,— говорит главарь.— Но не будем терять время на болтовню!

И он пишет записку, которая должна сопровождать палец:

«Это второй кусок, завтра утром, если не получим деньги, пришлем вам целую ногу».

При виде отрезанного пальца падают в обморок двадцать из двадцати четырех директоров. Остальные пря-

чутся под стол. Секретари делают записи о происходящем, даже не моргнув глазом.

Врач, вызванный для экспертизы, заявляет:

— Палец указательный правой руки, превосходно сохранившийся. Разрез точный, ровно посередине фаланги. Палец принадлежит человеку с отменным здоровьем, в возрасте от тридцати пяти до сорока пяти лет.

— Опять самозванец!

— Уплотнения на пальце,— продолжает врач, внимательно изучая его с помощью пятидесятикратной лупы, представляет собой мозоль, типичную для боксера.

— Что?

— Это значит, что хозяин пальца занимается боксом. Во всяком случае, тренируется с грушей. Посмотрите сами.

— Синьор барон никогда не занимался боксом. Больше того, вот уже десять лет, как он является президентом общества, выступающего против силовых видов спорта. Он финансировал кампанию в печати против охоты и вольной борьбы. В Индии ему была вручена Медаль кротости.

— Что еще можно сказать о пальце?

— Тут есть и другие заметные уплотнения, которые вызваны длительной работой на веслах и трением о канат...

— Канат?

— Парус, господа. Парусный спорт.

— Моряк, значит?

Строятся и разные другие догадки о самозванце. Когда врач, получив свой гонорар, уходит, остается основной вопрос — с какой стати этот самозванец дает резать себя по частям вместо барона?

— Святой, может быть... Ведь остров носит имя святого, который приехал сюда, чтобы построить на нем свою сотую церковь.

— Барон Ламберто несомненно человек высоких достоинств, покровитель вдов и сирот, инициатор кредита. Он безусловно набожен, боготворит финансы и так далее, и так далее. Но до того, чтобы само небо заступилось за него, ему все-таки еще далеко.

— Надо бы поговорить со священником.

— Когда дело касается барона, то уж лучше с архиепископом.

— Господа,— заявляет чей-то энергичный голос,— не будем смешивать земное и небесное. Для нас само-

званец есть самозванец. Мы можем сделать сейчас только одно — отвергнуть его самозванство.

— Прекрасно! Вернем палец отправителю и напишем, что не признаем его собственностью барона Ламберто.

Предложение принято.

— Мы требуем,— добавляет еще кто-то из самых смелых,— чтобы нам показали всего барона целиком!

— Очень правильное предложение!

— Сразу снимает все проблемы!

— Будем надеяться, что после этого требования барону не отрежут еще что-нибудь.

— Но ведь речь идет о самозванце.

— Ах, да, я забыл.

И вот Дуилио уже вновь летит вверх по лестнице особняка мэрии и затем спускается обратно, преследуемый журналистами, фотографами и телерепортерами обоего пола.

— Что происходит?

— К чему привели переговоры?

Дуилио показывает запечатанный конверт, в котором лежит палец барона, записка главаря банды и ответное послание двадцати четырех генеральных директоров.

Снимок получается отличный, но конверт так и остается для всех загадкой. Он слишком маленький, чтобы в нем могли уместиться двадцать четыре миллиарда. Он слишком пухлый, чтобы в нем лежал только листок бумаги.

Со всех близлежащих холмов в морские подозрительные трубы и астрономические телескопы тоже видны конверт, Дуилио с поднятой рукой и особняк мэрии. Вновь прибывшие (все время ведь кто-нибудь подъезжает) наивно спрашивают:

— Кто это?

— Да это же знаменитый лодочник Дуилио, по прозвищу Харон.

— Интересно. А что это он делает с конвертом в руках? Охотится за сокровищем?

9

Оттавио, не так ли? Что делает милейший Оттавио? Как поживает? С тех пор как на острове появились бандиты, он все время как на иголках. Там, наверху, по-прежнему продлевают жизнь дяди. Значит, прощай наследство!

В кармане у него снотворное, с помощью которого он сам собирается одолеть крепость, захватив сначала мансарду. Но он не может сделать ни шагу. За ним повсюду, буквально по пятам, ходит бандит.

— Куда вы?

— Подышать воздухом.

— Прекрасная идея! Я с вами.

Оттавио прогуливается и про себя проклиняет бандитизм. Чужой, разумеется.

— А теперь куда?

— Попить воды.

— Я тоже хочу пить, пойдемте.

Оттавио вынужден пить воду, которая ему не нравится, чтобы оттянуть время. И Ансельмо тоже следит за ним. Как только Оттавио подходит к лестнице, ведущей на мансарду, оба тут как тут — приставленный к нему бандит и Ансельмо. И оба в один голос интересуются:

— Куда вы?

— На крышу, полюбоваться панорамой.

— Незачем,— говорит бандит.— Спросите меня, и я опишу вам Орту и ее окрестности лучше любого гида.

— А я могу это сделать по-итальянски, по-английски и по-немецки,— добавляет Ансельмо.— По-французски я читаю, но, к сожалению, не говорю. По-испански читаю, но не понимаю.

Барон между тем, поскольку ему запрещено выходить на озеро, почти все время проводит с племянником. Требуется, чтобы он присутствовал на его тренировках со штангой. И как-то раз даже заставляет его надеть боксерские перчатки.

— Оттавио, давай проведем пару раундов,— предлагает он.— Мне надоело работать с грушей.

— Слишком большая честь для меня, дядя.

— Брось! Я же не всерьез буду бить тебя, а понарошку.

— Но я вообще против бокса из гуманных соображений.

Однако ничего не поделаешь, приходится вступить с дядей Ламберто в кулачный бой. После первого же удара Оттавио падает на ковер и начинает считать:

— Один, два, три, четыре...

— Что ты делаешь?

— За отсутствием судьи считаю сам. Девять, десять. Я в нокауте. Теперь ты больше не имеешь права бить меня!

— С тобой неинтересно боксировать,— говорит дядя.

К счастью, среди бандитов оказывается бывший чемпион страны по поднятию тяжестей в средней весовой категории. Он берется тренировать барона, и после двенадцати попыток барон побеждает его. Он на седьмом небе.

Оттавио — на земле.

Потом происходит эта история с отрезанием уха. Затем отрезание пальца. И Оттавио совершенствует свой план — он убьет барона, а виноваты будут бандиты! Но, как ни пытается, никак не может найти для этого подходящий случай.

Наконец происходит непредвиденное. Вечером барон задерживает Ансельмо за шахматной доской.

— Уже поздно,— говорит мажордом, передвигая королеву.— Пора нести ужин в мансарду.

— Пусть отнесет Оттавио,— рассеянно отвечает барон.

— Он не сумеет это сделать,— возражает Ансельмо.— Он рассыплет соль.

— Я сказал тебе — пошли Оттавио!

— О чем это вы шепчетесь, эй вы там? — вмешивается главарь банды, отрывая взгляд от журнала с комиксами.— Потихе, не то ваши шахматы полетят в озеро.

Ансельмо вынужден просить Оттавио отнести ужин шестерым труженикам наверху. Он делает это со слезами на глазах и с болью в сердце. Страшное подозрение судорогой перехватывает ему желудок. Но нужно повиноваться барону.

А Оттавио вынужден умолять свои ноги, чтобы они не закружили его в вальсе и не выдали его радость. Глядя, как он несет поднос, можно подумать, будто он всю жизнь только и делал, что служил официантом в каком-нибудь большом отеле на Лаго-Маджоре.

На лестничной площадке он на минуту задерживается, будто для того, чтобы поправить свернутые трубочкой салфетки, уложенные в стаканы. На самом деле он насыпает в супницу столько снотворного, что им можно усыпить и паровоз.

— Ну вот, все в порядке! Лиха беда начало! — напевает он, весьма довольный собой.

— О, у нас новый слуга! — восклицает синьор Армандо. Улыбается даже синьора Мерло, которая в это время работает:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Улыбаясь, она сбивается, и два или три раза произносит:

— Альберто, Альберто, Альберто...

К счастью, никто не замечает, разве что племянник Оттавио, который тоже улыбается ей и шутит:

— Я не Ламберто и не Альберто. Меня зовут Оттавио.

Остальные, не занятые работой, принимаются за еду.

— Странно,— говорит Дельфина, попробовав суп,— пахнет капустой и в то же время веником.

— А по-моему,— говорит синьора Дзанци,— сюда добавлена смородина. Но вкусно!

— Кстати,— спрашивает Дельфина,— позавчера в доме появились какие-то странные вооруженные люди. Кто это?

— Охотники,— с готовностью поясняет Оттавио.

— А что, на острове водятся зайцы? — интересуется синьор Джакомини. Он ведь не только настоящий рыболов, но и настоящий охотник.

— Нет, они тут проездом,— сквозь зубы цедит Оттавио.— На второе, как видите, говяжье филе с фисташками, с гарниром из цветной капусты и баклажанная икра. На третье — персиковый пудинг и суфле по-сицилийски.

— Опять суфле? — ворчит синьор Бергамини. — Нет чтобы приготовить хоть раз поленту!

— Вам назавтра приготовить поленту, синьор Бергамини? — заботливо спрашивает Оттавио.

— Поленту на первое, поленту на второе и поленту на третье!

— Синьор Бергамини говорит только о себе, — уточняет синьора Дзанци. — Нас вполне устраивает то, что готовит синьор Ансельмо.

Оттавио смотрит, как они едят, и мысленно потирает руки.

После второго блюда синьор Армандо сменяет синьору Мерло, и она принимается за свой суп.

— Вкусно, — говорит она, — похоже, что сюда добавлены абрикосы. Надо будет взять рецепт у синьора Ансельмо.

Оттавио давно уже пытается завязать разговор с синьориной Дельфиной.

— Мне бы хотелось, — говорит он ей, — пригласить вас на прогулку.

— Куда? На крышу?

— О, нет! В Милан на виа Монте Наполеоне... В Рим на виа Венето... В Барселону на бульвар Рамблез... В Париж на рю Риволи...

— И на Капри?

— Капри... А где это?

— Ну вот, сразу видно, что вы плохо знаете географию!

— Синьорина, вы все шутите, а я говорю серьезно. Мне бы хотелось подарить вам ожерелье...

— Из сушеных каштанов? — заканчивает его фразу синьорина Дельфина.

— Мне бы хотелось унести вас в горы...

— На руках? Смотрите, я ведь вешу шестьдесят килограммов, хотя на вид можно подумать, что только сорок семь.

— Вы бы поехали со мной в Сингапур?

Какой подлец! Только что подсыпал ей в суп снотворное и вовсю любезничает.

Но теперь пора спуститься вниз, чтобы успокоить подозрительного Ансельмо. Партия в шахматы окончена победой барона. Теперь они играют в карты. Барон и Ансельмо против двух бандитов. Опять побеждает барон. Но от бесконечных побед ему явно хочется спать. Он широко зеваает и смотрит на часы.

- Поздно,— заявляет он.— Я пошел спать.
- А мне интересно,— говорит главарь банды.
- Что интересно?

— Вырастет ли у вас завтра новый палец, так же как ухо.

- Возможно. Хотите поспорить?

— Нет, мне некогда спорить. Мне надо решить, послать ли вашим директорам вашу правую ногу или, может быть, пригласить кого-нибудь из них сюда, чтобы они убедились, что вы живы.

— А почему бы вам не послать в Орту меня самого? — улыбается барон.— Даю вам честное слово, что вернусь. Могу переправиться вплавь, если хотите.

Оба внимательно изучают друг друга. Бандит видит в глазах барона высокомерное спокойствие, которое объясняет многолетней привычкой властвовать. Барон видит в глазах бандита холодную решимость. Этот человек не задумываясь раздавит его, как муху. Его вежливость — лишь тонкий слой ванильной пудры на тротиловой бомбе. Барону становится не по себе. «К счастью,— думает он,— я неприкосновенен. Важно, чтобы не сдали нервы». Зевок. Еще зевок.

— Я пошел спать,— снова говорит барон.— Приятных сновидений всем.

— Спокойной ночи, дядя,— улыбается Оттавио, коварный, как Иуда.

— Спокойной ночи, синьор барон.— Это Ансельмо. Бандит ничего не говорит.

Барон Ламберто ложится в постель, мгновенно засыпает и видит множество разных путаных снов. Ему кажется, что он на ринге и сейчас начнется бой. Его противник Оттавио, но он же и главарь банды. Он коварно улыбается. В одной перчатке сжимает серебряный резак, в другой — автомат. Затем он бросает оружие, хватая штангу. «Что ты делаешь? — хочет спросить Ламберто.— Это же не по правилам». Оттавио приближается, все выше поднимая штангу. Его улыбка превращается в пугающую гримасу — лицо искажается злобой.

— Оттавио, ты сошел с ума!

Но барон не может произнести ни слова. Язык его онемел, горло что-то сжимает, дышать трудно...

— Будем считать, что игра окончена,— говорит Оттавио.— К черту настой ромашки!

И нет Ансельмо. Барону кажется, что в начале раунда он изображал судью. Ну да, вот он играет в лото с главарем банды. «Ансельмо, Ансельмо», — хочет позвать барон, но имя мажордома застревает в горле, опускается в трахею и невыносимой тяжестью ложится на сердце. Барону Ламберто кажется, будто он с мучением просыпается в какой-то липкой и очень горячей воде, в которой невозможно плыть. Вынуть руку из воды ему так же трудно, как поднять гору. Рука тянется вверх, она вся облеплена водорослями, дохлыми рыбами, какими-то грязными бумагами. Наконец, барон просыпается в своей постели. Но кошмар не проходит. Барон едва дышит и чувствует, как что-то сжимает ему горло, а затем острая боль пронзает грудь. Он тянет руку, чтобы позвонить в колокольчик, и не может дотянуться. Он хочет позвать Ансельмо, но не может шевельнуть языком. Собрав последние остатки сил, он засовывает руку под подушку, нажимает кнопку. Слышится громкое храпение. Никто больше не произносит его имя. «Спят, — думает барон, — и я умираю». Но он не успевает испугаться — он уже мертв.

Ансельмо обнаруживает его уже остывшее тело в шесть утра, когда приносит кофе. Он не предается отчаянию и не устраивает сцен, он нажимает одну за другой все кнопки. Ничего не слышно. Похоже, работа в мансарде прекращена.

Ансельмо бросается наверх, запыхавшись, вбегает в одну комнату, в другую... Служащие барона Ламберто лежат в разных позах на полу, на кроватях, где попало, и спят.

— Предатели! Убийцы! Вот как вы соблюдаете договор! — кричит Ансельмо. Он расталкивает их, тормошит, пытаясь разбудить, но безуспешно. Они спят так крепко, что их можно было бы принять за убитых, если б не слышно было равномерное и немного затрудненное дыхание. Ансельмо бьет по щекам синьору Мерло, брызгает водой на лица других, тянет их за руки. Ничего не поделаешь. Они не проснутся, даже если б стали палить из пушек.

«Снотворное! — думает Ансельмо, оглядываясь, чтобы найти зонтик, который уронил где-то. — Это работа Оттавио!»

— Проснитесь! Проснитесь! — снова кричит он, обливаясь слезами. — Продолжайте работать!

Его крики настораживают часовых, и они прибегают наверх, узнать, в чем дело.

— Барон умер! — плачет Ансельмо. — Он умер во сне. И вам тут больше нечего делать. Уходите отсюда!

— Спокойствие! — говорит главарь бандитов, которого позвали часовые. — Спокойствие, и еще раз спокойствие! Осмотрим труп.

Сомнений нет. Барон скончался. Смерть констатирует бандитский врач.

— По-моему, — говорит он, — смерть наступила в результате сердечно-сосудистого коллапса.

— И ничего подозрительного? Никаких следов укулов? Может быть, кто-нибудь отравил его?

— Я абсолютно исключаю это. Барон умер своей собственной смертью.

— Интересно, — говорит главарь банды, — а какживает палец?

Бандитский врач разбинтовывает руку и говорит, заикаясь:

— Палец вырос наполовину. Доживи барон до утра, у него было бы два указательных пальца, а всего, следовательно, десять, как и прежде. Двадцать, считая пальцы на ногах.

— А вы, — обращается главарь банды к синьору Ансельмо, — отправляйтесь в свою комнату и сидите там. Двое будут сторожить вас. А где тот, другой?

Оттавио еще спит в своей постели ангельским сном. Когда ему сообщают, что дядя Ламберто отошел в лучший мир, как говорили когда-то, он велит дать платок и прикрывает глаза, чтобы никто не увидел, что у него нет слез. Бандиты запирают его на ключ и направляются наверх, в мансарду. Тут беспокоиться не о чем. Все спят, как сурки, и нет никакого способа разбудить их. Достаточно запереть на ключ и поставить часового на площадку.

— Теперь, — решает главарь банды, — подумаем о нас самих. Живой барон Ламберто являл для нас перспективу получить двадцать четыре миллиарда. За его труп нам не дадут и сольдо!

— У нас есть его племянник, — замечает кто-то из бандитов.

— Он стоит еще меньше. В своем последнем завещании барон оставил ему только парусную лодку. Он этого еще не знает, но мне это известно доподлинно.

Так что наша затея провалилась. Нам остается только дать деру.

— И попасть прямо в лапы полиции, которая окружает остров.

— А летчик, который должен был прилететь за нами?

— И не подумает это сделать, потому что ничего не заработает.

Главарь банды трезво оценивает положение.

— Надо что-то придумать, чтобы уйти отсюда незаметно.

— Может быть, превратиться в невидимок...

— Не говори глупостей.

— Пророем туннель над островом, под озером, под горами и выйдем прямо в Швейцарию!

— Помолчи, дай подумать.

— А что, разве только ты умеешь думать?

— Думайте и вы все думайте, только про себя и не болтайте глупостей.

Главарь думает, думает, но это все равно что царапать мрамор: ничего не получается — ногти не берут его.

Время от времени кто-нибудь вдруг оживляется, будто готов выдать идею, но тут же сникает. И сам понимает — не то...

— Да нет, не годится...

К тому же почти все двадцать четыре Ламберто все время отвлекаются от главного — кто мысленно переносится на пляж на Балеарские острова, кто видит себя на балконе гостиницы в Макиньяна... Только главарь умеет сосредоточиваться на главном, да к тому же так, что даже зубы начинают болеть. Но нужная мысль все-таки не приходит.

— Возьмем-ка словарь, может он что-нибудь подскажет, — решает главарь.

Не все знают, что такое словарь, но молчат, чтобы не выдавать свое невежество. Впрочем, главарь уже достал из шкафа какую-то толстенную книгу, открыл ее и наугад ткнул пальцем в страницу.

— Светопреставление, — читает он. — Да, если б наступил конец света, в суматохе мы, конечно, могли бы удрать даже в Сицилию. Попробуем еще.

Теперь его палец останавливается на слове «рысь».

— Плотоядное млекопитающее, распространенное в Европе, — читает он. — Ловкий, подвижный хищник с очень мягкой шерстью, с кисточками на кончиках ушей.

Далее попадаетея слово «талък».

— А это нам годится,— говорит кто-то из бандитов.— Закажем двадцать четыре мешка талька, спрячемся в них и отошлем обратно. Мол, вы нам прислали белый, а нам нужен розовый талък. По дороге спрыгнем с грузовика...

— Трапедия,— читает главарь, продолжая в поисках подходящей подсказки наугад тыкать пальцем в желтые страницы.

Одно за другим в хаотическом беспорядке следуют: «Формикология. Наука о муравьях», «Ерш. Приспособление для чистки трубок, бутылок и т. п.», «Қачотта. Плоский овальный нежный сыр, который изготавлиют в Центральной Италии». Превосходен к ужину, но совершенно не годится для побега.

Разозленный главарь продолжает лихорадочно листать страницы. Теперь он уже не читает объяснения, а только выстреливает словами, как пулями: «додекаэдр», «метафора», «закись», «пролегомен», «окно». При слове «окно» бандиты облегченно вздыхают. Хоть это они слава богу понимают без объяснений. Затем вдруг появляется слово «пи-пи», и все громко хохочут. Кто бы мог подумать, что даже такое слово можно найти в этом словаре!

Главарю не смешно. Он опять наугад открывает словарь, да так и замирает, прижав палец к странице и широко открыв глаза. Даже вроде бы слышно, как гудит его напряженно думающий мозг. Все замерли в ожидании.

— Кретин! — говорит наконец главарь.

— Ах, вот как! Тут и оскорбления отмечены! Чем дальше, тем лучше.

— Кретин — я, что не подумал об этом раньше,— уточняет главарь.

— Что же ты придумал?

— Вот читай.

— Ладно, не мучай.

— Футбольный мяч! — торжественно заявляет главарь.

Остальные двадцать три Ламберто смотрят на него, ничего не понимая, но смутно подозревая, что от слишком большого умственного напряжения их главарь теряет рассудок.

— При чем здесь футбол? — спрашивает один из Ламберто своего соседа.

— Соскучился, наверное.

Но в мыслях у главара не футбольное поле. Слово «мяч» напомнило ему слово «шар», а также то, что он видел в один из первых дней после захвата острова.

— Мы спустились в подвал, я, барон и его мажордом. Знаете, какой у него большой винный подвал! Я осмотрел его тогда метр за метром, этаж за этажом. Вы ведь и не знаете, что здесь есть еще пять подземных этажей.

— Ты ничего не говорил об этом. Откуда же нам знать?

— На пятом, то есть на самом глубоком этаже, у барона есть, вернее, был его личный музей. Он показал мне его только потому, что я пригрозил ему пистолетом. Он хранил там колясочку, в которой его прогуливала няня, трехколесный велосипед, на котором научился крутить педали, сейф из своего первого банка, фотокопию первого миллиарда, короче, разные свои личные сувениришки. Одна из комнат музея забита какими-то огромными тюками, перевязанными грубыми веревками. И знаете, что в этих тюках? В тот день барон сказал буквально так: «Тут лежит самая дорогая мечта моей жизни. Здесь все, что нужно для постройки воздушного шара, на котором я хотел слетать на Северный полюс, где еще никогда никто не был. Тут полотнища, детали корзин, баллоны с газом. А в этой папке чертежи и инструкции по сборке. Даже ребенок при желании может собрать его за несколько часов». Я слушал его тогда одним ухом, потому что мне это было ни к чему. Хорошо, что вспомнил сейчас! Вы меня поняли теперь?

— Нет,— упавшим голосом признался кто-то из бандитов.

— Мы улетим на воздушном шаре!

— Ну да, а полиция пальнет в него разок, и фьюить — шар лопнет!

— А мы ночью!

— Осветят прожекторы...

— Нет! Мы сообщим полиции, что прожекторы мешают барону Ламберто. Их свет проникает в окна и не дает ему спать.

— А куда полетим?

— В Швейцарию.

— А потом?

— А потом мама подоткнет тебе одеяльце, даст конфетку и поцелует в лобик. Хватит болтать! За дело!

Не все Ламберто убеждены, что это правильный путь. Но главарь, похоже, опять так уверен в себе... Не остается ничего другого, как следовать за ним. Кто-нибудь может предложить что-либо более подходящее? Никто. Есть другой способ выбраться отсюда? Нет. Значит, надо действовать именно так: собрать шар и улечь на нем за горы.

10

Утром в Орте никто ничего не знает о том, что произошло за ночь на острове. Но у многих почему-то рождается ощущение, что день предстоит необычный. Тем временем автобус, который привозит банкиров из Миазино, прибыл на четверть часа раньше обычного. Вот они упругим шагом гуськом поднимаются по наружной лестнице особняка мэрии. И всегда находится кто-нибудь, кто со смехом пересчитывает их:

— ...сорок шесть, сорок семь, сорок восемь!

Но почему они вдруг быстро спускаются обратно? Потому что уборщица еще моет пол. Придется подождать в галерее. Молчаливая, настороженная толпа окружает генеральных директоров. Те, кто уже присмотрелся к ним, дают объяснения другим, немногим правда, кто еще не способен отличить генерального директора амстердамского банка от генерального директора александрийского банка в Египте. Есть даже и такие, кто способен невооруженным глазом отличить и каждого из двадцати четырех личных секретарей.

— Заходите! — кричит уборщица. — Да чтоб не бросать окурки на пол!

Банкиры вновь поднимаются по лестнице и скрываются за дверью. Толпа расходится, посматривая, однако, по сторонам, нет ли какого-нибудь другого явления, достойного внимания. А вот, кстати, уже возвращается с острова Дуилио, отвозивший туда продукты.

Харон выскакивает из лодки и со всех ног бежит на площадь, преследуемый самыми молодыми журналистами (те, кто постарше, еще завтракают на балконе гостиницы).

— Куда вы?

— Харон, улыбнитесь для прессы!

— Как поживают ваши внуки? Не болит больше живот у вашей тещи?

Лодочник влетает в магазин канцелярских товаров и, не переводя дыхания, заявляет:

— Скорее! Скорее! Тридцать килограммов скача!

— Что? Тридцать килограмм чего...

— Скача, скача!

— Но у меня нет ни тридцати килограммов, ни тридцати граммов! Вот только это...

Продавец выкладывает пять или шесть роликов липкой ленты разной ширины.

— Давайте что есть. А где еще можно купить?

— У «Домашних хозяек», тут рядом.

Дуилио мчится в магазин для домашних хозяек. Затем стучится в табачную лавку. И самое большее, что ему удастся набрать, это пятьсот или шестьсот граммов скача.

— Мы поможем вам! — предлагают молодые журналисты. И они действительно разделяются на группы и на своих машинах направляются в разные стороны — кто едет в Гоцаму и в Боргоманеро, кто в Оменью и в Гравеллону Точе скупать скач. Через час они возвращаются с грудой разноцветных катушек и вручают их Дуилио с такой гордостью, будто участвуют в каком-то историческом событии.

— Я купил голубой, потому что он больше подходит под цвет озера.

— Вот три килограмма скача в подарок от «Гадзетта ди Кварно»!

— А это три с половиной от имени «Коррьере дела Валь Строне»!

Дуилио загружает скач в свою лодку и направляется к острову. Новая тема для живой дискуссии разогревает любопытство собравшихся.

— Что они будут делать со всем этим скачем?

— Да ясно же — он нужен, чтобы упаковать деньги, которые они получают за барона!

— А бумага у них есть, чтоб завернуть?

— Вот увидите, они пришлют его и за бумагой!

Когда Дуилио снова возвращается с острова и снова бежит на площадь, толпа уже ждет его у канцелярского магазина. Но Дуилио кидается к магазину строительных товаров, показывает продавцу тоненькую стальную цепочку и говорит:

— Пятьсот метров вот такой цепочки!

— Я могу дать тебе пятьсот отверток, — отвечает продавец, — пятьсот гвоздей, пятьсот лопат. В моем мага-

зине самый большой выбор товаров во всей провинции, но стальная цепочка, как раз такая, кончилась. Могу заказать, и через пару дней получишь.

— Мне нужно немедленно,— отвечает Дуилио.— Скажите, где еще можно найти такую?

— А почему ты не возьмешь пятьсот молотков? — спрашивает продавец.— Смотри, у меня есть пятьсот клещей, пятьсот пинцетов...

Он уговаривает, упрасивает, настаивает. Еще никто никогда не выходил из его магазина с пустыми руками. Но Дуилио стоит на своем. Образно говоря, конечно, потому что он уже бежит со всех ног к мэру.

— Синьор мэр, что делать?

— Советую обратиться к синьору Джузеппе в Оменье.

Синьор Джузеппе известен тем, что способен, пока вы прочтете статью в газете, достать что угодно. Вы можете попросить у него «Фиат» 1913 года, пушку времен первой мировой войны, костюм короля Солнца, колесницу эпохи Нерона, машину для ошипывания кур — он и глазом не моргнет, поедет и привезет. Сами понимаете, достать полкилометра стальной цепочки — для него такие пустяки.

Еще до наступления вечера, выполняя просьбу бандитов и заполняя новым грузом лодку Дуилио, синьор Джузеппе достает: двадцать четыре плетеные корзины для белья, перфорированную сковородку для жарения каштанов, полное собрание сочинений немецкого философа Иммануила Канта, топографическую карту Альп, керамическую копилку в виде поросенка, который, стоит опустить в его живот монетку, благодарит покачиванием хвостика.

Бандитам, очевидно, нужны кое-какие материалы, чтобы закончить сборку воздушного шара, которую они ведут тайком, и, чтобы сбить всех с толку, они требуют и другие вещи, которые не имеют ничего общего с аэронавтикой. Цель достигнута. В особняке мэрии, где непрерывно заседают банкиры со своими секретарями, все в полном недоумении. Тут ждут ответа на свое требование увидеть барона Ламберто во плоти, живым и невредимым, а их просят добыть сита для фасоли. Они с тревогой ждут, что вот-вот им поднесут какой-нибудь хорошо упакованный сверток с ногой барона, как угрожали бандиты, а им приходится изучать просьбу прислать коробку монпансье.

А время идет. Обстановка складывается все более непонятная. Вот уже и солнце скрывается на западе, за горами. По озеру пробегает свежий вечерний бриз, и те, у кого есть свитер, спешат надеть его. В барах все меньше заказывают пиво и мороженое и все больше — горячительные напитки. День был полон непредвиденных событий и непонятных предметов, но переговоры не продвинулись ни на шаг.

Затем наступает ночь, и тут уж ничего не поделаешь. Ночь к тому же безлунная. В темноте Сан-Джулио, берега которого слабо освещены осаждающими (свет фар уменьшен, чтобы не беспокоить сон барона), кажется островом призраков, посмотришь на него, и даже мурашки пробегают по коже.

Поздно ночью одному из журналистов, дежуривших на площади, показалось, что он видит над виллой барона какую-то большую черную тень. Но журналист этот так молод, что никто не придает его словам никакого значения. Более солидные его коллеги даже носа не высовывают из кафе, где так тепло и можно поиграть в карты.

— Черная тень, говорите? Ну так, наверное, сам дьявол.

— А рога у него есть, не видели?

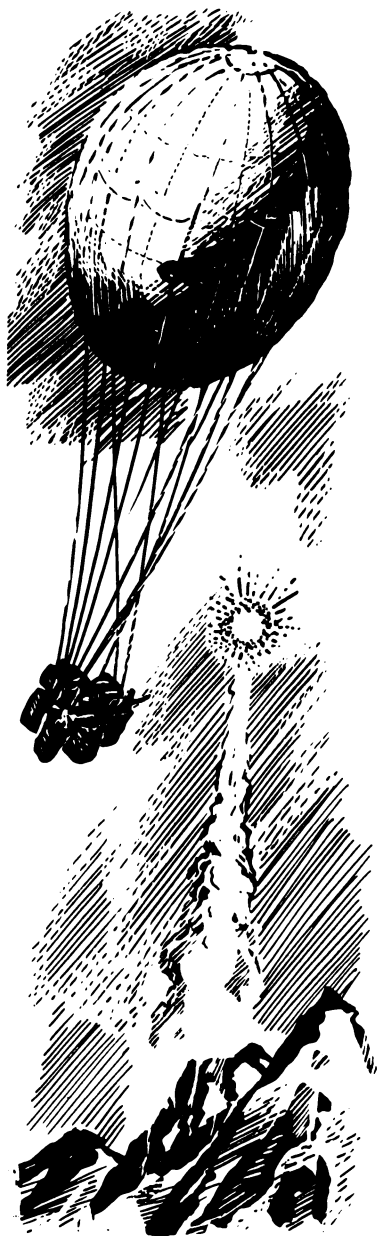
— Запаха серы не было?

Спустя некоторое время этот журналист и сам не видит больше эту странную черную тень.

— Мне кажется, она была там, прямо над крышей. Наверное, это был оптический обман.

На самом же деле это был большой воздушный шар, поднявшийся в воздух. Никто не видел ни его, ни «двадцати четырех Ламберто», спрятавшихся под ним в двадцати четырех корзинах для белья. Холодный ветер, который обычно дует над озером с юга на север, относит шар в горы. Тихо, беззвучно, необыкновенно спокойно путешествует он в ночи. Еще несколько часов полета, он пересечет границу, даже не заметив ее, и окажется в швейцарском воздушном пространстве, даже не уплатив таможенного налога. Да, именно так все, наверное, и произошло бы... Но случается ведь, в какой-то момент события приобретают совершенно неожиданный оборот.

На вершине одной из гор расположился детский спортивный лагерь. И ребята задумали ровно в полночь запустить ракету, чтобы приветствовать своих товарищей, которые раскинули лагерь на вершине другой горы. Одна из ракет ярко освещает величественный аэростат с его

двадцатью четырьмя корзинами. Вторая ракета случайно задевает шар, и он загорается. К счастью, в этот момент пассажиры его находятся всего в нескольких десятках метров от вершины горы. Пожар постепенно раздувается... Короче, еще до того, как шар взорвался, двадцать четыре Ламберто успевают приземлиться и сдать ся юным спортсменам, которых они принимают за полицейских. А сдавшись, они уже не могут, разумеется, закричать: «Чур, не игра!»

В течение некоторого времени эта новость передается с одной любительской радиостанции на другую, все не попадая, однако, на «официальную» волну. Один радиолюбитель из Домодоссолы не совсем точно понял, как обстоит дело, но тут же передал, что на вершину горы Моро опустилась летающая тарелка. А другой радиолюбитель из Локарно, на севере Лаго Маджоре, тоже не очень хорошо расслышал передачу и передал своим партнерам, что двадцать четыре спортсмена уплетают сосиски в долине Виджеццо. Все радиолюбители Пьемонта, Ломбардии и Кастиль Тичино прильнули к аппаратам и своими бесконечными «перехожу на прием», «заканчиваю прием» устраивают в эфире такую невероятную свистопляску, что ничего нельзя понять.

Уже почти рассветает, когда и в Орте получают наконец точное и ясное известие о том, что банда из двадцати четырех Ламберто без единого выстрела захвачена в горах на высоте две тысячи метров над уровнем моря группой мальчишек в коротких штанишках. Немедленно отдаются распоряжения и контрраспоряжения. Моторная лодка с полицейскими и вооруженными людьми в штатском осторожно приближается к острову, как раз вовремя, чтобы увидеть, как с шумом распахивается окно и появляется всклокоченная голова мажордома Ансельмо, который что-то кричит.

— Что вы говорите? Громче, громче!

Ансельмо машет зонтиком, будто это может усилить его тихий, ослабевший от испуга и волнения голос.

— Барон умер! — кричит он. — Но что вы делаете? Не приближайтесь! Они будут стрелять! Они способны на все!

— Успокойтесь, — отвечают полицейские. — Успокойтесь! Опасность миновала. Бандиты пойманы.

Ансельмо уже не слушает. Он бежит в мансарду к шести соням, но они продолжают крепко спать. Все, что Ансельмо может сделать, это написать печатными буквами записку и положить ее на видное место, чтобы они увидели ее, когда проснутся:

«ИЗ-ЗА ВАС УМЕР БАРОН ЛАМБЕРТО!

ВЫ ВСЕ УВОЛЕНЫ БЕЗ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ!»

Затем он открывает комнату, в которой заперт Оттавио. Тот, в свою очередь, спит как ни в чем не бывало.

— Который час? — спрашивает он, проснувшись оттого, что Ансельмо распахивает окно.

— Половина шестого.

— Уже вечер?

— Утро, утро! Вставайте скорее!

— Зачем? Что может быть срочного в такое время?

— Вы забыли, что умер барон, ваш дядя?

— Конечно, — говорит Оттавио, — надо позаботиться о похоронах.

11

Пройдет много лет и, наверное, даже много веков, прежде чем голубые воды озера Орта вновь увидят такие похороны, какие были устроены барону Ламберто, — лучше, чем цветной фильм. Даже день выдался какой-то совершенно необыкновенный, неповторимый. Солнце, скры-

тое в легком тумане, освещало окрестности каким-то особым, серебристым светом, а горы словно подняли свой зелено-голубой театральный занавес, отчего вдали за их вершинами возникла величественная Монте Роза, подобно великану, смотрящему со своей высоты на маленьких людей.

Близкие и далекие, на берегу и на холмах, повыше и пониже в горах — сколько колоколен вокруг озера? Больше тридцати наверняка. И все они с самого раннего утра обмениваются торжественным перезвоном. И с каждой колокольни любителю зрелищем какой-нибудь пономарь или служка.

Пятьдесят тысяч человек собралось на восточном берегу озера и по меньшей мере столько же на западном. Мыс, на котором расположен городок Орта, так заполнен людьми, что, не будь в его основании прочного утеса, он, наверное, опустился бы в воду. Барона Ламберто все знали еще до захвата острова бандитами. Он был хорошо известен при жизни. Нетрудно представить, каким знаменитым стал он теперь — после смерти.

Прах его должны перевезти на лодке с острова в Орту и отсюда в Домодоссолу, где находится семейный склеп Ламберто.

Между островом и Ортой всего каких-нибудь пятьсот метров — слишком мало, чтобы похоронный кортеж мог растянуться во всю длину, поэтому было решено, что он будет двигаться не по прямой, а поворачивая то вправо, то влево, на манер тех китайских мостиков, которые, ведя вас из пункта А в пункт Б, все время делают зигзаги, чтобы дать вам возможность полюбоваться панорамой с самых разных точек.

Открывает кортеж большая лодка, в которой сидят священник и служки. Среди них особенно выделяются внуки лодочника Дуилио, которые всюду суют свой нос. Они такие непоседы, что, кажется, сейчас побегут по воде и не утонут. Они ссорятся с другими детьми из-за ведерка со святой водой и получают от священника пару хороших подзатыльников.

Затем следуют двадцать четыре совершенно одинаковые лодки. В каждой сидит генеральный директор банка со своим секретарем. Всего, следовательно, сорок восемь чиновников в черных костюмах с мрачайшими лицами. Дело в том, что, когда они прибыли на остров, гроб Ламберто был уже закрыт.

— Но как же так, — удивились они, — а мы?

— Что вы? — спросил Оттавио с каменным лицом.

— Но... Мы... Мы хотели бы отдать должное... И кроме того, официально удостоверить, что это барон...

— Официально удостоверили это члены семьи, то есть я, его единственный племянник, и мажордом Ансельмо.

Так двадцать четыре директора остались со своими сомнениями, и пока похоронный кортеж, извиваясь, движется по озеру, они продолжают задавать себе все тот же вопрос: кто же все-таки лежит в гробу — барон или загадочный самозванец? А если так, где же настоящий барон?

За банкирами движется лодка с гробом покойного. Ею управляет Дуилио, прозванный в шутку Хароном, который сегодня и в самом деле выполняет роль перевозчика душ. На лодке поднят черный флаг с огромной золотой буквой «Л» на полотнище. За лодкой с гробом следуют две поменьше. В одной сидит племянник Оттавио, притворяясь, будто вытирает слезы белым с черной каймой платком. На самом деле, если б не боязнь потерять равновесие, он, наверное, танцевал бы от радости. Ведь через несколько часов он узнает, какая часть безграничных дядиных богатств заполнит его пустующие карманы. На другой лодке стоит, опираясь на свернутый подобающим образом зонт, мажордом Ансельмо. Он все терзается своими подозрениями по поводу Оттавио. Но кто поверит ему, вздумай он открыто обвинить племянника барона? Ладно, допустим, можно доказать, что это он подсыпал снотворное в ужин обитателей мансарды. Ну и что? Какой врач, какой судья поверит, что барон умер только оттого, что перестали произносить его имя? Они посмотрят на него как на ненормального и, наверное, спросят:

— Вы хотите, чтобы мы поверили в сказки? Вы забываете, что мы живем в двадцатом веке.

Ансельмо плачет. В хороший морской бинокль даже издали можно увидеть крупные слезы, которые катятся по его щекам и капают на зонтик.

Далее следуют другие лодки с разными официальными лицами — гражданскими и военными, итальянскими и иностранными. Затем лодки с флагами различных обществ, благотворителем которых барон всегда был: любителей-цветоводов из города Орта, союза англо-пруских банков, общества друзей финансов, общества друзей казны, общества любителей кошек и так далее. Все

эти знамена составляют великолепную цветовую гамму.

Затем движутся сто двадцать семь моторных лодок с венками, присланными со всех континентов планеты, один даже с Огненной Земли. Чего стоит присутствующим только пересчитать все эти венки! Кто насчитывает на два больше, кто на два меньше. Чтобы не спорить, договариваются на цифре — триста двадцать. Но какой-то маленький синьор все-таки продолжает настаивать на том, что их триста двадцать один. Всегда ведь находится какой-нибудь оригинал, который не желает соглашаться с общим мнением.

Тем временем десятки тысяч людей вздыхают и с волнением обмениваются впечатлениями:

— Бедный барон Ламберто! При всех своих деньгах...

— Да, Ламберто был, конечно, очень богат!

— Ламберто был еще и очень добр.

— Кто? Ламберто? Да он был добрее всех на свете!

— А это тот Ламберто, который...

— Да, да, тот самый Ламберто.

— А какой вы думали это Ламберто?

— Ламберто только один и есть... Вернее, был.

— Жил-был однажды Ламберто!..

Замыкает похоронный кортеж большая лодка, в которой сидят музыканты. Это оркестр миланских трамвайщиков, специально прибывший сюда на поезде. Оркестр исполняет один траурный марш за другим.

— Барон Ламберто был истинным любителем музыки.

— Ламберто любил красивые вещи...

— Эх, сердце Ламберто...

— Как вы сказали? Ламберто умер от болезни сердца?

— Говорю, что у него было большое сердце, у Ламберто.

— Бедный Ламберто!

— Ламберто — там...

— Ламберто — здесь...

— Ламберто — тут...

— Ламберто — повсюду...

Если б кто-нибудь мог подняться высоко-высоко над землей и послушать оттуда сразу все, что звучит сейчас на берегах озера Орта, то он услышал бы только одно:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Конечно, люди говорят и о другом. Следуя в похоронной процессии, промышленники из Оменья говорят о кофеварках, фабриканты сантехнической арматуры из

Сан-Маурицио д'Опальо обмениваются сведениями об арабских шейхах, которые заказали партию золотых краников, фабриканты зонтиков из Джиньезе сетуют на то, что лето, по их понятию, было слишком засушливым, горцы из Вальстроны обсуждают цены на древесину, художники-абстракционисты из Вербании ругают своих коллег — художников-реалистов, и наоборот. Но всегда находится хотя бы один человек, который упоминает Ламберто, и не успевает он произнести «о» из его имени, как кто-то другой уже произносит «Л». Никто ничего не планировал, не программировал, но факт тот, что сто или даже сто пятьдесят тысяч человек громко или тихо, женскими или мужскими голосами, так или иначе, беспрестанно произносят по очереди это имя:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

И вдруг — впрочем, это было просто неизбежно, этого надо было ожидать, и можно было поспорить на что угодно, что это случится, — в гробу покойного раздаются удары. Все в изумлении замирают. Священник пере-

стает читать молитву. Умолкает оркестр. Все затаили дыхание. Удары становятся все сильнее. Некоторые тут же падают в обморок от волнения, другие держатся — упасть в обморок всегда успеешь... Наконец крышка гроба со скрипом приподнимается, затем еще немного, еще... Вот она откидывается и летит в воду... И барон Ламберто поднимается из гроба во весь рост, оглядывается и громко кричит:

— Да это же все ошибка! Большая ошибка! Харон, вези меня скорей обратно домой! Ансельмо, смотри, не потеряй зонтик! Оттавио, куда ты так спешишь?

Оттавио сразу сообразил, что положение совершенно изменилось. Он тут же бросается со своей лодки в воду и быстро плывет к берегу.

А барон Ламберто продолжает весело кричать:

— Все это ошибка! Все надо переиграть! Похороны откладываются на неопределенное время, потому что покойник больше не играет!

По всему побережью вокруг озера раздается единое, нескончаемое «Ох!». Затем еще более громкое и продолжительное «Ах!». А потом раздается гром аплодисментов, радостные крики:

— Да здравствует барон Ламберто!

Дирижер оркестра миланских трамвайщиков не терпится в этой новой обстановке, и по его сигналу сто двадцать музыкантов знаменитого духового оркестра начинают играть триумфальный марш из «Аиды».

Ансельмо выуживает зонтик, который уронил от удивления в воду, открывает его, закрывает — словом, сам не знает, что делает.

— Синьор барон! — кричит он. — Что вам приготовить на обед? Хотите голубя а ля Кавур? Или вам больше нравится утка по-мантуански?

Барон не отвечает ему. Он целиком захвачен радостным волнением праздника. И если б в этот момент кто-то мог оказаться высоко-высоко над землей, то он непременно бы услышал, как еще громче и сильнее звучит над озером:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Так Ламберто жив...

— Наверное, кому-то показалось, что он умер...

— Счастливцев этот Ламберто!

— По правде говоря, Ламберто этого заслуживает...

— Ламберто — здесь...

— Ламберто — там...

На фоне общего радостного возбуждения сильным контрастом выделяются двадцать четыре генеральных директора и их двадцать четыре секретаря. Они не кричат, ничего не говорят и не выражают никаких признаков радости. Они устремили свои сорок восемь плюс сорок восемь глаз на барона Ламберто. Они испытующе изучают его фигуру и лицо и сравнивают со своими воспоминаниями и своими фотографиями, которые то и дело достают из бумажников. Они переглядываются и негромко совещаются. Наконец, приказывают своим лодочникам править к острову вслед за Хароном, который уже причаливает к берегу.

Барон Ламберто соскакивает на берег и еще раз приветствует всех, сжимая высоко поднятые над головой руки, как это делают боксеры-победители.

— Да здравствует барон Ламберто! — снова раздается над озером.

Затем люди постепенно расходятся, потому что смотреть больше не на что. Но все довольны — ведь это впервые за всю историю озера похороны завершаются таким счастливым финалом. Некоторое оживление еще заметно на полпути между островом и Ортой, в том месте, где затонул гроб и где любители оспаривают друг у друга последние остатки празднества, которые хотят сохранить на память об этом прекрасном дне.

Оттавио в это время уже далеко. Он останавливается только во Флоренции и то потому, что надо заправить машину бензином. И вряд ли еще когда-нибудь услышат о нем на зеленых берегах Орты. Прощай, Оттавио!

12

После двух дней и трех ночей вынужденного сна раньше других просыпается Дельфина. Она не сразу понимает, что проснулась. Ей даже кажется, будто начался какой-то новый сон — с неба спускается оркестр, исполняющий триумфальный марш из «Аиды», и она не очень хорошо понимает, льются ли в окно солнечные лучи или звуки трубы. Глаза ее открыты, но это еще ничего не значит — когда мы видим сны, глаза у нас тоже всегда открыты, кроме тех случаев, когда нам снится, что мы их закрыли. Ой! Какая жесткая постель...

Дельфина осматривается и видит синьору Мерло, которая лежит на полу, и голова ее под столом. Наконец

Дельфина соображает, что и сама тоже лежит на полу, и вскакивает как ужаленная.

Бросается к окну и видит, что на озере большой праздник. Бросается к столу и находит записку, оставленную Ансельмо: «Барон умер... Но виноваты вы... Уволены без предупреждения...»

— Что? Что? Синьора Мерло! Синьора Дзанци!

Шлепки, щипки, холодный душ из графина, крики — и вот наконец разбужены остальные пятеро ее товарищей.

— Моя смена? — бормочет синьор Джакомини и сразу же, еще зевая, принимается за работу:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Стоп! — кричит Дельфина. — Стоп! Незачем больше ламбертарить — мы уволены. Смотрите! Может быть, даже нас обвинят в убийстве. Синьор Армандо, пожалуйста, не засыпайте!

— Который час? — интересуется синьор Армандо.

— Спросите лучше, который день.

Синьор Армандо смотрит на свои часы, которые показывают не только время, но также день и месяц.

— Черт возьми! Сколько же мы спали? Что случилось, хотел бы я знать!

— Мне кажется, — говорит синьор Бергамини, — я слышу трубы берсальеров. Красивый звук!

— Это марш из «Аиды», — поправляет его Дельфина.

— Я знал когда-то в Тревизо одну синьору, которую звали Аида. Она держала остерию и очень неплохо готовила. Кстати, а вы не хотите есть? Что у нас сегодня на обед?

— Синьор Бергамини, вы, видимо, еще не поняли, что происходит. Честно говоря, я тоже не очень понимаю. Пойдемте, поищем кого-нибудь, кто бы нам объяснил.

Все соглашаются и спускаются вниз, в вестибюль, как раз в то время, когда ворота виллы распахиваются и во двор врывается толпа с радостными криками. Тут же полицейские, карабинеры, регулировщики уличного движения...

— О небо! — пугается синьора Мерло. — Неужели они хотят арестовать нас?

— Я, — говорит синьор Джакомини, — не открою рта, пока не прибудет мой адвокат.

— Я, — заявляет синьора Дзанци, — ничего не знаю! Я спала.

— А мы что, не спали?

— Не знаю. Когда я сплю, я не смотрю по сторонам и не вижу, что делают другие.

Но вот и синьор Ансельмо. Он устремляется к Дельфине и обнимает ее, ударяя зонтиком.

— Дорогая, дорогая синьора Дельфина! Это самый прекрасный день в моей жизни!

— А увольнение без предупреждения?

— Считайте, что его не было! Вы все вновь приняты на работу! Больше того, я бы нисколько не удивился, если б барон Ламберто на радостях в честь такого события увеличил вам зарплату.

— Минутку! Но синьор барон... Разве он не умер?

— Он жив! Он жив и здоров, как никогда!

— А эта записка?

— Считайте, что ее не было!

— Тогда пойдемте наверх,— предлагает синьор Бергамини.— Обед готов?

— Нет, подождите,— говорит Дельфина,— я хочу кое в чем разобраться.

— Если вы хотите видеть синьора барона, то вот и он! — говорит Ансельмо, ужасно довольный.

Сопровождаемый общими аплодисментами, входит синьор барон. Он улыбается и выглядит свежим, как майское утро. Все шестеро служащих смотрят на него, широко открыв глаза от удивления. Это барон? А куда делся старый сморщенный синьор, похожий на черепаху, с которым они познакомились несколько месяцев назад, когда поступали сюда на службу.

Они хорошо помнят его, этого дряхлого старика, который говорил еле слышным голосом, и казалось, вот-вот рассыпется. Он говорил им тогда, опираясь на палки с позолоченными набалдашниками и устремив на них свои крохотные глазки, спрятанные за тяжелыми веками:

— Прошу вас... Мое имя следует произносить ясно... Без особого нажима... Не слишком громко, но и не шепотом... Не растягивая... Каждый слог должен звучать отчетливо. Попробуем. Сначала все вместе, затем по очереди... Готовы? Начали... Ламберто, Ламберто, Ламберто...

— Как он помолодел,— замечает синьора Дзанци.

— Совсем другой человек! — добавляет синьор Армандо.

Дельфина становится еще мрачнее. Она не улыбается, даже когда синьор барон с поклоном целует ей руку и говорит:

— А знаете, вы очень похорошели!

— Мне кажется,— строго говорит Дельфина,— что сейчас вы должны нам кое-что объяснить, а не делать комплименты. Ведь нас обвиняют в вашей смерти.

— Это была временная смерть,— улыбается барон.— Ничего серьезного!

— Рады за вас,— говорит Дельфина.— Но, видимо, пора сказать нам то, что вы не сказали в свое время.

— Вы слишком многого хотите,— вздыхает барон.— А если я удвою вам зарплату?

Синьора Мерло открывает было рот, чтобы взволнованно поблагодарить его, но Дельфина опережает ее:

— Мы хотим знать смысл нашей работы. Для чего она? Какой в ней прок? Какое отношение она имеет к вашей жизни и к вашей смерти?

Барон снова вздыхает. Синьор Ансельмо, шокированный поведением Дельфины, хочет вмешаться, но барон возражает:

— Милый Ансельмо,— говорит он,— синьора Дельфина права. Она не только хороша собой, но еще и умна. Я хотел бы только знать, согласны ли с нею остальные?

Остальные опускают глаза, вздыхают. Они не знают, что же следует ответить. Но в то же время не хотят идти против Дельфины.

— Ладно,— говорит барон.— Сейчас я вам все объясню.

Но в этот момент во двор входят двадцать четыре генеральных директора банка, за ними следуют их двадцать четыре секретаря с портфелями. Они идут колонной по трое, военным шагом, с твердым намерением поближе рассмотреть барона. Толпа раздвигается, чтобы пропустить их. Они входят в вестибюль и окружают барона. Генеральный директор банка Ламберто в Сингапуре, самый старый, говорит за всех:

— Синьор, мы можем остаться с вами наедине?

Барон с удивлением разглядывает их. Похоже, они не очень довольны его воскрешением. Почему бы?

— Ансельмо,— говорит он,— проводите синьору Дельфину и ее друзей наверх. Я поднимусь к ним через несколько минут. Всем остальным дамам и господам моя сердечная благодарность и до свидания! Как види-

те, у меня деловое совещание... Ну вот, мы и одни. Нас, следовательно, сорок девять. Кто просит слова?

— Я,— говорит генеральный директор из Сингапура.

— Прошу.

— Я буду краток. Вернее, буду задавать вопросы. Почему это у вас вдруг два уха?

— Мне кажется, я имею на это право. Даже у кошки их два.

— Кому же, в таком случае, принадлежало ухо, которое прислали нам бандиты?

— Мне.

— Тогда, выходит, у вас было три уха, а не два?

— Дело в том, что...

— Покажите ваши руки, пожалуйста,— перебивает его генеральный директор.

Барон поднимает руки и сам тоже с любопытством смотрит на них. Ого! На месте ампутированного пальца вырос новый!

— Почему это у вас десять пальцев?— с возмущением спрашивает инквизитор.

— А у вас? А у вас самого сколько пальцев? А у вас, господа? А у папы римского сколько?

— Оставьте папу в покое! Вы самозванец!

— Признаю,— улыбаясь, соглашается барон Ламберто,— что все это несколько странно и необычно.

— И правильно делаете, что признаете,— снова перебивает его генеральный директор из Сингапура.— Что касается нас, то мы не признаем вас бароном Ламберто, владельцем и президентом банков, которые представляем.

— А кто же я, по-вашему, такой?

— Это ваше дело, уважаемый синьор. Ваши документы нас не интересуют. А за исчезновение барона Ламберто вы ответите полиции.

— Очень хорошо сказано! — хором подтвердили остальные двадцать три генеральных директора.

Двадцать четыре секретаря спешат зафиксировать и это важное замечание.

Барон Ламберто улыбается. Не шутке и не угрозе передать его полиции. Ему пришла в голову другая мысль. Она-то и заставляет его улыбаться.

— Господа,— говорит он, быстро вставая и направляясь к лестнице.— Будьте добры, подождите меня здесь минутку. Я забыл сделать одну очень важную вещь. А мой

мажордом тем временем предложит вам какой-нибудь прохладительный напиток.

— Но что вы затеяли?

— Куда вы? Идите сюда!

— Задержите самозванца!

Двадцать четыре плюс двадцать четыре взволнованных синьора с криком бросаются вслед за бароном Ламберто, который, перескакивая через три ступени, мчится вверх, распахивает двери мансарды, влетает в комнату, где его ждут шестеро служащих, и с ходу заявляет:

— Синьорина Дельфина, выходите за меня замуж!

— Что вы сказали, извините?

— Я прошу вас выйти за меня замуж! Разве это было бы не прекрасно? Мне это только сейчас, когда я беседовал с этими господами, пришло в голову. С тех пор как я увидел вас, мое сердце бьется только ради вас! Мои глаза видят только ваши зеленые глаза и ваши огненные волосы! Я чувствую, что мы созданы друг для друга и что мы всегда будем жить счастливо и дружно!

От радости синьора Дзанци и синьора Мерло бросаются друг другу в объятия и признаются, что всегда об этом догадывались. Синьор Армандо мрачнеет, потому что у него тоже были свои виды на синьорину Дельфину. Синьор Бергамини и синьор Джакомини вежливо аплодируют и позволяют себе пошутить:

— А когда же свадьба?

— Да здравствует синьора баронесса!

— Минутку,— невозмутимо говорит Дельфина,— я ведь еще ничего не ответила.

— Скажите — да, Дельфина! — спрашивает барон.— И это будет самый прекрасный день в моей жизни!

— А я скажу — нет!

Удивление, возгласы, комментарии: «Ну как же можно отказываться от такого счастья!», «Ей, видите ли, мало барона! Ей, наверное, нужен голубой принц!», «Это просто невежливо — отказывать такому порядочному человеку».

— Неужели «нет»? А может быть, только «нет, может быть»? Или «нет, посмотрим» или даже «нет, подождем немного»? — настаивает барон.— Оставьте мне хоть какую-нибудь надежду! Скажите хотя бы «ни»!

— Ни за что! Пока что замужество совершенно не входит в мои планы.

— А что же входит? — спрашивает синьор Армандо.

— Прежде всего,— говорит Дельфина,— я хочу понять кое-что во всей этой истории. Барон обещал нам что-то объяснить.

— Более чем справедливо,— вздыхает барон (сколько раз ему приходится вздыхать в этот день!). Так и быть!

— Давно пора,— замечают двадцать четыре генеральных директора, которые тоже поднялись наверх (двадцать четыре секретаря остались на лестнице, им не хватило места).

— В прошлом году в октябре я был в Египте...

Барон Ламберто открывает свой секрет. Рассказывает все по порядку, и Ансельмо все время кивает. А однажды даже прерывает барона, чтобы привести точные слова арабского святого, которого они встретили тогда случайно в тени Сфинкса: «Запомни, что человек, чье имя произносят, остается жить». Теперь двадцать четыре генеральных директора все понимают. От подозрения они переходят к волнению. Когда барон рассказывает о том, как бандиты отрезали ему ухо, затем палец, они не выдерживают — падают на колени, целуют ему руки, особенно новый палец. Кто-то целует даже в ухо. Когда барон рассказывает, как он проснулся в гробу, синьора Мерло крестится, а синьора Дзанци чуть не падает в обморок.

Ансельмо плачет и несколько раз роняет зонтик, который директора банков услужливо подают ему.

— Вот,— заканчивает барон,— вот и все! А теперь что вы скажете, если я предложу тост за здоровье всех присутствующих?

— Кстати, о здоровье,— говорит Дельфина.— Если я правильно поняла, это мы вернули вам ваше здоровье?

— Конечно.

— И даже, несмотря на то что мы не врачи,— продолжает Дельфина.— Мы даже лучше волшебников. Мы поддерживали жизнь этого важного господина нашими голосами, нашей работой. Даже не понимая ее смысла. Неделю за неделей, месяц за месяцем мы, как попугаи, повторяли там наверху его имя, не зная зачем. Кстати, а пластинка или магнитофон разве не дали бы тот же эффект?

— Нет, синьора,— объясняет Ансельмо.— Мы пробовали, не получается.

— Нужен был живой человеческий голос,— добавляет Дельфина,— нужны были наши легкие. Многие ме-

сяцы была в наших руках жизнь барона Ламберто, и мы не знали этого, даже не подозревали...

— Вот как? — с удивлением восклицает синьор Армандо. — Ведь мы могли бы потребовать увеличения зарплаты.

— Больше того, — поддерживает его синьор Джакомини, — мы, наверное, могли бы запросить даже целый миллиард. Вы, синьор барон, дали бы нам миллиард, если б мы попросили?

— Разумеется, — отвечает барон, — даже два!

— Но в таком случае, — растерянно говорит синьор Бергамини, — выходит, что нас в каком-то смысле обманули...

— Как это — обманули! — взрывается генеральный директор сингапурского банка. — Вам прекрасно платили! Нет, вы только послушайте их!..

— У рабочих, — замечает директор цюрихского банка, — всегда какие-то непомерные требования.

— Теперь, однако, — говорит Дельфина, — мы вам больше не нужны.

— О что вы! — спешит заверить ее барон. — Вы все будете нужны мне еще больше, любой ценой!

— Нет, синьор барон, — кричит с лестницы один из секретарей. — Не нужны!

— Как? Кто это там себе такое позволяет? Извольте знать свое место и помолчите!

Кажется, двадцать четыре генеральных директора сейчас все вместе набросятся на маленького секретаря и раздавят его своей тяжестью.

— Стойте, стойте! — останавливает их барон Ламберто. — Пусть он скажет... Идите-ка сюда и говорите спокойно.

— Синьор барон, — взволнованно объясняет секретарь. — Вам больше никто не нужен! Вот уже много часов, как никто не произносит ваше имя, а вы, насколько я могу судить, продолжаете жить, не испытывая никаких неприятных ощущений и нисколько не старея.

— Это верно! — восклицает Ансельмо. — Это действительно так, синьор барон.

— Верно, верно! — радостно соглашаются двадцать четыре генеральных директора.

Дельфина и ее друзья переглядываются. Барон смотрит на Дельфину. Похоже, дело принимает решающий поворот.

— Ансельмо, — говорит барон, — проверим.

Ансельмо достает из кармана свою записную книжечку и начинает проверять двадцать четыре болезни: скелет, мускулы, нервную и кровеносную системы и так далее. Все в порядке. Ни одна клетка не капризничает. Циркуляция ретикулоцитов увеличена.

— Интересно,— бормочет барон,— интересно... А я ведь и в самом деле чувствую себя, как в самые лучшие дни молодости. Как же так?

— Синьор барон,— продолжает маленький секретарь, решивший сделать карьеру,— причина абсолютно ясна. Все дело в том, что вы просто родились заново. Ваша прежняя жизнь, та, что висела на волоске и зависела от голосов этих шестерых... этих господ, окончена. А там, на озере, началась ваша вторая жизнь. Вам теперь больше никто не нужен! Никто!

— Любопытно,— говорит барон.— Возможно, это в самом деле так. Я действительно чувствую себя рожденным заново. Остается только взять новое имя, чтобы забыть прежнее. Как, по-вашему, имя Освальдо подойдет?

— Я позволил бы себе посоветовать вам имя Ренато,— снова рискует вмешаться маленький секретарь.

— Почему?

— Ренато означает рожденный заново. И кроме того... с вашего позволения, меня тоже зовут Ренато.

— Молодец! — восклицает барон.— Умный мальчик! Ансельмо, запиши адрес и фамилию. Заслуживает выдвижения по службе. Итак, мне кажется, что на этом мы можем закончить совещание.

— А мы? — спрашивает синьора Мерло.

— Мы уволены? — интересуется синьор Армандо.

— Без всякого вознаграждения? — хочет знать синьор Бергамини.

Двадцать четыре генеральных директора дружно протестуют:

— Еще и вознаграждения захотели!

Барон Ламберто-Ренато, напротив, улыбается. Странной улыбкой, однако. Похоже, он хочет над кем-то подшутить. Коварно подшутить...

— Ну да,— говорит он, поулыбавшись секунд сто,— вознаграждение будет. Ансельмо, приготовь каждому из этих уважаемых господ и дам... по мешочку сушеной ромашки! Выбери лучший год. Я бы посоветовал: Тибет, 1975 год.

— Прекрасно! — одобряют директора банков и их секретари.

— Великолепно! — восклицает маленький секретарь Ренато, помня, что железо надо ковать, пока оно горячо.

Дельфина и ее друзья озабочены и молчаливы. Даже растеряны. Даже рассержены. Пять пар глаз устремлены на Дельфину. Может быть, она найдет достойный ответ. Видно же, что она ищет его, — сдвинула брови и постукивает пальцем по колену.

Барон Ламберто тоже с любопытством смотрит на Дельфину. Некоторое время она молчит, глядя куда-то в пространство, непонятно куда — то ли изучает потолок, то ли смотрит в окно, за которым величественно проплывает белое облако.

— Хорошо, — говорит она наконец. — Мы принимаем щедрый дар синьора барона. Его ромашки ароматнее болгарских роз. Но мы тоже не хотим остаться в долгу, не так ли? — обращается она к товарищам. — Мне кажется, мы тоже можем кое-что подарить барону...

— Вот это правильно! — одобряет директор сингапурского банка. — Устройте складчину и подарите барону Ламберто какую-нибудь золотую или серебряную вещь.

— Кофейный сервиз, — предлагает директор амстердамского банка.

— Часы с кукушкой!

— Брелок для ключей в форме острова Сан-Джулио.

— Замолчите! — приказывает барон. — Послушаем Дельфину.

— Благодарю вас, синьор барон, — с легким поклоном отвечает она. — Итак, я предлагаю моим пятерым товарищам последний раз бесплатно показать синьору барону наше мастерство. Ведь он, если разобраться, так ни разу и не видел, как мы все вместе произносим его имя. Вы готовы?

И даже не глядя на своих растерявшихся товарищей, Дельфина начинает:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Вскоре набирается смелости и присоединяется к ней синьор Армандо:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

Затем подхватывают и остальные, вот они все говорят уже хором:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

«Красивые голоса, прекрасное произношение!» —

думает мажордом Ансельмо. Он очень доволен. Ведь это он в свое время выбрал этих шестерых из сотен желающих поступить на службу к барону Ламберто.

Барон слушает с легкой улыбочкой, которая точно оса шевелится в уголке его рта. Затем улыбочка исчезает. Ее сменяет выражение изумления. Двадцать четыре генеральных директора, минуту назад с любопытством наблюдавшие эту сцену, теперь тоже изумлены.

Дельфина ускоряет темп, отбивая ритм рукой по колену и жестом и взглядом побуждая своих товарищей говорить все быстрее:

— Ламберто, Ламберто, Ламберто...

С тем опытом, который у них есть за плечами, они быстро переходят от шестидесяти слов в минуту к восьмидесяти, к ста, к ста двадцати... Когда же они произносят двести слов в минуту, то становятся похожи на шестерых сорвавшихся с цепи, ругающихся дьяволов:

— Ламбертоламбертоламбертолам...

На глазах у присутствующих, все более изумляющихся, барон Ламберто-Ренато начинает молодеть, молодеет и продолжает молодеть дальше. Сейчас ему можно дать лет двадцать пять. Это юноша, который мог бы принять участие в студенческих спортивных играх, или молодой актер, который мог бы играть на сцене первых любовников. А Дельфина и ее товарищи все продолжают выстреливать его имя со скоростью автомата:

— Ламбертоламбертоламбертоламберто...

Когда барон достигает семнадцати лет, он становит-

ся таким тоненьким, что одежда повисает на нем мешком, и к тому же он теперь меньше ростом.

— Хватит! Остановитесь! — кричит испуганный Ансельмо.

Двадцать четыре директора, открыв от изумления рот, не могут вымолвить ни слова. Ламберто похож на ребенка, который надел костюм своего отца — брюки длиннее ног. С лица исчезли следы бороды. Сейчас ему лет пятнадцать...

— Ламбертоламбертоламбертоламбер...

— Хватит, ради бога!

Ламберто выглядит удивленным. Он явно не понимает, что происходит... Он подтягивает рукава пиджака, которые закрывают ему пальцы... Он трогает свое лицо...

Теперь — ему уже лет тринадцать, не больше...

И тут Дельфина умолкает, жестом показывая товарищам, что можно остановиться. Наступает необыкновенная тишина. Вдруг Ансельмо срывается с места, куда-то бежит и почти сразу возвращается с хорошеньким детским костюмчиком.

— Синьорино, не хотите ли переодеться? Это костюм, который вам подарили в тысяча девятьсот... Вернее, в 1896 году... Он немного старомодный, но такой миленький. Пойдемте, синьорино, пойдемте сюда...

Пока Ансельмо переодевает Ламберто в другой комнате, все слышат что-то всхлипывание. Это рыдает секретарь по имени Ренато.

— Я думал, — говорит он Дельфине сквозь слезы, — что вы больше не обладаете никакой властью над жизнью синьора барона! Увы, моя карьера окончена!

— Ну, ну, — утешает его Дельфина, — не расстраивайтесь, вы же так молоды, у вас впереди еще вся жизнь...

— Скажите мне хотя бы, в чем я допустил ошибку?

— В том, — терпеливо, как ребенку, объясняет ему Дельфина, — что вы создали теорию, но не позаботились проверить ее на опыте.

— Но ведь синьор барон действительно прекрасно чувствовал себя и в то время, когда никто не произносил его имя!

— Вполне возможно, что еще сказывался эффект похорон, когда столько людей бесплатно произносило его имя. Во всяком случае, я решила проверить. И, кроме того, мне захотелось узнать, что получится, если в этом эксперименте изменить скорость. Теперь вам все ясно?

— Конечно,— вздыхает Ренато,— у вас просто научный склад ума. Не хотите ли вы выйти за меня замуж?

— Нет, разумеется.

— Почему?

— Потому что нет.

— А, понимаю...

Но вот возвращается мажордом Ансельмо. Он ведет за руку синьора Ламберто. Это растерянный, смущенный ребенок, который останавливается, не зная что делать, и смотрит на окружающих так, словно никогда их не видел. При виде Дельфины, однако, робкая улыбка появляется у него на лице.

— Дельфина,— говорит он,— будь моей мамой!

— Только этого не хватало! — восклицает Дельфина.— Сначала он хотел жениться на мне, а теперь хочет, чтобы я стала его матерью. Видно, ему все время надо цепляться за меня, чтобы держаться на ногах.

Ламберто, похоже, вот-вот расплчется. Но тут генеральный директор сингапурского банка, успевший уже посоветоваться со своими коллегами, берет слово и заявляет:

— Синьор барон... Вернее... Гм... Гм... Синьорино... Положение, на наш взгляд, в корне изменилось. Вы уже не в том возрасте, чтобы быть президентом двадцати четырех банков в Италии, Швейцарии, Гонконге, Сингапуре и других городах... Нужно назначить вам опекуна, потому что вы несовершеннолетний. Мы позаботимся об этом на ближайшем совещании генеральных директоров... А пока нам пришла неплохая идея... Ваш юный и привлекательный облик... Нам кажется, вы словно созданы для того, чтобы волновать публику. Надо снять рекламный фильм для телевидения, в котором будет фигурировать сейф банка Ламберто и вы... Сейчас придумаем... Вы будете забираться в сейф и, улыбаясь, говорить: «Там внутри я чувствую себя так же спокойно и уверенно, как в моей колыбельке!» Вы согласны?

Ламберто смотрит на Ансельмо, на Дельфину, ожидая от них совета. Но Дельфина молчит. Он сам должен принять решение. Он сжимает кулаки и стискивает зубы... Некоторое время раздумывает, затем встает и твердо заявляет:

— И не подумаю! Моим опекуном будет Ансельмо. Он привык слушаться меня. А не кто-нибудь из вас, старые банковские совы! А я... Я буду учиться...

Его лицо освещается улыбкой. Наконец-то Ламберто улыбается весело и открыто. Он даже начинает прыгать по комнате.

— Я хочу стать циркачом! — восклицает он. — Это всегда было моей мечтой! И теперь у меня впереди целая жизнь, чтобы осуществить ее!

— Вот умница! — растроганно восклицает синьора Дзанци.

— Это нелепо, это невозможно и просто неприлично! — заявляет директор сингапурского банка.

— Это вы сами нелепы, неприличны и просто противны! — отвечает ему Ламберто.

— Молодец! — кричит синьора Мерло.

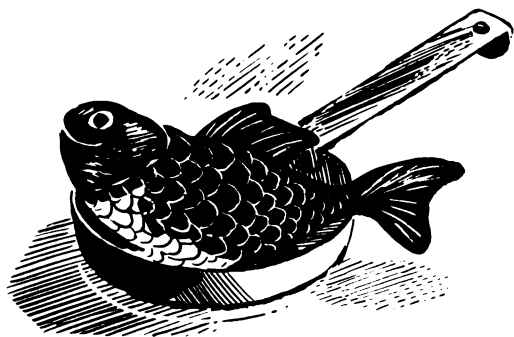
Директора банков говорят все сразу. Дельфина и ее товарищи тоже говорят все сразу. И Ансельмо тоже что-то говорит, пока Ламберто танцует, кричит и покает синьору из Сингапура язык.

— Я стану акробатом, буду летать на трапедии, жонглировать, ходить по канату, укрощать львов, придумывать клоунады, играть на трубе и барабанах, буду дрессировать моржей, слонов, собак, блох, двугорбых верблюдов...

Он будет!.. Он будет!.. Что он будет делать? Это никому не известно. Но зато Дельфина теперь очень довольна подарком, который преподнесла ему.

Как раз в этот момент синьор Джакомини, который просто так, чтобы не терять времени понапрасну, забросил удочку из окна, вытаскивает рыбу с килограмм весом.

— Кто сказал, — возбужденно восклицает он, — что это мертвое озеро! Ансельмо, готовь сковородку, будем жарить. А кто вздумает ругать озеро Орта, будет иметь дело со мной!

13. Эпилог

Сказки обычно начинаются с того, что какой-нибудь молодой человек или девушка после множества разных приключений становятся принцем или принцессой, женятся и устраивают пышную свадьбу. Эта же сказка началась с того, что девяносточетырехлетний старик после разных приключений становится тринадцатилетним мальчиком. Не обидит ли это читателя? Не думаю, потому что это можно убедительно объяснить.

Озеро Орта, на котором находится остров Сан-Джулио, где жил барон Ламберто, не похож на другие пьемонтские и ломбардские озера. У него, как говорится, своя голова на плечах. Оригинал, который вместо того чтобы слать свои воды на юг, как это послушно делают Лаго Маджоре, Комо и Гарда, отправляет их на север, словно хочет подарить их Монте Розе, а не Адриатическому морю.

Если вы приедете в Оменью и встанете на главной площади, то увидите, что река, вытекающая из озера, направляется прямо в сторону Альп. Это не бог весть какая большая река, но и не речушка. Она называется Ниголья.

Жители Оменьи очень гордятся этой своей непокорной рекой, даже стишок придумали:

В гору течет Ниголья-река --
Ей не писан закон, но послушны века.

Мне кажется, тут есть свой хороший смысл. Действительно, всегда надо думать своей головой. Разумеется, в конце концов море все равно получит то, что ему положено, потому что Ниголья после небольшой пробежки на север впадает в Строну, Страна несет свои воды в Точе, та в свою очередь — в Лаго Маджоре, отсюда в Тичино, затем в По и, наконец, в Адриатическое море. Так что порядок восстановлен. Но озеро Орта все равно довольно тем, что сделало.

Достаточно этого в качестве объяснения сказки, которая повинуетя только своим собственным законам? Будем надеяться, что да.

Ну а теперь остается только добавить, что двадцать четыре генеральных директора банков Ламберто, разъехавшись по домам, поспешили нанять на работу людей обоего пола и стали платить им за то, чтобы они по очереди днем и ночью беспрестанно повторяли их уважае-

мые имена. Они надеялись вылечить таким образом от своих болезней и заставить время идти вспять. Напрасно. У кого был ревматизм, так и остался с ним. Кто был лыс, так и не дождался появления хотя бы одного волоска на голове — ни светлого, ни темного. Кому стукнуло шестьдесят пять лет, не стало ни минутой меньше. Некоторые вещи происходят только однажды. И, по правде говоря, некоторые вещи могут происходить только в сказках.

Не всем понравится завершение этой истории. Хотя бы потому, например, что неизвестно, что будет дальше с бароном Ламберто и кем он станет, когда вырастет. Однако и тут есть выход из положения. Каждый читатель, которому не понравился финал, может заменить его своим собственным, добавив к этой сказке главу или две. Или даже тринадцать. Никогда не следует пугаться слова.

Анахорет — отшельник, живущий вдали от людей в пустынных местах.

Аннигилировать — от *аннигиляция* — уничтожение, исчезновение.

Аперитив — напиток, содержащий небольшое количество спирта, для возбуждения аппетита.

Арка Августа — памятник, воздвигнутый в Древнем Риме в честь побед императора Октавиана Августа.

Армада — большая группа кораблей, самолетов или танков, объединенных общим командованием.

Астероид — большой метеорит или малая планета Солнечной системы.

Берсальер — специальные части итальянской пехоты, отличающиеся меткой стрельбой и быстротой бега.

Гомункул — человек, которого, по мнению средневековых алхимиков, якобы можно создать искусственно в колбе.

Квестура — полицейское управление.

Клавичембало — так называли в Италии музыкальный инструмент клавесин — предшественник фортепиано.

Клан — в буржуазных странах большое, влиятельное семейство.

Командор — одно из высших званий в рыцарском ордене.

Круиз — морское путешествие с возвращением в порт, откуда оно началось.

Медиум — человек, обладающий мнимой способностью общаться с «потусторонним» миром.

Метафора — в литературном произведении выразительный прием, когда отличительные черты какого-нибудь предмета или явления переносятся на другие предметы или явления, выявляя неожиданные черты сходства.

Нерватура — сеть жилок на обратной стороне листьев.

Остерия — небольшое кафе или ресторанчик.

Пантеон — один из древнейших соборов в Риме, служащий усыпальницей выдающихся людей.

Пролегомены — введение в какое-нибудь научное исследование.

Регалии — знаки отличия, которыми удостоиваются за подвиги или большие заслуги (ордена, медали).

Регата — спортивное соревнование на воде — гонки гребных, парусных или моторных судов.

Ромул и Рем — легендарные основатели Рима — братья-близнецы, по преданию вскормленные молоком волчицы.

Сколопендра — ядовитое насекомое, похожее на гусеницу.

Травертин — легкий пористый камень, из которого в Италии построено множество домов.

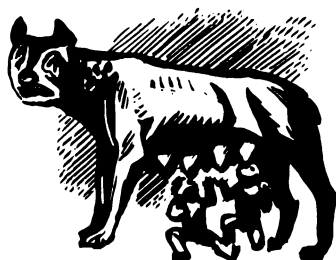
Троянский конь — огромный деревянный конь, в котором были спрятаны древнегреческие воины, осаждавшие Трою. Обманом он был введен в город. Греки вышли из коня и открыли ворота для своих войск.

Фарисеи — лицемеры.

Эмпайр стейт Билдинг — один из самых высоких небоскребов в Нью-Йорке.

Элениум — название успокоительного средства.

Этруски — древний народ, живший до римлян на территории Северной Италии.

Содержание

КАКИЕ БЫВАЮТ ОШИБКИ	3
Между нами, взрослыми, говоря	4
Быть и иметь	5
Падающая башня	6
Италия с маленькой буквы	7
Самый большой молодец на свете	10
Поменялись головами	10
Печальный Энрико	11
Спелое небо	13
Черт	14
Реформа грамматики	15
Великий изобретатель	16
Кто командует?	17
Как лису хоронили	17
Неверное эхо	18
Два верблюда	19
Две республики	20
Жалоба глаза	21
Рыбы	21
Мальчик и стол	22
Маленький диалог	22
Число 33	22
Открытка	23
Музыкальная история	23
Уменьшаюсь!	24
Птицы	24
Цепь	25
Журналы	25
Кем я стану	25
Старые Пословицы	27
Когда осел полетит	28
Бухгалтер и бора	30
Встреча с волшебниками	33
Гвидоберто и этруски	36
Пигмалион	40
Тракт о Бэфане — доброй волшебнице, которая приносит итальянским де- тям новогодние подарки	42
Страна Без Ошибок	50
ПЛАНЕТА НОВОГОДНИХ ЕЛОК	51
Человек в небе!	52
Небольшое отступление	52
Синьор Экс-Паулюс	53
Планета Ясная	55
Деревянная лошадка	56

Собаки-пересобаки	58
Высадка в пижаме	60
Новый гид	61
Забавный календарь	62
Можно ломать все что угодно!	66
Движущиеся скамейки	69
Воруй сколько хочешь	70
Слово «платить»	72
Мятная гроза	74
«Удачи всем, кто прочитал!»	77
Триумф Этельредуса	79
Напрасный удар	80
Пробуждение	81
Робот вяжет на спицах?	82
Отвечает № 17	84
Опасные эксперименты	85
Магазин игрушек	87
Хотите стать императором?	89
Магазин новинок	91
Изобретение суперкости	92
Памятник Марко	94
Преследование	98
Дворец Правительства-Которого-Нет	99
Президент Маркус	101
5«а»	102
Троянские лошадки-качалки	104
Беги, Марко!	105
Ангар № 45	107
Возвращение в Тестаччо	108
Пыль, которая пахнет ландышем	109
Старинный календарь Планеты Ново- годних Елок	112

СКАЗКИ, У КОТОРЫХ ТРИ КОНЦА

Давайте играть!	120
Волшебный барабан	121
Хитрый Буратино	126
Эти бедные привидения	131
Собака, которая не умела лаять	135
Дом в пустыне	140
Дудочник и автомобили	146
Круг по городу	151
Шляпный дождь над Миланом	156
В чем люди одинаковы	160
Профессор Ужасниус	165
Кто-то плачет	170
Волшебник Вклю-Чу	174
Приключение Ринальдо	179
Кольцо пастуха	184
Такси к звездам	188
Как болел Тино	194

История с телевизором	199
Сто лир в кармане	204
Большая морковь	208
Кот-путешественник	211
Какие концы сказок нравятся автору	215

• **НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК 219**

Песня железной ограды	220
Сиренида	224
Игра в четыре угла	231
Подарочные мышки	238
Агент X.99	249
Новогодний подарок	264
Мисс Вселенная с зелено-венерианскими глазами	274
Робот, который захотел спать	281
Принц Пломбир	289
Уйду к кошкам	295
Все началось с крокодила	301
Мотти и Пакетик	309
Кукла на транзисторах	319
Зеленое яйцо	325
Неопознанный самолет	332

РИМСКИЕ ФАНТАЗИИ 339

Как Марко и Мирко ловили бандитов Карлино, Карло, Карлино, или Как отучить ребят от плохих привычек	340
Венецию надо спасать, или Как просто стать рыбой	347
Как Марко и Мирко играли с чертом	353
Почтальон из Чивитавеккья	359
Коровы из Випетено	365
Мистер Каппа и «Обрученные»	372
Роза и хлыст	379
Рыболов с моста Гарибальди	385
Волшебники на стадионе	391
Коллекционер	397
Вся жизнь — этология!	404
Десять килограммов Луны	411
Могущество пустых банок	419
Профессор Угрозный, или Смерть Юлия Цезаря	424
Пришельцы и Пизанская башня	430
Для кого прядут три старушки	436
	443

ЖИЛ-БЫЛ ДВАЖДЫ БАРОН ЛАМБЕРТО, ИЛИ ЧУДЕСА ОСТРОВА САН-ДЖУЛИО 449

Родари Дж.

Р 60 **Новогодний подарок: Пер. с итал. И. Г. Константиновой. — Л.: Лениздат, 1985. — 543 с., ил.**

В книгу входят сказки и фантазии, объединенные в циклы: «Какие бывают ошибки», «Сказки, у которых три конца», «Новогодний подарок», «Римские фантазии», а также две повести-сказки: «Планета Новогодних Елок» и «Жил-был дважды барон Ламберто». Написаны они в разные годы. Большинство произведений впервые переведено на русский язык.

Р 4803020000—305
М171(03)—85 **252—85**

84.4 Ит

Для среднего и старшего возраста

Джанни Родари НОВОГОДНИЙ ПОДАРОК

Перевод с итальянского И. Г. Константиновой

Заведующий редакцией А. И. Белинский
Редактор А. А. Девель
Мл. редактор В. М. Шевелева
Художник В. И. Боковия
Художественный редактор Б. Г. Смирнов
Технический редактор В. И. Демьяненко
Корректор В. Д. Чаленко

ИБ № 3292

Сдано в набор 05.10.84. Подписано к печати 06.09.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Гарн. литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 28,56. Усл. кр.-отт. 29,82. Уч.-изд. л. 30,12. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1238. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59.
Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии, 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

1 р. 40 к.

